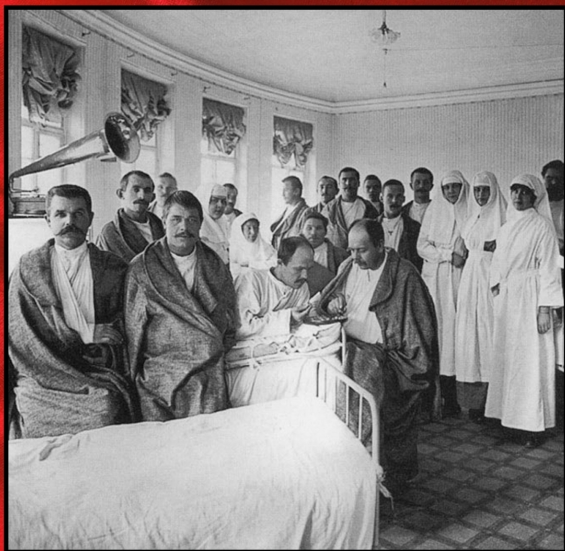

АЛЕКСЕЙ БЕЛОВ-СКАРЯТИН

МИРЫ ЭРЫ

КНИГА ВТОРАЯ. КРАХ И НАДЕЖДА

**ПО ПРОИЗВЕДЕНИЯМ
ИРИНЫ СКАРЯТИНОЙ**

12+

Алексей Белов-Скарятин

Миры Эры. Книга

Вторая. Крах и Надежда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67841241

SelfPub; 2023

Аннотация

Данное произведение является вторым в цикле исторических романов под общим названием "Миры Эры", повествующем о разных этапах жизни Ирины Владимировны Скарятиной – одной из ярчайших представительниц древнего дворянского рода, чья нелёгкая, но очень интересная судьба отразила все эпохальные события, имевшие место в России и в мире первой половины XX века. Здесь описывается 17-летний период (с 1905-го по 1922-ой), ставший для неё временем невзгод и разочарований, лишений и потерь, полного краха привычного уклада и материального благополучия, когда лишь врождённые оптимизм и жизнелюбие, воспитание и дисциплина, а также прекрасное чувство юмора и умение логически мыслить помогли ей перенести тяжелейшие испытания и выжить, не сломавшись, не пойдя против своей совести и сохранив надежду на лучшее. Именно поэтому книга, столь созвучная и тем тектоническим сдвигам в мироустройстве, которые происходят прямо сейчас, на наших глазах, получила название "Крах и Надежда".

Содержание

Предисловие	5
Часть Первая. Перед Революцией	11
Лето 1905-го	14
Первый выход в свет	43
Помолвка	55
Замужество	63
Развод Мэри	77
Война	135
Часть Вторая. Дневник Революции	140
Февраль 1917-го	143
Отречение и комитеты	156
Марсово поле и концерт	187
Страстная неделя	199
Ленин и экзамены	205
Дача в Царском и арест	216
Поездка в Саратов	234
Июльский кризис	247
Слухи и страхи	264
Корниловский мятеж	276
Республика и собаки	283
Октябрь 1917-го	293
Болезнь и грабёж	305
Роспуск Собрания	317

Продолжение грабежа	320
Как первые христиане	327
Комиссар, скорбь и покой	337
Холодная зима 1919-го	348
Часть Третья. Жертвы Революции	367
Усадьба и библиотека	370
Генерал	430
Маззи	451
Скитания	474
Первый арест	492
На грани	518
Отъезд и злоклучения	532
На той стороне	558
Благодарности	573

Алексей Белов-Скарятин

Миры Эры. Книга Вторая. Крах и Надежда

Предисловие

Данное произведение является вторым в цикле исторических романов под общим названием *"Миры Эры"*, повествующем о разных этапах жизни Ирины Владимировны Скарятиной – одной из ярчайших представительниц древнего дворянского рода, чья нелёгкая, но очень интересная судьба отразила все эпохальные события, имевшие место в России и в мире первой половины XX века. И если в прошлой книге, получившейся весьма тёплой и светлой, речь шла о в общем-то радостном и счастливом, без малого семнадцатилетнем периоде детства и ранней юности Эры (так звали Ирину близкие и друзья) в Российской Империи конца XIX – начала XX века, то жанр этого романа, кардинально отличающегося по содержанию, можно смело охарактеризовать как "оптимистическая трагедия" (в коннотации, отличной от той, что была заложена в названии известной пьесы Вишневского), ведь здесь рассказывается о последующих семнадцати годах бурной биографии нашей героини, ставших для неё

временем невзгод и разочарований, лишений и потерь, полного краха привычного уклада и материального благополучия, когда лишь врождённые оптимизм и жизнелюбие, заложенные родителями и учителями воспитание и дисциплина, а также прекрасное чувство юмора и умение логически мыслить, подмечая самое важное и действуя соответственно, помогли ей перенести тяжелейшие испытания и выжить, не сломавшись, не пойдя против своей совести и сохранив надежду на лучшее.

Именно поэтому предлагаемая Вам книга, столь созвучная и тем тектоническим сдвигам в мироустройстве, которые происходят прямо сейчас, на наших глазах, получила название *"Крах и Надежда"*. В её основе лежит художественный перевод второй и третьей частей собственного самого раннего произведения Ирины *"A World Can End"* (*"Мир может закончиться"*), напечатанного в США в 1931-ом году, а также отдельных отрывков из следующего романа писательницы *"A World Begins"* (*"Мир начинается"*), увидевшего свет годом позже. Иринина сюжетная линия дополнена моими главами, описывающими случившееся на протяжении указанных семнадцати лет (с 1905-го по 1922-ой) как с другими членами семьи Скарятиных, так и с их окружением, включая и полный страстей разрыв её старшей сестры Мэри со своим супругом, бароном Николаем Александровичем Врангелем, и печальную послереволюционную судьбу знаменитейшей усадебной библиотеки Скарятиных, а также самого по-

местья в Троицком Орловской губернии, и многое другое.

Вот что писалось в американских газетах после публикации первого романа Ирины, которая к тому времени уже была замужем за отставным офицером военно-морских сил США Виктором Блэксли:

"*Мир может закончиться*' находят одним из самых ценных и интересных документов, повествующих о русской революции с точки зрения представителя дворянства. Он написан в простом, драматическом стиле и основан на материалах, как говорится, из первых рук. Будучи в период революции в возрасте двадцати с небольшим лет, автор – ныне миссис Блэксли из Пенсильвании – представила в своей книге необычайно живой и яркий личный отчёт о катастрофе, вызывающей неподдельный интерес у любого человека за пределами России" (*Нэшвилл Баннер*, 26/07/1931).

"Рассказ становится ещё более захватывающим благодаря тому факту, что автор – интеллеktуал и опытный наблюдатель, который близко соприкоснулся со всеми волнующими событиями и смог дать их чёткое, достоверное описание" (*Хантсвилл Таймс*, 07/08/1931).

"Ирине Скарятинной, чья книга *'Мир может закончиться'* только что вышла из печати, удалось своим рассказом о русской революции преумножить наши страхи, и самым ужасным является то, что её дневниковые записи – абсолютная правда" (*Чаттануга Ньюс*, 15/08/1931).

"*Мир может закончиться*' неизбежно будут сравнивать с

книгой великой русской княгини Марии *'Воспитание принцессы'*. И хотя *'Воспитание принцессы'* – это интересная история личного опыта, однако *'Мир может закончиться'* преподносит нам гораздо большее. Это правдивая, вызывающая сострадание страница из истории великой нации" (*Лексингтон Лидер*, 23/08/1931).

"Молодая графиня оставалась в Петрограде и в течение грозных *'десяти дней, которые потрясли мир'*, и в последующие страшные месяцы. Она не только видела всё, разворачивавшееся в эпицентре бури, но и добросовестно фиксировала происходящее в своём дневнике, перевод которого занимает бóльшую часть её книги" (*Салем Ньюс*, 27/08/1931).

"Бывшая графиня Ирина Владимировна Келлер¹ стала свидетелем многих трагедий, причинённых русской революцией, но она сохраняет терпимость к захватившим её родину *'красным'*, объясняя свою поразительную позицию так: *'Можно ли злиться на этап истории?'*" (*Корсикана Дэйли Сан*, 28/08/1931).

"У этой книги есть и другие достоинства, помимо рассказа о чудовищных событиях. Ей удаётся подчеркнуть их темп. Дана душещипательная картина медлительности, с которой аристократия осознаёт, что мир может закончиться. Ясно демонстрируется неуверенность и даже стеснительность, с которой русские низы отбрасывают вековую привычку рабо-

---

¹ Незадолго до революции Ирина развелась со своим первым мужем, графом Александром Фёдоровичем Келлером.

лепствовать ради сомнительных посулов новых властей. Всё это относится к области настоящей литературы. Дабы из вышесказанного не создавалось впечатления, что данная история удручающа, стоит добавить, что, как и следует ожидать в случае отважно пережитого бесценного опыта, его трагические моменты были смягчены великолепным чувством юмора и преодолены с истинным благородством" (*Чаттануга* *Дэйли Таймс*, 20/09/1931).

Сложно что-либо ещё добавить к написанному американскими журналистами и критиками, кроме того, что, даже пройдя через весь ужас почти пяти послереволюционных лет, чудом избежав расстрела и получив уникальную возможность лишь в 1922-ом году (получается, ровно 100 лет назад) официально выехать в эмиграцию, Ирина всегда продолжала по-настоящему любить свою Родину, говоря: "Там всё та же земля, то же небо и те же люди", – а также неоднократно посетив впоследствии СССР и очень много сделав для налаживания связей и понимания между советскими людьми и жителями США, но об этом я поведаю в следующих книгах цикла *"Миры Эры"*. А пока просто хочу напомнить, что в финале прошлого романа *"Старая Россия"* Ирина, будучи совсем юной шестнадцатилетней девой, встречает свою первую любовь – друга её старшего брата Мики, юношу по имени Петя, приехавшего в мае 1905-го года погостить у них в Троицком. В течение своего недолгого знакомства молодые люди проникаются взаимными романтическими чув-

ствами, но вскорости Пете приходится уехать, и на вокзале в ожидании поезда он пишет записку, содержащую посвящённые ей лирические строки с надеждой на новую встречу.

Посвящается памяти всех моих предков и их родственников, включая Ирину Скарятину, на чьих романах основана эта книга, и её пожилых родителей, кому пришлось пережить страшные годы революции, гражданской войны и разрухи или суждено было сгинуть в их хаосе.

Часть Первая. Перед Революцией

Фотография Ирины Скарятиной в образе крестьянки (лето 1914-го года, парк усадьбы в Троицком)

Лето 1905-го

Ирина Скарятина – от первого лица

Полностью прощальное Петино стихотворение на маленьком клочке бумаги, помещённом мной в палисандровую шкатулку, однако чуть ли не каждый день доставаемом в неизменном волнении и потому в конечном итоге зачитанном до дыр, звучало так:

"В сих виршах с трудом я могу передать,
Как грустно тебя мне, мой друг, покидать.
С тоской размышляя про третий звонок²,
Сижу и вздыхаю, как перст одинок.

Угрюмо мешая в стакане свой чай,
Я вновь вспоминаю волшебный наш май.

Хотя ты совсем ещё недалеко,
Унылую мысль отогнать нелегко:
Лишь сяду в вагон, как колёсная сталь
Меня унесёт в несусветную даль.

Однако та вера, что скоро совсем

---

² Имеется в виду принятый в те времена способ сигнализации с использованием станционного колокола. С третьим звонком поезд отправлялся.

Назад возвращусь я, от счастья нем,
Чтоб пылко и страстно тебя обожать,
Мне силы даёт эту грусть подавлять.

Но – чу! Долетел паровозный гудок.
Пора завершать написание строк.

Спешу я послать свой прощальный привет,
Завидев сквозь пар наплывающий свет
Под скрежет колёс на железном пути.
Ах, милая девочка, жди меня, жди!"

И, конечно же, я ждала его всей душой, изнывая от нетерпения, и в своих ежедневных мыслях вновь и вновь представляла себе, как же всё произойдёт во время нашей будущей встречи, и где это может случиться. Сейчас, по прошествии многих лет, мне не вспоминается из той поры ничего, что могло бы быть хоть сколь-нибудь важнее поглотившего меня тягостного ожидания и связанных с ним переживаний.

Лишь моей обожаемой астрономии удавалось на время отвлечь меня, унося в иные миры. Вечер за вечером я проводила у своего большого бронзового телескопа. Обычно, когда ночь ожидалась тёплой, я устанавливала его на балконе, где вид неба был прекрасен, хотя горизонт и слегка прикрыт высокими деревьями парка. Если же находиться на балконе было зябко, то я открывала окно в старой детской (где

продолжала ночевать вплоть до замужества) и, положив телескоп на подоконник, довольствовалась лишь малой частью небесной панорамы. Как же я любила свою старую детскую! В ней никогда ничего не менялось, и на своих привычных местах стояли милые сердцу игрушки и вещи: большой кукольный дом с четырьмя комнатами, моя любимица – кукла Эсмеральда, возлежащая на своей розовой кровати, белый шкаф со стеклянными дверцами, заполненный книгами моего детства, и картинки на стене, вырезанные Наной³ из какого-то допотопного английского журнала задолго до моего рождения. Эта комната явно обладала некими чарами, которые, казалось, становились всё сильнее по мере того, как я росла, и привязывали меня к ней с неизменным чувством полусчастья-полупечали. И было невозможно определить, где проходит грань между этими составляющими, поскольку они странным образом переплетались, частенько заставляя сердце внезапно сжиматься от боли в самые счастливые моменты. Но эта боль была того свойства, что мы в России называем "сладкой болью", и что присуща, по всей видимости, нашему национальному характеру, пронизанному от природы прожилками неизъяснимой грусти.

Лучшими же часами, несомненно, были те, что я проводила, стоя на коленях у окна и направляя свой телескоп на

---

³ Для тех, кто не читал роман *"Миры Эры. Книга Первая. Старая Россия"*: Наной все в семье Скарятиных называли английскую няню Ирины, мисс Дженнингс.

Луну, сначала медленно появляющуюся из-за верхушек деревьев, которые на фоне огромного серебряного диска превращались на несколько минут в замысловатые узоры, похожие на кружево из лезвий. Но по мере того как Луна поднималась выше, кружево постепенно трансформировалось в длинные заострённые пальцы, которые, казалось, пытались всеми силами удержать её за краешек, и мне чудилось, что я вижу, как она, широко улыбаясь и весело подмигивая мне, спокойно высвобождается из их когтей и плывёт в чистое небо.

"Море Спокойствия, Океан Бурь, Залив Ирисов, Кратер Коперника", – шептала я с благоговением, рассматривая через окуляр свои любимые лунные пейзажи с гордым чувством обладания. Тогда же я сочинила несколько лунных поэм, в основном на французском, лихорадочно записывая их при серебристом свете, которым они были вдохновлены. Временами я оглядывала свою детскую, наполовину залитую этим светом, наполовину скрытую глубокими чёрными тенями, казавшимися нереальными и даже пугающими, и – хотя я прекрасно знала, что в том тёмном углу стоит знакомый кукольный дом, а в другом мирно спит Эсмеральда – я чувствовала, что в темноте таится мир, который не имеет ничего общего с моими игрушками, и в нём скрываются таинственные существа, населяющие безграничное и призрачное царство Непознанного. Когда же лучи наконец достигали этих уголков, наполняя их жизнью, я с огромным облегчением

вздыхала и возвращалась к своему телескопу.

Второй любимейшей после Луны планетой являлся Юпитер, поскольку в одну из давних рождественских ночей я была очень впечатлена историей о том, что родилась именно под ним (это поведал мне Дока⁴ во время нашего самого первого урока астрономии), и с тех пор твёрдо верила в это. Следующим шёл Сатурн, и когда я впервые разглядела его кольца, то буквально плакала от радости.

Есть ещё несколько сцен, всплывающих в моей памяти, когда я думаю о том далёком времени. И одна возникает перед глазами чаще других.

Это день в самом начале осени, когда на солнце ещё жарко, а под сенью деревьев уже чуть более прохладно, чем хотелось бы, и небо слишком синее, и свет ярок и золотист, и тени резки и черны. Мы все сидим в низких плетёных креслах под старым дубом, где сильно пахнет фиалками, хотя ни одна из них не цветёт. Там мы читаем, пишем и переговариваемся друг с другом почти шёпотом, чтобы не нарушать великую тишину вокруг нас. Маззи⁵ что-то мягко рассказывает о прочитанных ею книгах: это и Тагор⁶, и Аделаида Пр-

---

⁴ Для тех, кто не читал роман *"Миры Эры. Книга Первая. Старая Россия"*: Докой все в семье Скарятиных называли семейного доктора, Иосифа Адамовича Круковича, поляка по происхождению.

⁵ Так Ирина называла свою мать, Марию Михайловну, урождённую княжну Лобанову-Ростовскую.

⁶ Рабиндранат Тагор – известный индийский писатель, поэт, композитор, художник и общественный деятель.

октер⁷, и какой-то новый писатель, о котором я никогда не слышала. Я сижу чуть в стороне от всех, с блокнотом на коленях, пытаюсь выразить в нём свои мысли и чувства. Заметки, наброски, стихи – всё это беспорядочно сыплется из-под моего трудолюбивого карандаша, такое детское и трогательное. Мне очень хочется выплеснуть на бумагу то, что я думаю и чувствую, и будучи поглощена этим, я сохраняю возвышенное и ликующее настроение. Однако стоит мне замереть, дабы перечитать написанное, и я в ужасе понимаю, что получилось совсем не то, что я хотела. Внезапно листья на старом дубе начинают шелестеть, и свежий ветерок проникает в укутывающий нас кокон тепла.

"Становится холодно", – говорит Маззи, заставляя меня перейти в дом, чтобы уже там дожидаться времени чаепития. Это тоже один из моих любимых часов! Большая столовая с её панелями из тёмного дуба и камином из зелёного мрамора, длинный стол с сияющим самоваром и множеством чашек, стаканов и блюд с пирожными и прочими вкусностями, семья и гости, съезжающиеся со всей округи, и разговоры, которые так увлекательны, ведь у каждого есть нечто особенное, чем он спешит поделиться. Генерал⁸ говорит о крестьянах, урожае и лошадях; Маззи – о своём саде, книгах и различных планах, поскольку она всегда полна новых идей, ко-

---

⁷ Аделаида Энн Проктер – британская поэтесса и филантроп.

⁸ Так Ирина называла своего отца, Владимира Владимировича Скарятину.

торые меня восхищают; Профессор⁹ – о политике; мой брат Мики – о собаках и охоте, а сидящая рядом со мной моя гувернантка Мадемуазель Берта тихонько бормочет о своей родине, Эльзас-Лотарингии, и о городе, где она родилась, – Нанси. Эти звуковые волны накатывают и отступают, перемешиваются и вздымаются вокруг меня, словно пенный прибой. Время от времени говорящие делают паузу, чтобы вежливо выслушать друг друга, но лишь на краткий миг, а затем вновь уходят в себя, возвращаясь к своим монологам – как бы мечтая вслух и пребывая при этом в благодном состоянии, ведь горячий чай согревает, а вкусные десерты сглаживают все углы. И я думаю о святом старце, что советовал есть сладкое, дабы избавиться от горьких и кислых мыслей, и я смотрю на этих добрых и чудесных людей за столом, внезапно чувствуя себя настолько счастливой, что тут же раздражаюсь громким смехом.

"Что тебя так развеселило, Мисс Хохотунья?" – строго, но с лукавым блеском в глазах вопрошает Профессор, и: "В чём дело, что за 'смех глупых'¹⁰, Мартышка из мартышек?" – вторит ему Мики, пытаясь пнуть меня под столом.

"Ни в чём, – отвечаю я, продолжая смеяться. – Совершенно"

---

⁹ Для тех, кто не читал роман *"Миры Эры. Книга Первая. Старая Россия"*: Профессором все в семье Скарятиных называли семейного учителя, Николая Алексеевича Максимовича.

¹⁰ Подразумеваются стихи 5 и 6 главы 7 книги Екклесиаста: "Лучше слушать обличения от мудрого, нежели слушать песни глупых; потому что смех глупых то же, что треск тернового хвороста под котлом. И это – суета!"

но ни в чём, просто все здесь так милы, так необычайно милы, что я не смогла удержаться!"

Потом это видение исчезает, сменяясь другим, и теперь перед моим мысленным взором – поздняя осень и утреннее солнце, которое почти не греет. Двор полон верховых лошадей, чьи блестящие красивые бока лоснятся, сёдла поскрипывают, а копыта нетерпеливо бьют оземь. Конюхи, с трудом удерживающие их, тревожно поглядывают на двери, очень надеясь, что всадники скоро выйдут. Первым появляется Мики в куртке для верховой езды, бриджах, высоких сапогах со шпорами и с висящим на боку охотничьим рогом. Он бодр и румян, однако очень серьёзен, поскольку охота – это не шутки. Следом всей толпой выходят остальные, садятся на коней и степенно уезжают, ведя на длинных поводках по паре огромных борзых собак. Впереди их ожидает долгий день, посвящённый облаве на зайцев, лис и волков. Поскольку я терпеть не могу, когда убивают животных, и намеренно распугиваю их, как только представляется такая возможность, меня предпочитают оставить дома, чтобы позже привезти вместе с Маззи на охотничий завтрак. На укромной поляне стоит длинный стол, вокруг которого расставлены стулья и расстелены ковры. Рядом суетятся повар с помощниками, дворецкий и прочие слуги. Дымный запах еды, готовящейся на потрескивающем костре; фырканье невидимых лошадей где-то поблизости; редкое рычание борзых; шумные обсуждения охотников, а чуть поодаль –

их трофеи: тощие седые волки, золотые лисы и серебряные зайцы, которые даже мёртвыми сохраняют забавный вид, – разложены на траве и подвешены на шестах, невольно наводящих на мысль о мясной лавке. И над всем этим, в обрамлении блёкло-голубого неба, всё то же бледное и холодное солнце конца осени.

Фотографии из охотничьего альбома Михаила (Мики) Скарятин (окрестности усадьбы в Троицком):

"Чаща" и "Лизба"

Топ. Ломко и маньчжурской породы

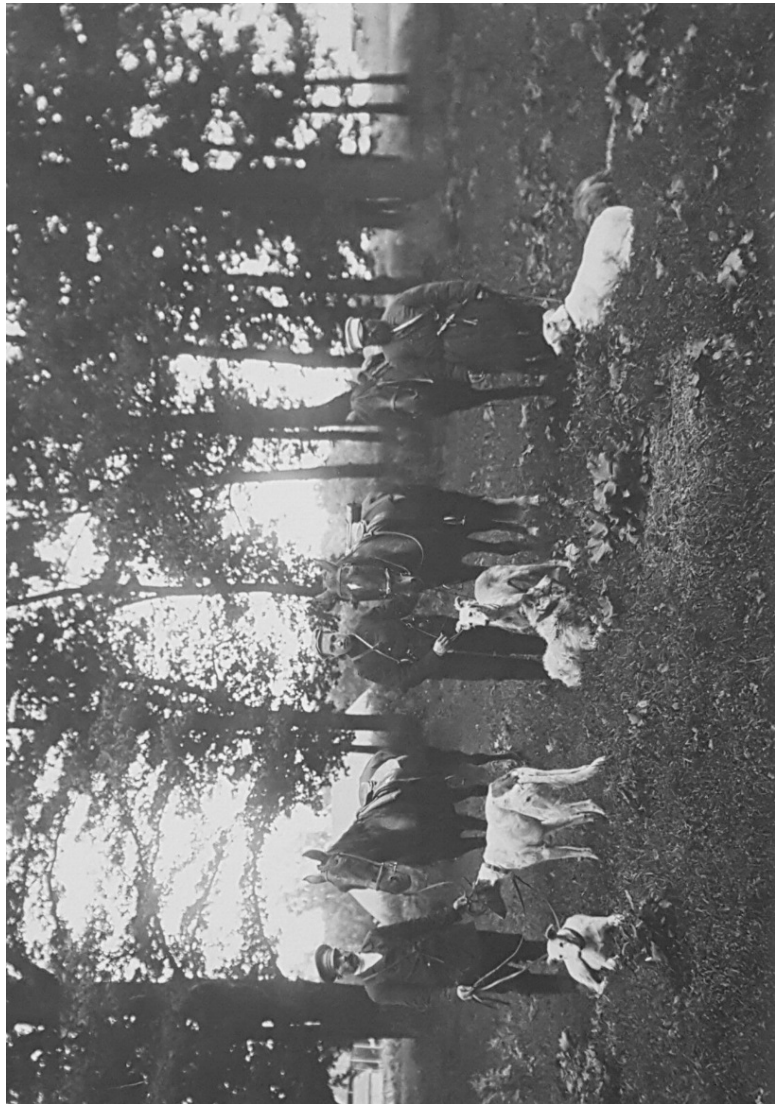

"Тарзан"
С. П.

"Нарва", "Красный" и "Самаритяне"
(Первооселенцы)

Зубинская на охоте

Первый выход в свет

Любовные томления того лета постепенно ввели меня в состояние "средне-викторианского спада"¹¹, сделав настолько худой, вялой и бледной, что приехавшая погостить Ольга¹², однажды застав меня в слезах и выведав мой маленький секрет, тотчас убедила Маззи устроить мне первый выход в свет той же осенью, ровно на год раньше, чем задумывалось.

Итак, после традиционного визита в Гомель¹³ мы в начале ноября прибыли в Петербург, где меня тут же закружил волнующий водоворот новых платьев, новых шляпок, новых туфель, которые выбирались, покупались и подгонялись перед моим дебютом.

Первым делом меня официально представили ко Двору: сначала императрице Александре, после неё вдовствующей императрице Марии, а затем и всем старшим великим княгиням. Я не знаю, отчего эти чинные и церемонные дворцо-

---

¹¹ Подразумевается экономический спад в Англии во второй половине XIX века, наступивший после слишком быстрого промышленного развития в начале викторианской эпохи – периода правления королевы Виктории (с 1837 по 1901 год).

¹² Вторая по старшинству из четырёх детей в семье Скарятиных (на 9 лет старше Ирины), в ту пору уже бывшая замужем за графом Георгием Павловичем Беннигсенем.

¹³ Во дворец Паскевичей, родственников Ирины по материнской линии, детально описанный в романе *"Миры Эры. Книга Первая. Старая Россия"*.

вые приёмы казались мне ужасно потешными, но это было так, и приходилось демонстрировать недюжинное самообладание, дабы не рассмеяться, совершая череду придворных реверансов, отвечая на милостиво заданные вопросы, кланяясь и пятясь из гостиных. Но однажды я всё же откровенно расхохоталась, к полному ужасу Маззи, когда весьма тучная дама, войдя перед нами и низко присев в реверансе, заставила свою обтягивающую и скреплённую ненадёжными застёжками атласную юбку внезапно и с громким треском распахнуться прямо на её чреслах.

"Нет, Малышка, нет!" – услышала я отчаянный шёпот Маззи, пока, вся трясась от смеха, зажимала рот платком как раз в тот миг, когда к нам подошла императрица. Благо-склонно улыбнувшись мне, она задала какой-то вопрос, на что я, давась, смогла пробормотать лишь пару фраз.

"Похоже, Ваша девочка весела и счастлива", – было её единственным замечанием о моём позорном поведении, когда она, прежде чем проследовать к другим дамам, повернулась к Маззи для короткой беседы.

"Ты дрянная девчонка, и я очень зла на тебя!" – прошипела Маззи, когда императрица уже не могла её слышать, но это оказалось не способно остановить приступ, ведь тучная дама, наконец-то осознав происшедшее, в волнении пыталась справиться со своим застёжками при помощи обеих рук, уронив при этом и носовой платок, и сумочку, и веер. Я так и просмеялась на протяжении всего обеда в Зимнем

дворце, пока Маззи не сказала предельно сурово, что никогда не видела такого позора при Дворе и впредь больше ни за что меня туда не приведёт!

Тем не менее это не помешало ей представить меня и другим царственным особам, а мне в целом удалось больше не посрамить себя, за исключением единственного раза, когда одна из старых великих княгинь спросила стоявшую рядом со мной на приёме девушку, как поживает её дорогой отец, забыв, по всей видимости, что тот уже несколько лет как скончался, на что та, будучи захваченной врасплох, не нашла ничего лучше, как с улыбкой произнести: "Спасибо, Ваше Высочество, с ним всё в порядке". Этого было достаточно, чтобы я, несмотря на строгий и предостерегающий взгляд Маззи, взорвалась гомерическим хохотом, тогда как великая княгиня, подняв свой лорнет, уставилась на меня с холодным осуждением.

На мой первый бал, устраивавшийся моей тётёй Китти Балашовой в её огромном доме на Морской улице, я надела белое шёлковое платье, дополнив его венком из белых цветов и таким же букетиком. Единственными украшениями стали большой бриллиантовый кулон в виде звезды, полученный мною от Маззи незадолго до бала, и кольцо с алмазом и лунным камнем, которое тётя Китти прислала мне в честь моего дебюта. Я знала, что на том балу снова увижу Петю после почти семимесячной разлуки, в течение которой от него не было никаких вестей, и потому пребывала в лихорадке воз-

буждения во все предшествующие недели. Когда же наконец великий день настал, я совершенно ничего не способна была делать, кроме как постоянно смотреть на часы, начиная с той минуты, как проснулась, и до тех пор, пока не подошло время одеваться к балу: ни есть, ни читать, ни отвлечься на что-либо иное, кроме как, глядя на часы, думать, как же бесконечно медленно они идут. Однако процесс одевания оказался похож на магический ритуал: тёплая благоухающая ванна; первая в моей жизни пара шёлковых чулок; тонко вышитая сорочка, покрытая валансьенскими кружевами, и такие же панталончики; белый атласный корсет и белая шёлковая нижняя юбка с тесёмками; танцевальные туфли и само бальное платье – всё это казалось частью волшебства. Как только я высвободилась из рук горничной, принаряженная и готовая к выходу, Маззи надела мне на шею тонкую платиновую цепочку с бриллиантовой звездой, а на палец – кольцо от тёти Китти. Затем мне на плечи накинули лёгкую пелерину из лебяжьего пуха, а в прихожей уже ждал лакей, с серьёзным видом державший мою новую шёлковую шубку на меховой подкладке, пришедшую на смену розовому суконному пальтишке.

Спустившись по лестнице и пройдя через холл, мы сели в экипаж, где наши колени тут же были заботливо укутаны в меховой плед, а внутреннее пространство быстро наполнилось сладким запахом фиалок – ароматом любимых духов Маззи.

"Ох, я будто в раю!" – пронеслось в моей голове, когда лакей вскочил на козлы, и лошади резво тронулись с места, унося нас в чудесную страну первого девичьего бала. Всю дорогу Маззи повторяла свои инструкции: делать книксены всем старым дамам; быть настолько вежливой и милой, насколько возможно; говорить "спасибо" своим партнёрам после каждого танца; не танцевать два раза подряд с одним и тем же кавалером; не сидеть в стороне во время танцев и не уходить никуда из бальной залы. "Запомни, ты всегда должна держаться совершенно естественно. Ради бога, не подражай девушкам, которые жеманятся, хихикают и кокетничают, и если ты сможешь оставаться самой собой, то всё будет хорошо", – наставляла она.

Когда мы добрались, и мои белые валеночки и новая шёлковая шуба были сняты, и мы начали своё восхождение по широкой лестнице, меня внезапно пронзило чувство, что я не могу идти дальше.

"Давай вернёмся, Маз, – прошептала я, дёргая её за рукав и глядя на неё полными ужаса глазами. – Пожалуйста, давай поедem домой, мне дурно!" Мои колени тряслись, руки стали липкими, а горло сдавило так, как обычно бывает, когда очень хочется заплакать.

"Небу'смешной", – пробормотала та, настолько идеально подражая Нане, что я, вмиг рассмеявшись и преодолев страх, продолжила подъём.

На верхней площадке нас уже ждала тётя Китти, чтобы

поприветствовать и ввести в новый мир, где мне предстояло официально дебютировать. Сделав реверанс каждой пожилой даме в зале, я в качестве почётной гостьи открыла бал в паре со своим женатым кузеном Андреем и вскоре уже танцевала без передышки. В разгар очередного вальса я как во сне увидела Петю входящим в бальную залу. Ох, как же он был прекрасен! Остановившись у дверей, он стал внимательно наблюдать за пролетающими мимо парами. "Петя, Петя", – тут же хотелось крикнуть мне ... но, вспомнив наставления Маззи, я не издала ни звука, хотя и невольно повернула к нему голову.

"На кого Вы смотрите? На Петю N? – спросил мой партнёр, следуя направлению моего взгляда. – Вы его знаете? Он славный юноша, и они с Софи N составят прекрасную пару. Вам, конечно, известно, что они помолвлены, хотя официально об этом ещё не объявлено?"

"Да, – услышала я свой голос будто за тысячу вёрст. – Разумеется, я знаю об этом и согласна, что они будут прекрасной парой".

Внезапно бальная зала начала медленно расплываться перед моими глазами. Мне привиделись толпы танцующих, бешено кружащихся в диком рондо абсолютно вразнобой с нестерпимо грохочущей музыкой. В следующий миг я бы оступилась и упала, если бы мой партнёр вовремя не подхватил меня со словами: "В чём дело, у Вас закружилась голова?" "Да, у меня кружится голова. Вы же знаете, что это

мой первый бал, и я никогда в жизни так много не танцевала", – ответила я дрожащим голосом, и он отвёл меня к стульям, где мы и посидели некоторое время. Затем, под предлогом того, что я слегка надорвала платье, которое теперь нуждалось в штопке, я бросилась наверх, на третий этаж, где в детстве так часто играла со своей кузиной Зозí в захватывающие "казаки-разбойники", и, спрятавшись там за огромным сундуком, плакала, и плакала, и плакала. Казалось, что всего за несколько минут целый мир изменился, полностью утратив свою красоту и всё то счастье, которое ожидаешь в нём найти. "Жизнь жестока, так жестока!" – отчаянно рыдала я, глотая облака пыли и склоняясь всё ниже и ниже, пока не легла на пол, впиваясь пальцами в стенку сундука, который был ветхим, заплесневелым и податливым. Но внезапно сквозь мои страдания стало прорастать новое чувство – чувство гордости. "Как? Неужели ты собираешься открыть всему миру то, что у тебя на сердце? – казалось, шептал внутренний голос. – Тебе должно быть стыдно, очень-очень стыдно!" Уняв стенания, сев и насухо вытерев глаза, я затем вылезла из своего укрытия, стряхнула с платья пыль и поправила волосы. "Я не стану показывать всем свои чувства – не должна и не стану", – твёрдо заявила я вслух, хотя всё ещё всхлипывая, как делают дети, когда худшее уже позади. Я прекрасно помню, какую боль причиняли моей груди эти бесслёзные всхлипы, даже заставив в какой-то момент нервно рассмеяться, поскольку никак не прекращались.

"Эра, Эра, где же ты?" – услышала я, как зовёт снизу моя кузина, и, собрав всё своё мужество, отозвалась: "Здесь, Зо-зи, я здесь. Я почувствовала лёгкое головокружение и тошноту и решила ненадолго уйти туда, где попрохладнее".

"Ах ты забавница! – вскричала та, подбегая, а затем, резко остановившись, воскликнула. – Почему ты такая растрёпанная? Что ты здесь делала? Ты плакала? Тебе отчего-то больно?"

"Да, я слегка подвернула ногу во время танца, – ответила я. – Но теперь всё в порядке, пойдём". И мы вместе спустились в туалетную комнату, где я умылась и надела свежую пару белых перчаток (благоразумно припасённую в сумочке), в то время как горничная ловкими пальцами расправила складки моего платья и привела в порядок причёску.

"Где ты была? – с тревогой спросила Маззи, как только я вошла в гостиную рядом с бальной залой. – Разве я не говорила тебе не бродить в одиночку? И что случилось с твоими глазами – ты плакала?"

"Видишь ли, – объяснила я, – у меня во время танца закружилась голова и замутило, поэтому я ненадолго поднялась вверх, чтобы отдохнуть, и чуть-чуть поплакала из-за этого, но сейчас всё хорошо".

"Ты уверена? – не унималась Маззи, продолжая волноваться и приложив руку к моему лбу, дабы убедиться, что он не горячий. – Может, следует поехать домой?"

"Ох, нет, нет! – вскричала я. – Всё в порядке, и я хочу

танцевать". И направилась обратно в бальную залу, где меня продолжал ждать мой прежний кавалер, недоумевая, куда я могла запропасться. Тут снова заиграл вальс, и мой взгляд поймал Петю, который пересёк комнату и, остановившись передо мной, церемонно поклонился, приглашая на танец. С пылающими щеками и трясущимися коленями, но при этом с гордо поднятой головой, я встала со стула и в следующий миг уже была в его объятиях – влекомая ритмом музыки. Как часто в течение лета я мечтала именно о таком танце, представляя своё счастье и восторг. Как странно, что моя мечта сбылась лишь отчасти. Если бы кто-то сказал мне тогда, что я буду плыть в объятиях Пети с сердцем, полным страданий, я бы ни за что не поверила. Но именно так и произошло – в вальсе своей мечты кружилась самая несчастная девушка на свете!

Несколько минут мы хранили молчание, но неожиданно: "Тётушка¹⁴, – прошептал он, – милая маленькая Тётушка, как я рад снова видеть Вас!"

"Взаимно", – тихо ответила я, всеми силами стараясь не заплакать.

"Вы такая хорошенькая в этом взрослом платье, – продолжил он. – Даже красивее, чем когда я видел Вас в Троицком. Вы думали обо мне этим летом или скоро позабыли?"

---

¹⁴ Петя звал Ирину "Тётушкой", поскольку после знакомства они обнаружили, что их семьи были определённым образом связаны родственными узами, и получилось так, что она приходилась ему сколько-то-юродной тётей.

"Нет, не забыла, – прошептала я, смаргивая слёзы, – а вот Вы ..."

"Я? Что Вы имеете в виду? – удивился он. – Я никогда не забывал о Вас, даже когда узнал, что Вы собираетесь замуж".

"Замуж? – вскричала я, едва не остановившись от изумления. – Боже! Я ни за кого не выхожу! О чём Вы говорите?"

"О, да, – сказал он. – Может быть, Вы этого ещё не знаете, но всё решено, и Вас обещали обручить с N ... Мне так сказала моя матушка, а она услышала это от его тёти".

"Нет, нет и ещё раз нет, – возмутилась я, действительно прекратив танцевать и топнув ногой. – Я никому не 'обещана', всё это чья-то ложь. Я не помолвлена и не собираюсь замуж, пока не встречу подходящего мужчину", – закончила я вызывающе. "А как насчёт Вас, разве Вы не помолвлены?" – спросила я после небольшой паузы.

"Да, Тётушка, я помолвлен, – ответил он мягко. – Скоро об этом станет известно".

"Она очаровательна, и я желаю Вам всяческого счастья!" – весело воскликнула я, низко наклонив голову, дабы скрыть унылую пелену в своих глазах ... После этого мы кружились, не произнося больше ни слова, а затем он отвёл меня обратно к моему стулу. Остаток бала прошёл как в тумане, и когда всё завершилось и мы сели в наш экипаж, где было так тепло и пахло так сладко, я в изнеможении закрыла глаза. В тот вечер пришло ощущение, что я вдруг стала намного старше и что моя ранняя юность с её мечтами о волшебном счастье

и сказочных наслаждениях улетучилась навсегда.

"Ты замёрзла? Ты устала? Как ты себя чувствуешь? Ты хорошо провела время? Кто-нибудь сказал тебе нечто особенное?" – с тревогой допытывалась Маззи, пока мы ехали по холодным, мрачным и пустынным улицам, и резкий ветер дребезжал одним из дверных стёкол, и снег быстро летел мимо мелкими хлопьями.

"Да, Маззи, я чувствую себя хорошо и прекрасно провела время", – ответила я, глядя на уличные указатели и думая: "Всего семь часов назад я читала их глазами, полными счастья, а теперь те же самые глаза смотрят на те же самые надписи, но хочется лишь плакать".

Когда мы вернулись домой, моя горничная уже взволнованно ждала и, по всей видимости, осталась весьма довольна цветами и лентами для котильона, которые я привезла с собой, хотя раз или два я поймала её обеспокоенный взгляд, будто она знала, что мне больно, но не осмелилась сказать, что заметила это! В ту ночь я не плакала, а лежала очень тихо, уставившись в потолок и под утро наблюдая, как солнечный свет, проникающий сквозь щели в шторах, рисует там крошечные узоры. Когда пришло время вставать, я поняла, что маленькой Эры больше нет, и она никогда не вернётся, так как новая повзрослевшая Эра прочно заняла её место. Таким выдался мой первый бал.

Вскоре Петя женился, а через два года развёлся. Затем как-то раз пришёл навестить меня – когда я уже была заму-

жем, – выкурил семнадцать сигарет и внезапно предложил сбежать с ним, на что я ответила отказом, имея к тому времени двух маленьких детей. Потом он снова женился, а теперь он мёртв. "Пусть земля ему будет пухом!"

Помолвка

После того бала я посетила множество других – четырнадцать в общей сложности, вплоть до самого дня моей помолвки. И хотя я была ещё слишком молода и впечатлительна, однако после того, как Петя ушёл из моей жизни, я больше не испытала ничего похожего на чувства к нему, и лишь одному юноше удалось на какое-то время вызвать во мне интерес. Он меня забавлял и нравился сильнее, чем все остальные. Вероятно, это могло бы перерасти в нечто большее, но мы с ним почти не виделись, и в итоге еле осязаемое "нечто" быстро улетучилось, не оставив сколь-либо значимого впечатления¹⁵.

Кроме того, радостный, беззаботный дух жизни, наполнивший меня до того первого бала, сменился более рассудительным настроем, и очень скоро мне наскучило танцевать, и я упрашивала Маззи увезти меня куда угодно, например, в Италию, где мы могли бы просто бродить вместе, или же позволить мне продолжать занятия с Профессором, Мадемуазель Бертой и другими учителями. Однако Маззи имела

---

¹⁵ Скорее всего, речь идёт о молодом кавалергарде Сергее Михайловиче (Серже) Кантакузине, позже женившемся на кузине Ирины, Марии Александровне (Мэй) Околичани. О нём и о взаимоотношениях, сложившихся в этом недолгом "любовном треугольнике", упоминается в *"Case o Кантакузиных-Сперанских"*, написанной его сыном, князем Михаилом Сергеевичем Кантакузиным, графом Сперанским.

на меня иные виды, и не успела я оглянуться, как обручилась с графом Александром Фёдоровичем Келлером, офицером лейб-гвардии Кавалергардского полка и сослуживцем моего брата Мики. Я встречала его на нескольких балах и хотя замечала, что нравлюсь ему, однако никогда не задумывалась об этом всерьёз.

Только когда Маззи стала достаточно часто и весьма одобрительно отзываться о нём, я поняла, что его ухаживания были неспроста, и что она находит его достойным кандидатом на мою руку. Она всегда испытывала к нему добрые чувства, потому что его отец, генерал Фёдор Келлер, приходился ей очень близким другом, начиная с детских лет и на протяжении всей жизни, пока не пал на русско-японской войне, а потому она твёрдо верила, что его единственный сын – столь же рыцарственный и благородный мужчина. Маленькой девочкой я довольно хорошо знала старшего Келлера, поскольку он частенько навещался в наш дом в Петербурге, а также навещал в Троицком. Я ему определённо нравилась и очень хорошо помню тот день, когда он, глядя на меня, искренне спросил Маззи: "Разве не было бы здорово, если бы когда-нибудь она вышла замуж за моего Сашеньку?" – на что та с улыбкой отвечала: "Это и в самом деле было бы замечательно!" Поэтому, когда я появилась в свете и молодой Келлер заинтересовался мной, Маззи была очень довольна и только смеялась, снисходительно покачивая головой, если кто-то говорил ей, что тот ведёт разгульный образ жизни. Её

ответом было: "Кто в юности 'сеет свой дикий овёс'¹⁶, тот в зрелости станет отличным мужем".

Однажды вечером в доме графини Шуваловой – совсем недалеко, через три здания от нашего – на небольшом приёме, куда мы были званы вместе с братом, граф Келлер, сидя наедине со мной на софе в маленькой круглой гостиной, сделал мне предложение. Слегка испуганная, чуточку взволнованная, втайне довольная случившимся, я ответила скромно, поблагодарив "за оказанную честь", как учила поступать в таких обстоятельствах Маззи, добавив, однако, что не могу выйти за него, поскольку не испытываю любви, но желала бы непременно остаться лучшими друзьями. Сделав это, я вскорости попросила Мики отвести меня домой, поскольку ощутила себя по-настоящему взрослой и мне не терпелось сообщить обо всём Маззи.

"О чём это вы шептались с Келлером?" – спросил Мики, пока мы шли по улице. "Послушай, – продолжил он, не дождавшись ответа, – я не хочу, чтобы ты уделяла ему внимание, потому что это не тот мужчина, с кем стоит связывать свою судьбу, понимаешь меня?"

"Ничего не хочу слышать!" – грубо парировала я, взбегая по лестнице в комнату матери, где та, уже лёжа в постели, с нетерпением ожидала моего возвращения.

"Маззи, Маззи, граф Келлер только что сделал мне пред-

---

¹⁶ Совершает глупые и сумасбродные поступки, поддерживает внебрачные сексуальные отношения.

ложение!" – вскричала я, обнимая её.

Мягко отстранившись, она испытующе воззрилась на моё раскрасневшееся лицо.

"Хорошо, и что же ты ему ответила?" – последовал её вопрос.

"Ну, я поблагодарила его за оказанную честь и объяснила, что не могу выйти замуж без любви!" – торжествующе провозгласила я, уверенная, что удостоюсь похвалы за столь безупречное поведение.

Но вместо этого она покачала головой и сказала: "Почему ты так поступила, Малышка? Он весьма милый юноша, который очень любит тебя и стал бы тебе замечательным мужем. Вспомни, что он сын моего дорогого старого друга Тео и, вне всяких сомнений, такой же прекрасный человек, каким был его отец. Позволь мне позвонить ему и объяснить, что твой ответ был слишком поспешным, и ничего ещё не потеряно! Кроме того, у меня есть секрет, которым я должна с тобой поделиться, – продолжила она, – но пообещай, что сохранишь его при себе: в этом году у меня случались странные боли в сердце, и я боюсь умереть, не будучи уверенной, что ты счастлива замужем. Это одна из основных причин, почему я желаю выдать тебя за того, кто непременно будет любить и заботиться о тебе, когда меня не станет". Этот довод оказался наиболее действенным, хотя и совершенно меня расстроил, и я, рыдая, тут же заявила, что Маззи может позвонить Келлеру в любой момент, когда ей будет удобно.

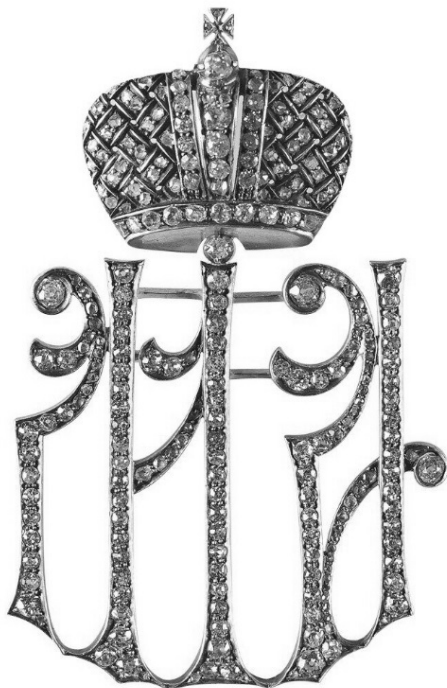
И на следующее же утро их телефонный разговор состоялся, после чего граф сразу приехал, держа в руках огромный букет роз и большую коробку конфет.

С того раза мы стали видеться каждый день, и, прежде чем я осознала происходящее, помолвка совершилась: мои губы сами прошептали "да", когда он протянул мне изумительное обручальное кольцо с рубином и необъятную корзину цветов – традиционное подношение будущего супруга. И уже в полдень по такому случаю в нашей гостиной состоялся торжественный молебен "Тебе Бога хвалим", а затем начался абсолютно новый этап моей жизни. Мне преподнесли множество украшений: дивную бриллиантовую брошь от Маззи; золотой браслет с алмазным кулоном в виде якоря от будущего мужа, а также жемчужные обручи, цепочку из уральских драгоценных камней, несколько предметов мебели эпохи Людовика XVI для гостиной, редкие гравюры и фарфор; крупные бриллиантовые серьги от его матери и прочие разнообразные подарки от членов обеих семей и друзей.

Мои ближайшие родственники (за исключением Маззи) были совершенно не в восторге от грядущей свадьбы, утверждая, что наши с Александром Келлером вкусы и образ жизни слишком разнятся – он предпочитает весёлое общество, в то время как я воспитана в строгой и одновременно любящей домашней атмосфере, – но их соображения, к тому же доносимые не слишком тактично, достигли обратной цели, не убедив меня, а только вызвав упрямое несогласие и даже

сблизив с будущим мужем.

Вскоре после помолвки я была назначена фрейлиной императрицы (сей титул даровали девушкам, принадлежавшим к определённым семействам) и пожалована соответствующим знаком отличия – золотым вензелем, усыпанным бриллиантами, или "шифром", как его обычно называли. Затем, пока готовилось моё приданое к свадьбе, назначенной на конец августа, мы отбыли на всё лето в Троицкое. Именно там я неожиданно испугалась и, не сказав никому ни слова, написала Александру письмо, где умоляла разорвать нашу помолвку. Но вследствие того, что он не уделял корреспонденции должного внимания и частенько хранил полученные письма нераспечатанными в течение многих дней или даже недель, то та же участь постигла и моё послание, случайно обнаружившееся уже после свадьбы в кармане его пальто!

Фотография фрейлинского шифра с двойным вензелем вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны и действующей императрицы Александры Фёдоровны

Фотография Ирины Скарятиной и Александра Келлера после их помолвки

Замужество

Поскольку Келлер был офицером лейб-гвардии Кавалергардского полка, то именно в его полковой церкви и состоялось торжественно и пышно наше венчание.

Я так отчётливо помню каждую деталь того дня. С самого утра мне стало казаться, что время летит слишком быстро, и я постоянно бросала тревожные взгляды на стрелки массивных бронзовых часов в стиле ампир, мысленно пытаюсь сдержать их бег. Сидящая молча, с распущенными волосами, ледяными пальцами и мелкой дрожью, пробегавшей по спине, и одетая в красную трикотажную матросскую блузку и короткую тёмно-синюю юбочку, я, должно быть, выглядела, как испуганный ребёнок, потому что в какой-то момент ко мне подошла тётя Лиза Куракина, которая, обняв меня и пустив слезу, прошептала: "Ох, ты же ещё совершеннейшее дитя – слишком юна, чтобы стать женой!"

После обеда, во время которого я не смогла проглотить ни кусочка, Маззи мягко произнесла: "Всё, пора одеваться, Дорогая, пойдём", – и повела меня в свою комнату, где на кровати уже были разложены мои свадебные наряды. Согласно русскому обычаю, который она пожелала исполнить сама, Маззи искупала меня, облачив затем через голову в прекрасное бельё из тончайшего батиста, расшитое дивным рисунком из флёрдоранжа и отделанное валансьенскими кружева-

ми. Белый шёлковый пояс, белая шёлковая кружевная нижняя юбка, белые шёлковые чулки – вещь за вещью она вручала их мне, целуя и благословляя каждую и помогая одеваться. Затем, опять же согласно обычаю, мой маленький племянник сунул золотую монету в мою туфлю, а служанка, занимавшаяся моей причёской, прошептала особую молитву, пока с помощью нескольких подружек невесты устраивала поверх волос венки из флёрдоранжа. Моё свадебное платье (конечно же, тоже из изумительно мягкого белого шёлка) с V-образным декольте и огромным шлейфом было столь тяжёлым, что потребовалось пять человек – сама главная модистка и четыре её помощницы, – дабы, подняв его, водрузить на меня сверху. Затем Маззи, дополнив наряд пышной вуалью, приколола мне на левое плечо фрейлинский шифр и повесила на шею свой заключительный свадебный подарок – роскошное ожерелье из двадцати бриллиантов. Полученный от неё носовой платок, который мне следовало держать в руках, раньше принадлежал моей бабушке, княгине Лобановой, и был исключительно красив, имея герб Паскевичей, вышитый в одном углу, и бабушкину монограмму – в другом. У меня до сих пор хранится тот платок, чудесным образом спасённый моей горничной во время революции вместе с кружевным придворным платьем, набором золотых, серебряных и финифтяных безделушек, расписанными вручную старинными веерами, украшенным вышивкой бельём и прочими реликвиями, позже вывезенными для меня из России

моими друзьями.

Когда церемония одевания завершилась, меня отвели в гостиную, где благословили золотой святой иконой – сначала Генерал и Маззи, а следом мои крёстные родители: дядя Николай и княгиня Ирина Паскевич. Вскоре после благословения прибыл шафер, князь "Тока" Гагарин, с букетом белых роз, который был преподнесён мне с традиционными словами: "Жених в церкви". Это означало, что нам пора выезжать, и я вышла из дома, направляясь к ландо в сопровождении отца и крёстной матери и с вышагивающим впереди нас маленьким племянником со святым образом в руках.

На подъезде к церкви Кавалергардского полка я увидела большую толпу, стоявшую вдоль улицы и ожидавшую нашего прибытия, а когда, выходя из экипажа, оступилась, то вокруг послышалось оханье, а затем кто-то отчётливо произнёс: "Ах, какой плохой знак! Коли споткнулась, так не быть ей счастливой женой". С этими словами, звеневшими в моих ушах, я и проследовала в вестибюль, где полковые офицеры уже стояли, выстроившись по обе стороны и образуя почётный караул.

Когда я проходила мимо Мики, тот стянул с меня лёгкую накидку, прошептав: "Ты же не собираешься венчаться в плаще, Водочмока?" – чем заставил слегка хихикнуть, но через секунду вновь захотелось плакать, стоило мне под руку с отцом вступить под своды храма.

По окончании обряда мы – на сей раз находясь в экипаже

лишь вдвоём с мужем – отправились к дому, дабы принять поздравления гостей. Там сэр Артур Николсон, английский посол, с таким пылом сжал мою ладонь, что вдавил в плоть обручальное кольцо, заставив палец кровоточить. После изрядно утомившего меня бесконечного свадебного ужина мы, переодевшись в дорогу, в тот же вечер отбыли в рязанское имение Келлеров, где должен был протекать наш медовый месяц.

На следующий день мы прибыли поездом в Зарайск, где нас уже ждали тройки, чтобы отвезти в усадьбу мужа под названием "Сенницы". Наш путь составил чуть более двадцати вёрст, но пришлось несколько раз останавливаться для приёма подарков от деревенских жителей: кур и петухов, яиц и шитых рушников. Поскольку в нашем фаэтоне не было для них места, то всё складывалось в экипаж моей горничной, следовавший за нашим, и та была вынуждена, к великому неудовольствию, проделать бóльшую часть пути в компании кучи кудахчущих птиц. Будучи весьма чопорной, элегантной и модно одевавшейся особой, моя Татьяна была совершенно выведена из себя столь затруднительным положением и корчила такие сердитые гримасы бедным пернатым, что я всю дорогу не могла удержаться от смеха, взрываясь всякий раз, когда нас останавливали, дабы произнести ещё больше приветственных речей и вручить всё новые и новые подношения, которые быстро заполняли её ландо.

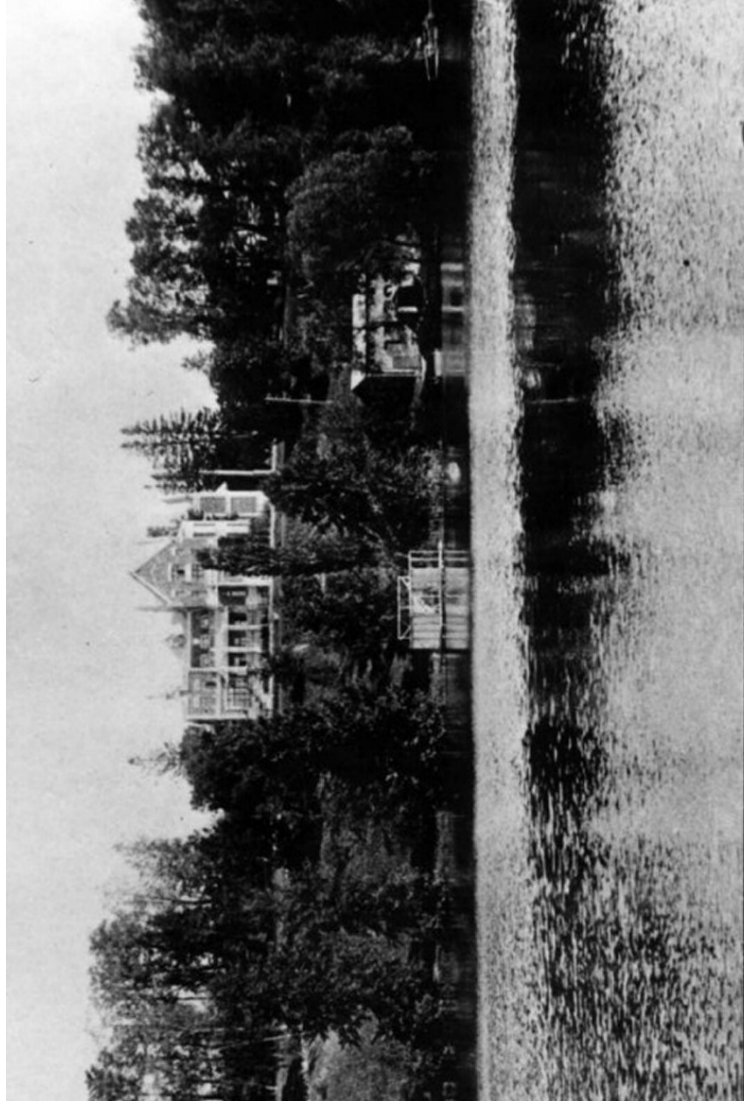
Добравшись наконец до цели, мы были встречены толпой

работников и слуг поместья, и маленькая девочка, Алиса Обрехт, дочь управляющего, прочла стихотворение, после протянув мне с реверансом украшенный лентами букет. Всё было бы хорошо, если бы в этот самый момент не подкатила слегка отставшая от нас Татьяна, а я, мельком взглянув на её возмущённое лицо, снова не зашлась диким хохотом, к всеобщему огорчённому удивлению. Схватив букет, промямлив несколько бессвязных благодарственных слов и поцеловав маленькую девочку в макушку, я взлетела по ступенькам в дом с таким видом, который сложно было бы назвать благородным и свадебным, и там, упав в первое же кресло, смеялась, и смеялась, и смеялась. Напряжение последних дней с кульминацией в виде церемоний, речей, птиц, яиц и реверансов оказалось слишком велико для меня, и я, отбросив новоприобретённое достоинство замужней дамы, на несколько кратких минут вновь стала самой собой – той девочкой, что готова рассмеяться по малейшему поводу.

Вечером после ужина был устроен фейерверк, который, волшебным образом отражаясь в водах трёх прудов рядом с домом, представлял поистине потрясающее зрелище.

Сенницы были живописным местом, однако не могли сравниться красотой с Троицким и не имели того же очарования. Здание усадьбы из красного кирпича и белого камня было построено совсем недавно на месте полностью разрушенного старого. И хотя его окружал парк с чередой замечательных аллей, однако те три пруда у подножия холма, на

котором оно стояло, обладали для меня наибольшей привлекательностью. Проведя в имении без малого четыре недели – вплоть до окончания медового месяца, – мы вернулись в Петербург.

Фотография имения Келлеров “Сенницы”

Там для нас уже была приготовлена большая и красивая квартира в одном из новых домов на Потёмкинской улице, удобно расположенном рядом с местом службы мужа. В ту зиму я почти не выходила в свет, проводя большую часть времени дома и продолжая учиться и читать. Именно тогда я прочла *"Антропогению"* Геккеля, *"Жизнь Парацельса"*, *"Божественную комедию"* Данте, *"Историю Александра I"* и ряд книг по астрономии и оккультизму. Несмотря на мои занятия литературой, к которым я относилась со всей серьёзностью, я всё ещё была совсем юной девушкой и, оставаясь в одиночестве, обычно распускала волосы и надевала старые ученические платья. Во многих отношениях я и была ребёнком, особенно в те часы, которые проводила со своими старыми учителями, часто заходившими навестить меня, с кем я могла с грустью повспоминать былые времена. Иногда мы притворялись, что снова проводим урок, но получалась уж слишком невесёлая игра, которая быстро сошла на нет. Самое большое удовольствие я находила в том, чтобы прокатить их в своей открытой коляске, запряжённой двумя превосходными вороними лошадьми, с величавым кучером и лакеем на козлах. Мы часами кружили по городу, и такое общение со старыми друзьями делало меня абсолютно счастливой.

Однажды я спряталась под роялем в гостиной – что-то

сильно расстроило меня и заставило, сидя там, горько плакать – и ещё больше огорчилась, когда старый седовласый дворецкий застал меня в таком неприглядном виде, забывшую про чувство собственного достоинства.

"Не беда, Ваше Сиятельство, – ласково сказал он, протягивая мне руку помощи, пока я выползала оттуда на четвереньках. – Не плачьте, это жизнь!"

И по сей день я благодарна ему за те простые, человеческие слова – ведь в тот момент это был не дворецкий, обращавшийся к своей юной графине, а пожилой и добрый человек, пытавшийся утешить испуганного ребёнка.

Моему мужу совершенно не нравился подаренный мне в девичестве бультерьер Джохансон, и тот сразу невзлюбил его в ответ, поэтому мне пришлось оставить пса в родительском доме. Почти каждый день Джохансон, будучи выпущен на улицу, прибегал ко мне в гости, и швейцар, запустив его в лифт, отвозил наверх, как заправского посетителя. Мой любимец неизменно объявлялся, когда муж отсутствовал, и проводил со мной несколько часов после обеда, но наотрез отказывался оставаться к ужину, всегда прощаясь в одно и то же время и настаивая, чтобы его выпустили. Тогда я, обнимая и целуя пса, сама спускалась с ним вниз. Однажды, когда Джохансон, по обыкновению, возник в парадной дома, новый швейцар прогнал его метлой. Должно быть, такое отношение ужасно задело чувства бедняги, поскольку после этого события он исчез, и мы его больше никогда не видели.

Следующим летом у меня родился сын, а через два года – дочь. Однако брак не сложился, и моя родня была совершенно права, изначально считая, что наши жизненные принципы и устремления являлись слишком разными. Таким образом, после четырёх лет супружества – отчаянно несчастливых лет, с моей точки зрения, – и со смертью моего маленького сына в качестве кульминации, которая чуть не убила меня, мы решили расстаться.

Трагедия, случившаяся с сыном, особенно ярко встаёт перед глазами – неизменно тягостное видение, причиняющее страдания мелкими уколами острой боли, хотя всё произошло много лет назад.

Я в Троицком, в своей старой детской, и уже не ребёнок, а очень молодая замужняя женщина с двумя собственными детьми. Младшая, моя маленькая дочурка Мария, спит у меня на коленях. Завёрнутая в пушистое розовое одеяльце, с круглыми розовыми щёчками и мягкими золотистыми локонами, она похожа на куклу. Я называю её "Шуйнки", потому что ей очень нравится моя сказка о воображаемых птичках, которых я отгоняю, хлопая в ладоши и восклицая: "Шу". Она всегда слушает внимательно и серьёзно, пока я не дохожу до этого очаровательного "шу", и тогда начинает радостно смеяться и булькать, а я, крепко обняв её, шепчу ей на ухо: "Ох, Шуйнки, ты моя собственная маленькая птичка!"

На полу у моих ног играет сыночек. Все по-прежнему называют его Малышом, но я зову его Джинго, поскольку ис-

тория Кипплинга о *"жёлтом псе Динго"* – его любимая, и мне приходится рассказывать её снова и снова.

"И бежал Динго, жёлтый пёс Динго, становясь всё голоднее и голоднее и скалясь, как лошадиный хомут", – рассеянно бормочу я, и сынок, следя за моими губами, старательно повторяет всё слово в слово. Только у него получается "Джинго" вместо "Динго", и потому я начинаю его так называть.

Его няня категорически не одобряет это прозвище и упрекает меня всякий раз, когда я его произношу. "Вот так идея назвать благословенного ангела собакой, да ещё желтой собакой!" – ворчит она. Но он и я, мы понимаем, что это значит; это наша общая тайна, личная шутка, и нам она нравится.

Внезапно я замечаю, что его щёки покраснелись, а взгляд голубых глаз, всегда таких ярких и сияющих, словно "звёздные сапфиры", стал тяжёлым и тёмным. Я быстро кладу спящую дочку в кроватку и сажаю Джинго к себе на колени.

"Что случилось, Дорогой, ты не заболел?" – с тревогой спрашиваю я, трогая его лоб. Тот горяч, обжигаяще горяч, и тогда я понимаю, что у меня на руках совершенно больной ребенок. Я ошеломлена. Всё произошло мгновенно! Всего несколько минут назад он был в полном порядке, смеялся, играл и буквально пышал здоровьем. Теперь же поражён болезнью, будто молнией. Но нужно что-то делать, и быстро. Трясущимися руками я укладываю его в постель и тут же те-

леграфирую доктору, который находится в ста двадцати верстах (впервые у нас в доме нет врача); выношу из комнаты всю ненужную мебель, имея ужасное предчувствие, что это не будет обычным недугом; опускаю шторы, а после устраиваюсь в старом кресле моей няни рядом с его кроватью – той самой кроватью, в которой спала в детстве, – и начинаю самое мучительное бдение из всех бдений на свете – бдение матери у постели умирающего ребёнка. Следуют три дня и три ночи кошмара. Доктор приезжает и уезжает, говоря, что опасности нет, и беспокоиться не о чем. Затем он возвращается снова и заявляет, что это дифтерия ... срочно требуется сыворотка, но у него с собой её нет. Специальный посыльный спешно отправляется в Орёл, расположенный в ста двадцати верстах, чтобы доставить сыворотку, но из-за ноябрьской распутицы и редко ходящих поездов ему требуется двенадцать часов, чтобы добраться туда и обратно. Наконец он вносит сыворотку всего за десять минут до того, как ребёнок умирает.

Мучение за мучением, эти три дня и три ночи наполнены часами и минутами абсолютной муки. Генерал на цыпочках грузно крадёт в детскую и из неё, каждый раз принося что-нибудь сакральное, чтобы спасти своего маленького внука. Сначала это особо почитаемая икона, затем чудотворный крест с фрагментами мощей мученика, и наконец он приводит деревенского батюшку, несущего Святые Дары. В изножье кровати стоит Маззи и смотрит на меня глазами, пол-

ными скорби. Дважды она срывается, всплеснув руками: "Я не могу видеть, как страдает моя девочка!" – начинает надрывно плакать, и её быстро выводят из комнаты.

Наш старый Профессор тоже там, и моя горничная, и Нана, и все пожилые слуги, знающие меня с самого рождения. Детская, кажется, полна людей. Ребёнок задыхается, кислородных подушек нет, и я дышу ему в рот, чтобы хоть немного помочь. Чьи-то руки пытаются оттащить меня, голоса кричат: "Что ты делаешь, разве ты не знаешь, что эта инфекция смертельна?"

Но я отталкиваю эти руки. "Инфекция? – кричу я отчаянно. – Что это значит? Кого это волнует? Разве вы не видите, что мой ребенок задыхается?"

Затем следуют минуты временного облегчения, когда внезапно голубые глаза широко открываются и пристально смотрят на меня, и улыбка разрывает пересохшие губы, заставляя их кровоточить, и детский голос, звучащий незнакомо из-за дифтерии, шепчет: "Расскажи о Динго" или "Спой песню про шесть пенсов". И из какого-то неведомого, удивительного источника я черпаю силы, чтобы рассказать о Динго, жёлтом псе Динго, который мчится вечно голодный, щерясь, как совок для угля. И я пою песню про шесть пенсов, пока улыбка не исчезает, глаза не закрываются от боли, не начинается смертельное удушье, и мне вновь приходится дышать ему в рот, чтобы помочь пережить агонию.

"И бежал Динго, жёлтый пёс Динго, голодный до чрез-

вычайности, скалясь, как крысоловка" ... "Пой песню про шесть пенсов, кармашек, полный ржи" ... и "Дыши, дыши, дыши в этот задыхающийся ротик" – это всё, что я знаю, всё, что я могу сделать, и всё, о чём я могу думать в эти последние часы. Вдруг сыночек снова открывает глаза, садится в своей кроватке, потягивается: "Ой, хорошо, хорошо!" – радостно смеётся и падает навзничь.

Руки, которые время от времени пытались оттащить меня, теперь крепко сжимают со всех сторон. Голоса твердят, словно невероятный хор в кошмарном сне: "Всё кончено, пойдём, пойдём".

"Всё кончено? Что кончено? – нетерпеливо вопрошаю я. – Я не понимаю!" И вдруг понимаю. В отчаянии я бросаюсь на колени, и последнее, что я помню, – это вкус крема для обуви на моих губах, когда я бешено целую блестящие чёрные ботинки врача. "Спасите, о, молю, спасите моего ребёнка!" – слышу я свой рыдающий голос и проваливаюсь в пустоту. Я тоже заболеваю дифтерией и впадаю в многодневное мило-сердное забытие.

Развод Мэри

Алексей Белов-Скарятин

В то же самое время, когда в жизни Эры настал романтический период, связанный с ухаживаниями со стороны графа Александра Фёдоровича Келлера, последующей помолвкой и женитьбой, в семье её самой старшей сестры Мэри разворачивались диаметрально противоположные процессы – их брак с бароном Николаем Александровичем Врангелем, продержавшийся более двенадцати лет, трещал по швам.

Узнать о деталях происходившего удалось из собранного Врангелем портфеля личных документов, хранящегося ныне в Российском государственном историческом архиве (РГИА). Судя по всему, барон был человеком аккуратным и скрупулёзным – общее количество дел в реестре превышает сотню, и десятую часть из них составляют бумаги, так или иначе связанные с событиями, приведшими в итоге к разводу. Там присутствует и переписка с Мэри, Генералом, Маззи, а также родной сестрой (причём не только письма, полученные бароном от них, но и черновики его собственных посланий с многочисленными исправлениями); и отчёты о дознаниях, предпринятых петербургской сыскной полицией и духовной консисторией в связи с обвинением Мэри в её неоднократных супружеских изменах (дополненные любовным посланием Мэри к объекту её страсти); и распис-

ки, доверенности, описи имущества Мэри, передававшего-ся обратно её родителям после развода; и прочие докумен-ты, включая биографические выписки и паспортную книжку Мэри с пометками об изменениях её статуса.

Как упоминалось в предыдущем романе *"Миры Эры. Кни-га Первая. Старая Россия"*, венчание Марии Скарятиной с Николаем Врангелем состоялось в православном храме Дрездена в июне 1894-го года (во время двухлетнего путе-шествия всего семейства Скарятиных за границу для лече-ния странной хвори, приключившейся с правой рукой тогда ещё совсем маленькой Эры). И к 1906-му году они уже бы-ли родителями пятерых детей: трёх дочерей – Марии, Веры и Ксении – и двух сыновей – Владимира и Георгия. Послед-ний, самый младший, появился на свет в сентябре 1903-го – года, который знаменит грандиозным костюмированным балом, состоявшимся в начале февраля в Зимнем дворце. На основе снимков, сделанных по окончании бала лучшими фотографами Санкт-Петербурга, десять лет спустя – к 300-летию дома Романовых – были отпечатаны игральные карты *"Русский стиль"*, и, по мнению некоторых исследователей, прототипом пиковой дамы выступила именно Мария Вран-гель (Скарятина), ведь только у неё на балу был высокий ко-кошник как раз той формы, которую мы видим у знакомой всем карточной фигуры из популярной колоды, дошедшей до наших дней.

Фотография Мэри в образе боярыни на балу 1903-го года

Нет ничего удивительного в том, что Мэри была удостоена чести принять участие в столь великосветском празднестве, поскольку её супруг к тому времени уже несколько лет как служил при канцелярии императрицы Марии Фёдоровны и был делопроизводителем управления делами великого князя Михаила Александровича, позже став и его личным адъютантом, а значит и входил в ближний круг императорской семьи. Однако, несмотря на положение в обществе и большое количество отпрысков, любовь по каким-то причинам постепенно покидала их дом. Возможно, виной тому стала полнота Мэри, проявившаяся вследствие рождения стольких детей (даже на фотографии с бала можно с лёгкостью различить её достаточно пышные формы), из-за которой та могла потерять привлекательность в глазах мужа. Как отмечала Ирина в своих воспоминаниях: *"В целом только мужская часть семьи ела действительно много, а моя мама, сёстры и остальные женщины довольствовались малым и (за исключением моей сестры Мэри) никогда не полнели; даже напротив, у моей мамы и Ольги были прекрасные фигуры, которые они всегда поддерживали в идеальном состоянии"*. А возможно, постоянное пребывание барона при Дворе и разнообразные столичные удовольствия (тогда как

жена с детьми практически безвылазно находилась в имении Врангелей "Терпилицы") охладили его чувства к ней. Это косвенно подтверждается и словами из письма Генерала, отправленного Врангелю весной 1907-го года, уже после вскрывшихся измен Мэри, в котором тот, как может, пытается предотвратить развод: *"Я нисколько не оправдываю поступок Мэри, но напомним слова нашего Спасителя: 'Тот, кто без греха, пусть бросит ей первый камень'. А насчёт твоей безгрешности в отношении неё я сильно сомневаюсь. Вспомни про то, как ты вошёл в нашу семью. А затем какую жизнь ты устроил своей жене? Держишь её взаперти, в деревне, лишённую всяких развлечений. Разве это нормальная жизнь? Ну да это дело твоей совести; относись с беспощадной строгостью к жене, ты считаешь себя безгрешным"*.

Как бы то ни было, но к осени 1906-го года в отношениях супругов возникла глубокая трещина. Свидетельством тому являются показания полицейского стражника при имении "Терпилицы" (из крестьян Минской губернии и уезда Першайской волости села Доры) Викентия Михайловича Трембицкого, полученные от него сыскной полицией: *"Супругов баронов Врангель знаю хорошо, о поведении Марии Владимировны ничего не знаю, она же часто обижалась и плакала за свою жизнь, говоря, что несёт тяжёлый жизненный крест, муж барон Врангель её не любит, и что ушла бы от него, но жаль покинуть детей; когда уезжала из имения, то очень*

плакала; живя в имении, она для всех была добра и благодетельница для бедных, жизнь же её была не особенно хороша: барон дома не находился и если приезжал, то уезжала баронесса; расходы на содержание семейства и прислуги были возложены на баронессу, так как барон не помогал; в виду тревожного времени баронесса, боясь жить в имении, хотела уехать в Санкт-Петербург, но барон не пускал; в имении, кроме площадной брани, ничего не слышала".

Итак, достаточно ещё молодая по тем временам 32-летняя женщина, переживающая тяжкий период своей жизни, подпадает под чары некоего Дмитрия Бажунова, поступившего на службу в имение в качестве дворника, а позже и лакея, "для которого была отведена комната при передней для охранения баронессы в ночное время", – явно беспринципного жиголо. Об этом недвусмысленно говорят отзывы о Бажунове из большинства свидетельских показаний:

- Спрошенная крестьянка Петербургской губернии Лужского уезда Турской волости деревни Горки, Мария Григорьевна Григорьева, ранее служившая у госпожи Врангель горничной, подтвердила, что "между служащими стали носиться слухи, что Бажунов находится в связи с баронессой и пользуется особым её расположением", что "когда осенью 1906-го года Бажунов приезжал в Петербург навещать Жукову, у которой проживает Григорьева, то он в её присутствии говорил, что он в связи с Врангель, и что она в его власти", а также, что он "помещался в квартире баронессы и

ему отведена была лучшая комната, обстановка этой комнаты была роскошная, баронесса накопила дворнику разных вещей и одела его с ног до головы".

- Спрошенная жена крестьянина Петербургской губернии Лужского уезда, Дарья Семёновна Жукова, проживающая по Малой Охте в Проходной улице №14, кв.2 (квартирная хозяйка Григорьевой) объяснила, что *"крестник её Дмитрий Бажунов, бывший лакей Врангель, бывая у неё в конце прошлого года, говорил ей в присутствии Григорьевой, что он находится в любовной связи с баронессой Врангель, что она его очень любит и делает всё, что он пожелает; он пользуется её полным доверием и по поручению Врангель ездил в Петербург закладывать её вещи".*

- Спрошенная девица Ковенской губернии Новоалександровского уезда Понедельской волости деревни Ойдзяны, Эмилия Иосифовна Каунетис, утверждала, что *"у Бажунова находилось дамское на меху пальто, дамские золотые часы и браслет; Бажунов в присутствии баронессы зазывал к себе татар и продавал пальто дамское за 45 рублей, но продано ли оно – она не знает; Бажунов говорил ей, что эта дама его сестра, а потом объяснил, что это была Врангель".*

- Упомянувшийся выше Викентий Михайлович Трембицкий, рассказал, что *"1-го октября 1906-го года, в день Покрова, в деревне Колпицы Петергофского уезда был местный праздник, на котором был Дмитрий Бажунов, а также и он, стражник Трембицкий, и соседние крестьяне из дерев-*

ни Рогатино – Иван Евдокимов и другие; на замечание их, что Бажунов тратит много денег, тот ответил, что ему деньги нипочём, так как он любовник госпожи Врангель и та исполнит все его требования и ни в чём ему не откажет; бывший дворник при имени Терпилицы Анисим рассказывал стражнику, что после увольнения Бажунова тот несколько раз приезжал к баронессе в имение, оставался до позднего вечера у неё и вывозил оттуда какие-то узлы".

Также в подавляющем большинстве показаний свидетели дают детали, не оставляющие никаких сомнений в интимном характере отношений между Мэри и её работником: "Я почти каждый день видела, как баронесса часов в 11 вечера отправлялась в комнату дворника и проводила там час и два. Отношения между баронессой и дворником были такие, какие обыкновенно бывают у людей близких. Сама баронесса и дворник не скрывали своей близости, и в доме связь их не составляла секрета" или "Во время его проживания (на съёмной квартире – А.Б.-С.) баронесса Врангель три раза ночевала у него, и спали на одной кровати ... Когда она приходила, то приносила с собой в корзинах угощение, и когда оставалась с ним, то запиралась на ключ ... Оставаясь у него ночевать, она приходила часов в 6 вечера и уходила на другой день около 12 часов дня" или "Видела баронессу и Бажунова целующимися и вообще я уверена, что они жили как муж и жена".

В конечном итоге амурная связь с многократными альков-

ными свиданиями, имевшими место то в Терпилицах, то на нескольких съёмных квартирах либо в близлежащем к имению посёлке Волосово, либо в Санкт-Петербурге, продлилась около трёх месяцев, практически до середины декабря 1906-го года. Однако уже с конца ноября между любовниками начинают происходить ссоры, выливающиеся сначала в то, что Мэри оповещает супруга, что *"была обнаружена накануне кража разных вещей, при чём было высказано косвенное подозрение на бывшего конюха, крестьянина Дмитрия Бажунова"*, а тот незамедлительно запрашивает расследование случившегося силами петербургской сыскной полиции, затем она лично вместе с Бажуновым приходит к следователю, делая заявление о том, что пропавшие вещи находятся у неё, и умоляя оставить запрос мужа без движения, и, в завершение размолвки, изменяет уже самому Бажунову с его родным братом. Согласно поведенному дознавателю Дарьей Семёновной Жуковой, крёстной матерью Бажунова, тот *"говорил, что у него с баронессой было недоразумение и неприятности из-за того, что брат тоже с ней в связи, о чём знает его сестра Евдокия Бажунова, горничная в Терпилицах, ныне проживающая на родине"*. Эдакие сведения в собранных свидетельских показаниях заставляют начальника сыскной полиции Филиппова в своём донесении о результатах разбирательства начертать следующий вердикт: *"Баронесса Врангель – женщина безусловно ненормальная, безвольная и страдает эротоманией"*.

В течение всех трёх месяцев адюльтера, особенно когда один из любовников отлучался на какое-то время, они держали связь через доверенное лицо – прачку имения "Терпилицы", Хильму Ивановну Каукас (которую Мэри в шутку прозвала "тёщей"). И когда после всего происшедшего Мэри, разлучив с детьми, "ссылают" в Орловскую губернию, причём не в родное Троицкое (где родители, похоже, не были готовы принять опозорившую себя дочь), а в имение мужа её сестры Ольги, Георгия Беннигсена, в Карачевском уезде, она пишет оттуда Хильме для передачи своему возлюбленному проникновенное письмо, текст которого мне хотелось бы привести полностью: *"Митя дорогой мой, жизнь моя, разлучили нас с тобой злые люди и погубили меня и тебя. Не нахожу я себе нигде покоя, тоска такая, что хоть руки на себя наложит, плачу и страдаю по тебе. Как вспомню всю нашу любовь, какой ты для меня хороший был, так горькими слезами обливаюсь. Митя, не брось меня, вспомни все твои клятвы, как ты мой образ целовал и клялся до гроба меня любить. Не женись, Митя, подожди меня! Я свою клятву свято буду хранить, тебя одного любить до гроба, и никогда тебя не забуду. Любила я тебя страшно, люблю и век буду любить. Никто меня от тебя не оторвёт теперь, в разлуке ещё горячее буду любить. Митя, зачем ты отдал мои письма и фотографии? Меня бы зарезали, я бы не отдала никому на свете твои письма, для меня твои письма – святая память, и все твои вещи я люблю и*

целую, ложась спать, точно ты около меня стоишь, твоё
милое лицо со мною днём и ночью. Очень мне было горько и
больно, что тебя обидели, мой бедный, дорогой Митя. Век
не прощу тем злым людям, которые нас сгубили. Ну, доро-
гой мой, будем молить Бога. Он нас не оставит и соединит
нас опять. Только ты не брось меня и не забудь. Митя до-
рогой, не скучай, не пей водку. Если можешь, пиши тёще на-
шей доброй Хильме, а она мне напишет о тебе. Митя, жди
меня, дорогой, я тебя никогда не брошу, и как развод будет,
я хочу быть твоей женой. Не забывай свою Мульку, кото-
рая день и ночь только о своём Мите думает. Дурак твой
брат уехал, не знаю куда. Всё просил, чтобы его взять с со-
бой, ну, ему меня теперь век не видать. Он всю нашу жизнь
сгубил, негодяй. Митя дорогой, приезжай ко мне когда-ни-
будь на праздниках. Адрес: Риго-Орловская ж.д., ст. Хоты-
нец, им. Богородское. Надо ехать на Москву, Орёл, с Орла
по Риго-Орловской ж.д. Ну, пока прощай ненадолго, дорогой
мой, целую, обнимаю тебя. Храни тебя Бог, и не забывай,
жди всегда свою Мулю. Твоя до гроба". Однако послание не
доходит до адресата, а оказывается в архиве барона. Участь
быть перехваченным постигает и письмо Бажунова, желаю-
щего отыскать Мэри, но его оригинала нет в портфеле Вран-
геля, а это означает, по всей видимости, что он был уничто-
жен, хотя в рапорте сыскной полиции сохранились слова всё
того же Викентия Михайловича Трембицкого, объяснившего,
что "он получил с почты письмо, адресованное на имя

прачки госпожи Врангель, Хильмы Ивановны Каукас; письмо это было вскрыто, а прочитав его он узнал, что оно писано Дмитрием Бажуновым для передачи госпоже Врангель, которой в то время в Терпилицах не было; в письме этом Бажунов упрекает Врангель, что она разорвала его фотографию, что она позабыла его и изменила ему, отдавшись брату его Михаилу, и что не позволяла ему, Бажунову, жениться, и просит прачку прислать адрес баронессы, если её нет в Терпилицах; это письмо стражник не передал прачке". На этом и закончились навсегда любовные взаимоотношения баронессы и дворника.

Чуть позже Генерал отправляет Мэри на многомесячное пребывание за границей, в Германии, на водах. А сам пытается, как уже было сказано выше, взывать к совести Николая Александровича и даже слегка угрожать. Вот ещё одна цитата из его весеннего письма Врангелю: *"Любезный друг, жена мне сказала, что ты затеял, или намерен это сделать, процесс о разводе с Мэри, хотя знаешь мой взгляд на этот вопрос, значит, ты категорически идёшь против моего желания. Это вынуждает меня, во избежание неприятных разговоров, писать тебе ... Не знаю, подумаешь ли ты о будущности бедных детей, которых ты с твоими родителями собираешься спасти? Поэтому считаю долгом тебя предупредить, что со дня развода дети твои становятся нам чужими и лишаются с нашей стороны всякой материальной поддержки, а после нас – и той части состояния, которая при-*

шла бы на их долю (последнее предложение подчёркнуто красным карандашом, похоже, самим Врангелем – А.Б.-С.)". Как стало ясно из более поздних документов в архиве барона, то были лишь угрозы, не имевшие под собой реальных намерений, – его дети так и продолжали быть желанными гостями в Троицком, проводя долгие месяцы у своих дедушки и бабушки. Да и в послании Маззи, адресованном Врангелю и написанном ею исключительно на французском, сквозит лёгкое удивление от слов мужа и присутствует явное подтверждение взятых на себя обязательств, но при этом звучат и весьма ценные советы: *"Дорогой Ника, письмо (от Генерала – А.Б.-С.), которое Вы получили после моего отъезда, стало для меня неожиданностью. Я не нахожу слов, но то, что я обещала Вам в связи с моим посмертным завещанием, касающимся детей, я сделаю ... однако и Вы должны выполнить своё обещание отправить младших к их матери на 2 ½ года. Что же касается образования старших, то от него совершенно невозможно отказаться, зная 2-ю З. и моего кузена Л. Они оба были бы шокированы, если бы Вы или кто-то из Вашей семьи поднял этот вопрос. Вам не стоит забывать, как должно поступать с людьми, и что, задав такой вопрос моей Тёте (Ирине Паскевич, которая взяла на себя связанные с этим расходы – А.Б.-С.), Вы устроите величайшее испытание для наших друзей. У меня есть идеи и способы понять её реакцию, но нужно подождать окончания развода, и я верю, что она отнесётся к детям с душой, но при условии,*

что до этого момента с Вашей стороны не будет ни намёка на какие-то требования, ни малейшего неуважения".

Пишет ему и Мэри, очевидно искренне раскаявшаяся в содеянном и страшно скучающая по детям. Из её писем на французском, посланных из водной лечебницы "Райнау" в немецком городке Бендорф-на-Рейне в январе-феврале 1907-го года, мы узнаём не только о сильнейших переживаниях, испытываемых ею ("*... мне больше не верят, когда я говорю, что страдаю, что действительно сожалею о том, что натворила, что плачу и плачу здесь каждый день, и пусть Бог избавит вас всех от подобных страданий!*"), и желании проинформировать мужа обо всех особенностях характеров их отпрысков, чтобы как-то помочь ему с их воспитанием ("*... я боюсь за Веру и Володю: первая ленива, а второй слишком неусидчив и невнимателен ... Володя привык принимать ванны каждую неделю – два раза летом и один зимой ... ему нужно давать много молока, но не позволять ни вина, ни пива ... да хранит Бог нашу маленькую Ксению и дарует ей здоровье и счастье в жизни. Ника, дорогой, устрой ей 25-го числа небольшой пир ... малышке будет уже 5 лет. Как летит время!*"), но и о том, что она пребывает не на обычном лечении водами, а в санаторном отделении для нервнобольных: "*... Знал бы ты, как нелегко находиться здесь, среди всех этих больных и полубезумных – можно и самой сойти с ума! Я должна каждый день 'благодарить' Маму за все те ужасы, которые она написала про*

меня доктору (сразу всплывает в памяти вердикт начальника сыскной полиции Филиппова, которым, по всей видимости, руководствовалась Маззи – А.Б.-С.). У меня нет ни копейки денег на руках, и если мне понадобится кусок мыла или какая-нибудь мелочь, я должна пойти и попросить у доктора несколько монет. Как ты думаешь, приятно ли такое положение? Или если есть возможность 'унизить меня, оскорбить' перед всеми здесь, то вы так и делаете? И вот после 12-ти лет моей независимости, после 4-х лет, в течение которых я управляла всем домом за свой счёт, со мной обращаются как с последней воровкой, как с сумасшедшей, знающей, что у неё нет ни гроша за душой. Почему Папа не присылает мне мои деньги? Думает ли он, что я сразу убегу отсюда? Можете быть совершенно уверены: если вы будете действовать со мной честно, и ты сдержишь обещание прислать ко мне детей, то я не уйду из санатория. Я буду спокойно ждать и терпеть это адское существование, только бы получить твоё прощение и вновь увидеть наших малышей!"

В надежде на скорое свидание с мужем и детьми Мэри предаётся мечтаниям о том, как и где это может произойти: "Ты обещал мне прислать их через три месяца, и вот прошло уже два. Погода превосходная, похоже, в мае будет очень солнечно, давайте будем загорать. Рейн такой красивый, я вижу его из своих окон ... Можем остаться здесь или отправиться с малышами в Шварцвальд. Говорят, там очень

хорошо жить, и воздух такой приятный. В Хёксте ужасно – вокруг фабрики, и воздух такой тяжёлый, такой нездоровый". Однако время бежит, и надежда тает. Поэтому в середине апреля тон её послания уже становится похож на крик отчаяния: "Дорогой мой милый Ника, вчера была здесь Melle Schell, и меня как громом поразило известие о продаже Терпилиц. Ты, может быть, не поверишь, но это известие так меня опечалило, что я хожу, как во сне, плачу всё время, и так мне тяжело, что и сказать не могу! Ника, подумай о детях, не продавай нашего милого, старого гнезда, где мы оба провели столько счастливых часов, где родились наши дети, где каждый уголок так мил! Вспомни всю нашу жизнь, Ника дорогой, не продавай Терпилиц, я умоляю тебя! Я знаю и помню, как ты всегда говорил, что ты так любишь это имение, почти так же, как меня и детей, и что тебя убьёт этот удар, если придётся из имения выезжать навсегда! Так и меня теперь эта мысль так гнетёт, так мне тяжело, что без горьких слёз я не могу думать об этом! Я думаю о тебе день и ночь, люблю тебя и скучаю по тебе. Ника мой, скоро наступит праздник Святой Пасхи, все его проводят счастливо, в семейном кругу! Только мы с тобой в тяжёлой разлуке! Вспомни обо мне в эту Великую ночь, когда Христос воскрес из мёртвых, вспомни, что я одна здесь мучаюсь и раскаиваюсь; согрешила я перед тобой, мой дорогой, но я скорблю и сожалею о своём поступке и умоляю тебя, со слезами, ради детей, прости меня! Прости меня, от-

дай мне детей и не бросай меня, Ника дорогой мой (и Врангель снова подчёркивает красным карандашом отрывки последних двух предложений – А.Б.-С.)". Есть и другое её послание, прямо перед самым разрывом: "И всё-таки на душе такая тоска по родине, по детям, ничего не мило! Неужели мне ещё долго надо здесь томиться? Ника, прости меня, прости меня, ради детей, ради тех 12 лет, что я прожила с тобой! Я всё надеюсь, что увижу тебя, что ты сам привезёшь ко мне наших детей. Я не могу больше жить здесь одна, без семьи, оставленная всеми! Какая бы я ни была, но ты не можешь никогда мне бросить этот камень, что я была плохой матерью".

Однако, несмотря на многочисленные раздумья, подтвержденные карандашными подчёркиваниями, Врангель остаётся непреклонным и в начале июня 1907-го года пишет своей сестре Ольге фон Ланге, находящейся тогда, так же как и Мэри, в Германии, следующее: *"Зная доброту Твоего сердца и спокойное, беспристрастное отношение к вопросам жизни, обращаюсь к Тебе с просьбой сделать жене моей (с ведома её родителей) следующее предложение в надежде, что она выслушает Тебя спокойно и отнесётся без предубеждения к Тебе, от которой она кроме любви и участия ничего не видала.*

Грустные события последней осени, известные тебе, не нуждаются в освещении. Всё происшедшее тогда побудило родителей моей жены, в согласии со мною, удалить

её немедленно в Rheinau. Проведённое затем обстоятельное расследование длинным рядом совершенно неопровержимых и определённых свидетельских показаний (запись коих я препровождаю тебе для сведения) установило факт многократного нарушения женой моей супружеской верности. После долгих мучительных дум, обнаруженное этим расследованием поведение моей жены привело меня к заключению, что совместная жизнь наша, возвращение её когда-либо под мой кров стали совершенно немислимы. Полагаю, что, по спокойном размышлении, она сама поймёт это. Из такого положения единственным выходом является развод ...

Осуждать здесь образ действий моей жены я нисколько не желаю; возвращение к выяснению тех или других бывших событий считаю совершенно излишним и посему решительно отклоняю всякие с нею объяснения о минувшем. Итак, единственным выходом из созданного женой моей положения является законный развод. Но развод этот может состояться двояким путём:

1) При согласии моей жены, при признании ею нарушения верности и подписи ею нужных документов, заготовленных поверенным, развод сводится к чисто формальной, весьма несложной и непродолжительной процедуре. Устраняется необходимость в приведении многочисленных свидетелей и в подробном, длинном и тяжёлом судебном разбирательстве. Дело кончится быстро и без огласки, и никто, кроме отцов Консистории, об истинных причинах развода знать не бу-

дет. Свету же всё может быть объяснено несходством характеров, нервной болезнью и т. п. — причинами, не позорящими никого.

2) При несогласии же моей жены подписать упомянутое признание и согласие на развод происходит всё противоположное: потянется чрезвычайно длительный судебный процесс, со множеством свидетелей, при котором позорящей её огласки избежать невозможно, тем более, что вся переписка по сему делу, в силу существующих законов, должна вестись через Министерство Иностранных Дел и местные германские установления. Одним словом, долгое, совершенно излишнее мучение и позор для всех: прежде всего для неё самой, для нашей семьи, и главное, для несчастных детей, мать которых будет покрыта позором навсегда.

Не может быть сомнения в том, который из этих двух путей надлежит избрать. Решение это всецело в руках моей жены. Но даже в случае отказа ею избрать первый путь и подписать своё признание, несмотря на глубокое сострадание к ней, я буду вынужден вступить на второй путь, и достижение развода всё равно не подлежит ни малейшему сомнению, так как свидетели готовы подтвердить свои показания под присягой. Я вполне понимаю, как тяжело подписать признание своей вины, и сердце моё содрогается от боли при мысли о несчастной, сгубившей самовольно свою и мою жизнь. Но да будет ей утешением мысль, что таким поступком она хотя отчасти искупит свою вину перед Бо-

гом и детьми и снимет с детей то пятно, которое неминуемо ляжет на них, если позор матери станет достоянием гласности благодаря её упорству и длинному судебному процессу. Вкратце мое предложение сводится к тому, чтобы жена моя подписала препровождаемые при сём, заготовленные поверенным и нужные для развода документы (признание виновности, доверенность и пр.). Подпись её должна быть засвидетельствована на трёх из них в твоём и её присутствии в русском консульстве во Франкфурте. При этом считаю нужным сказать, что нотариусы и консулы обязаны служебной присягой содержание таких документов держать в тайне.

Вот, дорогая сестра, то предложение, которое я Тебя уполномочиваю сделать моей жене, поручая Тебе, в случае её согласия, проводить её в консульство и получить от неё все эти документы, а равно и оставшееся у неё удостоверение о личности (выданное Управлением Делами Вел. Князя Михаила Александровича), подлежащее возврату ввиду его срочности. Решение вопроса о детях я ставлю в полную зависимость от согласия или несогласия ею принять моё предложение и, в случае её согласия, сделаю всё возможное, чтобы прийти навстречу чувствам матери, насколько то допустимо требованиями воспитания и, главное, образования детей. Находящееся у меня её имущество будет передано мною её отцу, для чего прилагается к сему для подписи доверенность жены моей на имя В. В. Скарятин." А на сле-

дующий же день вслед столь обстоятельному посланию летит другое, покороче: *"Вопрос о детях естественно является самой тяжёлой стороной этого грустного дела. Что касается трёх старших, то всеми, видевшими их в последнее время, установлено, что они совершенно счастливы в новой среде, с которой вполне сжились; воспитание их находится в твёрдых, умелых и опытных руках. Воспитатели их не согласны на долгие отлучки детей из поля их влияния. Ломать же столь успешно начатое дело было бы безумием, а посему продолжительное пребывание детей у кого-либо из родителей в предвидимом будущем немыслимо. По этим причинам вопрос о 3-х старших пока отпадает. Что же касается 2-х младших, то, в случае исполнения моей женою всех предлагаемых ей условий, я не премину по решению нашего дела выслать их к ней, пока условия воспитания и образования не потребуют их удаления. При этом я ставлю, однако, условием, чтобы мне было предоставлено право послать с ними бонну или воспитательницу, которая должна оставаться при них; женою моею должно быть подписано о том и другом прилагаемое обязательство. При отказе же моей жены, о посылке к ней детей речи быть не может"*.

Совершенно очевидно, что встреча сестры Врангеля Ольги и Мэри состоялась и та, взвесив все "за" и "против", согласилась на выставленные условия, поскольку в архиве барона присутствует полный набор затребованных им заявлений, расписок и т. п. за её подписью, датирующихся 20-ми

числами июня. Дело было тут же передано в петербургскую духовную консисторию, а через одиннадцать месяцев, в конце мая 1908-го года, был издан указ Святейшего правительствующего синода о расторжении брака *"с дозволением ей, Марии Врангель, вступить в новое супружество по выполнению ею епитимии"*.

Не дожидаясь фактического завершения дела о разводе, Николай Александрович в октябре 1907-го года инициирует процесс передачи имущества бывшей супруги её отцу, на что Генерал почти через месяц раздражается довольно язвительным письмом, написанным в совершенно ином стиле, чем полугодом ранее, – сухом и официальном: *"Милостивый Государь Барон Николай Александрович, если я не отвечал на Ваше письмо от 18-го октября, то потому, что я считал всякую приёмку от Вас вещей и пр., принадлежащего моей дочери, совершенно лишней и пустой формальностью. Какая может быть приёмка, раз Вы заручились заранее подписками, расписками и пр., которые Ваша семья вынудила мою дочь подписать, обещав от Вашего имени, что когда она эти бумаги подпишет, Вы ей пришлёте тотчас младших детей; обещание, которому она имела глупость поверить, и которое, будь сказано между строк, Вы не сдержали, т.к. сколько мне известно, детей и не думали послать к матери. Жена посылает свою бывшую девушку принять сундук с вещами, который должен быть ей отправлен; что касается остального её имущества, всё, что мало-мальски*

было ценного, Вами заложено, так как же его принимать? Часть мебели же продадена, остальное сдадено в склад, ввиду возможного возвращения дочери сюда, т.к. она писала мне и просила взять её из санаториуса, и я, если дети младшие и будут к ней посланы, не считаю возможным держать её одну за границей, т.к. не имею на то права, закон на её стороне. Примите уверения в совершенном моём почтении. P.S. Вместо девушки, для приёмки сундука, посылается наш буфетчик, Жуков". И Маззи полностью поддерживает Генерала, пытаясь урезонить бывшего зятя: "До тех пор, пока у неё есть надежда, что к ней, бедняжке, привезут мальшей, это с большим трудом, но удержит её рядом с M-elle Schell, и она будет ждать окончания развода ... Вам, так же как и нам, хорошо известно, что наши законы во многом созданы на основе иностранных ... и по закону случай Мэри не считается болезнью, а это даёт ей полную свободу. Поэтому в тот день, когда она убедится, что нет смысла надеяться на приезд детей, никакая человеческая сила не удержит её. Должно быть, она общалась с людьми, познакомившими её с правами ... Пока Вы ещё можете это сделать". Из сохранившихся документов непонятно, состоялась ли в конце концов в России или за границей встреча Мэри с младшими детьми, однако абсолютно ясно, что такие претензии не могли не задеть самолюбия барона, и он приложил все усилия, чтобы выкупить часть из того, что было заложено, либо же детально расписать все приходы и расходы средств, бывших

в ведении Мэри за все 12 лет их супружества, дабы показать, какие суммы из денег, вырученных от заложенных вещей, шли на покрытие её недостатч. В итоге 18-го января 1908-го года имущество согласно окончательно согласованной описи из 47-ми пунктов со множеством подпунктов на 9-ти листах было под расписку передано Генералу.

Что касается имения "Терпилицы", то Николай Александрович внял мольбам Мэри и не стал его продавать в те годы. Однако это всё-таки случилось позже, 16-го мая 1914-го года, когда родовое гнездо Врангелей перешло в руки греческого подданного, Амвросия Павловича Петрокино. Через полгода, в ноябре, барон составляет подробнейшее духовное завещание на 8-ми листах, включавшее движимое (автомобили фабрик Опель и Лоррен-Дитрих, четыре экипажа, повозка и бричка, четыре верховых и три упряжных лошади) и недвижимое (квартира в Риге, закладная на дом в Петрограде и несколько участков на черноморском побережье в районе Туапсе) имущество, всякие ценные вещи, денежные вклады, акции и процентные бумаги в различных банках и долговые расписки, и распоряжается: *"все семейные портреты и документы, фамильное серебро, коллекцию оружия – завещаю сыну моему Владимиру и при этом выражаю пожелание, чтобы этим предметам была составлена опись и чтобы сын мой, в свою очередь, предоставил их после своей смерти его старшему сыну, если таковой у него будет, и затем переходили бы вообще к нисходящему его мужско-*

му потомству по старшинству, а если такового не будет, то к старшему сыну моего сына Георгия в том же порядке ... Всё остальное моё имущество (после конвертации части его в наличные деньги и оценки остального на момент смерти, а также уплаты долгов – А.Б.-С.) завещаю разделить на семь равных частей, из коих по две седьмых завещаю каждому из моих сыновей и по одной седьмой части каждой из моих дочерей". При этом продумано и ограничение, призванное уберечь детей от мотовства: "На вырученные от продажи ценных бумаг и имущества деньги и на все наличные деньги приобрести по усмотрению опекунов государственные бумаги (русские или иностранные) и поместить вкладами в Государственный Банк (русский или иностранный) на имя каждого из моих детей с тем непременно условием, чтобы до возраста тридцати лет каждый из моих детей мог пользоваться лишь процентами с капитала, а с достижением тридцати лет получил бы капитал на руки". А ещё присутствует духовное напутствие: "Сыновьям моим завещаю крепко держаться принадлежности к Эстляндскому дворянству и прошу сыновей осуществить по возможности последнее моё пожелание: по получении, при достижении тридцатилетнего возраста, на руки капитала приобрести каждому сыну имение в пределах Эстляндской губернии, из которого сделать майоратное владение для своего мужского потомства. К ним же, сыновьям и дочерям моим, обращаюсь с просьбой не вступать в брак без согласия Госпо-

жи Марии Ивановны фон Грюневальдт (та была назначена Врангелем в паре с бароном Львом Константиновичем Корфом опекуной над детьми до достижения ими семнадцатилетнего возраста, а в случае смерти одного из них заместителем должен был стать барон Георгий Михайлович Врангель – А.Б.-С.) *и поддерживать друг друга в жизни*".

Как нетрудно догадаться, свершившаяся вскоре революция поставила крест на всех планах Николая Александровича Врангеля. К тому же за несколько месяцев до наступления судьбоносного 1917-го года и практически ровно через 10 лет после начала любовной интрижки его жены с дворником история имела неожиданное продолжение в лице их самой старшей дочери, носившей так же, как и мать, имя Мария (да и в семье её тоже называли Мери, но, как видно из приведённой далее переписки, через "е" вместо "э"). В ту пору девушке уже стукнул 21 год, но она ещё не встретила своего суженого, а сердце требовало любви, что вполне закономерно вылилось в события, которые в своём письме Врангелю от 15-го августа 1916-го года описала Маззи (как водится, на французском, так как, похоже, она использовала исключительно этот язык при составлении своих посланий): *"Барон! Как бы мне ни было неприятно писать об этом, я считаю своим долгом известить Вас о случившемся.*

Пока мы были одни (в Троицком – А.Б.-С.), у нас с Верой и Мери всё шло хорошо, но когда приехал сын Олли (средней дочери Скарятиных, Ольги Беннигсен – А.Б.-С.) со сво-

им репетитором – молодым поляком, 'беженцем' (написано по-русски – А.Б.-С.), учившимся до войны на втором курсе университета Варшавы, – Мери завела с ним тайный роман. Им удавалось обманывать и меня, и моих дочерей. После того, как Олли уехала с сыном и юношей домой (в имение мужа Богородицкое – А.Б.-С.) с 20-го июля по 7-е августа, вскрылись самые скандальные подробности. Из письма Мери молодому человеку Олли узнала про весь ужас их поведения. Письмо начиналось такой фразой: 'Я чувствую себя матерью'.

Олли решила без промедления забрать у меня обеих сестёр. Вы знаете, что я энергична, когда того требуют обстоятельства. Я затолкала Мери в постель, где продержала её три дня до самого отъезда. Она рассказала мне, что её заветное желание – выйти за этого джентльмена замуж, что она любит его и т.д. и т.п. (ещё одной причиной держать её в постели было то, что она не могла самостоятельно справиться с **недомоганием**, но, по крайней мере, выяснилось, что кошмара **материнства не существует!**) Я задала Мери хорошую трёпку и отправила под присмотром Веры и моей старой горничной в дом 2-жи Ивковой неподалёку от Або.

Я думала поговорить с Вами обо всём этом после моего возвращения в город в конце октября, однако, опасаясь её безрассудства, могущего привести к огласке, решила написать.

Его зовут Генрих Петрович Боровой' (написано по-русски – А.Б.-С.), сын учителя гимназии, 'мещанин' (написано по-русски – А.Б.-С.), очень бедный, Олли взяла его по объявлению в качестве репетитора для своего сына и в течение десяти месяцев была им довольна. Когда она привезла его сюда, то ей и в голову не могло прийти, что он злоупотребит её доверием.

Ивковы ничего не знают, и я не предупредила Мери, что напишу Вам, однако сказала, что поговорю с Вами, когда вернусь. Поверьте, я искренне сочувствую Вам. При любой возможности держите младших детей при себе, либо же с кем-то, кому доверяете, Мери же заставьте усердно трудиться в 'Общине' (написано по-русски – А.Б.-С.), будьте с ней суровы – в данном случае поможет только работа. Надеюсь, что Вы не сердитесь на меня за откровенность, и прошу принять выражение моих лучших чувств. Вы должны понять, как я страдаю, что эта история приключилась со мной и Олли!

P.S. 'Борового' (написано по-русски – А.Б.-С.) выгнали из дома Олли, и он сейчас в Одессе".

В это время Врангель находится в действующей армии, так как вновь состоит при великом князе Михаиле Александровиче, назначенном в ту пору командиром 2-го кавалерийского корпуса в составе 7-ой армии, воевавшей на Юго-Западном фронте. Но к началу сентября он вместе с великим князем приезжает в имение того в селе Брасово Севско-

го уезда Орловской губернии, откуда сразу же шлёт письмо Ольге, черновик которого с множественными правками сохранился в архиве: *"Многоуважаемая Графиня (Беннигсен), полученное от Марии Михайловны известие о дочери поразило меня как громом. Глубоко сожалею, что всё это случилось у Вас. Считаю, что на мне лежит долг отделить навсегда Мери от других детей. О проживании с ними в будущем не может быть речи. Находил бы самым честным исходом – брак – несмотря на ужас положения. Благоволите, прошу Вас, переслать мне письмо Мери к нему, по которому всё открылось, а также сообщить имя, отчество и адрес его, а также Ваше впечатление: существовали ли намерения брака, и что Вы знаете о его семье и личности"*.

Так как Брасово расположено сравнительно недалеко от Карачева, то Ольга на следующий же день шлёт барону телеграмму следующего содержания: *"Уезжаю скоро Петроград приглашаю Вас приехать сюда завтра автомобиле прямое сообщение шоссе от Карачева 25 вёрст Богородицкое от шоссе 3 версты"*, – на что получает очень быстрый ответ: *"Сожалению принужден сегодня выехать Петроград точка Благоволите телеграфировать мне Галерная 30 когда предполагаете быть там обожду Вас"*. Таким образом, возможность скорейшей личной встречи и обстоятельного обсуждения ситуации отпадает, и поэтому Ольга, вынужденная задержаться в Богородицком, через месяц пишет Николаю Александровичу письмо: *"Многоуважаемый Барон. Я очень*

сожалею, что Вам не удалось приехать сюда, но по приезду в Петроград протелефонирую Вам, я, должно быть, там буду 15-го октября.

Не могу переслать Вам письма Мери, т.к. в порыве негодования и отвращения я его уничтожила, так же как и второе одинакового содержания, которое пришло на имя молодого человека уже после его отъезда отсюда. Но у меня сохранились 1) письмо Мери какой-то княжне Трубецкой (о которой Вам бы не мешало навести справки!), которой она сообщает о своём изгнании из Троицкого, о 'нём', о том, что 'всё открылось', и выражает предположение, что и Вы от неё откажетесь, когда узнаете обо всём, и 2) письмо Борового мне, в котором он выражает готовность жениться, дабы спасти М. 'от гибели', и просит не губить 'новую жизнь, зародившуюся от его порыва', как видите, оба письма достаточно красноречивы.

Я считаю, что Вы **совершенно** правы в намерении отделить М. от других детей, для которых её общество и пример могут быть лишь пагубны. Моё впечатление о ней резюмируется в трёх словах: 'Она хуже матери'. (как тут не вспомнить поговорку про 'яблоко от яблоньки ...' и не удивиться схожести матери и дочери в их сильнейшей жажде любви, являвшейся, вполне возможно, следствием их недолюбленности в детстве, ведь обе были старшими детьми в семье, да ещё и, вот совпадение, названными одним и тем же именем – А.Б.-С.) Насчёт Борового я могу Вам сообщить сле-

*дующее: год назад я его взяла репетитором к сыну, считала его (до приезда М., когда он совершенно испортился!) воспитанным, но недалёким, пустым и с огромным самомнением. Не думаю, чтобы он был способен на серьёзную работу. Об семье его знаю лишь то, что они 'мещанского происхождения', отец учитель в каких-то Варшавских школах, по-видимому, зарабатывает очень немного, а семья состоит из 5-ти человек детей, кроме матери. Сейчас он (Генрих Петрович Боровой, Одесса, Княжеская 24, кв. 17) живёт у сестры, народной учительницы, замужем за учителем гимназии. Она даёт ему 30р. в месяц, это всё, что у него есть, так что, думаю, о браке сейчас помышлять нечего. При свидании я сообщу Вам всё, что знаю, и мы с Вами обдумаем, что можно сделать, хотя трудно придумать какой-либо выход. В Мери я не вижу ни одной черты, дающей нам надежду на будущее, это ужасная натура, и её **необходимо** немедленно отделить от Веры!*

Мне Вас от души жаль, т.к. я вполне понимаю всю тяжесть Вашего положения! Примите уверение в моём уважении.

P.S. Ира мне уступает на зиму свою квартиру – Сергиевская 42, и мы будем там одни с сыном".

Как и обещано, Ольга вместе со своим письмом пересылает барону два сохранившихся у неё чужих, насыщающих картину эмоциональными красками и дающих возможность побольше узнать о самих влюблённых через строки, напи-

санные их собственной рукой.

Вот что успела набросать Мери некоей княжне Трубецкой, сделав по пути из Троицкого останков в Орле: *"Дорогая Наташа. Сижу на вокзале и пишу Тебе частью, чтобы заполнить время до отхода нашего поезда. Стряслась большая беда: моё письмо к нему попало в руки тётки, она написала бабушке, и та выгнала меня – теперь я под строжайшим конвоем еду в Финляндию к Ивковым. Мой адрес пока: Або, Курорт Надендаль, Эспланадная 15, Н. А. Ивковой для меня. Я не смогу, может быть, отослать это письмо, когда буду в Питере – бабушка запретила мне опускать письма, посылать телеграммы и даже говорить по телефону с кем бы то ни было. Милая, я так надеюсь, что Ты ещё не отослала ему моё письмо – его уже нет там, вероятно, и мне ужасно неприятно, если письмо будут читать чужие люди. Там вещи, которые их вовсе не касаются. Вся моя жизнь изменится, мои родственники навсегда отказались от меня; то же сделает и папа, когда узнает всё от бабушки. Думают послать меня к матери – этому я была бы, конечно, очень рада, но моё сердце чувствует недоброе. Я **ничего** ровно не знаю о Генрихе – может быть, он пойдёт на войну, и я так и не узнаю об этом. В его руках моя достойная судьба, т.к. меня больше никто не хочет знать. Пока папа ещё не узнал, я возвращаюсь к Ивковым. Его положение ещё хуже моего: он беженец, у него ни гроша, и, вероятно, теперь будет призван на военную службу. Я решительно не имею понятия, куда он*

поехал. Может быть, он будет искать меня в Петрограде и, если случайно знает Твой адрес, обратится к тебе. Пускай он скажет, что намерен делать, и куда ему можно писать, а Ты, милая, дай ему адрес и напиши уже мне – мне так страшно худо сейчас; я нуждаюсь в поддержке. Кроме того, я чувствую себя совершенно больной и, признаться, ничего больше не понимаю. Как только приеду, пойду к доктору, чтобы наконец узнать, в чём дело. Если возможно, поступлю в Общину, к Тебе, если Ты примешь меня, всеми выгнанную девицу. Может быть, и Ты отвернёшься от меня. Тогда я поеду в Одессу – там живёт его сестра. Но в данную минуту я **ничего** сделать не могу; и приходится мне преспокойно ехать под конвоем к Ивковым. Слава Богу, что, по крайней мере, выбралась из Троцкого. Что я перенесла за это последнее время! Не вини меня, Наташа, кажется, это любовь навсегда. Я готова отдать жизнь за него, сделать всё, что он потребует. Продам всё, что у меня есть, буду работать – всё для него. Если меня пошлют к матери, мне легче будет оттуда писать ему. Может быть, меня попытаются запереть в деревню – тогда я удираю перед тем. Ты видишь, очень приятные перспективы. Буду ждать с большим, большим нетерпением Твоего ответа. А вдруг тебя нет в Общине! Ты ни разу не писала мне, приятель мой маленький; может быть, забыла Твою Муську – мои письма тебя только удивят. Ну, буду ждать! Помоги мне, пожалуйста. Целую крепко, крепко. P.S. Если когда-нибудь будут приставать,

скажи, что **ничего** о нём ... (на листочке больше не осталось места – А.Б.-С.)".

Генрих же, будучи у сестры в Одессе, отправляет Ольге следующее: *"Мне страшно тяжело за оскорбление, нанесённое Вам и Вашей семье. Вы меня прощаете, но от этого мне ещё хуже, потому что я чувствую себя недостойным Вашего прощения, недостойным даже того, чтобы меня презирать. Умоляю Вас только об одном: не убивайте той новой жизни, которая может быть результатом моего порыва, и в которой находится весь смысл моего будущего. В противном случае я погибну навсегда, я стану сорной травой, язвой на человечестве. Отчаяние и совесть замучают меня. Я не могу также допустить нравственной гибели М., которую я люблю и буду любить не так, как Вы судите об этом, а с полным сознанием и верой в светлое, хорошее будущее. Быть одним из тех мерзавцев, которые её губили, я не могу, потому что попрасть свой нравственный закон – сверх моих сил.*

Все Ваши предположения были бы справедливы, если бы она осталась в той же гнилой обстановке, как раньше, будучи брошенной на произвол судьбы. Но нам предстоит жизнь в условиях, гораздо более благоприятных, где честным трудом надо пробивать себе дорогу. Атмосфера, в которую я её введу, в корне изменит её взгляды, исправит недостатки и даст должное направление хорошим началам, которые, несомненно, есть в каждом человеке.

Я вступаю в новую жизнь с полной энергией и с глубокой

верой в благоприятный исход её. Если бы я даже знал заранее, что всё будет так, как Вы предсказываете, даже это сознание не поколебало бы моего решения, которое основано на трёх святых началах: любви, чести и долге.

Ещё одно: не говорите, пожалуйста, Вашему отцу о том, что случилось: у него достаточно своих неприятностей".

Есть в архиве Николая Александровича ещё одно послание от Ольги (так, похоже, и не сумевшей отбыть из Богородицкого в Петроград в озвученные ею ранее сроки) от 24-го октября: *"Многоуважаемый Барон. Во-первых, получила письмо Тёти Паскевич, как я и ожидала, страшно чёрствое, в котором она торопится 'официально отказаться от вмешательства в сумасбродное увлечение ...' (цитата в письме приведена на французском – А.Б.-С.) и говорит: 'Два года назад, по просьбе вашей матери и их отца, я согласилась оплатить расходы на образование юных девушек, и в этом году я прекращаю исполнять материальные обязательства, поскольку, видимо, нравственное воспитание не имело значения!'"* (прямая речь тоже приведена на французском; из неё становится ясно, что в переписке с бароном почти 10-летней давности Маззи была совершенно права, считая, что после его развода с Мэри Ирина Паскевич 'отнесётся к детям с душой' – А.Б.-С.) *Любопытно было бы справиться у M-elle Grünwaldt (как я уже объяснял в комментарии к завещанию барона, она являлась опекуной над детьми до достижения ими 17-летнего возраста – А.Б.-С.), говорила ли ей*

Тётя про обеспечение девочек по окончании их воспитания? Она уверяет, что Grünwaldt им неоднократно повторяла, что они будут обеспечены, и им работать не придётся. Какие у неё были данные то говорить? (здесь же становится очевидно, что Врангель не посвящал Скарятиных в детали своего завещания – А.Б.-С.)

От Борового ответа нет ещё. Прилагаю письмо, присланное мне из Троицкого Мамой; оно интересно, как доказательство 'поведения' (написано по-французски – А.Б.-С.) Мери, и, как Вы увидите по стилю и орфографии, круг, в котором она находила свои флирты, был очень низкого калибра! Поверьте мне, надо Веру отдать в строгие руки года на два, перевоспитать и с корнем вырвать все понятия и привычки, в которых она выросла. (последнее предложение вступает в серьёзное противоречие со словами Николая Александровича из письма своей сестре в июне 1907-го года, в которых он выражал абсолютную уверенность в том, что воспитание трёх его старших детей 'находится в твёрдых, умелых и опытных руках' – А.Б.-С.) Примите уверение в моём уважении".

Стоит признать, что любому, кто увидел бы записку некоего Отто, приложенную к этому письму, было бы весьма трудно не согласиться с Ольгой в её жёсткой оценке упомянутого "круга". Чего только стоят "перлы" вроде "однообразной жизни", или "утешаться воспоминаниями", или "дисциплинарный батальон" и наконец "со всего сердца", а также от-

сутствие в коротком тексте из всего нескольких предложений десятка обязательных запятых!

Как бы то ни было, вся история про Мэри-мать и Мери-дочь с "благими" действиями её участников по отделению "опозорившихся" от "безгрешных" и в особенности последнее письмо Ольги в качестве её достойного финального аккорда видятся крайне показательными с точки зрения подтверждения замечательной пословицы: "Человек предполагает, а Бог располагает". Тем не менее барон, как всегда, идёт до конца и ещё до получения этого письма в срочном порядке улаживает все необходимые формальности для заключения союза между Генрихом Боровым и своей дочерью:

- 8-го октября Мери подаёт на имя петроградского градоначальника прошение о разрешении ей перейти из православного вероисповедания в римско-католическое.
- 10-го октября Николай Александрович даёт ей нотариально заверенное разрешение на вступление в брак с Генрихом, как представителем другой религии.
- 12-го октября в метрическую книгу Пантелеймоновской церкви Петрограда вносится запись о бракосочетании (из которой следует, что Генрих старше Мери на 2 года), причём поручителями выступают: *"По женихе: Лейб-Гвардии Гренадёрского полка, Прапорщик Георгий Евгеньевич Советов и крестьянин Рязанской губернии, Зарайского уезда, Григорьевской волости и села, Иван Осипов Житов. По невесте: Петроградский мещанин Николай Феодорович Внуков и Сын*

Чиновника Борис Петрович Попов" (очень похоже, что обряда, как такового, не было, никто из родственников не присутствовал, а брак был засвидетельствован совершенно случайными прихожанами храма).

- 15-го октября Генрих пишет новоявленному тестю расписку: *"Я нижеподписавшийся сим обязуюсь обвенчаться с моей женой Марией Николаевной по католическому обряду до истечения трёхмесячного срока"*. А Мери добавляет к ней свою: *"Триста рублей (300 рбл) от отца моего Барона Николая Александровича Врангель получила за мой рояль"*.

- Совершенно очевидно, что передача упомянутых расписок от молодожёнов тестю происходит в тот же день, 15-го октября, не лично, а через его вторую супругу Елизавету Фёдоровну, урождённую баронессу Гойнинген-Гюне, поскольку в ответ та (согласно короткой записке, имеющейся в архиве барона) объявляет им следующие его условия: *"1) Чтобы на мою помощь никогда ни в чём не рассчитывали и никогда ко мне не обращались. 2) Чтобы М. не приезжала в Петроград и в Эстляндию. 3) Чтобы М. не писала несовершеннолетним братьям и Ксени и не пыталась их видеть"*.

Что было дальше с супружеской парой – покрыто завесой тайны, а вот брак самого барона с его второй женой, которая была младше него на целых 23 года, распался в том же 1916-ом, просуществовав крайне недолго. Хочется привести лишь несколько коротких отрывков из его письма Елизавете Фёдоровне с объяснением необходимости развода, ярко иллю-

стрирующих непростое моральное состояние Николая Александровича: "... С первых дней нашей супружеской жизни последняя была отравляема вмешательством в неё третьего лица – Твоей матери. Не успев помешать нашему браку, она с первых же дней после свадьбы задалась целью довести нас до развода ... Униженный домашним адом, оскорбляемый ежедневно твоими выходками и безграничным властолюбием, я более не в силах переносить такую жизнь. Пройдя через тяжёлую, полную горя жизнь, в моих летах, с расшатанными в последние месяцы нервами, с совершенно подорванным здоровьем, я не нахожу больше в себе силы духовной и физической вести ежедневную борьбу с существом, мною горячо любимым и теперь под чужим влиянием превратившимся в злейшего мне врага ... Стать бессловесным рабом Твоим и, следовательно, и Твоей матери, отрешиться в глазах моих детей от всякого достоинства, от самых элементарных прав главы семейства, отрешиться от всяких прав на личную жизнь, как ты этого хочешь, – я не могу ... Охотно признаю, что Ты несравненно сильнее и устойчивее меня характером ... и ни за что не войдёшь в рамки жены, установленные законами Божескими и человеческими. Я же уступил, в чём мог, и теперь остановился на краю пропасти". При ознакомлении с деталями жизни этого человека, а также с тем фактом, что его супруга послужила прообразом карточной Пиковой Дамы, мне на ум невольно пришла ассоциация с повестью Пушкина и её главным героем

Германном, повторяющим снова и снова: *"Тройка, семёрка, туз! Тройка, семёрка, дама!"* Ведь именно три года, разделённые десятилетиями и заканчивающиеся на цифру 7, стали роковыми в судьбе барона: 1907-ой разрушил его брак по вине *"коварной дамы"* – его жены Мэри; 1917-ый отнял всё имущество и замыслы, с ним связанные; а 1927-ой забрал и самоё жизнь, ведь именно тогда Николай Врангель решился на самоубийство, находясь в эмиграции в Риме.

Что же насчёт Мэри, то спустя время после развода она вышла замуж за некоего Иоганна Берриша, так, похоже, и оставшись жить в Германии. И я, к моему великому сожалению, пока ничего больше не знаю о её дальнейшей судьбе. Однако кое-что знаю о потомственной линии, пошедшей от их с Врангелем старшего сына Владимира. Тот, повоевав в составе Добровольческого Балтийского полка против красных в 1918-1919-ом годах, осел в Ревеле (ныне Таллинн) и женился на дочери местного пастора, Анне Мари Томсон. У них родилось трое детей, старший из которых, Александр Клаус, погиб 19-летним в 1943-ем в боях с советскими войсками под Киевом, а младший, Ханс Олаф, попав в 1944-ом в ряды Гитлерюгенд, выжил, хотя и был ранен при штурме Берлина Красной армией, позднее став в ФРГ известным журналистом и политиком от партии ХДС. Средняя же дочь, Анне Лизелотте, вышла замуж за голландского подданного, Йохана Хенри Бернинка, и у них родилась девочка, названная Карин, которая много позже наткнулась в интернете на

сведения о моих генеалогических поисках, вышла на связь, и вот уже четвёртый год мы поддерживаем общение, обмениваясь друг с другом данными о родословных находках, – мы же шестииродные брат и сестра по роду Скарятиных. Именно Карин Бернинк указала мне на архив своего прадеда, барона Врангеля.

49

Митя, дорогой мой сынчик
мой, разлучили нас с тобой
даль люди и поубили меня
и тебя. Не знаю я,
себя ты еще помнишь, такая
такая, это слово жук на себя
написав, тая и страдан
но тебе. Как встало всю
нашу любовь, какой же для
меня хороший был так горь
ким слезами обливаться.
Митя, не брав меня, встали
все твои клятвы, как ты
мой образ уговаривать и клялся
до гроба мне служить. не
женись, Митя, подожди
меня! Я свою клятву
свято буду хранить тебе
до гроба и

Страничка из письма Мэри любовнику Бажунову

Источник оригинала: РГИА. Источник электронной копии: ЭЧЗ ПБ

РГАЭ (ЦГАНХ). Ф. 920. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 6.

URL: http://readingroom.main.prilib.ru/item.aspx?id_node=n57338380&mode=full

(дата обращения: 16.03.2022). Режим доступа: для авторизир. пользователей.

Wasser-Heilanstalt „Rheinau“

bei Bendorf am Rhein.

Kurhaus für Nervenranke.

Geheimer Sanitätsrat Dr. Erlenneyer.

14/24 April 1904

Te:

Дорогой мой маленький Нюкка,

Вчера была здешняя Мелле-Келл
и меня какъ промолвилъ поразилъ
известіе о продажахъ Третьей Имперіи.
Ма, ма, ма, ма, ма, ма, ма, ма, ма, ма, ма, ма,
^{дчт} но это известіе такъ меня оу-
далило, что я всюду какъ въ снѣгу,
блужу все время и такъ много тѣшу-
ю, что и скажу тебѣ не молчу! Нюкка,
подумай о Дитрихъ, не продавай Мелле-
Келла, стѣрайся змръзда, ради ма-
ма и прелеми стѣрайся стѣрайся стѣрайся
закричи ради родимыхъ мамъ дитти здѣсь

Страничка из письма Мэри мужу, барону Врангелю

Источник оригинала: РГИА. Источник электронной копии: ЭЧЗ ПБ

РГАЭ (ЦГАНХ). Ф. 920. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 5.

URL: http://readingroom.main.prilib.ru/item.aspx?id_node=n57342403&mode=full

(дата обращения: 16.03.2022). Режим доступа: для авторизир. пользователей.

13 ноября 1907.

253
С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Воскресенская наб. 80.

Милостивый Государь

Горюх Николай Александрович,

Был я по отъезду к Вам и видел
оно 18-го октября, то тогда,
то я считал ввиду кризиса,
оно вась вездь и пр., и пр.
Малую мою дочь, свирелью
милую и бусной украшением
тоже. Какое может быть кризис,
разъ въ разучившемся
новости, то онъ стволъ и пр.
тоже. Ваше дело въ
руки мою дочь подвеса,
объездъ оно Ваше и пр.

Страничка из письма Генерала зятю, барону Врангелю

Источник оригинала: РГИА. Источник электронной копии: ЭЧЗ ПБ

РГАЭ (ЦГАНХ). Ф. 920. Оп. 1. Ед. хр. 72. Л. 9.

URL: http://readingroom.main.prilib.ru/item.aspx?id_node=n57342587&mode=full

(дата обращения: 16.03.2022). Режим доступа: для авторизир. пользователей.

Troisième 24 mai

1907.

Cher Mike

La lettre que vous
m'avez reçue après mon
départ est une surprise
pour moi. Je n'ai
pas deux paroles
et ce que je vous
ai promis par rapport
à mes dispositions
testamentaires, con-
cernant les enfants
je le ferai. Cela
s'entend que je ne
puis répondre que de

Страничка из письма Маззи зятю, барону Врангелю

Источник оригинала: РГИА. Источник электронной копии: ЭЧЗ ПБ

РГАЭ (ЦГАНХ). Ф. 920. Оп. 1. Ед. хр. 73. Л. 5.

URL: http://readingroom.main.prilib.ru/item.aspx?id_node=n57342627&mode=full

(дата обращения: 16.03.2022). Режим доступа: для авторизир. пользователей.

Странички из черновика письма барона Врангеля Ольге

Источник оригинала: РГИА. Источник электронной копии: ЭЧЗ ПБ

РГАЭ (ЦГАНХ). Ф. 920. Оп. 1. Ед. хр. 58. Л. 6-7.

URL: http://readingroom.main.prilib.ru/item.aspx?id_node=n57342070&mode=full

(дата обращения: 16.03.2022). Режим доступа: для авторизир. пользователей.

7-10

Много уважая сибиряков,
я очень коротко пишу Вам не
удаваясь приписать сюда, но по приезде
в Пятигорск предложу фотоснимки
Вам, я думаю - выть там же буду
15-10. - Не могу передать Вам
письма Мери, т. к. в порыве него-
дования и отвраждения я его уничто-
жила, шобаре, так и второе одноклассно
содержания, которое пришло на меня
полностью шобаре, уже по нем это
письма отсюда. Но у меня сохранились
1) письмо Мери как-то - это Кн. Трубец-
кой (о котором Вам-да не должно
быть стравки?) которой она сообщает
своем изнании изъ Пятигорска
"Кемель", о том же "все от Кривоша"
выражаясь бредоморение, что и
Вам отсюда от Кривоша, когда узнаю
нов Вель, и 2) письмо Трубецкой - милое,
как и...

Страничка из письма Ольги барону Врангелю

Источник оригинала: РГИА. Источник электронной копии: ЭЧЗ ПБ

РГАЭ (ЦГАНХ). Ф. 920. Оп. 1. Ед. хр. 64. Л. 6.

URL: http://readingroom.main.prilib.ru/item.aspx?id_node=n57342245&mode=full

(дата обращения: 16.03.2022). Режим доступа: для авторизир. пользователей.

Многъ страшно тяжело за оскорбление,
нанесенно Вамъ и Вашей семьей.

Вы мене прощаете, но отъ этого мнѣ
еще хуже, потому что я чувствую
себя недостойнымъ Вашего прощанія,
недостойнымъ даже того, чтобы
мене прощали. Умоляю Васъ
только объ одномъ: не убавляйте моѣ
новой жизни, которая можетъ быть
результатомъ моего порыва, и въ ко-
торой находится весь смыслъ моего
будущаго. Въ противномъ случаѣ
я погибну навсегда, я стану сорной
травой, ездой на голыхъ колесахъ.
Всуглавно и свидѣтъ за нимъ

Страничка из письма Генриха Борового Ольге

Источник оригинала: РГИА. Источник электронной копии: ЭЧЗ ПБ

РГАЭ (ЦГАНХ). Ф. 920. Оп. 1. Ед. хр. 64. Л. 14.

URL: http://readingroom.main.prilib.ru/item.aspx?id_node=n5734224&mode=full

(дата обращения: 16.03.2022). Режим доступа: для авторизир. пользователей.

8
врем. Государь Намана. Сусру на
вогдаш и кину тебе кистото, град
самолитио время до ограда Намано ко-
гда. Средство бешован вода: мае
мидно на кину начал в руке река, ^{ча}
Намисама бадумен и на воинаса шере-
жерс & под спросрашшам конвоен-
ты в Финавити в Икочави. Ни
адрес пока Абб. Курор Намидеб.
сталадная 15. И. А. Аврови Дед, мид.

В не могу морсетт Гамб отослаит сф
миебел, как бугу в Пиферс - бадумен за-
аферила мид онудант, мидне поавитант
жерсрамно и даде говорит в ко жерефону
в Памор бы зо ни биев. Мидеб, &
таде кадност, что ты еще не оро-
силе ену нае мидебел - со удр
китер жанс, вродо жо, и миде удр
ко кенришам, есвимебел бугуни
узато узри миди. Намане биев

Страничка из письма Мери княжне Трубецкой

Источник оригинала: РГИА. Источник электронной копии: ЭЧЗ ПБ

РГАЭ (ЦГАНХ). Ф. 920. Оп. 1. Ед. хр. 64. Л. 18.

URL: http://readingroom.main.prilib.ru/item.aspx?id_node=n5734224&mode=full

(дата обращения: 16.03.2022). Режим доступа: для авторизир. пользователей.

Война

Ирина Скарятина – от первого лица

Когда наш с Келлером развод был окончательно оформлен, удалось достичь договорённости о том, какие именно месяцы в году моя маленькая дочь будет проводить со мной, а какие – со своей бабушкой по отцу, графиней Марией Александровной Келлер, урождённой княжной Шаховской. И так вышло, что как раз во время их пребывания на юге России в стране разразилась революция, от которой пришлось спешно бежать на корабле, благополучно доставившем их во Францию. В течение пяти долгих лет я не знала, жива моя дочь или нет, поскольку все средства связи были разорваны большевиками, и только в ноябре 1922-го года, чудом выехав из советской России и добравшись до Англии, я получила наконец сведения, что с малышкой всё в порядке и бабушка хорошо о ней заботится, являясь одной из немногих российских подданных, кому удалось сохранить часть своего имущества, купив ещё до революции виллу в Каннах. Поскольку в день моего отъезда из России у меня не было ничего, кроме пятидесяти долларов, выданных петроградским отделением "Американской администрации по оказанию помощи", – суммы, сократившейся за время моего путешествия до пугающего остатка в два или три доллара и без какой-либо возможности раздобыть дополнительные деньги, кроме как

заработав их в Лондоне, где было невероятно трудно найти работу в те дни, – и поскольку моя бывшая свекровь была сравнительно состоятельной, а значит, способной, в отличие от меня, обеспечить внучке необходимый комфорт и образование, я приняла решение полностью оставить свою девочку на её попечении, отказавшись даже от тех месяцев, когда, согласно прежней договорённости, она принадлежала мне. Я чётко осознавала, что данная жертва с моей стороны была самым лучшим и добрым, что я могла для неё сделать, ведь меня ожидала жизнь, полная тяжёлого труда и бедности, которую я ни в коем случае не имела права разделить с ней.

Однако рассказ о дочери завёл меня слишком далеко вперёд, и я должна вернуться ко времени, предшествовавшему Мировой войне. Я жила тогда с родителями в Троицком, хотя у меня и была своя квартира в Петрограде, где я проводила зимы. В те спокойные ещё годы мы с Маззи часто ездили за границу, в основном по Италии, пытаясь забыть трагедию, через которую мне пришлось пройти. Сердце моей бедной матери буквально разрывалось при мысли о том, что она подтолкнула меня к замужеству, оказавшемуся столь несчастливым, и мы очень тесно сблизились – общее горе довело наше общение до невероятного уровня интимности. Когда же я опять появлялась в Петрограде, то неизменно вращалась в кругу весёлой, уже состоявшей в супружеских отношениях молодёжи, пытаясь забыться, но не преуспевая в этом. Танцы, катание на роликовых коньках, званые обеды, поездки

на тройках к цыганам, хождение по театрам – постоянное движение, постоянное стремление испытать какие-то новые эмоции, призванные затмить прошлое. Однако такая жизнь не могла удовлетворить меня, и я приезжала домой более нервной и несчастной, чем когда отправлялась "веселиться". Я совершенно не представляю, как сложилась бы моя судьба – вполне возможно, я бы вскоре снова вышла замуж – как вдруг, безо всякого предупреждения, с ясного неба грянул небывалой силы гром – Мировая война!

Моя очень близкая американская подруга Этель Палмер (ныне миссис Ширли Морган из Принстона) и её брат Карлтон Палмер только что отбыли после посещения нас в Троицком, а я, убедившись, что они благополучно добрались до Петрограда, вернулась к тихому пребыванию в деревне, и тут пришло известие, что началась война и полк моего брата должен в очень скором времени отправиться на фронт. Итак, мы с Маззи в спешке помчались в Петроград, прибыв как раз вовремя, чтобы проводить Мики. Мне не дано забыть то раннее утро на Шпалерной, где выстроились эскадроны Кавалергардского полка, готовые к отправке. На них было так приятно смотреть, они были так полны жизни, так храбро рвались в путь – только для того, чтобы вскоре вернуться назад мёртвыми или искалеченными!

Через пару дней я присоединилась к Красному Кресту, приступив с самых азов к подготовке в качестве военной медсестры: отмывала полы, разжигала кухонные плиты, вы-

полняла всю наиболее грязную работу, которую нам поручали намеренно, дабы посмотреть, выдержим ли мы. Вначале нас было около трёхсот, однако лишь девяносто две смогли продержаться до конца – настолько суровыми и бескомпромиссными были требования. Но мне стало так интересно, что как только моя короткая военная подготовка закончилась и экзамены были благополучно пройдены, я перешла на курсы повышения квалификации сестринского дела, а затем и на стандартное врачебное обучение. В течение восьми лет я училась, сдавала экзамены и работала в главном петроградском госпитале, а также в Варшаве и на фронте, где была награждена за самоотверженность в боевых условиях. Все эти годы я обитала при госпитале, отказавшись от своей прекрасной квартиры, прислуги, красивой одежды и всего прочего, поскольку душой и сердцем принадлежала работе. Родителей мне удавалось увидеть только в редкое свободное время, если представлялась возможность забежать и провести с ними часок. Когда разразилась революция, я находилась в госпитале, трудясь и периодически делая записи в дневнике согласно привычке, выработанной с семилетнего возраста. Все мои дневники так и остались в России (если не были кем-то найдены и уничтожены) – все, кроме "Дневника Революции", который был сохранён и передан горничной моей матери Татьяной доктору Голдеру, доставившему его мне, когда я уже была в Лондоне. У дневника отсутствует начало, и первая запись в том блокноте, который удалось

вывезти, датируется 20-ым февраля 1917 года.

Часть Вторая. Дневник Революции

**Фотография демонстрации в Петрограде (июль
1917-го года)**

Февраль 1917-го

Ирина Скарятина – от первого лица

Понедельник, 20 февраля (5 марта)¹⁷

Сегодня утром в диспансер доставили молодую женщину в состоянии крайнего истощения. Она упала на улице в обморок, простояв перед этим всю ночь в "хлебной очереди" и боясь потерять своё место, если отойдёт отдохнуть хотя бы ненадолго, ведь дома её ждали двое голодных малышей, которым она не могла дать ни кусочка хлеба, пока не разживётся им в пекарне. Её бедное пальто было изношено, и она, судя по всему, ужасно замёрзла ... И неудивительно, ведь на улице жуткий холод и дует резкий ветер, от которого у меня чуть не перехватило дыхание, когда я бежала через двор госпиталя в хирургическое отделение. Бедняки в диспансере горько жалуются на лишения, которые им приходится терпеть. Все они твердят одно и то же: дров мало и они дёроги, хлеба не хватает, а эти невыносимые очереди за

---

¹⁷ Двойные даты даны, чтобы избежать путаницы между юлианским календарем или календарем "старого стиля", официально использовавшимся в России на момент написания этого дневника, и григорианским календарем или календарем "нового стиля", который тогда уже был принят большинством других стран. Переход на григорианский календарь в Советской России был осуществлён согласно декрету Совнаркома в 1918-ом году, когда после 31-го января сразу следовало 14-ое февраля. Первая дата указана по юлианскому календарю, а вторая (в скобках) – по григорианскому.

ним страшно изматывают. Действительно просто чудовищно видеть перед каждой пекарней бесконечную цепочку людей, топающих ногами и размахивающих руками в тщетной попытке согреться. Некоторые из них смеются и шутят, но в основном преобладают печальные и встревоженные лица, на которых безошибочно угадываются признаки слабости и голода. Трагизм такого положения дел заключается в том, что ситуация, похоже, становится всё хуже и хуже без каких-либо перспектив на возможное облегчение. По причине всех этих напастей рабочие начинают приходить в сильное беспокойство, и сегодня на Путиловском заводе и других фабриках произошли стачки.

Вторник, 21 февраля (6 марта)

Сегодня днём, по пути домой, стоило мне выйти из госпиталя, как я увидела несчастную дворняжку, умирающую от голода и холода. Её кости выпирали самым ужасным образом, а что касается её глаз, то тоска в них не поддаётся описанию! Прямо рядом с тем местом, где лежала собачонка, находилась продуктовая лавка – так что я сразу бросилась туда, купила большую сосиску и уже собиралась накормить бедняжку, как внезапно такие прохожие, что являются завсегдатаями больничных районов, стали останавливаться, пялясь на нас и громко ворча: "Гляньте-ка, как она кормит собаку, когда добрые христиане пухнут с голоду. Ох уж эти праздные богачки!" На мне не было сестринского наряда, и,

вероятно, моя шубка из котикового меха навела их на мысль, что я несомненно "праздная богачка". К моему отвращению, вокруг меня быстро собралась небольшая толпа, а комментарии стали настолько враждебными, что я поспешила ретироваться, держа дворняжку подмышкой одной руки и сосиску – в другой. По счастью, я была недалеко от конюшни, где мой бывший пациент Степан, кучер дрожek, держит своих лошадей, и, слава Богу, он сам оказался на месте, так что я смогла беспрепятственно оставить новоявленную подружку на его попечение. Он поместил её в один из пустых денников, где та сразу же свернулась калачиком на мягкой соломе, млея от чувства насыщения. Я рассказала Степану, что произошло и сколь враждебно была настроена толпа, и тот тяжело покачал головой. "Больше так не делайте, Сестричка, – сказал он. – Это слишком опасно. Помните, что в наши дни много оголодавших людей, и их очень злит, когда они видят, что кто-то кормит животных". Он, конечно же, прав, но тем не менее то был ужасный эпизод. Ничего подобного со мной раньше не случалось, и это доказывает, что среди бедных растёт чувство ненависти, готовое вспыхнуть от одной спички. Дух волнений среди рабочих тоже, по всей видимости, постоянно растёт, поскольку сегодня на фабриках случилось ещё больше беспорядков.

Сейчас я на ночном дежурстве. В палатах тихо. Даже Ваня спокойно спит после операции. Однако случай со столбняком меня тревожит. Всё-таки это довольно большая ответ-

ственность – следить за отделением в такую ночь.

Среда, 22 февраля (7 марта)

Сегодня днём я была свободна и отправилась с Маззи на два часа во Дворец¹⁸, чтобы помочь делать хирургические повязки. После суровой работы в госпитале всё это казалось детской забавой, но зато дало мне необходимую передышку и явно пошло на пользу. Маззи сияла. Бедняжка, она была бы так счастлива, если бы я бросила госпиталь и работала во Дворце с другими придворными дамами. Я знаю, что мои врачебные курсы сильно огорчают её, и всё же одновременно она весьма гордится мной за то, что я прошла их и успешно сдала экзамены. Она откупила мне на завтра ложу в театре. Я пойду и возьму с собой нескольких своих сокурсников.

Четверг, 23 февраля (8 марта)

Итак, я не смогу пойти в театр! Сестра-хозяйка только что прислала за мной и велела прибыть в операционную к восьми часам вечера, поскольку сегодня моя очередь ассистировать профессору Д. Предстоит ампутировать правую ногу Ивана Мартынова, а также руку Василия Туманова – сегодня утром в смотровой она и впрямь выглядела ужасно! Мне жаль лишаться сегодняшнего театра ("Психея" Юрия Беля-

---

¹⁸ В Зимнем дворце в течение двух лет, с октября 1915-го по октябрь 1917-го, существовал госпиталь для нижних чинов – большой хирургический лазарет на тысячу мест, организованный по решению императора Николая II и его семьи. Он занимал все парадные залы Дворца, кроме Георгиевского.

ева с великолепным актёрским составом), но я бы ни за что не пропустила операцию, так как честно пообещала Ивану и Василию, что буду рядом, если их решат прооперировать, в любое время дня и ночи, даже не в свою смену. Проведя так много времени в заботе о них, я, естественно, очень беспокоюсь, особенно за Ивана, такого терпеливого, доброго и трогательного. Я никогда не забуду письмо, которое он упросил меня написать сегодня своей жене, будто заранее зная, что должно произойти. И я *никогда* не привыкну ко всем этим страданиям, сколько бы ни длилась война. Вот уже скоро три года, как я вижу это днём и ночью, и всё же каждый случай причиняет мне такую же боль, как в первый раз, делая совершенно несчастной. Это неправда, что со временем человек ожесточается и становится равнодушным, потому что я знаю, что большинство моих сокурсников переживает так же, как я. Однако я научилась не плакать – хотя бы одно достижение. Как же ужасно я рыдала поначалу.

Я думаю отдать свои билеты в театр Сестре Вере, и та сможет пригласить кого пожелает.

Пятница, 24 февраля (9 марта)

Захватывающие дела творятся. Сегодня утром за завтраком в трапезной я спросила Сестру Веру про театр и была поражена, услышав, что она так и не попала туда из-за уличных беспорядков. Она и ещё пять девушек, выйдя в 6 вечера из госпиталя и направившись к трамвайной линии, вдруг услы-

шали невдалеке выстрелы, и полицейский крикнул им, чтобы они поворачивали назад, так как совершенно небезопасно разгуливать по Невскому проспекту, где собрались толпы рабочих, поющих революционные песни и требующих "хлеба и мира". Пострадал ли кто-нибудь, девушки не знали, но один из врачей поведал мне, что сегодня больше беспорядков и что казаки убили много бунтовщиков. На всех фабриках всеобщая забастовка, и не вышло ни одной газеты. Сестра Наталья только что позвонила, сказав, что не может выбраться с Васильевского острова из-за баррикад на мостах. Вот так дела! ... А я здесь даже не и подозревала, что происходит нечто необычное! Прошлой ночью в госпитале было абсолютно тихо, и после окончания операций я сразу пошла спать, никого не встретив и не услышав ничего странного!

Все напряжены, санитары и прислуга собираются группами и возбужденно перешёптываются. Солдаты очень заинтересованы, но не высказывают никаких мнений. Наши "красные" Сёстры имеют торжествующий вид, а Сестра-хозяйка – весьма суровый.

Маззи позвонила, что приедет, но я убедила её остаться дома. Она говорит, что ей нужно сообщить мне много новостей. Я пообещала позже забежать к ней. В своём сестринском облачении я буду в большей безопасности.

Суббота, 25 февраля (10 марта)

Забастовки и бесчинства продолжают. Бунтовщики

врываюся в пекарни и забираю весь хлеб, который могут найти. Появились красные знамёна с различными революционными надписями, и под аккомпанемент выстрелов слышится "*Марсельеза*". Повсюду возбуждённо снуют люди, распространяя сенсационные слухи. "Говорят", что огромное число раненых и довольно много убитых. Моральный дух в госпитале не слишком хорош. Прислуга и санитары суетятся вокруг пациентов, приводя тех в возбуждение. Все солдаты сердиты, а некоторые и вовсе дерзки. Но они не выражают себя открыто, поскольку не уверены, что услышанное является правдой. Сегодня на вечерне наш старый Отец Пафнутий вещал о любви, терпении и послушании, но без особого успеха. Солдаты, судя по всему, были совершенно не настроены внимать подобным мыслям и выглядели как большие угрюмые мальчишки, не желающие слушать утомительных проповедей. Кроме этого, я заметила, что во время молитв за императора и царскую семью они не крестились, как положено, но зато демонстрировали большую набожность каждый раз, когда молитвы касались армии и их самих. Однако Павел очень тронул меня этим вечером. Когда я подошла к его постели, он прошептал: "Не бойся, Сестричка, мы никому не дадим *тебя* в обиду". Но когда я спросила, что он имеет в виду, то ответа не последовало. Кажется, будто какие-то странные подземные потоки текут по таинственным каналам, а воздух просто искрит напряжением. Только что позвонила Маззи, сказав, что на их улице всё спо-

койно. Завтра в полдень она пришлёт за мной автомобиль.

Воскресенье, 26 февраля (11 марта)

После утренней службы в госпитальном храме я поехала домой в автомобиле. На пересечении с Потёмкинской нам пришлось остановиться из-за огромной кучи народа, маршировавшей с красными флагами и транспарантами, гласящими "Долой правительство" и "Долой войну". Процессия, похоже, направлялась к Невскому и двигалась достаточно резво, как вдруг какая-то женщина, заметив автомобиль, отделилась от толпы и, вскочив на подножку и грозя шофёру кулаком, стала орать: "Холоп, низкий прислужник, давай-ка вылезай оттуда и присоединяйся к нам! Пусть она топают пешком!" Бедный Иван был так напуган, что даже его уши побелели. Затем ещё две женщины забрались на подножку, выкрикивая грязные оскорбления в мой адрес. На минуту я подумала, что сейчас они откроют дверь и выволокут меня, но тут какой-то мужчина одёрнул их: "Оставьте её в покое – это же сестра милосердия" (к счастью, я была в сестринском наряде), – и те, послав мне пару завершающих воплей, послушались и помчались вслед за процессией. После этого мы смогли тронуться дальше, и через пять минут я была дома в безопасности. Иван признался, что был в ужасе от того, что могло со мной случиться.

Генерал рассказал, что губернатором Петрограда издан приказ, запрещающий любые собрания и предупреждающий

граждан, что войскам поручено применять "крайние меры" в случае неповиновения. А это означает, что стоит ожидать очень много стрельбы, поскольку толпы бунтовщиков с каждым часом становятся всё больше и больше. Наш старый Пётр (дворецкий) только что вернулся из магазина с ворохом жутких историй. Он поведал, что своими глазами видел, как был застрелен полицейский и ранено много протестующих, а также что народ со страшной скоростью стекается на Невский. Совершенно очевидно, что ни у кого нет ни малейшего намерения подчиняться приказам военного губернатора. Ходят слухи, что Волынский гвардейский полк взбунтовался и отказывается открывать огонь по людям, но пока это не подтвердилось. Конечно, всё выглядит довольно плохо. С тех пор, как умер Распутин, у всех нас было ощущение, что мы сидим на вулкане, а сейчас мне кажется, что вулкан начал извергаться.

Понедельник, 27 февраля (12 марта)

Катастрофа! Дума распущена, Родзянко получил в полночь приказ от императора. О, как ужасно, что это случилось в такое время. Будучи свободной от дежурства, я утром снова помчалась повидаться с родителями, чтобы узнать все новости. Обстановка вокруг казалась мирной, хотя трамваи не ходили и улицы были необычайно пусты. Но как раз в тот миг, когда я дошла до центра "Таврического сада", справа от меня застрочил пулемёт, и тут же другой ответил слева, так

что я оказалась между двух огней. Единственное, что оставалось делать, – это бежать, и я, разумеется, помчалась так быстро, как только позволяли мне мои ноги. Я так ни разу и не остановилась, пока не добралась до дома, ввалившись туда полумёртвой от одышки и испуга. Родители, стоя у эркерного окна, видели, как я бегу. Маззи, конечно же, услышала пулемётные очереди и чуть не умерла от страха, наблюдая за моим спринтом в столь опасной ситуации. Оба были так взволнованы, что их бедные старые руки тряслись, творя надо мной частые крестные знамения, а после они очень долго обнимали меня, и ругали, и плакали. Они не позволили мне идти назад пешком, а отправили в госпиталь в автомобиле, хотя, конечно, ехать было гораздо опаснее. Однако нам удалось благополучно добраться до госпиталя, и, чтобы защитить Ивана на обратном пути, я нацепила ему на руку повязку со знаком Красного Креста. В своей комнате я нашла записку от Настиньки¹⁹. Она уехала в Крым к сестре, так как та сильно больна.

Вечером того же дня

События развиваются с невероятной быстротой: Дума отказалась распускаться и начала заседание, открыто не подчинившись приказу императора; солдаты Волынского полка

---

¹⁹ Графиня Анастасия Гендрикова, фрейлина императрицы Александры, последовавшая за ней в ссылку и там убитая большевиками в 1918-ом году. С детства была ближайшей подругой Ирины.

убили множество своих офицеров и присоединились к революционерам; толпа открыла тюрьмы, освободив всех заключённых. Ряд правительственных зданий охвачен пламенем. Революционеры сжигают уголовные и политические архивные дела, чтобы уничтожить все записи о своих преступлениях, танцуя и улюлюкая в диком ликовании при виде огня, поглощающего уличающие их документы. В городе царит полный хаос – на улицах возводятся баррикады, повсюду гремят выстрелы, и суматоха стоит неопишущая. Полиция палит по толпе с чердаков и крыш, где устроены скрытые пулемётные гнёзда. Это, конечно, приводит бунтовщиков в ярость, и они охотятся на полицейских, называя тех "фараонами" и предателями. Выглянув в окно, я только что увидела, как произошло ужасное. Полицейский, преследуемый воюющей толпой из сотен обезумевших людей, промчался по нашей улице с дикими от ужаса глазами, скача, как загнанный заяц. Когда толпа почти настигла его, он внезапно бросился в открытую дверь жилого дома напротив госпиталя, но это не охладило преследователей. Те гнались за ним вверх по лестнице (так мне сказали позже), и хотя он стучал во все двери, пока поднимался, ни одна из них не открылась, чтобы спасти его. Наконец он добрался до самой верхней площадки, где попал в ловушку, был схвачен и разорван на куски. Его бедное, сильно изуродованное тело наши санитары на носилках принесли в часовню госпитального морга. Всё это произошло за несколько минут и вызвало у меня тошноту и

дрожь во всём теле.

В полночь того же дня

Все улицы вокруг госпиталя погружены во тьму – нигде ни огонька, но в этой мгле можно различить тысячи бесшумно скользящих человеческих фигур. Ни стрельбы, ни пения, ни криков – ни звука, кроме шарканья множества ног.

Последние новости заключаются в том, что Дума пытается организовать "Временное правительство" и что Родзянко, её председатель, телеграфировал императору, чтобы сообщить, насколько серьёзна ситуация. Гарнизон города восстаёт. Полк за полком арестовывает своих офицеров, присоединяясь к Революции; ведь это именно Революция – в этом нет никаких сомнений.

Наш диспансер будет работать всю ночь в качестве "Пункта скорой помощи" для раненых. Я должна заступать на дежурство в 4 утра, так что мне лучше пойти спать прямо сейчас, хотя я знаю, что не смогу сомкнуть глаз.

Вторник, 28 февраля (13 марта)

За время моего дежурства доставили пятерых раненых, но никто из них серьёзно не пострадал. После перевязки все они покинули диспансер, и койки скорой помощи остались пустыми.

Заходила Маззи, сильно огорчив меня этим. Я умоляла её не покидать дом, но она всё же пришла, накинув на голову

шаль вместо шляпы и нацепив старое пальто Татьяны. Одетая таким образом, она сохраняла полную уверенность, что останется незамеченной, и была сильно возбуждена своим приключением. Однако честно пообещала мне больше такого не вытворять.

Стрельба ещё продолжается, но, вероятно, скоро все полицейские будут перебиты. Огромные бронированные грузовики с красными флагами носятся взад-вперёд по улице. На некоторых из них стоят пулемёты, которые постоянно постреливают. Сомнений нет – Петроград полностью в руках революционеров. Почти все наши санитары исчезли, а несколько близких к выздоровлению солдат гордо покинули госпиталь, не спросив разрешения. Прислуга ведёт себя нагло, и многие из работников отказываются выполнять свои обязанности, тем не менее всё ещё подчиняясь (вероятно, в силу привычки) распоряжениям, отданным лично Сестрой-хозяйкой. В операционной сегодня очень холодно, и повар не приготовил никакого ужина. Похоже, Революция пришла и сюда тоже.

Отречение и комитеты

Среда, 1 марта (14 марта)

Сегодня утром прошли три операции: из руки солдата-татарина, только что прибывшего с фронта, были извлечены пули, Степану Мордкину ампутировали пальцы, а маленькому еврею Исааку – ногу. Татарин оказался необычайно храбрым. Его прооперировали без какой-либо анестезии (из-за его слабого сердца), и он даже не дёрнулся, а только тихо стонал через равные промежутки времени, и пот струился по его лицу. Он язычник, и на его прикроватной тумбочке стоит маленький деревянный идол, которому он молится с большим усердием. В нём так много спокойного достоинства, что другим пациентам и в голову не приходит высмеивать его божка – он, кажется, наоборот, каким-то образом вызывает у них уважение, что очень необычно.

Революция всё ещё в самом разгаре, и уже куча офицеров убита солдатами. Генерал ни в коем случае не должен выходить из дому. Он, столь глухой и потому имеющий манеру высказывать своё мнение во весь голос, сразу бы погиб. Кроме того, он просто не желает отказываться от генеральского мундира, показаться в котором на улице было бы фатально.

Офицеры, находящиеся в госпитале, очень нервничают. Они не покидают палату и в основном курят молча. Санитары (некоторые вернулись прошлой ночью) весьма дерзки с

ними, хотя сегодня ведут себя чуть более сносно.

Революционная Дума образовала "Временный комитет" с Родзянко во главе, но в то же время в комнате №13 Таврического дворца возник таинственный "Совет рабочих и солдатских депутатов", который, судя по всему, изначально с огромным недоверием относится к этому Временному комитету, следит за каждым его шагом и постоянно кричит о "Республике и мире". В конце концов казаки тоже восстали и перешли на сторону Революции, как и великий князь Кирилл, прошеествовавший к Таврическому дворцу во главе гвардейской морской пехоты. Говорят, император направляется в Царское Село, но где он сейчас, никто не знает. Было много арестов, среди них Протопопов, Штюмер, фактически почти все бывшие министры, митрополит Питирим и многие другие. Все они содержатся в Таврическом дворце.

В полдень я пошла туда пешком. Толпы людей окружали дворец: солдаты, рабочие, граждане всех мастей, – все было дико возбуждено, а само место напоминало муравейник. Подойдя к крыльцу, я увидела, как человек довольно безумного вида обращался с балкона с речью к народу. Он кричал, что население должно доверять новому правительству, но в то же время следить за каждым его шагом. Я бы сказала, замечательный способ "доверять" кому-либо! Толпа внимательно слушала его, и ей, по всей видимости, больше всего понравилась та часть, где он говорил о "слезке за правительством". Солдат, стоявший рядом со мной, повторял снова и

снова: "Да, это правда, всё верно!" По другую сторону от меня примостилась молодая женщина, казавшаяся откровенно скучающей, а потому периодически и громко зевавшая, при этом каждый раз осеняя свой рот крестным знамением. Иногда она выкрикивала то, что кричали остальные, но без какой-либо убеждённости или видимого интереса. Наконец, задолго до того, как речь была завершена, она стала проталкиваться локтями сквозь толпу, бормоча: "Хватит с меня, я устала". Её место тут же занял коренастый молоденький солдатик, непрерывно сплёвывавший шелуху от семечек и во всё горло выкрикивавший тонким, дрожащим голосом череду более или менее бессмысленных замечаний, не касавшихся ничего конкретного. Было очевидно, что он слушал себя гораздо внимательнее, чем оратора, и, судя по всему, получал огромное удовольствие от собственных высказываний. Когда я уходила, тихий, приличного вида старик решился заговорить со мной доверительным шёпотом. Так как в наши дни все, кажется, разговаривают друг с другом, независимо от того, знакомы они или нет, я прислушалась к тому, что он шептал. Со слезами на глазах он сообщил, что ходят твёрдые слухи о принуждении императора к отречению от престола и что лично он считает это единственным способом спасти жизни членов царской семьи, если только войска на фронте не проявят верность, не пойдут быстрым маршем на Петроград и не подавят Революцию. "Что Вы обо всём этом думаете?" – печально спросил он. "Совершенно ничего, – по-

спешила ответить я. – Я слишком растеряна, чтобы что-то понимать в эти дни", – и быстро ушла. В конце концов он мог бы оказаться провокатором, так как в городе, вероятно, их пруд пруди, и всегда разумнее промолчать. Поворачивая за угол, я услышала, как кто-то окликнул меня по имени, и, оглянувшись, увидела спешащую ко мне Сестру Наталью. "И что, Боже правый, ты здесь делаешь? – воскликнула она. – Знаешь же, что тебе не пристало гулять одной в такое время. Ну-ка быстро возвращайся в госпиталь и оставайся там, где тебе самое место!" Но я не из тех, кого можно застрашать. "Я собираюсь увидеть эту Революцию своими глазами и услышать всё, что о ней говорят, своими ушами", – твёрдо ответила я, хотя вполне ожидала, что об этом может быть доложено Сестре-хозяйке. Но тут неожиданно она расхохоталась и, хлопнув меня по спине, вскричала: "Молодец! Мне жуть как нравятся отважные девушки. Но всё же позволь отныне быть твоим компаньоном, и мы вместе изучим эту Революцию. Я старше тебя, опытнее, и у меня гораздо более мудрая голова на плечах. Ну как, согласна?" "Согласна", – искренне ответила я. Она ужасно хорошая и нравится мне. Впрочем, действительно интереснее наблюдать за происходящим с кем-то ещё, а не в одиночестве. Вечером я на дежурстве, но завтра мы пойдём и продолжим знакомство с этой Революцией.

Четверг, 2 марта (15 марта)

Скорость, с которой происходят события, напоминает просмотр киноленты. Императору, направлявшемуся из Могилёва в Царское и сделавшему остановку в Дне, говорят, что его поезд не может следовать дальше на север, так как линия находится в руках революционеров. Поэтому он приказывает повернуть на Москву, но, узнав, что Москва тоже охвачена Революцией, в итоге принимает решение ехать в Псков, где находится генерал Рузский, надеясь, вероятно, что Рузский со своей армией встанет на его защиту. Однако Рузский, связавшись, по всей видимости, с Родзянко, генералом Алексеевым и другими командующими войсками, после представления императору заявляет тому, что единственный оставшийся выход из ситуации – это отречение, поскольку таково желание Временного комитета. Если он отречётся в пользу Алексея, то кто будет регентом? Великий князь Михаил? Разумеется, не императрица! Всё это настолько невероятно, что у меня создаётся ощущение не яви, а сна. Не ждёт ли нас всех в скором времени гильотина? Кто знает, где, однажды начавшись, остановится Революция! Буквально каждый час приносит новые известия, и они сменяют друг друга столь быстро, что я едва успеваю их записывать, поскольку занята и работой в госпитале, и "изучением Революции" в свободное от работы время. А ведь нужно ещё и забегать к родителям. Определённо, моё нынешнее существование уж слишком переполнено событиями. Только услышишь нечто новое и начинаешь потихоньку к этому привы-

кать, как дела принимают совершенно неожиданный оборот. Мне кажется, что скоро я не смогу связно излагать свои мысли о происходящем. Как бы то ни было, я забыла упомянуть "Приказ дня" для всей армии, названный "Приказом №1", что был издан вчера Советом и составлен человеком по фамилии Соколов, приходящимся, как говорят, сыном священнику церкви Зимнего дворца Отцу Соколову. Какая ирония, если это правда! Данный "Приказ", адресованный всем войскам, является самым деморализующим из когда-либо созданных документов, который полностью разрушит дисциплину, если ему станут подчиняться. Он упраздняет все звания и полномочия и оставляет судьбу офицерского состава целиком на милость солдат и их исполнительных комитетов. Я также слышала, что в Кронштадте творится немыслимое – там матросы арестовывают всех своих командиров поголовно и убивают тех после ужасных пыток. Однако никто пока не знает всей правды об этом.

Пятница, 3 марта (16 марта)

Свершилось! Император отрёкся от престола в пользу своего брата, так как не желает разлучаться с Алексеем. Это произошло вчера в Пскове после прибытия депутатов Думы Гучкова и Шульгина и их беседы с ним. Но великий князь Михаил тоже отрёкся. Говорят, Керенский заставил его сделать это вопреки желанию Родзянко и Львова. Ко всему прочему закончил своё существование Временный коми-

тет, поскольку наконец-то было сформировано "Временное правительство", которое и будет управлять страной до созыва Учредительного собрания.

ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО.

Земля и воля

Свобода
равноправия

Республиканская
Свобода
Свобода
Свобода

Самодержавный Аристократизм

председатель государственной думы
М. В. РОДИНКО.

особый и врек. министр
А. К. ГУКОВСКИЙ

член-председатель совета
В. Н. ЛЮБОВЬ.

председатель сов. министров
Т. Е. ЛЮБОВЬ.

министр юрисконсульт
А. А. ИЗРАЕЛОВЪ.

министр торговли и индустрии
А. К. КОНОВАЛОВЪ.

министр внутренних дел
А. В. КЕРЕНСКИЙ

министр иностранных дел
П. Н. МИЛЮКОВЪ.

министр финансов
М. К. ТЕРЕЩЕНКО.

министр просвещения
Л. Н. ШТРОМБЕРГЪ.

член-председатель
ДЕРЖАВНОГО
СОВЕТА

ПРИКОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ РОССИИ

Суббота, 4 марта (17 марта)

Я непрестанно думаю об императоре. Преследуемый всеми, одинокий, напуганный, униженный и обиженный. Он, конечно, испил чашу горечи до дна. Что с ним станется теперь? Разрешат ли ему и его семье остаться в России или позволят уехать за границу? Маззи слышала, что императрица была ошеломлена, когда великий князь Павел поведал ей об отречении, и отказывалась верить в это, пока сам император не донёс ей горестную весть. Она одна с детьми, и двое из них всё ещё болеют корью.

Солдаты в палате для выздоравливающих выглядят весьма взволнованными; они слышали о том, что гарнизон Петрограда не будет отправлен на фронт в награду за "спасение Революции". Это абсурдное словосочетание – "спасение Революции" – нынче используется *à tort et à travers*²⁰, как говорят французы. Например, один из санитаров заявил, что кухарку следует уволить, так как она отказывается покинуть кухню и присоединиться к уличному шествию, дабы "спасти Революцию", а горничная Дуня известила, что у неё сегодня нет времени готовить ванны для Сестёр, поскольку ей необходимо поучаствовать в митинге во имя "спасения Революции". "Спасём Революцию!" – кричат и солдаты из броневиков, с грохотом проносящихся мимо, и уличные ораторы

---

²⁰ Французское "à tort et à travers" – "без разбору".

на каждом углу, и, безусловно, любой, кто пытается высказаться по поводу Революции, имя им легион. Повсюду говорится так много глупостей, что от них "уши вянут", как элегантно называет это мой брат. Сейчас все спорят о предстоящем "Учредительном собрании", и как же спотыкаются языки необразованной братии об эти два предательских слова!

Внизу, в фойе для прислуги, сегодня прошёл митинг (или, как они это произносят, "*митинка*") для санитаров и горничных. Горничная Поля позже рассказала мне все детали. Она поведала, что был избран "исполнительный комитет" и что она стала-таки его членом – бедная старая глупая Поля, не умеющая ни читать, ни писать! Стóрожа выбрали Председателем, привратника – его Заместителем, а Петра, помощника повара, – Секретарём. Он, вне всяких сомнений, сможет готовить замечательные "протоколы заседаний", если судить по тому, каковы составленные им ранее списки предметов, необходимых на кухне. Я спросила Полю, что они делали там так долго (ведь встреча длилась несколько часов), но она, похоже, не очень-то в этом разобралась. "Всё болтали и болтали, – попыталась объяснить она довольно неопределённо. – А потом потребовалось какое-то время, чтобы выбрать всех членов Комитета. Все хотели участвовать в нём, и случилось довольно много ссор и даже драк".

Председатель Комитета уже начал утверждать свою власть, фланируя по госпиталю в заливчатски заломленной фуражке, тогда как его Заместитель позволяет себе курить

свои мерзкие сигары прямо в помещении, швыряя окурки на пол с вызывающе-независимым видом. Сестра-хозяйка ходит мимо с высоко поднятой головой и, кажется, не замечает этих первых попыток намеренной дерзости.

Моя комната находится прямо над фойе для прислуги, и там опять поднялся страшный гул голосов. Видимо, ещё один митинг!

Позже в тот же день

Это не митинг, а какой-то несусветный галдёж! Ради всего святого, что же всё это значит? Голоса звучат угрожающе, и один, в частности, возвышаясь над всеми, кажется, снова и снова кричит одно и то же: "Долой" ... кого-то или что-то – я никак не могу разобрать это последнее слово! На кого они теперь охотятся? Не на императора – тот уже "повержен". Не на Думу же? Я бы удивилась. Эти вопли кажутся мне зловещими. Люди там явно очень возбуждены, агрессивны и невероятно злы. Ощущаю себя, будто посреди улицы перед лицом надвигающейся толпы, находящейся в худшем своём состоянии "массовой истерии". Бесплезно пытаться заснуть. Пойду-ка я посижу немного в одной из тихих палат, пока всё не закончится!

Воскресенье, 5 марта (18 марта)

Этим утром Поля подробно рассказала мне о последнем собрании. Она, бедняжка, выглядела очень расстроенной и

сообщила, что считает своим долгом предупредить нас о том, что может случиться. Проработав в госпитале двадцать лет, она, естественно, очень привязана к Сестре-хозяйке и к остальным Сёстрам, поэтому вчерашние переживания сделали её совершенно больной. Она вошла в мою комнату белая как полотно, с распухшим носом и красными глазами. "Поля, Боже правый, что произошло?" – воскликнула я, на что та отчаянно замахала на меня руками. "Тссс! Тихо-тихо!" – прошептала она, а затем открыла дверь, чтобы убедиться, что никто не подслушивает, и внимательно оглядела коридор в обоих направлениях. "Слава Богу, они не следят за мной!" – пробормотала она и, осторожно закрыв дверь и заперев её, на цыпочках подошла ко мне. "Вот какое дело, – прошептала она мне в самое ухо. – Комитет ... Вы слышали, какой шум они подняли прошлой ночью?" Я молча кивнула. "Итак, – продолжила она, – Комитет порешил избавиться от Сестры-хозяйки, Главного Врача и Старшего Хирурга. Они написали бумагу – резоз-резоз, что-то в этом роде". "Резолюцию?" – предположила я. "Да, именно так, революцию, такое слово ... хотя нет ... ну, неважно. Сторож, этот пёс шелудивый," (тут она сплюнула) "привратник, чёрт бы его побрал, и я (!?) да простит меня Господь, мы идём в штаб-квартиру Красного Креста требовать, чтобы они арестовали Сестру-хозяйку и врачей и вышвырнули их из госпиталя. И подумать только – зачем-то им понадобилось выбрать *меня*, чтобы пойти с ними," (тут она начала плакать) "и я не смею

ослушаться! Но я решила, что скажу Вам, и Вы сможете предупредить Сестру-хозяйку – только не дай Вам Бог упомянуть моё имя! Ведь они убьют меня, если узнают, что я говорила с Вами. Обещайте, что не выдадите меня". Я пообещала. "Но зачем нужно арестовывать этих людей?" – спросила я. "Потому что они против Революции, 'контрреволюционеры', как их называют, а значит их необходимо арестовать, чтобы спасти Революцию". Я чуть не упала со своего стула ... вот опять этот дурацкий лозунг: "Спасём Революцию!" Даже Поля, бедная старая глупая Поля, и та "спасала Революцию". Она выглядела так нелепо, что я чуть не расхохоталась, хотя, видит Бог, ситуация была совсем не из весёлых. "Когда вы собираетесь идти в штаб-квартиру Красного Креста, Поля?" – спросила я. "Завтра утром, – ответила та. – У нас уже всё готово. В бумаге говорится, что врачи и Сестра-хозяйка – враги Революции и должны быть немедленно арестованы! И представьте себе! Ведь только вчера Сестра-хозяйка, сохрани её Господь, подарила мне новое платье!" Задумчиво в сторону: "Может быть, мне завтра в нём туда и пойти? Тьфу, грязные псы, предатели, иуды – вот бы она сама могла их арестовать!" "Но, Поля, – удивилась я, – если ты так это воспринимаешь, зачем ты идёшь с ними? Почему бы тебе не сказать им, что ты не хочешь иметь с ними ничего общего?" "Потому что я принадлежу к ним! – яростно перебила она. – Несмотря на то, что я люблю Сестру-хозяйку как свою собственную мать и с радостью отдала бы за неё свою жизнь, я

должна быть с *Народом* и делать то, чего он от меня хочет. *Народ* приказывает, и я повинуюсь – вот почему!" Её глаза горели, и в них я заметила то фанатичное выражение, которое так часто видела в глазах "народа" с тех пор, как началась Революция. Странно встречать такое в обычно добрых и наивных старых глазах Поли и странно слышать, как она говорит таким образом – гордо, вызывающе, будто какой-то дух подсказывает ей – несомненно, могучий Дух Революции, распространяющийся по России, как лесной пожар. Однако в следующую минуту она снова стала самой собой, той старой Полей, которую мы все так хорошо знаем, хотя и горько плачущей, с опять алеющим носом и красными глазами, с трудолюбивыми пальцами, теребящими шаль, и низко опущенными плечами – яркая картина отчаяния и душевных мук. Я молча обняла её и подала стакан воды, который был жадно выпит. Бедная старушка, какую трагедию ей придется переживать – не зная, что делать, желая быть верной обеим сторонам, ненавидя всё это и страдая, как испуганный ребёнок.

Как только она ушла с теми же предосторожностями, что и вначале, я тут же поспешила к Сестре-хозяйке, передав ей всё, что узнала, но не упомянув, разумеется, имени Поли. "Да, я предполагала, что нечто подобное должно произойти, – сказала та, – ведь они же совсем как дети – всегда подражают взрослым. Они видели, как свергли императора, так что теперь желают сделать то же самое со всеми, кто име-

ет над ними хоть какую-то власть. Это просто не может не случиться! Сейчас повсюду формируются комитеты низшего персонала, и вполне естественно, что первым их побуждением является избавление от своих хозяев. Спасибо тебе, моя дорогая, за то, что предупредила меня. Я немедленно свяжусь с обоими своими 'обречёнными' коллегами. А сейчас ступай в свою комнату, никому ничего не говори и жди, пока я не пришлю за тобой. Ты можешь мне понадобиться". И это именно то, что я сейчас делаю – жду и гадаю, что же, ради всего святого, произойдёт дальше прямо здесь, в госпитале, и в России в целом.

Временное правительство заявляет, что хочет "войны до конца", то есть вплоть до победоносного мира. Совет же требует "конца войне" немедленно, любой ценой, абсолютно не заботясь о победе. Так чья же возьмёт? Из сих двух соперников Временное правительство выглядит послабее, тогда как Совет становится сильнее и популярнее с каждым днём!

Вечер понедельника, 6 марта (19 марта)

После обсуждения с докторами Сестра-хозяйка послала за мной и описала их беседу. Она сказала, что тех очень позабавила мысль о своём увольнении по воле сторожа и швейцара, однако, разумеется, было принято решение без всякого промедления обезопасить себя. Они втроём тут же отправились в штаб-квартиру Красного Креста, дабы поведать всю историю. Руководство Красного Креста явно находит-

ся в растерянности, поскольку, похоже, почти во всех медицинских учреждениях созданы комитеты из низшего персонала, подобные нашему и требующие одного и того же – отстранения управляющих учреждениями и их срочного ареста. Это выглядит как настоящая эпидемия. Повара, горничные, прачки, санитары и т. д. (делегаты, как они теперь себя называют) бегают из больницы в больницу, рассказывая о своих комитетах и требуя там, где таковых нет, немедля их сформировать. В Красном Кресте указали на единственный в текущих условиях путь – врачам и медсёстрам избрать свои собственные комитеты, которые будут противостоять комитетам низшего персонала, и таким образом обеспечить себе защиту. Так что в ближайшее время состоится общее собрание врачей и медсестёр нашего госпиталя и избрание соответствующих исполнительных комитетов. Это представляется хорошим выходом из ситуации, который, по всей видимости, станет весьма неприятным сюрпризом для горничных и санитаров, воображающих, что отныне они смогут нами править. Ах да, чуть не забыла упомянуть, что руководители Красного Креста также пообещали направить в госпиталь официального следователя или комиссара, дабы выяснить причину, по которой у прислуги возникло желание устранения Сестры-хозяйки и ведущих докторов, и тем унять местных революционеров, предотвратив любое возможное насилие. Он, скорее всего, будет здесь послезавтра, дабы вершить суд. Это будет любопытно, поскольку ему придётся проявить

много такта! Госпиталь пре-бывает в волнении, так как все поголовно заметили на доске официальное объявление Сестры-хозяйки об общем собрании всего персонала – высшего и низшего звена (или "старшего" и "младшего", как отныне их нужно называть: "старшее" – для врачей и медсестёр, "младшее" – для прислуги). Повсюду можно видеть возбуждённые группки шепчущихся Сестёр. Доктора абсолютно спокойны и сохраняют равнодушный вид, сквозь который слегка угадывается довольная усмешка. Прислуга же выглядит озадаченной и растерянной. Она не может до конца понять, к чему всё идёт, и потому чуть менее уверена в себе и чуть менее нахальна. Из-за волнения по поводу нашей местной госпитальной революции Большая Революция почти забыта.

Утро вторника, 7 марта (20 марта)

Этим утром Сестра-хозяйка рассказала мне, что наши "кухонные делегаты" были в штаб-квартире Красного Креста со своей "резолуцией", и там их успокоили, пообещав провести детальное дознание. Она поговорила по телефону с Председателем, и тот уведомил её, что в качестве следователя к нам будет завтра направлен князь В.

Император попросил Временное правительство разрешить ему остаться в Царском Селе, пока дети не поправятся. Очевидно, они намерены покинуть страну. Я очень хочу, чтобы царская семья уехала как можно быстрее – им всем смертельно опасно оставаться здесь. С каждым днём Совет

набирает силу, как и его ненависть к "Николаю Романову" – так там теперь его пренебрежительно величают.

На улицах стало гораздо спокойнее, и некоторые офицеры из нашего госпиталя отваживаются выйти на прогулку с маленькими красными ленточками на лацканах своих шинелей. Я не знаю, отчего эти ленты так странно действуют на меня. Зачем их вообще носить? Наш Генерал так не делает. Он тоже начал выходить и даже дошёл пешком до госпиталя, чтобы навестить меня. К сожалению, он не может молчать, и его зычные высказывания приводят меня в ужас. Я слышала, как, поднимаясь по главной лестнице, он во весь голос проорал привратнику: "Привет, революционер, ты сегодня кому-нибудь перерезал глотку?" Ошеломлённая, я выскочила на лестничную площадку как раз вовремя, чтобы успеть узреть на лице привратника выражение лютой ненависти, которое было совсем не обнадеживающим. Однако он не произнёс ни слова, а просто пожал плечами в презрительном молчании. Я втокнула Генерала в свою комнату и прочитала ему лекцию о том, как важно уметь сдерживаться в такое нелёгкое время, но он лишь рассмеялся и сказал: "Что с тобой такое? Революция закончилась, Временное правительство прекрасно контролирует ситуацию, и чернь скоро снова узнает своё место". Боже мой, что же с ним делать? Его необходимо заставить молчать на людях, иначе его убьют, и это так же верно, как смерть. В настоящий момент ситуация отнюдь не стабильна. Временное правительство идёт на ком-

промиссы с Советом, и кто знает, чей будет верх? Несмотря на то, что на улицах стало меньше стрельбы и больше разглагольствований, у меня не пропадает чувство, что даже крошечная искра способна вновь взорвать обстановку. Я определённо потребую от Генерала больше не приходить сюда, если он мне клятвенно не пообещает ни с кем не разговаривать.

Временное правительство опубликовало новый манифест, вызвавший жёсткую дискуссию. Консерваторы считают его слишком "красным", в то время как красные считают его слишком консервативным! В результате – нескончаемые споры и болтовня, болтовня, болтовня.

Среда, 8 марта (21 марта)

Сегодня волнительное событие! В 11 часов утра прибыл князь В. и сразу же направился в фойе для прислуги, где его с серьёзнейшим видом ожидал Комитет. Он пробыл там почти два часа, а затем поднялся наверх в сопровождении Председателя, Заместителя и Секретаря – все они выглядели чрезвычайно важными и напыщенными, как индюки. На заднем плане я мельком увидела лицо Поли. Чтобы должным образом отметить торжественность момента, она надела своё новое платье, подаренное Сестрой-хозяйкой. Абсурдность ситуации никак не трогала её, и она имела горделивый и глупый вид. Каждый раз, когда я вижу, как она пытается "спасти Революцию", у меня возникает дикое желание расхохо-

таться. Без сомнения, во всём можно отыскать смешную сторону! Князь В., окружённый членами Президиума Комитета (включая Полю), для начала поговорил с Сестрой-хозяйкой, затем попросил подойти других Сестёр, а после и докторов, и общее собрание началось. Секретарь Комитета, напустив на себя дерзкий вид, но всё же ужасно нервничая, зачитал вслух Резолюцию, касающуюся вражеской сущности и ареста Сестры-хозяйки и ведущих врачей. Его лицо сильно покраснело, руки тряслись, и он беспомощно спотыкался о слова, пока читал. В целом он казался совершенно несчастным, обнаружив, очевидно, что высказывать свои сокровенные чаяния на публике – это весьма сомнительное удовольствие. Одно дело – действовать в стоворе с такими же, как ты сам, коллегами, и произносить "пламенные" речи, и "гарцевать", и вести себя как отменный революционер пред лицом восхищённой и сочувствующей толпы, состоящей в основном из "поль", и абсолютно иное – излагать свои мысли в центре внимания критически и враждебно настроенной аудитории. Как бы то ни было, он уже явно ненавидел это, и остальные тоже. Только Поля в своём новом платье получала, по-видимому, полное удовольствие, хотя и бросала время от времени умоляющий взгляд на Сестру-хозяйку, словно прося у той прощения. Обвинения, содержащиеся в Резолюции, были столь незначительны и наивны, что становилось положительно стыдно за те недалёкие умы, которые их сформулировали. Расплывчатые фразы о "сильной

строгости" в госпитале, слишком однообразном меню, недостаточном количестве отгулов, "несправедливо" уволенных или получивших выговор горничных и санитарях с указанием имён – таковы были те обвинения в адрес руководства. Мне было забавно наблюдать за лицами: Сестра-хозяйка выглядела как надменное и непроницаемое каменное изваяние, доктор П. не скрывал сарказма, а доктор Д. – негодования. "Это всё?" – спросил князь В., когда Секретарь Пётр закончил чтение. "Да, всё", – пробурчал тот и сел, явно испытывая неимоверное облегчение от осознания, что его неприятная задача выполнена. "Что ж, – продолжил князь В., поворачиваясь к Сестре-хозяйке, – а как *Вы* объясните эти случаи увольнений и выговоров, излишнюю строгость в отношении отгулов и неудовлетворительное меню? Не могли бы *Вы*, пожалуйста, высказать Ваше мнение?" И та высказала так высказала, кратко, чётко и абсолютно блистательно ответив по каждому пункту самым убедительнейшим образом. Члены Комитета сперва растерялись, после принялись роптать, но князь В., решительно подняв руку, попросил тишины. "Выслушав нынче обе стороны, – сказал он, – я очень внимательно изучу вопрос, а затем, как только приму решение, дам вам знать. Оставьте это дело мне". На том он и завершил собрание, после чего, беспристрастно пожав руки представителям обеих сторон, с большим достоинством удалился. После его ухода по всему залу образовались возбуждённо спорящие кучки, но я поспешила сбежать, чтобы успеть доужи-

на нанести родителям краткий визит. Там я нашла обстановку столь же мирной, как и всегда, так как старых слуг Революция никоим образом не коснулась. Они остались прежними – никаких "комитетов", никаких "резолуций" и прочей ерунды, слава Богу!

Четверг, 9 марта (22 марта)

Последняя новость заключается в том, что император арестован в Могилёве, а императрица – в Царском Селе. Видимо, Совет выставил требование, чтобы Временное правительство сделало это, и, как водится, тому пришлось уступить. Если бы дети не были больны, царская семья давно могла бы находиться за границей. Как бы я хотела, чтобы им удалось поскорее сбежать! Неужели *никто* не собирается им помочь? Генерал ужасно расстроен этим известием об аресте своего любимого императора. Сначала он был в такой ярости, что мы боялись, как бы его не хватил удар, но позже, после приступа неистовства и буйства, не сдержался и заплакал, как ребёнок. Теперь он бродит с таким страдающим и потеряннным выражением лица, что у нас разрывается сердце. Молодые люди способны испытывать восторг от Революции, но для стариков она ужасна. Это конец того строя, который они знали всю свою жизнь, и видеть его крушение – это больше, чем они могут вынести.

Я просто обязана продолжать учёбу! Но смогу ли я сдать экзамены, если буду существовать в том же ритме? Рабо-

та в госпитале, ночные дежурства, операции, собрания, лекции, вылазки для знакомства с Революцией, набеги к родителям и ведение дневника в волнении от быстро меняющихся событий – где в этих делах можно отыскать прореху для учёбы? А теперь, вдобавок ко всему, наш класс отправляют в Калининскую больницу, поскольку доктор Е. хочет проводить свои лекции именно там, чтобы иметь возможность продемонстрировать ученикам своих пациентов. Так ещё и Родильный дом ... Как, Боже правый, нам впихнуть всё это в нашу жизнь?!

Сестра-хозяйка поведала мне презабавнейшую историю. Прошлой ночью, когда все успокоились и спали, раздался тихий стук в её дверь (как обычно, она работала за своим столом далеко за полночь), и там возник Председатель Комитета, имевший весьма дружелюбный и смущённый вид. Почти так же, как Поля, он оглядел коридор, чтобы убедиться, что за ним никто не следит, затем вошёл, запер дверь и на цыпочках подошёл к столу Сестры-хозяйки. После ряда сдержанных покашливаний и нерешительных перемигиваний с ноги на ногу, он сообщил ей исключительно конфиденциально, что весьма сожалеет о своём вовлечении в эти ужасные действия против неё, поскольку испытывает к ней лично огромную симпатию и надеется, что она всегда будет занимать свой пост в госпитале, а также уверил, что ей можно в любой момент положиться на него, как на своего преданного "доброжелателя". По её словам, он казался таким искренно-

ним и так трогательно жаждал прощения, что она просто не смогла отругать его, а вместо этого, пожав ему руку, успокоила, что всё прекрасно понимает. Затем они долго беседовали и расстались в половине третьего ночи лучшими друзьями. Однако сегодня, когда они столкнулись в коридоре, тот выглядел таким же дерзким, как всегда, даже не прикоснувшись для приличия к козырьку своей фуражки, вероятно, потому, что вокруг были люди. Несколькими минутами позже они встретились вновь, но уже наедине, и он предстал таким же вежливым и учтивым, как в прошлую ночь. Смешно и одновременно так понятно. Чего можно ожидать от бедного необразованного мужика, если есть люди высокого положения, которые ведут себя точно так же. К примеру, в *Петроградской газете* вышла статья, в которой один из великих князей высказывался об императоре и императрице самым отвратительным образом. Теперь, когда они повержены, он, член их семьи, отзывается о них так, как слуга постыдился бы говорить о своих хозяевах, отвечивая тем самым пресловутый *кудельё дёлян*²¹. От подобной низости у меня сразу вскипает кровь!

Настинька приехала из Крыма, и ей разрешили вернуться во Дворец. Когда власти спросили её, не боится ли она в текущих условиях находиться рядом с императрицей, та сразу же ответила: "Разумеется, я не покину её в такое время". Генерал Корнилов предупредил членов императорской свиты

---

²¹ Французское "coup de pied de l'âne" – "ослиный пинок".

о том, что, оставшись во Дворце, они будут под арестом. Настинька, Иса, Бенкендорфы, мадам Нарышкина, мисс Шнейдер и месье Жильяр – все приняли решение остаться!

Пятница, 10 марта (23 марта)

Я дежурила у постели Молчанова, который болен столбняком. Это ужасно, и напряжение, связанное с ним, сильно утомило меня. Маззи пришла на чай, приведя с собой очень смиренного и подавленного Генерала. К счастью, у меня имелись его любимые кексы, так что он всё-таки недурно провёл время.

Суббота, 11 марта (24 марта)

Вчера император вернулся в Царское Село, и наконец-то бедная семья воссоединилась.

Императрица, должно быть, в отчаянии – гроб Распутина был найден и вскрыт солдатами, а его труп вытасчен и сожжён на огромном штабеле дров в Парголовском лесу. Так что в итоге его смерть и похороны были отнюдь не концом его карьеры. Как и в случае с вампиром, его тело должно было быть уничтожено после смерти, только вместо кола, воткнутого в сердце, его предали огню. Говорят, "пламя очищает". Если это правда, пусть сожжение его тела очистит в загробном мире его уродливую душу.

Понедельник, 13 марта (26 марта)

Я не писала уже два дня, так как для этого не нашлось ни одной свободной минутки. Лекции, работа в операционной и ночные дежурства – всё это полностью занимало моё время. В 3 часа ночи больной столбняком умер в страшных мучениях. С ним безотлучно находилась Сестра Мария, а также наша молодая женщина-врач Б. Она удивительно чутка и добра к своим пациентам и ни за что не покидает их, если конец уже близок. Мы сложили его жалкие пожитки в мешок и написали его жене. В общем, ужасная ночь выдалась.

В воскресенье я проспала допоздна, однако успела добраться домой к обеду. Провела большую часть дня с родителями, после отправившись на прогулку с Маззи в "Летний сад" и обратно. Там встретили князя О., и он проводил нас до дома. Разговор шёл только об одном! Что станет с императором и его семьёй? Совет определённо не даст им уехать в Англию или куда-то ещё за пределы страны, настаивая на том, чтобы держать их под арестом в оцеплении необычайно большого числа солдат для предотвращения возможного побега.

Постоянное волнение начинает сказываться на родителях. Генерал выглядит неважно, а у Маззи на щеках проявились два жгуче-красных пятнышка. И немудрено, ведь они ужасно беспокоятся о судьбе моего брата Мики – хотят, чтобы он уехал, и в то же время боятся отпустить.

Этим вечером солдат ввели в сильное возбуждение последние декреты Совета о демократизации армии и приказ

брататься на фронте с немцами. Конечно, многим из них такое могло показаться замечательным, однако в то же время я наблюдала, что некоторые старые вояки были явно опечалены, и даже слышала, как один из них произнёс: "Как же это? Брататься с немцем после того, как из-за него я потерял ногу? Ну уж дудки!" И тут бойцы помоложе, в основном легкораненые, вроде Богданова, стали высмеивать его, называя "контрреволюционером" и советуя помолчать, что он и сделал, хотя на глазах у него от сильного огорчения выступили слёзы. После таких разговоров они никак не могут успокоиться, и палата полна шорохов и глубоких вздохов, звучащих трогательно в ночной тишине.

Странно, что иногда они знают о чём-то ещё до того, как это попадёт в газеты. Бывает, что я слышу, как они обсуждают нечто как состоявшийся факт за день или за два до официального объявления, и вдруг это становится реальностью. Интересно, как им удаётся? Ведь обычно сведения, передаваемые шёпотом по цепочке, неизбежно искажаются, но здесь почему-то они почти всегда верны. Просто удивительно!

Около десяти часов вечера я зашла в палату, дабы взглянуть на Павла. Он спокойно спал, как и остальные, но на угловой кровати, которую занимал Влас (тот, что выступал против братания), я вдруг уловила какой-то сдавленный звук и обнаружила, что он горько плачет, уткнувшись лицом в подушку. "Что такое, Влас? – прошептала я. – Тебе плохо?"

Почему ты не вызвал меня?" По-видимому, он не был в состоянии отвечать, поэтому, опустившись на колени у кровати, я взяла его за руку. Постепенно он затих, крепко сжимая мою ладонь обеими своими. "Это ужасно, Сестричка, просто ужасно, что нам велят замиряться с немцами. Посмотрите, что они сделали со мной – с тысячами, а возможно, и с миллионами других, а теперь это значит, что наши бои, наши раны и все тяготы нашей жизни в окопах были напрасны!" Я сделала всё возможное, чтобы утешить его, и даже попыталась заметить (да простит меня Господь!), что примирение с немецкими солдатами, которые хотели войны не больше, чем наши, было бы лучше, чем продолжение битвы. Мы довольно долго беседовали вполголоса, затем, видя, что он успокаивается, я дала ему принять седативное, и вскоре он крепко уснул.

Вторник, 14 марта (27 марта)

Я сегодня никуда не выходила, и у меня даже не было времени заглянуть в газеты. Очевидно, ничего значимого не произошло, поскольку яркие новости всегда распространяются моментально, как лесной пожар! Операция, лекции и подготовка к экзаменам заполнили мой день, и я жутко устала.

Среда, 15 марта (28 марта)

Провела вторую половину дня с родителями. Застала Ге-

нерала в состоянии бешенства из-за нового манифеста Совета, обращённого к " народам всего мира ". Когда мы пили чай, вошёл г-н Несвицкий и поведал нам, что он встретил папу сегодня утром в трамвае и был перепуган до смерти, когда Генерал, заметив его, подойдя и сев рядом, сразу же начал высказывать своё мнение об этом манифесте и, как обычно, делал это во весь голос. Когда окружающие начали злобно пялиться на него, г-н Н., многозначительно постучав себя по лбу, сказал, обращаясь ко всем и ни к кому конкретно: " Не стоит внимания, он глух, и у него не все дома! " К счастью, ему поверили, и жизнь нашего бедного старого Генерала была спасена. Но разве не пришёл бы он в ярость, коли б узнал, что придумал г-н Несвицкий, дабы спасти его? Мой дорогой! Сказать о нём – " не все дома ", когда его ум сияет, как новенький пенни! ... Кажется постыдным говорить такое даже для его защиты! ... Хотя, по всей видимости, это оставалось единственным, что можно было предпринять! Г-н Н. пришёл умолять Маззи не отпускать его одного и убедить не озвучивать свои мысли в общественных местах. Мы тут же решили пересказать ему всё, что узнали от г-на Н., но он страшно рассердился, отругал нас, упрекнув в том, что мы вообще не понимаем, что несём, и мрачный ушёл в свою комнату, в раздражении хлопнув за собой дверь. Что же нам придумать, чтобы урезонить его? Ведь он никого не слушает!

Сестра С. вернулась из Царского Села. Она провела там все революционные дни, и ей было что нам порассказать.

Она поведала, что солдаты постоянно требовали показать им Алексея и настаивали на том, чтобы это делалось по нескольку раз на дню, так как распространился слух о его смерти. Однажды, в самом начале Революции, покуда император ещё находился в Могилёве, огромная толпа солдат пришла ко дворцу, грозя ворваться в покои императрицы, если та не выйдет поговорить с ними. И она появилась на балконе в форме сестры милосердия. "Мне передали, что вы желали видеть меня, – произнесла она. – Зачем? Я всего лишь мать, ухаживающая за своими больными детьми. Пожалуйста, не беспокойте их, пока они ещё слишком слабы". По словам Сестры С., она и сама, стоя перед лицом толпы, но держась с большим достоинством, выглядела очень больной, однако её простая речь, видимо, произвела на собравшихся благоприятное впечатление, и те решили разойтись, не сказав больше ни слова.

Четверг, 16 марта (29 марта)

Сёстры готовятся к избранию своего комитета. Сегодня состоится их собрание с Сестрой-хозяйкой в качестве председателя. Я не могу присутствовать, так как наш класс отправляется на лекцию в Калининскую больницу.

Генералу нездоровится: сильная головная боль, прилив крови, приступы головокружения. Доктор собирается добрым дедовским способом совершить кровопускание. Он делает это сегодня вечером, когда я буду там. Мне кажется,

Маззи встревожена.

Пятница, 17 марта (30 марта)

Небольшая операция Генерала увенчалась большим успехом. После кровопускания он лёг спать и сладко проспал всю ночь. С лица ушла багровость, и головной боли как не бывало. Такие, совершаемые время от времени кровопускания, безусловно, помогают ему. Он был явно безмерно рад видеть меня вчера вечером и пришёл в восторг от принесённых мной пирожных.

Собрание тоже прошло очень хорошо. Сестра-хозяйка была почти единогласно избрана председателем, Сестра Вера С. – её заместителем, а Сестра Вера Л. – секретарём. Лучшего нельзя было и представить. Теперь, возможно, ситуация совсем нормализуется, и я смогу спокойно учиться. Я действительно хочу с честью сдать эти экзамены.

Марсово поле и концерт

Понедельник, 20 марта (2 апреля)

Вчера мы с Сестрой Натальей посетили смотр войск перед Зимним дворцом. Всё прошло достойно, но вряд ли стоило нашего внимания – имея в виду, что там не наблюдалось никакого особенного "революционного воодушевления". Лишь красные флаги и исполнение *Марсельезы* красноречиво свидетельствовали о серьёзнейших переменах в жизни страны. Войска выглядели практически как обычно, и зрелище было довольно скучным после всего того, чему нам удалось стать свидетелями за последние несколько недель. Однако по пути домой, двигаясь по Невскому проспекту мимо Николаевского вокзала, мы увидели кучу солдат, скорее походивших на мародёров. Они тащили тюки и мешки самого что не на есть невоенного вида, и их обмундирование выглядело более чем странно. Производя жуткий шум, они, конечно же, деловито усеивали всё вокруг шелухой от семечек. "Откуда вы прибыли? – поинтересовалась Сестра Наталья. – Вас отпустили в увольнение?" "В увольнение? Прекрасная идея! – проорал вояка, к которому она обратилась. – Мы не в увольнении, мы едем домой, вот и всё! Они могут продолжать бойню сами, если захотят, а с нас довольно! Прощай, фронт!"

Неужели так и закончится эта война, гадали мы, шагая дальше. Распространится ли дезертирство на весь фронт, а

немцам просто останется перейти границу и без какого-либо сопротивления вторгнуться в Россию? А как же те миллионы солдат, что отдали свои жизни за родину? Неужели их гибель была напрасной? Какое будущее уготовано России, если её границы опустеют, и вся территория бывшей империи развалится на куски, что, вне всяких сомнений, произойдёт, если автономии будут предоставлены самим себе? Если отпадёт Украина, и Крым, и Кавказ, и бывшие ханства Казани, Астрахани и Сибири, не говоря уж о Польше, Финляндии и Прибалтийских провинциях – что останется от России, кроме Москвы и немногих близлежащих городов, как это было в средние века?

Среда, 22 марта (4 апреля)

Завтра мы с Сестрой Натальей собираемся поприсутствовать на погребении "жертв революции" на Марсовом поле. Говорят, что многие из "жертв" к настоящему времени настолько разложились, что их пришлось в большой спешке хоронить тайно, а в церемониальные гробы вместо них положат трупы бездомных людей, умерших накануне в различных больницах и не востребованных никем из родственников. Поскольку гробы будут закрытыми, то любой старик-китаец из прачечной может легко занять место настоящей "жертвы" и быть похороненным с большой помпой и почестями. Наш "младший персонал", конечно же, посылает на церемонию свою делегацию. Я не знаю, кто поедет, но уверена, что "пре-

зидиум комитета" будет представлен во всей красе.

Пятница, 24 марта (6 апреля)

Что ж, вчера нам с Сестрой Натальей удалось стать свидетелями торжественного захоронения более двухсот "жертв революции". Холод стоял невыносимый, и я промёрзла до мозга костей, несмотря на то, что была отменно укутана. Очень рано утром мы отправились пешком, и нас сразу же поглотила толпа, двигавшаяся в том же направлении. Со всех сторон города стекались бесконечные процессии с багровыми гробами жертв, в то время как оркестры повсюду играли революционный похоронный марш "Вы жертвою пали в борьбе роковой". Поскольку церемония являлась строго нерелигиозной, нигде не наблюдалось ни священников, ни икон, но зато красных и чёрных знамён было развешано предостаточно. Колонны двигались с соблюдением всех возможных приличий, а лица их участников, явно глубоко впечатлённых значимостью события, были печальны и полны достоинства. Я не ожидала увидеть столь тихую и организованную массу народа, особенно учитывая (и с трудом осознавая), что она состояла из тех же самых людей, которые ревели, стреляли и убивали в неистовстве разрушения в течение последних нескольких недель. Когда мы добрались до Марсова поля, толпа стала до такой степени огромной (позже мы узнали, что там было более миллиона человек), что довольно долго мы не могли протиснуться дальше самого её края. Од-

нако, благодаря нашей сестринской форме и с помощью убедительных просьб, энергичного проталкивания и движения в составе колонн, к которыми мы не имели никакого отношения, нам удалось наконец пробиться к месту, откуда было довольно хорошо видно, что происходит, хотя и не слышны траурные речи. В центре поля была вырыта огромная могила, похожая на очень длинный ров, а рядом с ней возвышалась алая трибуна, построенная для Важных Персон (очевидно, даже Революция не в состоянии покончить с такой категорией людей). С того места, где мы стояли, зрелище, безусловно, было экстраординарным: багровые гробы, алая трибуна, море красных и чёрных знамён, напряженные и серьёзные лица необъятной толпы и, самое главное, звук крепостных орудий, постоянно стреляющих через равные промежутки времени. Всё это было весьма впечатляющим в жутком и кошмарном смысле этого слова, и мы почувствовали огромное облегчение, когда человек с невероятно крупным носом начал произносить речь, и толпа, жаждущая его услышать, оттеснила нас туда, где мы больше не могли ничего разглядеть. С нас было довольно, и мы отправились обратно, усталые и полуокоченевшие. По дороге в госпиталь я остановилась у нашего дома и забежала повидаться с родителями. Когда они услышали, где я провела всё утро, то были крайне возмущены, а также не проявили ни капли сочувствия в ответ на мои жалобы, что я утомлена и продрогла. "Поделом тебе! – сурово сказала Маззи. – Что за блажь идти пялить-

ся на столь чудовищное действо? Как тебе не стыдно!" Она действительно страшно расстроилась и категорически отказывалась воспринимать мою точку зрения, что необычайно познавательно видеть Революцию своими глазами и слышать её своими ушами. Генерал тоже впал в ярость, и поскольку они никак не могли остыть, то вскоре мне пришлось покинуть их и, пребывая в глубокой опале, потрусить обратно в госпиталь. Тем не менее завтра днём я снова выйду в мир с Сестрой Натальей – на этот раз на революционный концерт (ведь нынче у нас всё без исключения "революционно"), который в Мариинском театре даёт Волынский полк. Говорят, что его посетит Временное правительство, а также бывшие политические ссыльные. Это должно быть любопытно!

Суббота, 25 марта (7 апреля)

Я только что возвратилась с концерта и просто обязана сразу записать все свои впечатления. Театр предстал столь странным и грязным, будто призрак себя прежнего: повсюду пыль (блохи тоже – судя по тому, как нас покусали), красные флаги поверх императорских орлов и корон, и самая что ни на есть необычная публика! Мне никогда в жизни не приходилось видеть в театре такой кучи неряшливо одетых людей (даже на "капельдинерах" больше не красовалась их привычная форма), и, конечно же, повсюду в большом количестве расселись солдаты. Большую императорскую ложу в центре подковы занимали бывшие ссыльные: Вера Фигнер, Вера За-

сулич, Морозов и многие другие, которых я не узнала. Я не могла не наблюдать на ними и не задаваться вопросом: каково это – внезапно оказаться на свободе после стольких лет заключения? Были ли они счастливы теперь, когда их мечты о новой, освобождённой России сбылись, и пришло понимание, что они страдали не напрасно, или их истязали так долго, что не осталось сил быть счастливыми? Кто-то сказал мне, что один из них (кажется, Лопатин, хотя я не до конца уверена) даже разучился разговаривать, проведя десятки лет в одиночной камере. Почему-то я представляла их себе совсем иначе. Веру Фигнер, например, я всегда воображала высокой и красивой, с большими горящими глазами, полными мистического огня и фанатизма. Вместо этого я сегодня узрела обычную низенькую старушку, очень тихую, кроткую и усталую, о да, необычайно усталую на вид!

Члены Временного правительства сидели в ложе справа от сцены, иностранные дипломаты – слева. На самой сцене расположился Волынский полк со своим оркестром, открывшим концерт *Марсельезой* (теперь всё начинается с *Марсельезы*), при первых звуках которой зрители встали. Когда исполнение закончилось, раздались дикие крики: "Да здравствует Революция!" – от которых буквально сотрясилось всё здание. Женщина перед нами упала в обморок, и её вынесли, в то время как вопли со всех сторон становились всё более и более истеричными, покуда не стало казаться, что терпеть их больше нет мочи. Неистово выпученные глаза, разъявлен-

ные рты, перекошенные физиономии, съехавшие набок женские шляпки и растрепавшиеся волосы, порванные мужские воротники – всё это эффектно дополняло нарастающий психоз. Девушка слева от меня начала громко рыдать, но Сестра Наталья, перегнувшись через меня в её сторону, одёрнула. "Сейчас же перестань, а не то я тебя встряхну как следует!" И девушка, моментально послушавшись, взяла себя в руки. Позади нас находился субъект, занятый поеданием семечек. Когда начались крики, он так разволновался, что начал со скоростью пулемёта плевать шелухой прямо в спинки наших кресел, попадая при этом нам в шеи и даже волосы. "И ты прекрати это!" – вскричала Сестра Наталья, разворачиваясь и глядя на него столь свирепо, что он тоже поспешил подчиниться, хотя и пробурчал, что он свободный человек в свободной стране и не понимает, почему его должны беспокоить какие-то "контрреволюционеры". "Сам ты контрреволюционер! – ещё более яростно парировала Сестра Наталья. – Раз ты свободный мужчина, то я свободная женщина, и не допущу, чтобы кто-либо плевал мне на голову так мерзко, как ты это себе позволил – вот где контрреволюция так контрреволюция!" Сей аргумент оказался наиболее действенным и сразу заставил того замолчать, но вместе с тем вызвал у меня приступ хохота. "А с тобой-то что не так?! – строго потребовала объяснений Сестра Наталья. – Если и ты сейчас же не остановишься ...", – но в этот момент на сцене появился министр юстиции Керенский, и все успокоились.

Будучи бледным, худым, некрасивым и нервным на вид мужчиной, тот обладает исключительным ораторским даром. Он произнёс великолепную речь, очень революционную и в то же время крайне патриотическую, доведя себя до такой степени исступления, что я бы нисколько не удивилась, если бы он вдруг забился в эпилептическом припадке. Что-то в нём заставило меня подумать о Наполеоне. Когда я упомянула об этой мысли позже, мне сказали, что он считает себя реинкарнацией великого француза, подражая тому насколько возможно. Его яркая речь практически обрушила здание, снова породив волну неистовых воплей, длившихся достаточно долго. В антракте мы вышли на улицу, дабы посмотреть на лица людей и послушать их беседы. Все говорили о Керенском, и, вне всяких сомнений, он кумир современности.

После антракта на сцену вышла Вера Фигнер и заговорила очень тихо и сдержанно, но при этом крайне убедительно. Она повела рассказ обо всех тех Пионерах Революции, которые отдали жизни за свободу своей страны. Произнося их имена ясно и отчётливо, она вызвала в моём воображении длинную процессию призраков, медленно выходящих из далёких тюрем Сибири, – белые фигуры, мягко ступающие по бесконечным снежным просторам, затем плывущие, как туман, над городом, а после проникающие невидимыми в театр и окружающие седовласую мученицу, пробудившую их дух.

И Керенский, и Вера Фигнер произвели на меня неизгла-

димое впечатление, хотя и совершенно по-разному. Он такой блестящий, такой превосходный оратор, полный огня и колоссальной нервной энергии, в то время как она, напротив, необычайно тихая, сдержанная, усталая и грустная, но всё же, на мой взгляд, являющаяся намного более сильной из них двоих. *Его* слова взывали к моим эмоциям: мне хотелось встать и сделать что-нибудь героическое и опасное в зрелищном смысле, потому что, будучи сам фанатиком, он вдохновляет своих слушателей тоже становиться таковыми. *Её* слова проникали в мою *душу* ... Из-за её спокойной манеры всё, что она говорила, видимо, находило отклик в самой глубине моего сокровенного естества – моего лучшего "я", а не поверхностного, желающего совершить какой-нибудь впечатляющий и доблестный подвиг, дабы все узрели его и восхитились. Нет! Она заставляла жаждать невидимого, неизвестного, недооценённого самопожертвования, страданий ради самого доброго и истинного, самоотречения, преданности и любви во имя Христа. Я даже не знаю, верующая она или нет (возможно, нет), однако именно такие чувства она во мне пробудила. Я повернулась, чтобы обсудить это с Сестрой Натальей, и увидела стоящие в её глазах слёзы. "Вот это настоящее, – пробормотала она, – подлинное – то, из чего сделаны мученики!" Все находились под сильным впечатлением, и я заметила, что многие чувствовали то же, что и мы. Когда вышел следующий оратор, вдруг заговоривший, как любой уличный болтун, это вызвало ужасный диссонанс, и мы по-

жалели, что не ушли. Однако остались до самого конца и покинули Мариинку только после того, как все речи и овации полностью смолкли.

Сегодня я не смогла увидаться с родителями, но проведу с ними завтрашний вечер. После вечерни Маззи позвонила мне, сказав, что в их храме была особенно красивая служба. Я бы хотела посетить её с ними, но должна была присутствовать в нашей собственной госпитальной церкви со всеми моими сокурсниками.

Позже в тот же день (?²²)

Весь город только и говорит о крайне таинственном и странном событии. Оказывается, в Петроград прибыл опечатанный спальный вагон, в котором находились три ультра-революционных индивида или "большевика", как они сами себя величают. Будучи политическими оппонентами старого режима, они жили в Циммервальде, что в Швейцарии, пока не разразилась Революция, давшая всем изгнанникам возможность вернуться в страну. Однако, поскольку эти люди являются столь яркими революционерами, немецкое правительство не разрешило бы им проехать сквозь Германию, если бы спальный вагон, в котором они перемещались, не был бы опечатан перед самым въездом в *"гүтэ алтэ Дойчланд"*²³ и вскрыт лишь после выезда оттуда. Вот так они и

---

²² Над этой записью в дневнике отсутствует дата.

²³ Немецкое "gute alte Deutschland" – "старая добрая Германия".

колесили, добравшись в итоге в запертом состоянии до Финляндского вокзала, где все печати наконец-то были сорваны, дабы выпустить сих опасных существ на свободу. Правда это или нет, но именно в таком виде история бродит по городу, вызывая бесконечные обсуждения и споры. Одни утверждают, что всё это ложь, выдумка любителей сенсаций, другие – что они видели тот "запечатанный" вагон своими собственными глазами, тогда как третья группа точно знает, что это уловка немецкого правительства – своего рода "троянский конь" с тремя засланными супершпионами, которым поручено разузнать реальную ситуацию в России. Существует и четвёртое мнение, согласно которому "таинственные люди" доставили сюда гильотину, так как являются большими специалистами в области её применения, а потому всем нам скоро отрубят головы. Поскольку каждый излагает своё видение, с завидным упрямством придерживаясь только его, путаница велика, и наши бедные умы пребывают в смятении. Я предложила Сестре Наталье: "А не пойти ли нам посмотреть на этот вагон?" – но та совершенно не верит в его существование, а Сестра-хозяйка не отпускает меня одну. Я же, будучи убеждённой, что он реален, ужасно раздосадована. Ещё я слышала, что главный человек-загадка, архибольшевик по имени Ленин, выбрал для проживания особняк Кшесинской, спокойно обосновавшись в нём через час после своего приезда.

Трое близких к выздоровлению солдат сегодня навсегда

покинули госпиталь, не удосужившись ни у кого спросить разрешения и даже не попрощавшись. Очевидно, что санитары помогли им собрать вещи и сбежать. Бесполезно говорить о дисциплине или пытаться навязать её, раз её нет нигде. Рутинная работа помогает поддерживать работу госпиталя, но и она с каждым днём нарушается всё больше. Меня так злит, когда я вижу, как некоторые из "красных" Сестёр и стажёров допускают в работе множество неприятных мелочей – просто из-за уверенности в отсутствии над собой реальной власти. Однако их совсем немного, а большинство ведёт себя великолепно и трудится усерднее, чем когда-либо.

Страстная неделя

Русское Вербное Воскресенье, 26 марта (8 апреля)

Начинается Страстная неделя, и я намереваюсь "блюсти своё благочестие". Почему-то в нынешние времена это кажется особенно значимым и необходимым – по крайней мере, я так искренне считаю. После всех треволнений, через которые нам пришлось пройти, тихие и мирные богослужения очень успокаивают. Больше всего я люблю службы, проходящие вечером, когда в церкви темно, если не считать маленьких красных и синих лампад и мерцающего света свечей перед святыми образами.

Император и императрица были разлучены по приказу правительства и теперь вынуждены жить в разных комнатах, не имея дозволения даже видеться друг с другом. Это представляется необъяснимой и абсолютно излишней жестокостью!

Понедельник, 27 марта (9 апреля)

Сегодня утром я очень рано пошла в церковь, а потом ассистировала в операционной. После обеда Сестра-хозяйка сказала мне, что князь В. послал за ней и докторами, а также за членами президиума "кухонного комитета" и очень тактично с ними всеми поговорил. Он похвалил сторожа и швейцара за их революционное рвение, но поинтересовался,

не считают ли они, что наилучшим исходом было бы достичь компромисса с докторами и медсёстрами, учитывая их выдающиеся заслуги на "благо человечества". "Особенно сейчас, когда у обеих сторон есть комитеты и законные представители, – сказал он, – не думаете ли вы, что можно найти способ гармонично сотрудничать в различных сферах вашей деятельности?" И так далее, и тому подобное. В результате столь неимоверно тактичного выступления обвинители решили снять свои обвинения с руководителей больницы, на что те, в свою очередь, пообещали приложить все силы, чтобы меню стало более разнообразным, отгулы – более частыми, а выговоры и увольнения – менее резкими и суровыми. Затем они все пожали друг другу руки, и, видимо, данный инцидент исчерпан, слава Богу!

После вечерни я побеседовала с нашим старым Отцом Пафнутием. Он рассказал мне, что его друг, настоятель собора святого Сергия Радонежского, с парой других священников совершили по приказу Временного правительства молебн над могилами жертв Революции. Похоже, что среди народа было много недовольства и роптания по поводу того, что "жертвы" были погребены без должного отпевания, "аки псы поганые", и, дабы усмирить негодующих, постановили вознести заупокойные молитвы над местом их захоронения. Так оно и бывает: поначалу они, охваченные революционным пылом, хоронят своих героев без каких-либо религиозных обрядов, а потом пугаются и посылают за попами!

Когда я отправилась навестить своих родителей, то обнаружила, что Генерал, как обычно, в ярости от всего происходящего. Единственное утешение он находит в том, что Америка присоединилась к союзникам, расстраиваясь однако, что сделано это слишком поздно. "Если бы они решились на это раньше, то у нас не случилось бы никакой революции", – сокрушался он.

Вторник, 28 марта (10 апреля)

Насколько я могу судить, Революция пока ещё не отразилась на религиозном усердии уже свободных граждан. Все храмы переполнены, да и наши самые ярые госпитальные революционеры благочестиво посещают Страстные службы. Наконец-то настали мирные дни, и я могу посвятить себя учёбе. Сестра С. съездила на денёк в Царское и говорит, что там тоже всё спокойно. Она слышала, что императрица под гнётом страшного напряжения от всего происшедшего совсем сдала и не может ходить. Дети же вполне здоровы и день ото дня продолжают крепнуть. Пока они болели, от них скрывали правду, но как только дело пошло на поправку, им сказали, что их отец отрёкся от престола и больше не является российским самодержцем.

Среда, 29 марта (11 апреля)

Сегодня нет времени писать. Маззи только что телефонировала сказать, что Генерал желает, чтобы я пришла послу-

шать, как он читает *"Акафист"* перед исповедью. О Боже, его чтение неизменно усыпляет меня! Затем, я полагаю, он напишет список своих грехов и потеряет его, как и в прошлом году. Какой это был переполох: он был так расстроен, бедняжка, а все в доме метались, лихорадочно выискивая этот клочок бумаги. В конце концов он сам обнаружил пропажу в кармане своего старого пиджака! Мне не дано забыть, как абсолютно по-дурацки развеселил меня тот случай и как, внезапно вспомнив его, я расхохоталась, к полному изумлению батюшки, прямо посреди исповеди.

Сейчас я собираюсь, согласно русскому обычаю, "попросить у всех прощения" за свои прегрешения, после сбегаю послушать *"Акафист"*, а затем поужинаю и пойду к исповеди.

Четверг, 30 марта (12 апреля)

Я причастилась вместе с родителями. Генерал довольно сильно дрожал, а Маззи много плакала. Я так рада, что смогла провести с ними всю вторую половину дня и даже пойти на чтение "Двенадцати Евангелий", так как завтра я не смогу с ними увидеться, поскольку придётся работать весь день.

Суббота, 1 апреля (14 апреля)

Сегодня именины Маззи, и я подарила ей кулон цвета морской волны, которым она так восхищалась в магазине

Фаберже²⁴, а также её любимые цветы. Одета в одно из своих самых красивых платьев – серебристо-серое бархатное чудо – она была безукоризненно прекрасна. Но в её глазах проступало нечто столь трогательное, что их выражение причиняло мне боль, и, сама не знаю почему, хотелось заплакать! Всенощную пасхальную службу я отстою в нашей госпитальной церкви, но сразу после неё помчусь к родителям на совместное разговение.

Русское Пасхальное Воскресенье, 2 апреля (15 апреля)

После всенощной службы я присоединилась к родителям, успев как раз к завтраку. В качестве пасхальных даров я вручила Маззи жемчужное яйцо с бриллиантами, а Генералу – серебряное с нарисованной внутри иконой Спасителя. Яйца, судя по всему, им понравились, и они ответили мне не менее прекрасными вещами. Маззи подарила кольцо с бирюзой и две броши с рубинами и бриллиантами, сделанные из пуговиц придворного платья прабабушки, а Генерал – большой цветущий куст сирени и молитвенник в красивом переплёте. Тётя Паскевич прислала мне хрустальный флакон для духов с золотой крышкой и моей монограммой в бриллиантах. Сидя за праздничным столом, мы все пытались сохранять веселье, но отчего-то так и не смогли. Генерал начал говорить об императоре и чуть не сломался, тогда как Маззи выглядела озабоченной и грустной, хотя изо всех сил старалась казаться-

---

²⁴ Семейная фирма российских придворных ювелиров.

ся радостной и поддерживать беседу.

Ленин и экзамены

Понедельник, 3 апреля (16 апреля)

Нынче в моду вошли шествия. Можно повсюду увидеть, как люди маршируют, направляясь к Таврическому дворцу и неся транспаранты с лозунгами, более или менее отражающими мнения и чаяния несущих. Марши, марши и снова марши – вот чем все занимаются после того, как наорались до хрипоты. Сперва речи, затем марши! А что же будет дальше?

Суббота, 8 апреля (21 апреля)

Хотя в Совете полно болтунов, вопящих о "республике и мире", но этот человек, Ленин, превосходит их всех. Его речи привлекают значительное внимание и покоряют сердца "народа". "Отнимите землю у помещиков, заводы у фабрикантов, деньги у капиталистов", – вещает он, и его слова подобны огненным головням, брошенным в бочки с порохом. Отобрать землю у помещиков – вот о чём мечтает каждый крестьянин, как и всякий рабочий, вероятно, грезит о завладении фабрикой, на которой он трудится, и призывы Ленина – это те самые слова, которые западают им всем в самую душу. Сначала, когда толпа не совсем понимала, о чём он говорит, то потешалась над ним и высмеивала его речи, но нынче она полна энтузиазма, и его популярность растёт с каж-

дым днём. Хотя он выступает за мир без аннексий и контрибуций, однако сам аннексировал особняк Кшесинской и живёт там очень комфортно. Время от времени выходя на балкон, он начинает своё очередное выступление, привлекающее тысячи слушателей. Я посещала их дважды и была весьма заинтригована. Он лыс, ужасно некрасив, носит старый мятый коричневый костюм, говорит без малейшего намёка на ораторский пыл, больше похож на профессора колледжа, негромко читающего свою ежедневную лекцию в спокойной и невозмутимой манере – нельзя даже подумать, что он демагог, – однако то, *что* он говорит, буквально сводит людей с ума. Поистине выдающаяся личность, ничуть не похожая на обычного революционного оратора, размахивающего руками и кричащего с пеной у рта, на грани истерического припадка. Нет, положительно, не то, *как* говорит этот человек, а то, *что* он говорит, возбуждает аудиторию больше, чем разглагольствования любого другого оратора, которого я слышала, – даже больше самого Керенского со всем его блистательным красноречием. Несмотря на спокойные профессорские манеры, чувствуется, что Ленин – человек огромной энергии и воли, и мне интересно, что ожидает его в будущем.

Понедельник, 10 апреля (23 апреля)

Я подхватила зверскую простуду и не могу выйти из дому. Это просто выводит из себя, так как Сестра Наталья сходила вчера на Финляндский вокзал, чтобы посмотреть на прибы-

тие новой большой группы политических ссыльных, а я была совершенно не в состоянии присоединиться. По её словам, всё это оказалось унылым зрелищем, и бедные изгнанники выглядели сбитыми с толку и потерянными. Тем не менее я испытываю отвращение к себе за то, что не смогла быть там. Много говорят об "Учредительном собрании" и о том, где оно должно состояться. Одни считают, что его обязаны провести здесь, другие — что Москва — единственно правильное место для этого. "Учредительное собрание", "мир без аннексий и контрибуций", Ленин и приезд французских депутатов-социалистов — вот главные темы дня. Но поскольку экзамены слишком близко, мои личные темы в основном сосредоточены вокруг анатомии, хирургии и прочего подобного. Из-за всех этих волнений и учёбы я так похудела, что стала похожа на пугало.

Сегодня на чай заходила моя сестра Ольга. Она в восторге от Керенского, считая его великим человеком, которому суждено спасти Россию. Она хочет взять своего сына и поскорее уехать в деревню. Вряд ли это можно назвать безопасным замыслом. Родители тоже желали бы поехать в Троицкое этим летом, но я сомневаюсь, что они смогут это сделать. Всё зависит от стойкости Временного правительства. Если ему удастся стать единственной властью до созыва Учредительного собрания, тогда жизнь будет мирной и безопасной, но если возьмёт верх Совет и этот Ленин станет более популярным и могущественным, то я боюсь, что страна превра-

тится в довольно опасное место для жизни любого человека. На днях я сказала об этом Генералу, но он страшно разочлился, крича, что я в этом ничего не смыслю. Время покажет. Газеты уже сообщают о крестьянских бунтах неподалёку от Орла.

Среда, 12 апреля (25 апреля)

Моя простуда проходит, и сегодня я впервые вышла на воздух. На улицах просто отвратительно – там полно солдат, дезертировавших с фронта и как бы возвращающихся домой, хотя, судя по всему, они расслабляются и прекрасно проводят время прямо здесь. Они выглядят ужасно. Отрощенные волосы свисают на лоб грязными и неопрятными паклями. Они небриты и немыты, а на одежду так и вовсе без слёз не глянешь. Однако, по-видимому, они очень гордятся своей внешностью и делают всё возможное, чтобы не походить на солдат "старого режима". В лихо заломленных на затылок фуражках и расхристанных грязных шинелях, с нахальным выражением на лицах, громкими грубыми выкриками и неустанным плеванием семечной шелухой, "вояки" эти представляют собой поистине жалкое зрелище. Их любимейшее развлечение – висеть гроздьями на подножках трамваев, и я просто не могу описать, насколько отталкивающе они выглядят, вися там с развевающимися позади них подобно широко расправленным обшарпанным крыльям фалдами шинелей. Я видела, как один из них столкнул с поднож-

ки очень древнюю старушку – столкнул столь грубо, что она упала навзничь в сугроб, тогда как он тут же занял её место под громкие возгласы и смех своих товарищей – мне стало не по себе. Да и наши пациенты, что из рядовых, изо всех сил стараются подражать этим скотам. Они отказываются мыться и бриться, неряшливо одеваются и повсюду сорят шелухой. Разумеется, почти все из них прогуливаются под руку сразу с несколькими девушками, а те, у кого есть губные гармошки, умудряются при этом громко играть на ходу.

Пятница, 14 апреля (27 апреля)

Я должна записать кое-что забавное: Поля рассказала мне, что прошлой ночью был митинг ("Разве Вы не слышали?"), и я являлась ключевой темой обсуждения. Кто-то предложил арестовать меня и выгнать из госпиталя из-за моего титула, но большинство его не поддержало, говоря, что я усердно работаю почти три года и, кроме того, много делаю для раненых с финансовой точки зрения. По словам Поли, они даже не поленились подсчитать, сколько денег я потратила на подарки для нескольких сотен пациентов на каждое Рождество и Пасху, после чего пришли к выводу, что я хорошо справилась. Итак, они решили не обращать внимания на мой титул и оставить меня в покое. Я рада этому, потому что мне не хотелось бы бросать экзамены и работу в госпитале после столь долгой и усердной учёбы.

Суббота, 15 апреля (28 апреля)

Сегодня я виделась с Генералом, и всё, о чём он мог говорить, – это о "Красной гвардии", которая нынче пришла на смену старорежимной полиции. Эта Красная гвардия раздражает его так же сильно, как красная тряпка – быка, но в то же самое время и завораживает, как способно завораживать нечто отвратительное. Когда он видит красногвардейца, то бродит вокруг него кругами, пристально смотрит, следя за каждым его движением, затем бормочет "дурак" и уходит на поиски следующего. Это забавно и страшно одновременно, потому что однажды он может сказать тому что-то действительно грубое во весь голос, за что, вероятно, будет пристрелен на месте как старый "контрреволюционер". Остаётся загадкой, почему его до сих пор не арестовали. Очевидно, за ним присматривает его ангел-хранитель или Казанская Божья Матерь, которой он так благоговейно поклоняется.

Среда, 19 апреля (2 мая)

Вчера было первое мая по новому стилю, и на Марсовом поле состоялась грандиозная демонстрация рабочих. У меня не было времени туда сходить. Сестра Наталья тоже была занята, однако другие Сёстры, побывавшие там, доложили мне обо всём. Огромные толпы, перечисляли они, красные флаги, алые трибуны, многочисленные оркестры и речи, речи, речи! Очевидно, это было не так волнующе, как похороны жертв Революции, и я не жалею, что не смогла пойти. Увидев

одну демонстрацию, можешь считать, что видел их все, ведь они похожи как две капли воды. Кроме того, простуда снова даёт о себе знать, болит голова, да и учёба норовит свести с ума.

Сегодня вечером состоится ещё один революционный концерт, где снова выступит Керенский, но на этот раз в Михайловском театре. Я бы хотела поприсутствовать, но не смогу. Однако туда пойдут Сестра Наталья и Сестра Вера, а это означает, что позже меня ждёт детальнейшее описание.

Суббота, 22 апреля (5 мая)

Сейчас в городе тихо, но два предыдущих дня отметились волной уличных беспорядков из-за споров между Советом и Временным правительством. Совет не хочет видеть Милюкова среди министров, и весь сыр-бор начался с криков "долой Милюкова". Генерал посмеивается, так как никогда терпеть его не мог, и, похоже, уверен, что судьба сыграла с тем злую шутку. Однако Временное правительство на этот раз не сдалось и, по-видимому, одержало верх.

Понедельник, 24 апреля (7 мая)

Больше никаких лекций, никакой работы в госпитале, и можно полностью посвятить своё время подготовке к экзаменам. Я, вероятно, буду слишком занята в течение длительного периода, чтобы вести дневник, если только не случится что-то экстраординарное.

Понедельник, 1 мая (14 мая)

Нет времени писать подробно, однако не могу не набросать несколько радостных и грустных фактов. С блеском сдала анатомию и физиологию, получила "отлично" за хирургическую работу и детскую гигиену, а также дивную похвалу в дополнение к самой высокой оценке от профессора Бобина за глазные болезни. Всё шло хорошо, но ... чуть не провалилась по фармакологии из-за вылетевшей из головы формулы, которую я бы ни в жизнь не вспомнила, если бы моя соседка по смотровому столу, мисс Шапиро, не притворилась, что уронила карандаш, и, наклоняясь за ним, не прошептала её. Милая девушка – я надеюсь, что когда-нибудь настанет и мой черёд отплатить ей добром! Если бы она этого не сделала, я бы с треском провалилась, так как не была уверена в правильности ни одного из своих ответов на вопросы профессора, и, опозорься я с формулой, он никогда бы не принял у меня экзамен. Как бы то ни было, я удостоилась самой низкой оценки, которая едва позволила мне пройти дальше. И с массажем всё получилось не лучшим образом. Мне пришлось демонстрировать его на тучной сварливой женщине, жаловавшейся, что почти не чувствует моих рук, хотя я вкладывала все свои силы в изнурительный процесс её разминытия, и пот ручьями струился по моему лицу. "Не слишком яркое шоу показала нам наша графиня", – едко заметила преподавательница массажа, сделав особый упор на "на-

ша графиня". Она большевичка и открыто декларирует, что ненавидит титулы и людей, их носящих, хотя я яростно спорю с ней, что её политические предрассудки не должны влиять на её чувство справедливости в том, что касается отношения к ученикам. В действительности же я справилась намного лучше, чем Варвара Б., однако та всё равно поставила ей более высокую оценку. Ну да ладно – в любом случае массаж мне неинтересен (если честно, то всё это отговорки, "кислый виноград"!). Пока только две сокурсницы провалили все свои экзамены, так что я должна быть счастлива, что мне повезло больше, чем им, ведь я действительно чудно справилась с первыми тремя. Хотя должна признаться, что, демонстрируя сложную хирургическую перевязку, я уронила бинт, и он покотился с кафедры в центральный проход аудитории. Студенты захихикали, а профессор Исаченко довольно саркастически отозвался о моей неуклюжести, однако не позволил этому эпизоду повлиять на выставленную мне оценку. Что же до старенького профессора Рутковского, то тот был очень любезен, когда я закончила рассказывать ему всё, что знала о детской гигиене. "Вы благородно подтвердили своё достоинство графини", – сказал он, величаво поклонившись в пояс, на что я в знак благодарности молча поклонилась в ответ, и тогда он поклонился снова, и снова поклонилась я, и всё было просто волшебным. Это ужасно забавно, когда один преподаватель использует "графиню" как сарказм, а другой – как комплимент! Сейчас же я усердно

готовлюсь к сдаче обследовательского экзамена в Калининской больнице. Мы должны отправиться туда и диагностировать различные фазы заболевания. Поскольку я очень хорошо знаю этот предмет, то испытываю немалую надежду.

Воскресенье, 7 мая (20 мая)

Экзамены продвигаются благоприятно. Высокие оценки за лабораторную работу и акушерство. Посредственные – по проблемам ушей, горла и носа и инфекционным заболеваниям. Кое-как удалось "перелезть через забор" по заболеваниям кожи.

Среда, 10 мая (23 мая)

Обследование в Калининской больнице прошло прекрасно. У первого доставшегося мне пациента я обнаружила просто идеальные "опаловые бляшки" и, досконально зная предмет, с удовольствием вещала лекторским тоном в течение пары минут, стоя рядом с ним на кафедре. С двумя другими тоже всё прошло гладко, и я правильно поставила все свои диагнозы, порадовав тем самым сердце профессора Ельцина, который остался очень доволен и прямо перед всеми сказал мне много приятных слов. Этот экзамен стал по-настоящему окрылившим и осчастливившим меня триумфом!

Произошли некоторые перемены в политическом плане. Милюков и Гучков ушли в отставку, и будет коалиция меж-

ду Временным правительством и Советом, который в правительстве представляют Церетели, Чернов и Скобелев. Керенский нынче требует введения строгой дисциплины на фронте. Интересно, как он это сделает. Сначала дисциплина была разрушена, а теперь они хотят вернуть её обратно!

Суббота, 13 мая (26 мая)

Всё позади! Я успешно выдержала экзамены и наконец-то могу отдохнуть. На следующей неделе мы едем в деревню – Генерал, Маззи и я. А в эти выходные наш класс празднует, запланировав обширную программу мероприятий. Кто сказал, что когда-то была Революция?

Дача в Царском и арест

Вторник, 16 мая (29 мая)

Всё-таки нам не суждено отправиться в деревню. Крестьяне не пребывают в крайне враждебном и опасном умонастроении, и, как следствие того, сельские беспорядки распространяются, будто лесной пожар. Несколько усадеб были полностью разрушены. Как обычно в таких случаях, бунтовщики сжигают дома, вырубают лес и даже убивают скот, что, по моему мнению, является наиболее идиотским поступком, так как они бы могли сами использовать животных. Маззи мечтает в целостности и сохранности вывезти из Троицкого библиотеку. Она всерьёз подумывает о том, чтобы пожертвовать её Саратовскому университету, и на то есть две причины: во-первых, она владеет там собственностью, а во-вторых, названное учебное заведение молодо и бедно и потому будет ценить книги сильнее, чем более старые и богатые университеты, и так уже имеющие замечательные библиотеки. Нам будет больно расставаться с нашей старой библиотекой, но, похоже, это единственный способ её спасти. По какой-то причине крестьяне обожают уничтожать книги, собранные крупными помещиками, и почти всегда сжигают их отдельно в огромных кострах либо же разрывают одну за другой, разбрасывая страницы по дорогам на многие вёрсты вокруг. Маззи попросила меня написать декану университе-

та и предложить ему библиотеку – более 20000 томов, накопленных моими прадедом Скарятиным²⁵ и дедом Лобановым-Ростовским.

Пятница, 19 мая (1 июня)

Я написала письмо про библиотеку и отправила его. Вместо того чтобы ехать в Троицкое, мы решили снять на лето дом в Царском Селе. Завтра мы с Маззи отправляемся туда, чтобы посмотреть на тот, который нам очень рекомендовали.

Мы узнали, что вдовствующая императрица Мария и великая княгиня Ксения испытывают в Крыму большие проблемы. Матросы часто приезжают в Ай-Тодор, где те живут, и снова и снова обыскивают их дом. В основном они приходят посреди ночи, заставляя их бодрствовать, пока не перероют каждую комнату от чердака до подвала. Ах, бедная, бедная императрица, какой опыт ей приходится переживать в её-то возрасте!

Попытки Керенского стимулировать войска на фронте кажутся безнадежными. Отсутствие дисциплины, вызванное этим дрянным "Приказом №1", немецкой пропагандой и агит-

---

²⁵ **От автора:** на самом деле знаменитая усадебная библиотека в Троицком собиралась несколькими поколениями рода Скарятиных, начиная не с прадеда Ирины (и моего четырежды прадеда), Якова Фёдоровича, а ещё с его деда, Василия Тихоновича, прирастая затем вкладами его отца, Фёдора, дядьёв, Ивана и Николая, и потомков по линии его третьего сына, Владимира, владевших после него Троицким; однако самую весомую лепту, безусловно, внёс именно Яков Фёдорович.

тацией большевиков – всё это вместе взятое полностью деморализовало солдат! Они не понимают, почему должны оставаться на фронте, и массово дезертируют, тогда как те, кто не бежит, убивают своих собственных офицеров и братаются с немцами. Таким образом, границы практически открыты, и в действительности нет ничего, что могло бы хоть как-то помешать немцам войти в Россию без малейшего сопротивления – было бы желание!

Воскресенье, 21 мая (3 июня)

Вчера мы провели всю вторую половину дня в Царском, и она выдалась просто кошмарной. Поезд отправлялся туда с опозданием на час и был так забит солдатами, что нам пришлось стоять всю дорогу. Ни одному мужчине и в голову не пришло уступить Маззи место, и я боялась, что она упадёт в обморок от усталости и ужасного запаха в вагоне, так как все солдаты курили отвратительный табак, ели чесночную колбасу да и сами воняли потом и кожаными сапогами. Хотя день стоял тёплый, все окна были закрыты, и мы чувствовали себя совершенно больными. По прибытии на нашу станцию мы отыскивали старую и ветхую пролётку, в которую и забрались, сказав извозчику отвезти нас на Дачу Фредерице, которая, как нас убеждали, была одним из самых красивых домов, сдаваемых в аренду. Поколесив по округе, как нам показалось, совершенно бесцельно, извозчик внезапно остановил свою древнюю клячу возле железной ограды Алексан-

дровского дворца, где стояла группа людей и насмехалась над чем-то в парке. "Что это?" – спросили мы, но, к нашему удивлению, мужик вдруг вскарабкался на своё сиденье и начал неистово выкрикивать во весь голос самые гнусные оскорбления, одновременно щёлкая кнутом и прыгая вверх-вниз в яростном остервенении. Поражённые, мы уставились на этого бесноватого, не понимая, что с ним такое приключилось, и с ужасом глядя на его искажённое судорогой лицо, выпученные глаза и дикие ужимки. Затем мы заметили, что со всех сторон нас окружали точно такие же искажённые злобой рожи, издававшие одни и те же оскорбительные вопли. "Что это? – спросила я женщину, стоявшую ближе всех к пролётке, – На что все смотрят? На кого они кричат?" "На *Государя Императора*", – прошептала та с глазами, полными страдания, и слезами, текущими по её щекам. "Видите его, нашего святого мученика, вон там?" – и она указала на маленького человечка вдалеке, судя по всему, копавшегося в цветочной клумбе, согнув спину и отвернув лицо. "Каждый день он работает там, – продолжила женщина, – и каждый день толпы людей сходятся поглазеть и поиздеваться над ним". Вдруг я почувствовала слабость и головокружение – на секунду мне показалось, что я упаду в обморок, – а затем вместе с сильнейшим отвращением от этого ощущения меня захлестнула мощная волна гнева. Никогда за всю свою жизнь я не испытывала ничего подобного и очень надеюсь никогда не испытать это вновь. "Ну-ка сядь и езжай сию

же минуту!" – закричала я извозчику, и тот, как ни странно, тут же слез со своего сиденья, сел и, схватив поводья, пустил свою доходягу вялым галопом. Я была полностью уверена, что он развернётся и станет выкрикивать оскорбления уже в мой адрес, но он не произнёс ни слова и молча довёз нас до Дачи Фредерице.

Мы решили арендовать этот дом. Он в хорошем состоянии, и в нём достаточно места для всех нас. Обратная поездка оказалась полегче, так как поезд был не так переполнен, и я нашла место для Маззи у открытого окна. Мы надеемся переехать через неделю.

Воскресенье, 28 мая (10 июня)

Сегодня мы со всем своим скарбом уезжаем в Царское, правда, без Генерала, который пока не хочет покидать город.

Понедельник, 29 мая (11 июня)

Вот мы и снова в городе, воротившись после загадочного происшествия! Вчера мы отправились в Царское и прибыли на дачу как раз к трапезе, так как повар и другие слуги выехали туда на пару часов раньше. Разложив в своих комнатах личные вещи и создав там как можно более домашнюю обстановку, мы отобедали, а затем вышли в сад. Уже темнело, и мы подумывали о том, чтобы вернуться в дом, как вдруг, Бог знает откуда, возникла мужская фигура в рубашке цвета хаки и солдатской фуражке. "Кто Вы такой?" – спросила

я, однако мужчина, не ответив, подошёл ближе и несколько секунд молча нас разглядывал. "Итак, в чём дело?" – задала я следующий вопрос, пока Маззи нервно сжимала мою руку, настойчиво шепча мне в ухо: "*Лес лё транкиль и алё а ля мейзон*"²⁶. Тут незнакомец расхохотался. "Что она говорит, боится меня, да? – спросил он, указывая большим пальцем на Маззи. – Зря, старушка, тебе покуда нечего бояться, потому как я не желаю тебе зла. Напротив, я пришёл спасти тебе жизнь, ведь я хороший парень и мне жаль тебя. Уважение к сединам и всё такое, ну, ты понимаешь". В принципе, с моей точки зрения, основанной на недавно приобретённом опыте общения с различными видами революционных личностей, он выглядел вполне нормально. Я отчётливо видела его лицо – типичную круглую и здоровую физиономию молодого крестьянина со светлыми волосами, голубыми глазами и доброй улыбкой. "Дело вот в чём, – объяснил он, приблизившись вплотную и говоря очень тихо. – Вашей жизни сегодня угрожает опасность. Этот дом будет разрушен, и все, кто в нём, – убиты. А теперь послушай меня – возвращайся нынче же в Петроград и забери с собой каждую живую душу, ясно? Завтра станет известно, что Дача Фредерице сгорела дотла. Но я богобоязненный человек, и мне жаль старушку – вот почему я решил вас предупредить! А теперь прощайте и уносите ноги – тикайте как можно скорее!" После это-

---

²⁶ Французское "*Laisse-le tranquille et allons à la maison*" – "Оставь его в покое и пойдём в дом".

го он исчез так же быстро и загадочно, как появился. Мы ошеломлённо уставились друг на друга – что это значит и что теперь прикажете делать? Маззи дрожала всем телом, её прекрасные глаза были широко раскрыты от ужаса. "Немедленно уезжаем, – прошептала она. – Идём предупредим слуг и соберём вещи". Итак, мы двинулись к дому, не особо торопясь, поскольку думали, что мужчина может наблюдать за нами, а нам не хотелось, чтобы он решил, что напугал нас. Зайдя, я сообщила известие Татьяне, тут же помчавшейся оповестить остальных слуг, чтобы они немедленно готовились к отъезду. Мы просто побросали наши вещи в чемоданы – увы, сведя на нет все усилия, предпринятые для создания комфорта несколькими часами ранее. Около десяти вечера мы были готовы и выехали на станцию в той же старой обшарпанной пролётке, которая доставила нас на дачу во время первого приезда. Мне показалось, что извозчик более чем странно глядел на нас и, когда я расплачивалась, пробурчал себе под нос нечто похожее на "нет смысла возвращаться туда, где тебя не ждут". Я же притворилась, что не расслышала его "приятных" напутствий, и он медленно укатил, оглядываясь через плечо с противной ухмылкой на лице. Странное совпадение, что именно он вызвался отвезти нас на станцию, когда рядом находилось множество других экипажей, заставляет меня думать, что, возможно, это он стоял за постигшими нас неприятностями – в наказание за наше отношение к нему в тот день, когда он выкрикивал оскорбления

в адрес императора. Это выглядит вполне вероятным.

Сегодня Пётр поехал в Царское, дабы выяснить, была ли дача сожжена или нет.

Поздним вечером того же дня

Что ж, это чистая головоломка! Пётр вернулся и сообщил, что дачу никто не трогал и что всё вокруг выглядит тихим и мирным. Теперь мы пытаемся решить задачку: действительно ли человек, предупредивший нас, спас наши жизни и сохранил дачу, потому что мы её покинули, или он сыграл с нами злую шутку, дабы просто отпугнуть? Пока что мы не можем этого понять. Мы решили остаться в городе на три дня, а затем вернуться в Царское, посчитав, что подобные провокации нас не остановят.

Вторник, 30 мая (12 июня)

Сегодня утром два красногвардейца арестовали меня и повели в тюрьму! Случилось это так: когда я стояла на улице и читала новую, только что наклеенную на стену "прокламацию" правительства, ко мне подошла женщина и тоже стала читать. "Ох, Боже, Боже! – воскликнула она, внезапно повернувшись ко мне. – Что вы обо всём этом думаете?" (текст был связан с фронтовыми вестями) "Считаете, это снова нагромождение лжи или нет? Скажите мне, где сегодня взять правду?" "Правда как раз здесь", – ответила я, достаточно сильно постукав указательным пальцем по бумажке. Мне не

понравилась внешность этой особы, и я не хотела быть втянутой в какую-либо дискуссию. Однако едва я успела произнести эти слова, как, к моему ужасу, прокламация с громким шелестом упала прямо нам на головы, очевидно, отклеившаяся из-за тычков, которые я ей нанесла. В тот же миг женщина начала вопить во весь голос: "Помогите, помогите – здесь контрреволюция! Правительственная прокламация сорвана – спасите Революцию!" – одновременно вцепившись в мою руку и повиснув на ней с яростью дикой кошки. Прежде чем я успела хоть что-то сделать или сказать, по обе стороны от меня, сверкая глазами и выхватив револьверы, выросли два дюжих красногвардейца. Всё это было настолько абсурдно и нелепо, что я не могла удержаться от смеха, чем привела их в ещё бóльшую ярость. "Ну, погоди же! – гневно рыкнули они. – В тюрьме вдоволь насмеёшься!" "А вы, гражданочка, – повернулись они к доносчице, – показали себя достойным товарищем. Пройдёмте с нами, и вы получите свою революционную награду". И мы тронулись в путь – в ряд два красногвардейца и я (я, разумеется, посередине), и женщина чуть сзади нас. Как только мы завернули за угол, то встретили Петра и Соню М., в изумлении остановившихся и уставившихся на меня и моих странных спутников, а затем развернувшихся и последовавших за нами. Вскоре к нашей группе присоединилась стайка мальчуганов, затем несколько прохожих, так что к моменту прибытия в бывший *участок* или полицейское отделение, нынче используемое Красной гвар-

дией в качестве окружного суда и тюрьмы, уже образовалась небольшая толпа. Всем сопровождавшим приказали остаться снаружи, в то время как меня провели в большую грязную комнату с длинными деревянными лавками вдоль стен. Тут двое моих стражников передали меня другому красногвардейцу, который, очевидно, был главным в комнате, и, пошептавшись, исчезли, забрав с собой доносчицу. Тюремщик приказал мне сесть между невероятно толстой, пыхтящей бабой с корзиной овощей на коленях и довольно дикого вида мужчиной, который свирепо смотрел на всех из-под кустистых бровей, бормоча себе под нос проклятия. Помимо того, что баба была крайне тучной и неприятной на вид, от неё ещё и страшно воняло овощами, поэтому, чтобы отвлечься от неё, я начала оглядывать помещение, рассматривая всех прочих людей, сидящих на лавках. Неожиданно я заметила княжну Т., сидевшую прямо напротив меня. Она выглядела вполне жизнерадостной, и мы встретились весёлыми взглядами, хотя благоразумно не подали виду, что узнали друг друга. Вскоре привели ещё нескольких "задержанных", повелев им сесть, несмотря на то, что все лавки были переполнены, поэтому им ничего не оставалось, кроме как стоять, сгрудившись у входной двери, – небольшая удручённая группка весьма уважаемых пожилых господ, совсем не находивших происходящее забавным. Через некоторое время толстая баба справа от меня выудила из своей корзины ломоть чёрного хлеба и огромную луковицу,

которые и принялась поедать с большим удовольствием, в то время как хмурый мужчина слева стал в молчаливой ярости прожигать её взглядом. Наконец, не в силах больше сдерживаться, он начал открыто выражать свой гнев и отвращение, вызвав во мне восторг, поскольку, конечно же, все мои симпатии были на его стороне. "Мадам, – сипло прохрипел он. – Мадам, разве ситуация и без того недостаточно плоха, чтобы вы ещё и ели здесь лук?" "Я не разговариваю с незнакомцами", – ответила та с великим достоинством, вытаскивая очередную луковицу и вгрызаясь в неё с ещё бóльшим наслаждением, от чего у меня заслезились глаза, а мужчина застонал, как от боли. Внезапно вскочив и вырвав луковицу из рук бабы, он швырнул её через всю комнату, едва не попав в голову княжны Т., а после, издав нечто наподобие воинственного клича, опрокинул корзину, разметав во все стороны её содержимое. "Вор, убийца", – завопила баба, бешено размахивая руками и задыхаясь от негодования. Через секунду её причёска рассыпалась по спине, а платье со злоеющими щелчками застёжек разошлось под мышкой. "Прекратить! – проревел наш тюремщик. – Немедленно прекратить, а не то я вас всех пристрелю – да, каждого, кто осмелится тут скандалить или шуметь", – ведь к тому моменту в комнате всюю стоял радостный гвалт из-за стычки между двумя моими соседями. Только пожилые господа в той небольшой кучке, стоявшей у двери, испуганно жались друг к другу. После рыка красногвардейца шум прекратился, и все примолк-

ли, только мужчина продолжал тихо ругаться про лук, а женщина – пыхтеть, как паровоз. Один раз она попыталась собрать овощи, но наш тюремщик так яростно заорал на неё, что она тут же отскочила на своё место и больше не шевелилась. Между тем в комнате с каждой минутой становилось всё жарче и зловоннее, поскольку все окна были плотно заперты, и смрад невымытых человеческих тел зловеще смешивался с запахом лука и прочих овощей. Меня начало сильно мутить, но тут мы услышали шум в соседней комнате, и вышедший оттуда доселе незнакомый нам красногвардеец поспешил объявить, что прибыли революционные судьи и сейчас нас будут заводить по очереди, но не в алфавитном порядке, а по времени ареста. Моё сердце упало, ведь комната была почти полна, когда меня привели! Я подумала, что такая очерёдность продержит меня в этой невыносимой воли дольше, чем алфавитный порядок, хотя моя буква и была К²⁷! Однако через минуту я воспряла духом, как только услышала, что мою фамилию упомянули вместе с фамилией княжны Т. "Сначала следует допросить двух самых дерзких контрреволюционеров: Ирину К. и Софью Т. ", – провозгласил, высунув голову в дверь, охранник зала суда, после чего тюремщик жестом велел мне встать, что я и сделала с большой готовностью и вне себя от радости, поскольку стала первой, вырвавшейся из зловонного помещения. Всё было проделано с большим шиком: тюремщик вручил меня

---

²⁷ Ирина всё ещё носила фамилию бывшего мужа – Келлер.

охраннику зала суда, который, в свою очередь, передал тем двум стражникам, что ранее произвели арест (в тот миг, когда я, очевидно, была слишком занята срыванием прокламации со стены). Единственная свидетельница моего злого умысла и по совместительству доносчица уже сидела там на стуле, имея очень строгий и добродетельный вид. Когда меня подвели к столу, я вздрогнула от удивления и радости, поскольку за ним в качестве революционного судьи, следователя, комиссара или как там сейчас называется его официальная должность, сидел Пётр Громов, один из моих старых пациентов, которого я выхаживала во время тяжёлого случая перитонита и который тогда повторял мне снова и снова, что сделает для меня всё на свете, если у него когда-нибудь будет такая возможность. И мне стало интересно, что же он предпримет теперь. Вспомнит ли он о своём обещании или позволит революционному долгу взять верх? Я заметила, что он также узнал меня, хотя совершенно не подал вида, а сразу низко склонился над какими-то бумагами на столе. Я стояла неподвижно, абсолютно спокойно ожидая дальнейшего развития событий. Прежде всего он внимательно прочитал составленную стражниками докладную записку с витиеватым описанием моего возмутительного поступка, а затем свидетельница, встав со стула, рассказала длинную историю о том, как она застучала меня как раз в тот момент, когда я, срывая прокламацию, пела "Боже, царя храни". Услышав это, я чуть не расхохоталась, но Громов, зная меня достаточно хо-

рошо, вероятно, догадался об этом порыве, так как бросил на меня быстрый предупреждающий взгляд, успев как раз вовремя его остановить. После выступления свидетельницы меня попросили поведать свою версию. И пока я говорила, Громов сосредоточенно слушал, хотя ни разу не взглянул в мою сторону. Когда я закончила, он тихо побеседовал с другими мужчинами, сидевшими за столом, и те, казалось, с ним согласились. "Мы собираемся проверить, правдива ли история задержанной или нет, – холодно сказал он, впервые посмотрев мне прямо в глаза. – Сейчас я лично наклею одну из сегодняшних прокламаций на эту стену, а через несколько минут вы сделаете те же манипуляции, которые вы только что нам описали и которые, по вашим словам, непреднамеренно привели к её падению. Если бумага упадёт сразу после того, как вы к ней прикоснётесь, вы свободны, но если этого *не* произойдет, то мы будем считать, что вы умышленно совершили непростительный контрреволюционный акт, за который вас сразу посадят в тюрьму без каких-либо дальнейших обсуждений по данному вопросу. Итак, начнём. Дайте, пожалуйста, прокламацию". Охранник протянул ему листок, в то время как откуда-то появилась маленькая склянка с клейстером. Затем наш революционный Соломон, поднявшись из-за стола, подошёл с прокламацией в одной руке и склянкой в другой к голой стене и стал туда крайне неторопливо и со всей тщательностью наклеивать злосчастную бумагу. Закончив процесс, он остался стоять рядом с часами

в руке. "Вы сказали, что прикоснулись к листку примерно через пять минут после того, как он был вывешен?" – спросил меня Пётр. Я утвердительно кивнула. "Что ж, пять минут истекли – подойдите сюда и ткните в него указательным пальцем, как сделали это утром". Я подошла, все ещё пребывая в сомнениях, помогает ли мне этот человек или нет. Однако, когда я встала рядом с ним, повернувшись спиной к другим людям в помещении, он вдруг улыбнулся прежней доброй улыбкой, которую я так хорошо помнила с тех пор, как он был моим пациентом, и в этот миг я, конечно же, поняла, что всё будет замечательно. Поэтому я, внутренне ликуя, ткнула пальцем в листок, и тот пролетел прямо над моей головой, как это было на улице. Я сильно подозреваю, что мой старый друг исполнил какой-то трюк с клейстером, тем самым предуготовив предельно спорое отклеивание прокламации. Так или иначе, я снова была свободна, к превеликому огорчению и раздражению "товарища доносчицы" и схвативших меня ранее красногвардейцев, глядевших свирепо, но не осмеливавшихся высказать вслух своё недовольство. Можно только представить, какую досаду испытала эта женщина, когда её "революционная награда" растворилась в воздухе! "Вы можете идти, гражданка", – сказал Пётр, выписав мне пропуск на выход. "Однако, – строго добавил он, – я советую вам быть как можно осторожнее и больше не ввязываться ни в какие неприятности, так как в следующий раз вам может не повезти". Я выслушала его напутственные сло-

ва с кротко склонённой головой и сердцем, переполненным благодарностью (и еле сдержалась, чтобы не обнять дорогого спасителя), а затем, сжимая в руках бумажный "ключ к свободе", выскочила из зала суда так проворно, как только смогла. В дверях я столкнулась с княжной Т., которую туда заводили. Проходя через первую комнату, я мельком увидела своих бывших соседей: баба продолжала пыхтеть, а мужчина всё ещё пялился на неё и что-то бормотал. О, как же прекрасно было выбраться из этого места и снова оказаться на свежем воздухе. Какой неприятный опыт! Не думаю, что стоит рассказывать о нём родителям, так как они, без сомнения, будут необычайно расстроены.

Четверг, 1 июня (14 июня)

Сегодня утром мы вернулись в Царское на Дачу Фредерице. Слава Богу, на станции не оказалось противного извозчика, который мог бы наложить на нас очередное злое заклятие, но зато обнаружился милый молодой парень, быстро и без происшествий доставивший нас прямо до места. Кажется, всё в порядке, хотя слуги слегка нервничают. Пока что ни один таинственный посетитель не нарушил нашей приватности, и потому мы во второй раз заняты распаковыванием вещей.

Пятница, 2 июня (15 июня)

Прошлым вечером нас так никто и не побеспокоил, дав

возможность прекрасно выспаться. Утром мы прогулялись по парку, обнаружив его в крайне плохом состоянии. Повсюду солдаты, выглядящие столь же отвратительно, как и всегда, – неопрятные, грязные, неряшливые, неизменно в сопровождении вульгарных девушек в безвкусных нарядах. Все оглушительно кричат, горланят песни и бурно занимаются любовью в публичных местах, полностью игнорируя элементарные правила приличия. Сам парк сильно пострадал – трава вся вытоптана, скамейки опрокинуты, статуи разбиты. Мы грустно побродили вокруг, тщетно пытаюсь найти какое-нибудь тихое местечко, где можно было бы сесть и почитать, но в итоге нам пришлось отказаться от этой безнадёжной затеи, и мы отправились домой, испытывая отвращение и боль в сердце. Чета Б., заглянувшая к нам после обеда, рассказала обо всех местных новостях. Ничего ободряющего!

Сегодня в городе открылся Всероссийский съезд Советов, и от него ждут великих свершений, хотя каких именно никто, похоже, не знает.

Понедельник, 5 июня (18 июня)

Дни проходят более-менее спокойно, хотя мы и живём в постоянных опасениях из разряда "что же будет дальше?". Странно находиться летом в каком-то ином месте, кроме Троицкого, но нам довольно комфортно на съёмной даче, и мы вполне приятно обустроили свою жизнь – много читаем, гуляем и иногда катаемся на дрожках, которые арендуем на

час. Наконец-то мы отыскали в парке уголок, куда никогда не заглядывают солдаты, и, поскольку мне удалось перетащить туда скамейку, мы преспокойно проводим вторую половину дня с нашими книгами, полностью изолированные от остального мира.

Маззи уже начинает выглядеть лучше, и я убеждена, что, в конце концов, мы поступили правильно, приехав сюда. Вчера мы решили провести день в парке Павловска, взяв с собой не только книги, но и маленькую корзинку с провизией, собранную для нас поваром. Там было необычайно тихо, поскольку солдаты, очевидно, предпочитают парк в Царском, и мы прекрасно скоротали время. Приятно снова побыть наедине с Маззи после всех этих месяцев работы в госпитале и революционных волнений, и мы счастливы вместе.

Поездка в Саратов

Среда, 7 июня (20 июня)

Декан Саратовского университета ответил на моё письмо, касавшееся библиотеки, выразив безграничную благодарность за предложение Маззи и приняв его с явным удовольствием. Он думает, что сможет легко получить разрешение от Керенского на перевозку библиотеки из Троицкого в Саратов, но говорит, что желал бы, если возможно, сначала увидеться с Маззи и всё обсудить лично. Сейчас мы пытаемся понять, как это можно устроить, поскольку вряд ли нужно ожидать, что Маззи отправится в Саратов в такое время. Одна только мысль об этом приводит её в смятение!

Сегодня к нам нагрянул Генерал и, по-видимому, был в хорошем расположении духа. Однако пришёл в ярость, как только мы упомянули ему про Саратов, и закричал, что ни за что не позволит нам туда ехать – ни ради библиотеки, ни ради чего бы то ни было другого! Вот так вот. Что же нам делать? Почему бы этому профессору самому не прибыть сюда? Вечером я ещё раз напишу ему.

Четверг, в поезде, 8 июня (21 июня)

Внезапно всё устроилось как нельзя лучше и самым неожиданным образом. Вчера поздно вечером мне позвонила Сестра Т., сказав, что, поскольку она очень устала и нуж-

дается в отдыхе, то решила отправиться в круиз по Волге из Нижнего Новгорода до Астрахани и уезжает на следующий же день. Тут в моей голове мелькнула блестящая мысль: "Так вот же решение нашей саратовской проблемы!" "Я еду с тобой, – взволнованно прокричала я в трубку. – Купи мне билет, не уезжай одна, подожди меня! Я буду у тебя завтра утром". "Ну, хорошо, поедем", – спокойно ответила та, как обычно, оставаясь невозмутимой, что бы ни случилось. И вот мы с ней уже в поезде, направляясь на Волгу и далее в Саратов.

Суббота, пароход "Гражданин", 10 июня (23 июня)

Всё та же Матушка Волга, те же пейзажи, даже тот же великолепный корабль, на котором я плавала в прошлом году (только его название поменялось с аристократического на демократичное!). Да, внешне всё точно так же, но какова разница в жизни на борту! Революция проникла сюда, как и повсюду, и принесла с собой те уродливые, мерзкие штришки, что портят, словно язвы, любую красоту. Матросы больше не поддерживают судно в чистоте и порядке, как было принято раньше! Оно больше не сияет от носа до кормы! Всё тусклое, липкое и в ужасном состоянии. Палубы немые, каюты грязные, еда и обслуживание отвратительные, зеркала и изделия из серебра, никеля и латуни не отполированы, скатерти испачканы, мебель поломана. Вообще ничего не делается вовремя, и, по-видимому, отсутствует такое по-

нятие, как график. Причаливаем, когда захотим, а вернее, когда заблагорассудится экипажу, и отбываем тем же макаром. Офицеры корабля не имеют над матросами абсолютно никакой власти, а те управляют всем в соответствии с пожеланиями своего исполнительного комитета, что приводит к самым противоречивым результатам. Естественно, матросы делают всё возможное, чтобы копировать революционных солдат как внешне, так и своими манерами, достигая совершенства в неряшливости, лохматости и дерзости. Пассажиры выглядят напуганными, преимущественно прячась в своих каютах. Ушёл в прошлое тот радостный дух, что царил раньше на таких круизных судах, когда все были беззаботны и счастливы с самой первой минуты путешествия до последней. Страх, уныние, злоба и опасности преследуют нынче этот корабль, делая пребывание на нём отвратительным и портя даже красоту пейзажа – ибо кто способен наслаждаться им в наши дни? Это всё равно, что смотреть на живописную картину сквозь закопчённые очки, видя все цвета серыми и тусклыми. Вот так и весь мир кажется мне сейчас серым и тусклым, и моё сердце будто налито свинцом.

Воскресенье, 11 июня (24 июня)

Теперь мы боимся каждой остановки, так как все причалы забиты солдатами, которые, поднимаясь на борт, делают судно грязнее и грязнее. Имея билеты в третий класс, они настырно ломаются на палубы первого и второго, устраиваясь

как можно удобнее, причём заявившиеся раньше занимают свободные каюты или шезлонги, в то время как другие, менее удачливые, ложатся вповалку в гостиных, столовых, коридорах и ванных комнатах. Офицеры пытаются увещевать их, но тщетно, так как экипаж неизменно вмешивается, принимая сторону солдат. Сегодня вся палуба усыпана семечной шелухой, и в каждом удобном месте устраиваются пикники под аккомпанемент криков, хриплого смеха, песен и гармошек, играющих несхожие между собой мелодии одновременно в разных уголках палубы. Столпотворение и кошмар – вот что это такое!

В тот же день поздно ночью

Уснуть невозможно! Группа солдат обосновалась под нашим окном, и каждый из них делает что-то неприятное. Один храпит, другой икает, третий курит эту жуткую "махорку", которую они все обожают, четвёртый играет на гармошке и фальшиво поёт, а ещё двое ссорятся, в полный голос ругаясь друг на друга по ходу нескончаемой игры в карты. Ночь жаркая, в каюте нестерпимо душно, и о сне не может быть и речи! Мы даже не в состоянии открыть нашу дверь в коридор, так как несколько солдат спят там, привалившись к ней. Появились и постельные клопы, занесённые, конечно же, этими грязнулями, и нашим страданиям нет конца. Слава Богу, завтра утром мы должны прибыть в Саратов. Я отправила профессору сообщение с просьбой встретиться на

корабле и здесь обсудить все вопросы. Я думаю, что после этого уеду домой на поезде, поскольку уже нет никаких сил продолжать подобное мучение!

Понедельник, 12 июня (25 июня)

Я все ещё жива, хотя это больше похоже на чудо – хвала Господу и множеству неизвестных мне благородных мужчин! Мы прибыли в Саратов в десять утра, и сразу же, как только наш корабль причалил, толпы солдат хлынули на него по трапу. В скором времени стало так тесно, что на палубе почти не осталось места для передвижения, и приходилось внимательно смотреть, прежде чем поставить ногу, чтобы не наступить на лицо или часть тела какого-нибудь развалившегося дезертира. Мужланы эти были самого скверного пошиба, гораздо хуже, чем те, кого мы видели раньше, и даже команда глядела на них с видимой тревогой и неприязнью. Некоторые из них были настолько утомлены, что заснули прямо там, где смогли упасть, тогда как другие, развязав свои баулы, приступили к трапезе, покрывая палубу самым ужасным месивом из объедков, какое только можно себе представить. Покончив с этим, они принялись осматривать доставшийся им ковчег и, судя по всему, были очень довольны зеркалами и шёлковой обивкой, обнаруженной ими в гостиных и столовых. Достаточно скоро я услышала странные звуки и, отправившись на разведку, наткнулась на группу вояк, деловито спарывающих с кресел их дорогую обшив-

ку и вытаскивающих зеркала из их креплений и рам. Напрасно офицеры ругались и умоляли, напрасно члены экипажа выражали своё неодобрение и убеждали своих товарищей "именем Революции" прекратить безобразие – эти скоты невозмутимо продолжали совершать акт вандализма, насмехаясь над теми, кто выступал против них, под одобряющие вопли своих единомышленников. Шум стоял невообразимый, и никто, казалось, не понимал, что же делать дальше, как вдруг появился казначей и громким, властным голосом потребовал предъявить ему билеты. Погромщики, будучи явно напуганными и смущёнными, сразу же прекратили кромсать и выламывать, уставившись на него в молчаливом смятении. "Ну-ка покажите ваши билеты", – снова проревел казначей, пока те лихорадочно искали их в своих карманах. "Вот мой, Ваша Честь", – смиренно пробормотал один из них, предъявляя свой квиток и, по-видимому, совершенно забыв о Революции с её отменой титулов и бессознательно применив старую форму обращения к вышестоящему начальству. "А вот и мой", – сказал другой, "и мой", – добавил третий, пока они один за другим совали требуемое в протянутую руку казначея. "Хм, как я и думал, билеты в трюм, – воскликнул он, когда все были предъявлены. – Что ж, вот в трюм и ступайте, где вам самое место, и не смейте сюда возвращаться". К моему изумлению, они подчинились, молча выскользнув, словно побитые щенки, за дверь. "Позор!" – пробурчал стоявший рядом со мной солдат. Он с большим

интересом наблюдал за происходящим, хотя до сих пор не произнёс ни слова. "Бесстыдная контрреволюция, – продолжил он, – и этот казначей должен быть повешен! Как он посмел командовать парнями, да ещё в таком тоне". "И был совершенно прав, – парировала я. – А что ещё он мог сделать? Этим людям не положено даже быть здесь, не говоря уж о порче зеркал и материи на креслах, которой они занимались! И даже трюм слишком хорош для них, поскольку по ним тюрьма плачет". "Что такое? – возмутился солдат. – Что ты сейчас сказала? Эй, товарищи, идите и гляньте, что тут творится! Только послушайте, что она мелет – считает, что солдаты не годятся для пребывания на этом корабле и что тюрьма для них – единственное место! С ней нужно немедленно что-то делать!" В следующую секунду я была окружена оравой вопящих солдат. "Пристрелить её, выпороть, выбросить за борт", – кричали они, всё теснее сжимаясь вокруг меня в неистовой ярости и обдавая моё лицо своим зловонным дыханием. "Да, давайте швырнём её за борт, прямо в реку", – решили они. Горячие мозолистые руки схватили меня за плечи и локти. Через мгновение меня оторвало от земли и подбросило в воздух. Пальцы, похожие на тиски, сжимали мою шею и лодыжки, и острые уколы боли проносились вверх-вниз по всему телу. В те мучительные минуты мне казалось, что ад со всеми его чертями и их вилами был выпущен на волю, чтобы причинить мне боль. "О Боже, Боже!" – стонала я. Когда они несли меня по палубе к перилам, я кра-

ем глаза заметила Сестру Т., чьё лицо застыло в белой маске ужаса. Она сидела со своим вязанием там же, где я оставила её четверть часа назад, и, увидев такую картину, продолжила ожесточённо мелькать спицами, очевидно, не имея сил остановиться в своей агонии страха. "Раз, два, три", – скандировали солдаты, раскачивая меня взад-вперёд перед броском. Слова детской считалочки: "Раз – приготовься, два – успокойся, три – и понёсся", – а также мысль: "Ох, если бы я только могла перекреститься", – вот и всё, что успело промелькнуть тогда в моей голове. Внезапно я почувствовала, что уже лечу по воздуху. А последнее, что запомнилось – я лежу на палубе, превратившись в сплошной комок боли. Затем всё померкло, и я потеряла сознание.

Когда я пришла в себя, чувствуя тошноту, головокружение и ломоту во всём теле, то обнаружила, что нахожусь в нашей каюте, уложенная в собственную кровать, с сидящими рядом Сестрой Т. и корабельным доктором. Они настаивали, чтобы я молчала и постаралась снова заснуть, однако я просто обязана была незамедлительно узнать, что же произошло и почему я всё ещё жива, а не кормлю рыб на дне Волги. Им ничего не оставалось, как сдаться и поведать мне всю историю. Похоже, что в критический момент, как раз когда я собиралась улететь за борт, группа людей, состоявшая из офицеров корабля во главе с нашим доблестным казначеем и достаточно большого числа мужчин-пассажиров, кинулась мне на помощь, чудом поймав моё тело уже над са-

мыми перилами и бросив в обратную сторону, дабы мой полёт завершился на палубе, а не в реке. Это был крайне болезненный способ спасти мою жизнь, но, очевидно, у них не было другого выбора. После этого меня подняли и отнесли в мою каюту, в то время как между моими спасителями и солдатами завязалась драка. Судя по всему, произошла грандиозная схватка, закончившаяся полным поражением солдат и их бегством на берег, где толпа зевак чуть было не разорвала их на части. Как ни странно, симпатии толпы были полностью на моей стороне, и солдатам повезло уйти живыми. Но самое смешное, что пока развивались упомянутые события, на борт корабля прибыл профессор, мягко осведомившись, где меня можно найти. Я живо представляю себе его изумление и ужас, когда он обнаружил меня в столь трудном положении. Бедный старый господин! Ведь он готовился к милой, спокойной и достойной беседе о книгах, а вместо этого стал свидетелем скандала, в центре которого оказалась его неудавшаяся визави. Господи, почему именно со мной происходят столь нелепые вещи!

Сестра Т. не позволила ему увидеться со мной днём, но он приехал в тот же вечер, как раз когда мы переселялись на другой корабль, и помог нам донести наш багаж. Мы решили вернуться тем же путём, так как все говорят, что в поездах ещё хуже. После всех наших бурных переживаний Сестра Т. отказалась от мысли плыть дальше до Астрахани, и завтра утром мы отправляемся в Нижний Новгород на "Бо-

родино". Профессор очень приятный человек, и я безумно рада, что библиотека будет под его присмотром. Он уверен, что сможет в течение пары недель после получения разрешения от Керенского покончить с её перевозкой. Мы общались до поздней ночи, и я дала ему каталог, что привезла с собой, – тот самый, который мы составили с Мадемуазель Бертой (моей гувернанткой), когда мне было шестнадцать. По счастью, я прошлой зимой послала за ним в Троицкое, чтобы сделать копию. Когда настало время прощаться с профессором, я не смогла удержаться от слёз, потому что знала, что навсегда расстаюсь с нашей библиотекой, и эта мысль, вдобавок ко всему, через что пришлось пройти в тот день, совершенно выбила меня из колеи. "Не волнуйтесь, я буду хорошо заботиться о библиотеке, – пробормотал милый пожилой господин, целуя мою руку, и две крупные слезы скатились по его щекам на бороду, – Можете быть уверены, в наших руках она будет в полной безопасности, тогда как у Вас в усадьбе ей с большой вероятностью грозит уничтожение. Со временем, когда-нибудь, когда всё снова встанет на свои места, Вы, если пожелаете, сможете забрать её обратно". О, он оказался таким добрым, таким славным, таким понимающим! Сидя в углу, Сестра Т. тоже плакала, и на такой высокой ноте закончилась эта встреча – встреча, ради которой я проделала долгий путь от Петрограда до Саратова! После всех треволнений этого дня я никак не могу уснуть и, хотя Сестра Т. яростно протестует, сижу на своей постели, делая

в дневнике эту запись.

Вторник, 13 июня (26 июня)

Этот корабль – просто райское пристанище для отдыха по сравнению с оставленным нами вчера, и после того ада, через который пришлось пройти, мы никак не можем поверить, что такое прекрасное место вообще существует. Всё слишком хорошо, чтобы быть правдой. Везде чисто, насколько это возможно, и судно поддерживается в идеальном порядке. Еда превосходна, а экипаж вежлив и искренне гордится состоянием корабля. Мы даже двигаемся по расписанию! Это совершенно потрясающе! Безусловно, здесь, как и везде, есть исполнительный комитет, но вместо того, чтобы вносить разлад и сумятицу, он поддерживает дисциплину, помогая управлять кораблём так же слаженно, как в дореволюционные времена. Его председателем является с виду очень смыслёный, серьёзный и осанистый матрос, с которым беспрестанно советуется капитан и которому беспрекословно подчиняется команда.

Ему даже удаётся каким-то образом удерживать солдат на предназначенных им местах, и они тихо сидят в третьем классе, абсолютно не пытаясь подняться на палубы первого и второго. Всё это только подтверждает, каким сильным характером обладает этот матрос, ибо совершенно очевидно, что он один контролирует всю ситуацию.

Сейчас я чувствую себя намного лучше, хотя ещё не утих-

ла нервозность, и довольно болезненны синяки. Погода прекрасна, и мы с Сестрой Т. сидим с раннего утра до поздней ночи на палубе с книгами, которые почти не открываем, и нетронутым шитьём, сонно глядя на постоянно меняющуюся панораму далёкого пейзажа и на реку, по которой плавно скользит вперёд наш корабль. Это чудесно – иметь возможность сидеть и ничего не делать, кроме как расслабляться, мечтать и отдыхать. После суматохи последних месяцев это самое прекрасное средство для восстановления, какое только можно пожелать, и я наслаждаюсь каждой благословенной минутой. Как бы я хотела, чтобы мы могли остаться здесь и из Нижнего спуститься в Астрахань, а затем снова вернуться в Нижний! Но я не могу так надолго оставить Маззи одну, поскольку знаю, что она нуждается во мне, даже несмотря на то, что Генерал сейчас с ней.

Среда, 14 июня (27 июня)

На борту находятся две девушки, вступившие в "Женский батальон смерти" и теперь едущие на фронт. Одетые как настоящие солдаты, при том что каждая деталь их формы безупречна, они держатся с большим достоинством и некоторой отстранённостью, которая им очень идёт. Обе молоды, стройны, хорошо сложены, довольно симпатичны и выглядят весьма интеллигентно. Будучи чистыми, опрятными и изящными, они представляют резкий контраст с сегодняшними дезертирами! Я поговорила с ними вчера вечером, и

это было занимательно. Они рассказали мне всё о батальоне смерти, его правилах и уставе, о причине, по которой они туда вступили, и об уже приобретённом опыте. По их словам, самой большой трудностью было справиться с наглостью солдат, либо пытавшихся заняться с ними любовью, либо высмеивавших и оскорблявших их. Старшая, Соня Васильева (24 года), обладает особенно очаровательным тембром голоса и интересной манерой описывать свои переживания, тогда как младшая, Таня Сомова (21 год), чрезвычайно остроумна и видит во всём смешную сторону. Обе девушки родом из одной деревни под Самарой, ходили в одну школу и знают друг друга всю свою жизнь. Они говорят о фронте с его увечьями и смертями абсолютно спокойно, как о чём-то само собой разумеющемся. Обе глубоко патриотичны и страстно желают, если придётся, отдать жизнь за свою родину. Они обещали писать мне и попросить кого-нибудь прислать мне весточку, если обе будут ранены или убиты. Я с болью в сердце слушала их восторженную речь. Горько видеть солдат, а тем более девушек, уходящими на фронт с его ужасами, которые я так хорошо знаю.

Июльский кризис

Суббота, 17 июня (30 июня)

Я снова в Царском после ничем не омрачённой поездки на поезде из Нижнего. С Сестрой Т. мы расстались в Москве, где у неё есть друзья, у которых она собирается побыть до конца своего отпуска. Бедняжка, она всё ещё не чувствует себя восстановившейся после наших мучительных переживаний на Волге (и особенно в Саратове) и попросила две дополнительных недели отдыха. Генерал и Маззи были настолько рады видеть меня, что лишь ради этого стоило поторопиться с возвращением. Конечно же, я ничего не рассказала им о том, что в Саратове была на волосок от гибели, поскольку это бы только страшно напугало их, отразившись на и без того слабом здоровье. В моё отсутствие в Царском было всё спокойно, поэтому они прекрасно провели время вместе и выглядят как два милых старых голубка, пушистых и довольных.

Позже в тот же день

На "Всероссийском съезде рабочих депутатов" Ленин выступает с яростными речами, направленными против союзников, в то время как Керенский пытается доказать, что тот определённо состоит на жаловании у немецкого правительства, а потому все его тезисы продиктованы из Германии.

Собственные воззвания Керенского, обращённые ко "всем, всем, всем!", как обычно, великолепны и вдохновляют чрезвычайно. Если б он только мог действовать так же решительно, как умеет говорить, то, без сомнения, уже являлся бы могущественным диктатором, а Россия была бы на пути к политической реорганизации и порядку. Ему непременно нужно что-то сделать с Лениным, его друзьями – Каменевым, Зиновьевым и Троцким – да и вообще всеми большевиками, а не позволять тем парализовывать его усилия и подрывать его авторитет! Если он не желает высылать их, поскольку Россия теперь свободная страна, то должен, по крайней мере, найти способ свести на нет их деморализующую и анти-патриотическую активность, подтверждающую, по-видимому, его справедливые обвинения в том, что они подкуплены Германией. Во имя Революции и её идеалов, о которых он с обожанием упоминает в каждой своей речи, ему необходимо показать своим врагам не только высокопарными словами, но и решительными действиями, что он является хозяином положения. Вот тогда у него было бы очень много последователей, ведь, в конце концов, мир любит сильных людей, а великий лидер всегда восхищает и увлекает за собой массы.

Воскресенье, 18 июня (1 июля)

Сегодня у могил жертв Революции на Марсовом поле прошли демонстрации, однако не случилось ничего по-настоящему захватывающего. Несколько выступлений, несколько

потасовок, немного пения и марширования, и это всё. Сестра Наталья, поехав туда и увидев немного перечисленное, доложила мне обо всём по телефону.

Понедельник, 19 июня (2 июля)

Керенский находится на фронте, призывая войска пойти в наступление, и его речи, по всей видимости, оказывают желаемый эффект, поскольку он телеграфирует, что большое наступление действительно началось. Всё выглядит слишком хорошо, чтобы быть правдой, и мы едва осмеливаемся поверить в это. Если бы только наши войска одержали победу, это бы означало конец смутного времени и начало новой славной эры.

Среда, 21 июня (4 июля)

Везде царит большое волнение по поводу наступления. Прошло так много времени с тех пор, как с Россией случилось что-то действительно хорошее, что все впали в радостную истерию. По всему городу проходят патриотические шествия, и в воздухе висит ощущение весёлого праздника, что является долгожданным изменением после уныния и подавленности последних месяцев.

Генерал проводит большую часть своего времени в церкви, молясь чудотворной иконе Пресвятой Богородицы и клая земные поклоны с таким рвением, что возвращается домой с пятнами пыли на лбу и коленях. Удивительно, как его

вера, проводя через все этапы жизни, делает его жизнерадостным и счастливым, несмотря на немощь и многие печали. Он так и продолжает высказывать своё мнение во весь голос, держа нас, к нашему большому огорчению, в состоянии постоянного страха за его безопасность. До сих пор он оставался невредимым, но кто знает, что может случиться с ним в любую минуту в столь бурные времена, когда одно необдуманное слово или действие может снова выпустить на волю никогда не дремлющих демонов ненависти и кровопролития.

Среда, 28 июня (11 июля)

Армия генерала Корнилова вчера прорвала австрийский фронт и захватила город Галич. Повсюду безумная радость!

Пятница, 30 июня (13 июля)

Большевики делают всё возможное, чтобы прервать наступление, и их отвратительная пропаганда с каждым днём становится действеннее. Сейчас они посылают подстрекателей и на фронт, дабы убедить солдат прекратить боевые действия, и в паре мест им это удалось. Почему, ну, почему Керенский ничего не предпринимает, чтобы пресечь на корню их вредную агитацию? Энтузиазм постепенно угасает, и на всё снова опускается привычная пелена уныния. То, что мы считали концом смуты, оказалось лишь временной передышкой.

Понедельник, 3 июля (16 июля)

Керенский вчера приехал с фронта в Петроград, но сегодня поспешил отбыть обратно, так как пришли плохие вести от Корнилова. Тот почти без боя оставил Калуж, и вместо славного наступления всё снова выглядит как позорное бегство. Кроме того, в городе опять много беспорядков. Большевики открыто атакуют Временное правительство, выдумав новый лозунг: "Вся власть Советам". Вооружённые грузовики снова, как в первые дни революции, бешено несутся туда-сюда по улицам, призывая солдат присоединиться к восстанию. Несколько полков уже подняли бунт, однако остальные всё ещё верны правительству. В результате между двумя противоборствующими сторонами произошёл ряд стычек, в которых несколько человек были убиты и многие ранены. Говорят, Керенский после возвращения в Петроград имеет серьёзное намерение арестовать большевистских лидеров.

Среда, 5 июля (18 июля)

Газеты полны статей об измене Ленина и его сообщников. Пишут, что он, вне всяких сомнений, является агентом Германии, работающим на уничтожение России, и этот факт будет в скором времени подтверждён уже готовящимися к публикации документами. Эта новость, по-видимому, погасила революционный запал вчерашних мятежников, и вос-

стание прекратилось. Те, кто присоединился к нему, похоже, сегодня очень стыдятся самих себя. "Что? Мы встали на сторону предателя, собираясь помочь Германии погубить Россию?" – кажется, говорят они, крадучись по улицам с поникшими от собственного позора головами. Генерал снова в открытую выражает своё мнение о них громовым и воинственным голосом, и мы каждый раз дрожим, когда он выходит из дому.

Четверг, 6 июля (19 июля)

Мы слышали, что Ленин и Зиновьев бежали в Финляндию. Так всегда бывает: лидеры исчезают вовремя, чтобы спасти свои шкуры, оставляя никчёмных человечков расплачиваться за их грехи!

Пятница, 7 июля (20 июля)

Керенский вернулся вчера вечером и был встречен ликующей толпой. Говорят, что Совет пришёл в ярость из-за публикаций об измене Ленина и собирается доказать, что это не что иное, как клевета. Временное правительство, похоже, снова пользуется большой популярностью, а большевики позорно прячутся. Военные юнкера сформировали отряды, охотящиеся за ними по всему городу, и многие уже найдены и арестованы.

Воскресенье, 9 июля (22 июля)

Восстание в Петрограде, естественно, повлияло на моральный дух войск на фронте, и ни о каком наступлении больше не может быть и речи. Напротив, немцы прорвали наши позиции в Тарнополе и нескольких других местах, и ситуация складывается аховая. Князь Львов подал в отставку, и Керенский теперь совмещает посты министра-председателя и военного министра. Он отчаянно пытается насадить дисциплину. Вчера был издан приказ о возвращении смертной казни и военной цензуры, а также о закрытии ряда газет, к большому недовольству радикальных элементов и к общей радости патриотов и консерваторов, включая нашего Генерала.

Понедельник, 10 июля (23 июля)

Новый манифест Советов объявляет Временное правительство "единственной властью", способной спасти страну. Уже хорошо! Кроме того, гарнизон Петрограда заявил о своём решении доверять правительству и поддерживать его до самого конца. И это превосходно – только я почему-то не особо в подобные заявления верю. В наши дни всё может повернуться самым непредсказуемым образом, да и убеждения столь же переменчивы, как флюгеры.

Суббота, 15 июля (28 июля)

Сегодня Генерал чуть было не попал в беду, и меня до сих пор мутит от страха, когда я думаю об этом. Дело бы-

ло так: рано утром мне понадобилось съездить в город по больничным делам, и я как раз устраивалась поудобнее в углу пригородного вагона с желанием почитать свежую газету, как вдруг, к своему изумлению, услышала знакомый отцовский голос, за которым последовало появление и самого Генерала в самом что ни на есть воинственном расположении духа. Оставив его, не выражавшего ни малейшего намерения ехать в Петроград, мирно завтракать за дачным столом, я, естественно, была поражена, увидев, как он садится в поезд. У него, очевидно, только что случился горячий спор с кем-то снаружи, и он всё ещё пребывал в крайне разгневанном состоянии, когда бухнулся на сиденье около двери. Моим первым побуждением было подойти и сесть рядом с ним, но, подумав, я решила, что безопаснее этого не делать, так как он тут же бы стал комментировать недавний инцидент и все текущие события, привлекая, как водится, внимание людей в вагоне. Итак, я осталась тихо сидеть на своём месте, уткнувшись в газету и искренне надеясь, что он сделает то же самое. Однако он был не в настроении молчать, и когда я осторожно выглянула из своего газетного укрытия, то увидела его суровый взгляд поверх очков, адресованный только что вошедшему и забывшему прикрыть за собой дверь пассажиру. "Закройте дверь", – строго приказал Генерал, после чего тот, кроткий на вид низенький человечек, послушно побежав назад, исполнил требуемое. Следом вошли ещё двое мужчин, также оставив дверь открытой. "Дверь, дверь,

закройте эту дверь!" – снова повелел Генерал, но уже более раздражённым тоном. "Закрой её сам, старик", – добродушно ответил один из вошедших, садясь рядом со своим товарищем и продолжая прерванный разговор. "Я вам сказал, закройте эту дверь!" – громко повторил Генерал, теперь уже окончательно рассердившись, повысив голос и гневно глядя на обоих мужчин. Но те, увлечённые своей беседой, не обратили на него ни малейшего внимания, поэтому после минуты свирепых взглядов он встал и сам захлопнул дверь, бормоча себе под нос нечто явно нелицеприятное. Однако в следующую минуту злополучная дверь открылась вновь, впустив на этот раз довольно внушительную группу солдат. "Дверь, дверь, закройте же эту чёртову дверь!" – крикнул Генерал, как только прошёл последний из них, оставив её распахнутой настежь. Что-то знакомое в его тоне заставило их всех замереть, нерешительно глядя в его сторону. На секунду они стали просто рядовыми, готовыми подчиниться приказу вышестоящего начальства, а затем расхохотались. "Как вы смеете смеяться?" – воскликнул Генерал, поднявшись с сиденья с очень внушительным видом и злобно топорщившимися седыми усами. "Встаньте по стойке смирно, когда к вам обращается генерал", – строго добавил он. Я в ужасе вскочила, полностью уверенная, что солдаты вот-вот накинутся на него, но тут один из них, прилично выглядевший парень, жестом велел остальным помолчать и в одиночку подошёл к Генералу. "Чего вы добиваетесь, разговаривая с нами та-

ким образом? – спросил он холодно, но вежливо. – Разве вам не известно, что времена изменились, и вы больше не можете нам приказывать, ваше превосходительство?" – в последнем обращении звучал явный сарказм. "Встаньте по стойке смирно и закройте эту дверь!" – неустрашимо скомандовал Генерал, стоя в полном одиночестве перед лицом этой опасной толпы и представляя собой образец выдержки. Я не могла больше этого выносить ни минуты. Захлёбываясь слезами (мне никогда в жизни не было так жаль его), я бросилась к нему, взяла его под руку и слегка потянула, беззвучно образуя губами слово: "Молчи", – как обычно делают, когда говорят с глухими, и мы всегда используем тот же приём при общении с ним. "Сама помолчи, – парировал он, обернувшись и сердито воззрившись на меня, – и не вмешивайся в то, что тебя не касается. Это дело военных". Тогда в отчаянии я обратилась к говорившему с ним солдату: "Пожалуйста, пожалуйста, – судорожно умоляла я, – оставьте его в покое. Он очень стар и глух и не понимает ни слова из того, что вы говорите. Это всё равно, что разговаривать с ребёнком". К моему стыду, слёзы так и струились по моему лицу, пока я висела на руке Генерала. На секунду мужчина заколебался, снова пристально посмотрел на нас – должно быть, мы выглядели странной парой, – затем внезапно его взгляд смягчился, и он улыбнулся. "Всё в порядке, Сестричка, – сказал он (слава Богу, на мне была сестринская форма!). – Мы не причиним твоему старику зла, но объясни ему, что надо по-

малкивать, а не болтать лишнего. Всё, ребята, пошли дальше". И когда он повернулся, чтобы уходить, то действительно захлопнул эту несчастную дверь! Что за славный парень этот солдат, ох, какой славный! "Вот видишь? – торжествуя произнёс Генерал, когда мы сели рядышком. – Он всё-таки закрыл дверь! Необходимо поддерживать дисциплину, знаешь ли, особенно в такое время, как сейчас. Что же касается тебя, юная леди, – добавил он, строго глядя мне в глаза, – больше не смей вмешиваться не в свои дела. Предоставь *мне* разбираться с подобными ситуациями". Всё, что мне оставалось, это молча кивнуть и проглотить свои дурацкие слёзы. К счастью, никто больше не входил в нашу дверь, и мы читали газеты (по крайней мере, я делала вид, что читаю), пока не прибыли на Царскосельский вокзал. Оттуда я позвонила Сестре-хозяйке, отменив свою деловую встречу в госпитале, а затем весь день сопровождала Генерала, пока нам не пришло время вернуться в Царское.

Среда, 19 июля (1 августа)

Я вынуждена провести эту неделю в госпитале, подменяя в операционной одну из ассистенток. В Петрограде ужасно жарко, и по вечерам я убегаю в Царское, чтобы повидаться с родителями и подышать свежим воздухом, который, если быть честной, не такой уж и свежий, поскольку на многие вёрсты вокруг Петрограда и Царского горят обширные поля торфа, создавая при этом плотную, похожую на туман дым-

ку, низко висящую над тлеющей землёй и делающую воздух ещё горячее. На закате эта дымка частенько приобретает тускло-красный оттенок, превращающий окружающие просторы в зыбкое и клубящееся царство Аида, столь же мрачное и зловещее. Случаются и лесные пожары. В дополнение ко всем этим бедствиям к нам медленно, но верно подкрадывается с юга холера.

Пятница, 21 июля (3 августа)

Я внезапно заболела лёгкой формой гриппа, из-за которого в городе разразилась настоящая эпидемия, и два дня пролежала в постели. Завтра утром я возвращаюсь в Царское, где Маззи со вчерашнего дня страдает из-за воспалившегося пальца на ноге. Хотя бы с Генералом, слава Богу, всё в порядке!

Суббота, 22 июля (4 августа)

Несколько дней назад все министры ушли в отставку, и Керенский занимается формированием нового правительства, но из-за постоянно воюющих друг с другом политических партий, ему, похоже, приходится нелегко. Мы слышали, что прошлой ночью он тайно приезжал в Царское, отказавшись от всех своих должностей, в то время как в Зимнем дворце проходила решающая встреча всех партий, на которой обсуждался вопрос об его отставке. В итоге решили, что он, судя по всему, единственный человек, способ-

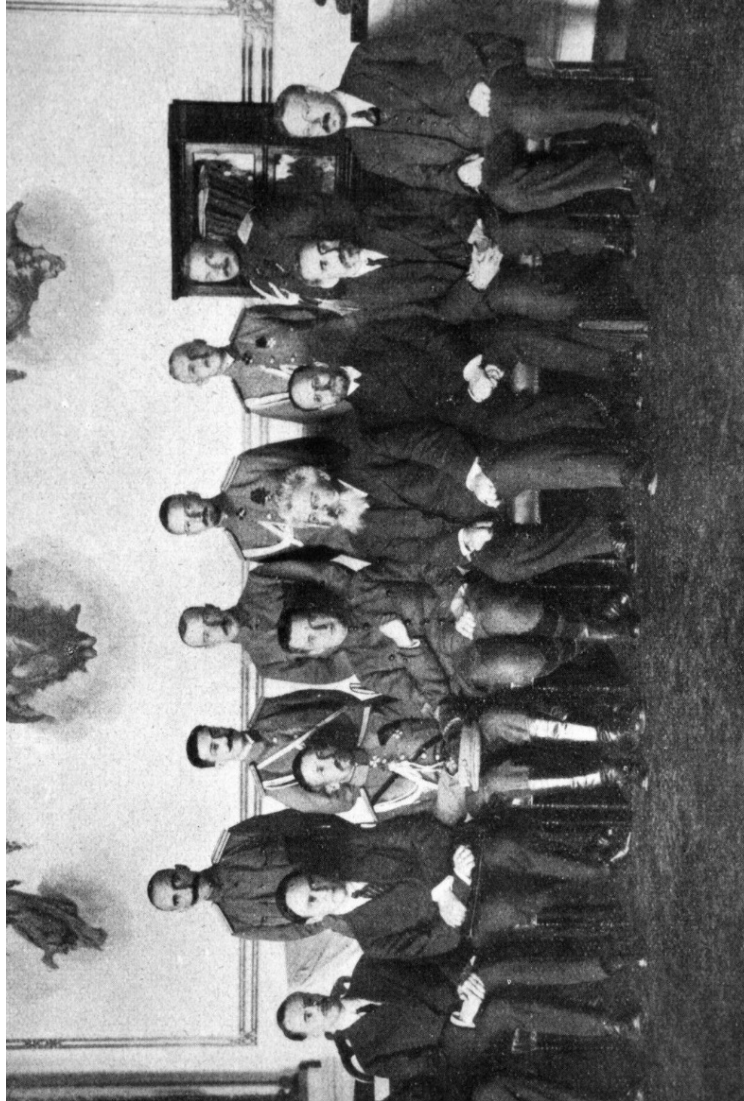
ный сформировать новый кабинет министров, приняв резолюцию о доверии к нему и попросив его вернуться на пост министра-председателя.

Понедельник, 24 июля (6 августа)

Керенский вновь председатель и военный министр свеже-сформированного Коалиционного правительства, и политический кризис закончился, но надолго ли, конечно же, ещё предстоит выяснить. Он назначил генерала Корнилова главнокомандующим, а Савинкова (связанного с убийством великого князя Сергея) своим заместителем в военном министерстве. Что касается остальных – нет смысла утруждать себя перечислением их имён, так как они, вероятно, очень скоро поменяются, а мне уже надоело пытаться угнаться за этой абсурдной министерской "чехардой".

В течение некоторого времени ходили слухи о различных заговорах с целью вывоза императора и его семьи за границу, но трудно сказать, есть ли в этих рассказах хоть доля правды. Правительственное расследование, касающееся так называемой "измены" императора и императрицы, закончилось их полным оправданием, и, похоже, нет никаких причин, по которым им не может быть разрешено открыто, безо всяких заговоров и тайных вывозов, покинуть страну и отправиться туда, куда им заблагорассудится. Несколько раз я пыталась связаться со своей подругой Настинькой, состоящей при императрице, но безуспешно. Я также отправила

ей письмо, несколько платьев, красивое нижнее бельё и пару книг, но так и не смогла выяснить, дошла ли до неё моя посылка.

Члены 2-го коалиционного Временного правительства под предводительством Керенского

Фотография Корнилова (слева) и Савинкова (справа) в автомобиле

Слухи и страхи

Суббота, 29 июля (11 августа)

Все вокруг выглядят напуганными, будто ожидая, что вот-вот произойдёт нечто ужасное, хотя никто, видимо, не может определить причину этого страха. Абсолютно необъяснимое чувство – бояться чего-то, даже не предполагая, что это может быть, точно так же, как ожидать, что "некий монстр" набросится на тебя из темноты, не имея никакой возможности предвидеть, с какой стороны произойдёт атака. Так или иначе, сейчас все страдают от этого синдрома – любой звук заставляет вздрагивать, любой знак кажется дурным и таящим в себе зловещий смысл. Солдаты в парке собираются кучками и с таинственным видом, вполголоса обсуждают какую-то весьма животрепещущую тему, причём столь всепоглощающую, что они даже пренебрегают своими вульгарными подругами. Автомобильная шина, лопнувшая вчера возле станции со звуком, подобным выстрелу, вызвала настоящую панику, заставив всех, кто находился рядом, в диком испуге броситься врассыпную в поисках убежища. Вид огромного грузовика, медленно едущего по улице и гружённого дешёвыми на вид пустыми гробами, смастерёнными из неплотно сбитых желтоватых досок, также вызвал панику, в результате которой моментально распространился слух, что той же ночью множество людей будет арестовано, расстреляно и тайно

зарыто в этих жутких гробах. Слуги слышали, что на днях некий князь (?) был после зверских пыток похоронен живым, а Сестра Наталья, приехавшая провести со мной денёк, поведала о предупреждении от солдат в госпитале, что скоро произойдёт нечто настолько чудовищное, что все предыдущие кошмары ничто по сравнению с этим. На церковной службе женщина неожиданно упала в припадке, крича с пеной у рта, что узрела самого дьявола стоящим на пороге и не смеющим войти в святилище, но ожидающим с вилами в руке, пока его жертвы не выйдут наружу ... Одни говорят, что два дня назад над солнцем был виден пылающий крест, тогда как другие шепчутся о таинственном огромном вороном коне, который ночью бродит без всадника по парку, не оставляя следов копыт и не издавая ни малейшего звука; бронзовая конная статуя Петра Великого в Петрограде была замечена покидающей свой гранитный постамент и скачущей галопом вокруг Зимнего дворца, дабы трижды обогнуть его; вылупился петушок с тремя головами; родился ребёнок – наполовину чудище, наполовину человек. Престранные истории звучат со всех сторон, и все – бедные и богатые, тёмные и образованные, молодые и старые – напуганы ими до смерти! В последние ночи мы с Маззи спим в одной спальне, и Генерал оставляет дверь, ведущую к нам, широко раскрытой. Все служанки съехались в одну большую комнату, и Пётр вызвал свою жену, чтобы та находилась рядом с ним. Ходят упорные слухи, что однажды ночью нас всех убьют, а некоторые

даже обнаружили нарисованные мелом маленькие крестики на входных дверях своих домов, что, вне всяких сомнений, указывает на то, что данные дома обречены!

Воскресенье, 30 июля (12 августа)

Прошлой ночью на нашей собственной входной двери появился небольшой меловой крестик. Пётр показал мне его сегодня утром, и его лицо было белым как полотно, а челюсть заметно дрожала. Затем он стёр его, как мог, но если внимательно присмотреться, то всё ещё можно разглядеть белёсое пятно, хотя и очень бледное. Мы решили не говорить об этом родителям, которые, не имея острого зрения, вряд ли его заметят.

Понедельник, 31 июля (13 августа)

Сегодня пришло анонимное письмо с почтовой маркой, указывающей, что оно было отправлено отсюда же, из Царского. "Будьте осторожны, очень, очень осторожны" – вот и всё, что там было сказано, и больше ни словечка. Текст был написан на хорошей бумаге, красными чернилами, печатными буквами. Мы показали его Генералу, надеясь, что это действительно сделает его более "осторожным", но тот просто пожал плечами и бросил письмо в огонь. "На нём могут быть микробы, безопаснее сжечь", – было его единственным комментарием, хотя мы и заметили, что потом, в течение всего дня, он пребывал в довольно подавленном состоянии. Зав-

тра он, несмотря на наши протесты и мольбы, на несколько дней возвращается в город.

Вторник, 1 августа (14 августа)

Уже далеко за полночь, но произошло кое-что настолько странное, что я должна немедленно это записать. Мы легли в постель около часа назад, и я блаженно плавала в том волшебном состоянии полудрёмы, которое предшествует полноценному сну, как внезапно что-то буквально выдернуло меня оттуда, заставив сесть в кровати в состоянии полной бодрости и настороженности, щекотавшей каждый нерв. В следующую секунду мой напряжённый слух уловил снаружи звук крадущихся шагов, за которым последовал негромкий скребущий шум, похожий на царапание в дверь собаки. Вскочив и бросившись к открытому окну, я высунулась наружу и отчётливо разглядела человеческую фигуру, низко склонившуюся над порогом. Я не смогла разобрать, были это мужчина или женщина, так как персона казалась закутанной в складки какой-то длинной и объёмной материи вроде платка, который обычно надевают в церковь старушки из народа. Прежде чем я успела издать хоть звук или вновь пошевелиться, фигура резко выпрямилась и, побежав к улице так быстро, как не смог бы никто, находящийся в преклонном возрасте, скоро исчезла из виду. Продолжая стоять у окна и гадая, что всё это значит, я решила, что, возможно, на двери только что начертали ещё один белый крестик. Но

бросив вниз случайный взгляд, я смутно разглядела очертания маленького светлого предмета, оставшегося лежать на пороге. Вылетев из комнаты и сбежав вниз по лестнице, я отперла трясущимися от волнения руками входную дверь и наклонилась, чтобы узнать, что же там лежит. Это был крошечный, белоснежный, поблёскивавший в темноте конверт. Молниеносно схватив его, я бросилась в гостиную и включила свет. Он был адресован "Ирочке" (прозвище, которым меня называют ближайшие друзья), и больше на нём не значилось ничего! Ни другого имени, ни адреса. Дрожащими пальцами я вскрыла его, обнаружив внутри краткую записку, написанную до боли знакомым почерком. "Храни Тебя Бог, Дорогая! – говорилось в ней. – Помолись за меня!" Подпись отсутствовала, но это, несомненно, был Настинькин почерк. Да, это было явно составлено её рукой. Что это значит? Неужели она написала эту загадочную записку, потому что у неё нет другого способа сообщить мне, что она жива и здорова? Может, случилась благоприятная okazия в виде этой закутанной фигуры, позволившая ей послать мне весточку, за которой вскоре последуют и другие, или верны слухи о том, что императорскую семью на днях увезут в неизвестном направлении, и, учитывая это, крошечная Настинькина записка – прощальная? Я так волнуюсь, так волнуюсь!

Среда, 2 августа (15 августа)

Теперь понятно, что произошло! Император был отправ-

лен правительством в Тобольск вместе с императрицей, девочками, Алексеем и малочисленной свитой – несомненно, всеми теми, кто был с ними в Царском, за исключением мадам Нарышкиной и Бенкендорфов, которые, очевидно, слишком стары, чтобы последовать за ними. Говорят, это абсолютно точно является делом рук Керенского, решившего, что их нужно перевезти, приехавшего за ними и провожавшего их на рассвете! Но почему, почему же именно в Тобольск, если только не затем, чтобы позволить им оттуда покинуть страну? Может быть, в этом и есть причина! Конечно, было бы гораздо легче спасти их из Тобольска, чем из Царского с его угрожающе настроенным гарнизоном и Петроградом – самым сердцем Революции, расположенным так близко. О, я надеюсь и молюсь, чтобы причина была именно в этом.

Мы узнали, что, приказав им в одиннадцать часов ночи незамедлительно готовиться к отъезду, их затем заставили томительно долго ждать, фактически до раннего утра, сидя одетыми в дорожную одежду и шляпы на неудобных стульях в вестибюле рядом со своим багажом, пока наконец с восходом солнца их не отвезли к поезду. Мы пошли в церковь, чтобы помолиться за них, и нашли там множество горько плачущих людей. Хотя их вывоз был окутан тайной, публика каким-то образом узнала, что должно произойти, и у ограды дворца собралась большая толпа. Татьяна отправилась туда в надежде хоть мельком увидеть Настиньку, чьей горничной

она когда-то была, но, устав ждать, вернулась домой задолго до их отъезда. Я сейчас в ярости на неё за то, что она не предупредила меня, потому что я бы тоже пошла и осталась у ограды до самого конца. Она твердит, что боялась за меня, поскольку там я могла бы навлечь на себя неприятности, и именно поэтому решила ничего мне не говорить. Теперь-то мне стало ясно, что Настинькина записка означала прощение. Я не знаю, почему рыдаю настолько сильно, что с трудом могу разобрать написанное. Ведь в конце концов, возможно, это и к лучшему, что их увезли из Царского, и в скором времени, даст Бог, мы услышим, что они благополучно добрались до Англии.

Суббота, 5 августа (18 августа)

Скоро в Москве состоится Государственное совещание, в котором будут представлены все партии, включая монархистов и большевиков. Одному Богу известно, каких целей планирует достичь это новое "Совещание", помимо, разумеется, нескончаемых разговоров, до сих пор не приведших нас ни к чему, кроме запутанных демагогических лабиринтов, по которым мы пока ещё безнадёжно блуждаем. Мы, бесспорно, великая раса болтунов, и, похоже, лишь большевики добавляют к сему отдельные элементы энергичной деятельности.

Чтобы на время забыть обо всех наших бедах и страхах, мы с Маззи много читаем друг другу вслух, выбирая преиму-

щественно смешные книги и старательно избегая грустных или депрессивных. Мы почти закончили роман под названием *"Маленькая хозяйка Большого дома"*, сквозь который в качестве ключевой темы проходит песня Киплинга *"Цыганская тропа"*. Её мелодия определённо преследует меня и, я уверена, всегда будет напоминать мне об этих днях в Царском, при условии, конечно, что мы их переживём. Мне всегда было так странно, что в течение моей жизни определённые мелодии вдруг начинали тесно ассоциироваться с определёнными периодами и эпизодами, хотя в основном без какой-либо видимой причины. Почему именно этот мотив должен преследовать меня, а не различные революционные песни, которые сегодня можно услышать на каждом шагу и которые были бы гораздо более подходящими в этом смысле? Необъяснимо!

Маззи теперь часто просит: "Сыграй мне свою жизнь, Вишенка", – и я сажусь за пианино и исполняю подряд все важные для меня мелодии, начиная с *"Голубых колоколов Шотландии"*, которые так живо напоминают о сильнейших переживаниях моего раннего детства, случавшихся в те моменты, когда Нана готовилась к отъезду в Англию в летний отпуск, и я, трёх- или четырёхлетний карапуз, плакала навзрыд, пока она паковала свои чемоданы! Но она на самом деле никогда не пела мне *"Голубые колокола Шотландии"* – она вообще почти никогда не пела, кроме детских песенок, – и я, возможно, так никогда и не узнаю, почему именно это про-

изведение стало символом моих первых настоящих печалей. Даже сейчас, когда я слышу его, у меня перехватывает дыхание, и я действительно переживаю ту детскую пытку расставания столь же остро, как и много лет назад. Боль причиняет и песня, связанная с моей первой любовью, когда мне едва исполнилось шестнадцать, а вот *"Спой песню про шесть пенсов"* – вообще сплошная мука. И не может быть иначе, ведь я пела её бесконечное количество раз своему умирающему малышу, когда он умолял своим слабым хриплым голоском: "Спой про шесть пенсов, спой" ... И я заводила её снова и снова, покачивая сыночка в такт мотиву до самого конца. Ох, ну и что толку писать обо всех этих вещах! Это так же невыносимо, как исполнять мелодии на пианино. Если горе не убивает человека в тот самый момент, когда оно приходит, то единственное, что остаётся, – это держаться и продолжать жить, помня о нём, потому что никогда и никому не дано забыть такое.

Вчера мы с Маззи вспоминали о тех днях. Она показала мне дневники, которые я вела и которые она сберегла, – да, все до единого, тысячи страниц, заполненных рассказами об астрономии и стихами, посвящёнными Луне и звёздам. Ох уж эти дневники! Как хорошо я помню тот день, когда начала первый. Это было на мой седьмой день рождения, и Маззи подарила мне синюю сафьяновую книжечку в позолоченном переплёте, на которой красовалась надпись "Дневник", тиснённая впечатляющими золотыми буквами, а также

был замочек с ключом для обеспечения конфиденциальности. О, эта хваленая конфиденциальность! Очень-очень скоро замок был взломан, и Ольга уже читала вслух мой "Дневник" Мики и остальным под взрывы оглушительного хохота. Когда я слышала этот рёв, то всегда знала, что мои драгоценные записи снова украли и смеются над ними, и я мчалась вниз по лестнице в комнату, где собрались мои мучители, и дралась, как дикая кошка (к их большому удовольствию). А выхватив у них своё сокровище, бросалась с ним наверх, в свою комнату, горько рыдая от такого произвола. Каждый день я прятала его в каком-нибудь новом месте, и каждый день им удавалось его отыскать. У Маззи сохранилась и эта знаменитая синяя книжечка, и все последовавшие за ней в длинной череде дневников – розовые, красные, зелёные и жёлтые. Позже, когда я стала старше, пришёл черёд обычных блокнотов и тетрадок, потому что в те дни я писала очень много, и не было времени ждать, когда же на Рождество или день рождения мне снова подарят красивые экземпляры в дорогом переплёте, с позолоченными краями и шикарной бумагой.

Понедельник, 7 августа (20 августа)

Похоже, никто не доверяет новым деньгам, да и цены растут как на дрожжах. Старые добрые царские купюры пользуются большим спросом, тогда как на "керенки" смотрят с подозрением и недовольством, а некоторые так и вообще

отказываются их принимать. Несмотря на наши необъяснимые предчувствия и страхи, до сих пор не произошло ничего экстраординарного, и жизнь снова кажется довольно спокойной. Мы возобновили наши прогулки, а также небольшие вылазки в Павловск, где мы любим провести денёк с маленькой корзинкой для пикника и книгами. Генерал вернулся в город, и мы снова вдвоём – только Маззи и я.

Среда, 9 августа (22 августа)

Люди поговаривают, что Керенский скоро будет коронован и что в Зимнем дворце, где он занимает апартаменты Александра III, он уже демонстрирует царские замашки, готовясь к императорской роли, хотя, по-моему, несколько преждевременно. Много судачат и о его связи с очаровательной драматической актрисой Т., которая, являясь, по слухам, весьма амбициозной особой, страстно желает играть важную роль не только в личной жизни великого человека, но и в политической. Кто знает? Будучи привлекательной, умной и талантливой, она может оказать на него положительное влияние и тем во многом помочь России. С другой стороны, все эти рассказы, вероятно, не что иное, как набор лжи, и, как обычно, нужно быть крайне осторожными, дабы не попасться на удочку.

Пятница, 11 августа (24 августа)

В последние дни я ленюсь и ничего не делаю, кроме того,

что читаю, гуляю и слушаю, как Маззи рассказывает длинные истории о старых временах. Это заставляет снова почувствовать себя маленькой девочкой.

Корниловский мятеж

Понедельник, 14 августа (27 августа)

В Москве в Большом театре открылось широко анонсированное "Совещание". Как бы я хотела там поприсутствовать!

Среда, 16 августа (29 августа)

Представители левого и правого крыла участников Совещания вчера публично на трибуне пожали друг другу руки, показав всему миру, что они не держат друг на друга зла и готовы работать вместе. Это действительно замечательно и гораздо более важно, чем самые красноречивые слова, которые, по-видимому, ничего не дают. Но опять же мы так часто разочаровывались, что с трудом осмеливаемся поверить в то, что данный поступок означает нечто большее, чем просто изящный жест. Если бы только левые и правые терпели друг друга и хоть немного сотрудничали до созыва Учредительного собрания вместо того, чтобы постоянно воевать, – насколько это было бы лучше для всех нас! В настоящее время наша единственная и величайшая надежда – созыв Учредительного собрания, но, ох, каким же это пока кажется далёким.

Генерал Корнилов, по-видимому, снискал в Москве большую популярность, произведя очень яркое впечатление своим посещением Иверской часовни, где помолился перед Чу-

дотворной иконой Божией Матери, как это раньше делал император. Толпы людей буквально обезумели от энтузиазма, падая на колени, когда он шествовал мимо них, забрасывая его цветами и величая героем и спасителем. Как, должно быть, всё это ненавистно Керенскому, хотя, конечно же, левые были полностью на его стороне, и только правые приветствовали Корнилова. Наш Генерал в восторге и сожалеет лишь о том, что его там не было, чтобы лично выразить своё почитание.

Четверг, 17 августа (30 августа)

Совещание завершилось, снова оставив стойкое ощущение, что, как говорится, "гора родила мышь". Кроме рукопожатия двух политических лидеров и энтузиазма по поводу Корнилова, похвастаться, похоже, особо нечем. Безусловно, Церетели произнёс важный тезис о том, что война должна продолжаться и что Россия никогда не подпишет сепаратный мир, но можно ли ему верить, и даже если он искренен, хватит ли у него сил осуществить обещанное?

Воскресенье, 20 августа (2 сентября)

Плохие новости! Немцы атакуют нас под Ригой, и вопрос в том, смогут ли наши войска остановить их?

Вторник, 22 августа (4 сентября)

Увы, совершенно достоверно известно, что германцы про-

рвали наши линии и Петроград в опасности. Последние новости заключаются в том, что правительство собирается переехать в Москву, поскольку поговаривают, что Керенский боится как контрреволюции, так и немецкого вторжения, считая старую столицу более безопасным местом, чем Петроград. По слухам, была уже черед заговоров против его жизни, однако никаких конкретных деталей не известно. Я бы не удивилась, если бы его убили. Боже, к каким ужасным последствиям это бы привело! Да ведь у нас снова была бы Революция, террор и всё прочее!

Среда, 23 августа (5 сентября)

Вчера мы обедали у четы Б., и я сидела рядом с Х. Он поведал нам о своей искренней надежде, что немцы дойдут до Петрограда, свергнут нынешнее правительство, повесят всех социалистов, анархистов и большевиков и восстановят императора на троне. Несколько других гостей согласились с ним и ни в малейшей степени не одобрили мою точку зрения, заключающуюся в том, что внутренние дела России должны решаться самими русскими, а не вторгшимися извне и уж точно не нашими врагами. Затем у нас вышел довольно жаркий спор, и в конце концов некоторые из них даже показали мне сердитые "двойные подбородки", дабы выразить своё осуждение.

Государь первым бы отказался от трона, если бы ему пришлось заплатить за него такую цену бесчестия. Неужели они

не могут понять, что он слишком большой идеалист, чтобы согласиться на подобное гнусное предложение? Я считаю, что Х. мерзок, и глубоко презираю его.

Четверг, 24 августа (6 сентября)

Снова ходят упорные слухи об очередном мощном заговоре, направленном против правительства. И, как водится, слухи эти только сбивают с толку, поскольку все они отличаются, категорически противореча друг другу.

Суббота, 26 августа (8 сентября)

То, что Петроград находится в реальной опасности, подтверждается тем фактом, что по настоянию Керенского генерал Корнилов посылает сюда часть войск с фронта, очевидно, для усиления не слишком надёжного местного гарнизона. Государственные архивы и драгоценности в спешном порядке вывозятся в Москву, в то время как многие люди, впад в панику, спешно покидают город. Некоторые богатые церкви начали упаковывать свою утварь из золота и драгоценных камней, разбирая на части даже огромные серебряные и бронзовые люстры и канделябры, дабы как можно быстрее подготовить их к отправке.

Воскресенье, 27 августа (9 сентября)

Войска под командованием генерала Крымова, отправленные с фронта, находятся где-то под Лугой и ожидаются

в Петрограде в ближайшие день-два. Ко всеобщему удивлению, к нам прибывает "Дикая дивизия", хотя она принимала активное участие в июльском мятеже и впоследствии была в опале.

Город охвачен лихорадочным волнением и переполнен слишком противоречивыми слухами, столь многочисленными и столь озадачивающими, что абсолютно нет смысла детально писать о них в такое время, когда буквально каждую минуту происходят интересные и неожиданные повороты событий. Во что верить – никто доподлинно не знает. Всё снова похоже на прокручиваемую вверх тормашками и задом наперёд киноленту, как было и в первые дни Революции.

Понедельник, 28 августа (10 сентября)

Потрясающее известие! Генерал Корнилов открыто восстал против Керенского и объявил себя диктатором, что является крайне серьёзным решением, учитывая, что он главнокомандующий всеми армиями!

Вторник, 29 августа (11 сентября)

Полная неразбериха! Генерал Крымов арестован по приказу Временного правительства. По пути в Петроград он был отрезан от армии Корнилова и выдан своей же "Дикой дивизией", поскольку его бойцы предъявили обвинение в том, что он вёл их в город под ложным предлогом, сказав, что там произошло большевистское восстание и нужно срочно

встать на защиту Временного правительства, хотя в действительности ничего подобного не случилось. Крымов уже доставлен под стражей в Петроград. Но, видимо, никто не понимает, почему Керенский приказал сделать это, если тот, в конце концов, и правда направлялся защищать правительство, а следовательно, и его самого по его же настоятельной просьбе. Всё действительно невероятно запутанно!

Среда, 30 августа (12 сентября)

Генерал Крымов мёртв – он застрелился сразу после аудиенции у Керенского! Корнилов подал в отставку. Вот так концовка удивительной трагедии! Или это только её начало?

Четверг, 31 августа (13 сентября)

Керенского ужасно критикуют, обвиняя в том, что он провокатор. Сначала он потребовал ввести войска в Петроград, позже арестовав их командира! В этом трудно разобраться. Он, Керенский, теперь будет главнокомандующим вместо Корнилова, в то время как Верховский станет военным министром.

Пятница, 1 сентября (14 сентября)

Всё начинает проясняться. Говорят, что Керенский, попросив генерала Корнилова прислать часть войск в Петроград, особо подчеркнул, что не желает видеть здесь "Дикую дивизию", поскольку та была замешана в последнем бунте.

Однако же Корнилов намеренно послал именно и только её, вскоре после этого провозгласив себя диктатором с намерением использовать сорвиголов из "Дикой дивизии" под командованием генерала Крымова для свержения Временного правительства. Керенский был предупреждён об опасности и смог арестовать генерала Крымова как раз вовремя, дабы успеть предотвратить гражданскую войну и ещё одну Революцию. Создаётся впечатление, что Владимир Львов, бывший обер-прокурор Святейшего синода, сыграл во всём этом очень странную и не до конца ясную роль, сообщая, судя по всему, недостоверные сведения Корнилову о Керенском и *наоборот* ... Делал ли он это намеренно или нет, но безусловно именно с его "посредничества" и начались все неприятности.

В результате всей этой корниловско-крымовской истории Керенский потерял большую часть своего авторитета. Пресса продолжает обвинять его в том, что он сыграл роль провокатора, да и всему составу Временного правительства достаётся полной мерой от его врагов – как крайне правых, так и крайне левых, использующих данный инцидент для максимальной его дискредитации. Какая жалость, что это так! Ведь, в конце концов, каким бы слабым оно ни было, однако нынешнее правительство всё же лучше, чем анархия, которую мы, вполне возможно, получим, если кабинет министров Керенского падёт.

Республика и собаки

Суббота, 2 сентября (15 сентября)

Так как Совет решительно отказывается иметь дело с Коалиционным правительством, что, естественно, является результатом мятежа Корнилова, то теперь страной правит "Директория пяти" под председательством Керенского. Увы, скоро у нас состоится ещё одно Сопещание, на котором опять придётся столкнуться с проблемой формирования нового правительства, но на этот раз более удобного социалистам. Дабы всех умиротворить, Керенский официально провозгласил страну Республикой, и это то, чем отныне становится Россия. Я жила при Имперской монархии, видела Революцию, наблюдала взлёт и падение уже нескольких временных, подчас абсолютно эфемерных правительств, и вот сегодня стала свидетелем рождения Республики! Это, конечно, настоящий рекорд, учитывая, что мне ещё нет тридцати!

Вторник, 5 сентября (18 сентября)

Сегодня я снова в городе, выполняя кое-какую госпитальную работу. Мои старые пациенты из отделения хронической хирургии устроили мне чудный приём, подарив маленькую белую шерстяную кофточку, которую Сидор связал сам. Это тронуло меня до глубины души, сделав очень счастливой! На самом деле они все замечательные ребята, и мне ста-

новится так обидно, когда они вдруг решают, что являются революционерами, и начинают вести себя как глупые, невоспитанные и злобные мальчишки! Я буду бережно хранить эту кофточку. Сидору потребовалось шесть недель, чтобы связать её, а все парни скинулись и купили за свои малые деньги шерсть и тесьму. В ответ я устраиваю в палате небольшой праздник с приятными сюрпризами для каждого, после чего их всех ждёт немного музыки и просмотр киноленты.

Среда, 6 сентября (19 сентября)

Большевики стали главной силой в Совете, претендуя, таким образом, на прочное положение в будущем правительстве. Троцкий кажется человеком большой энергии!

Четверг, 7 сентября (20 сентября)

Моя вечеринка имела громкий успех, и все замечательно провели время. Революция была забыта, ребята ели, пели, играли в шарады, рассказывали истории, радовались сюрпризам и были такими же весёлыми и приветливыми, как в старые добрые времена. Только однажды, когда Богданов решил спеть революционную песню, они внезапно замолкли, став серьёзными, но ненадолго, – певца довольно грубо прервали, повелев "заткнуться", а Ваня тут же разразился одной из весёлых старых военно-походных песен, сопровождаемой в припеве криками, свистом и хлопаньем в ладоши! Богданов выглядел довольно смущённым (хотя я уверена, что он

не хотел намеренно портить веселье), и единственная хмурая тучка быстро рассеялась. Мне, как и им, всё ужасно понравилось, и я так рада, что не послушала людей, советовавших отказаться от этой затеи.

Суббота, 9 сентября (22 сентября)

Генерал Корнилов арестован, и вскоре его будут судить за государственную измену. Поскольку Коалиционное правительство, к огромному сожалению, скомпрометировано, большевики вновь поднимают голову, выползая из своих убежищ. Керенский, очевидно, потерял всякую возможность окончательно расправиться с ними после июльского восстания.

Вторник, 12 сентября (25 сентября)

То, как некоторые люди удирают, бросив своих собак, просто не укладывается у меня в голове. Мне кажется невыносимым, чтобы кто-то, содержащий домашнего питомца, бросился прочь, не взяв его с собой или, по крайней мере, не умертвив его гуманным способом. В наши дни улицы полны бездомных собак, в основном красивых и дорогостоящих созданий, привыкших к заботе и ласке, тогда как теперь они вынуждены выживать сами. Некоторые из них до сих пор носят красивые ошейники с именами и адресами своих скверных бывших хозяев. Жалко видеть их – с втянутыми от голода боками, спутанной, грязной шерстью и глазами, полны-

ми страха и боли, – добывающими себе пропитание в мусорных вёдрах. Несмотря на своё падение, большинство из них сохранили прекрасные манеры, виляя хвостом и трогательно улыбаясь, когда с ними заговаривают. Они, кажется, понимают, как сильно мы жалеем их, с надеждой смотря на нас доверчивым взглядом, терзающим душу. Мы приносим их домой и кормим, однако потом они отказываются уходить, и двор постепенно превращается в псарню, к большому недовольству прислуги. А кроме того, так как этим летом всё очень дорого, кормить наших протеже становится весьма и весьма затратно. Учитывая, что новые постояльцы прибывают каждый день, мы столкнулись с серьёзной проблемой. Что же нам делать? Мы не можем держать их у себя, а никому другому они не нужны, и всё же представляется абсолютно немислимым снова выгнать их на улицу.

Вчера за мной увязалась шикарная сенбернарша. Она была в крайне истощённом состоянии и едва ковыляла, однако настойчиво протягивала мне для пожатия переднюю лапу всякий раз, когда я на неё оглядывалась. Продержав её несколько часов дома, я поняла, что она серьёзно больна, поэтому отвезла к ветеринару, диагностировавшему рак на поздней стадии и предложившему немедленное усыпление, поскольку спасение было уже невозможным. Итак, он приступил к процедуре с использованием хлороформа, пока я пожимала её лапу, протянутую мне в последний раз. Она уходила очень тихо, без борьбы, и через пару минут всё бы-

ло кончено. Я отпустила несчастную добрую лапу, которую больше никогда никому не протянут, и помчалась домой, рыдая, как дура. Казалось страшным кошунством умерщвлять столь чуждое, нежное и доверчивое Божье создание, и всё же, что ещё я могла сделать? Несомненно, она, будучи оставленной в живых, страдала бы с каждым днём всё сильнее и сильнее, вскоре достигнув того состояния, когда больше не смогла бы передвигаться, медленно угасая в ужаснейших муках от голода, жажды и боли.

Сегодня очаровательно уродливый самец таксы встретился нам в парке, затем последовав за нами до самого дома. Он весьма крупный малый с широкими костями, которые на контрасте делают его втянутую талию необычайно тонкой. На ошейнике значится имя Джек, и пёс впадает в безумную радость каждый раз, когда мы его так называем. Зная, как сильно Сестра-хозяйка любит такс, я позвонила ей и рассказала про Джеки. Она тут же влюбилась в моё описание, немедленно постановив, что нанимает пса работником на госпитальную кухню, чтобы он гонял там крыс. Завтра утром я первым делом везу его в госпиталь, и так рада этому, что никак не могу успокоиться! Я объявила Джеку, что его взяли помощником повара, а тот в ответ улыбнулся от уха до уха, будто и вправду понял, о чём идёт речь.

Среда, 13 сентября (26 сентября)

Я только что вернулась из госпиталя, доставив туда Джеки

и познакомив с новым домом. Сестра-хозяйка, увидев пса, пришла в абсолютный восторг, а повар накормил его такой вкуснятиной, что тот, боюсь, даже никогда больше не взглянет на крысу! Все Сёстры и прислуга, тоже прибежав посмотреть, влюбились в него с первого взгляда. Я с лёгкостью могу предположить, что, став любимцем нескольких сотен добросердечных людей, Джек, без сомнения, будет отныне вести сладкую жизнь. Кто-то заявил, что не следует называть его просто Джеком, так как это имя не слишком представительно для столь степенного молодца, и что ему много больше подходит "Яков Иванович Джекулин" – и все согласились. Так что теперь таково его официальное имя, и он откликается на него без колебаний, имея ужасно гордый вид. Другая миниатюрная такса по кличке Тимка, "удочерённая" Сестрой-хозяйкой несколько дней назад, уже отчаянно флиртует с Яковом Ивановичем. Они так забавно смотрятся вместе — столь изящная и маленькая красотка (надпись на её ошейнике утверждает, что она обладательница семнадцати наград!) и такой здоровенный неуклюжий парень, возможно, никогда в жизни не видевший никаких призов.

Ещё одна хорошая новость заключается в том, что доктор Р. решил "усыновить" пригретого нами фокстерьера и придет за ним завтра. Вот если бы мы только смогли найти ещё девять хороших домов для остальных наших беспризорников – какая это была бы радость! Я пока не встретила ни одной бездомной кошки. Либо уехавшие люди забрали их с со-

бой, либо же кошки намного лучше собак знают, как позаботиться о себе.

Пятница, 15 сентября (28 сентября)

Открылось новое Совещание – занавес поднят, и стартует первый акт свежей пьесы. Мы – озадаченная публика – все в ожидании закрученной интриги. Что же нам покажут на этот раз – драму или комедию? Каким предстанет многострадальное правительство после июльского бунта большевиков и августовского заговора Корнилова, каждый из которых тянет его в противоположном направлении – один влево, другой вправо? Возможно, теперь у него отвалится дно, и это единственное, чего можно ожидать, если левые и правые станут дёргать бедолагу туда-сюда снова и снова.

Воскресенье, 17 сентября (30 сентября)

Мне уже пора насовсем возвращаться в госпиталь, но Маззи хочет провести здесь ещё месяц. Я знаю, что без меня она не останется ни дня, поэтому обязана побыть с ней, так как, вне всяких сомнений, в Царском она чувствует себя гораздо лучше, чем в Петрограде. Сестра-хозяйка и профессора пошли мне навстречу, уверив, что не видят проблем с моей месячной задержкой. Однако мне всё же придётся посещать наиболее важные лекции.

Четверг, 21 сентября (4 октября)

Так часто ездить в город и обратно – это весьма утомительное занятие, и я буду рада окончательно вернуться на наши зимние квартиры. Вчера на Совещании Керенский опять произнёс одну из своих зажигательных речей, настойчиво призывая вновь сформировать Коалицию. Он, видимо, считает, что наша новоявленная Республика движется к очередным бедствиям, находясь пред лицом столь серьёзной опасности, что предотвратить её сможет только достижение согласия о Коалиции. И я полагаю, что он прав. Если одна или другая радикальная партия захватит власть, то либо стране уготовано ужасающе реакционное движение, которое будет встречено с негодованием и, с большой вероятностью, приведёт к новой Революции, либо же (если победят крайне левые) мы получим новую Революцию незамедлительно, минуя стадию крайне правого Временного правительства. Что из этого лучше? По мне, так оба варианта одинаково плохи.

Воскресенье, 24 сентября (7 октября)

Совещание зашло в тупик и, судя по всему, не в состоянии прийти к какому-либо решению. Это ни капельки не радует.

Что касается наших собак, то требуется предпринять нечто конструктивное. Они ужасно много едят, лают без умолку, вызывая жалобы соседей, а ещё дерутся – ох, как же они дерутся! С тех пор как доктор Р. забрал фокстерьера, никто больше не высказал ни малейшего интереса, а слуги заявили, что нам придётся выбирать, кто останется – они

или собаки. Итак, прошлой ночью мы с Маззи собрались с мыслями и попытались найти какой-нибудь блестящий способ решения нашей проблемы. Если снова выпустить бедняжек на свободу, то они, несомненно, погибнут после долгих и мучительных лишений, хотя у одной или двух может появиться призрачный шанс найти хороших и заботливых хозяев. С другой стороны, если мы усыпим их всех, то никто из них больше не будет страдать. После долгих обсуждений мы решили, что второе – наилучший выход. Я была у ветеринара, и он тоже считает, что так будет лучше – на самом деле он даже настаивает, чтобы мы приводили к нему каждую бездомную собаку вместо того, чтобы забирать её домой и кормить. Являясь членом Общества предотвращения жестокого обращения с животными, я связалась с его штаб-квартирой, и там также подтвердили, что в нашем случае правильнее всего было бы подвергнуть собак действию хлороформа. Так что завтра я отвезу всю свору к ветеринару. Он добрая душа и делает свою работу столь безупречно, что они избегают мучений.

Вторник, 26 сентября (9 октября)

Всё кончено – они все спят, и я подержала за лапу каждого засыпавшего. Слишком много лап – больших и маленьких, гладких и пушистых, разных цветов, – но все ласковые и доверчивые. Собаки заходили в кабинет радостно, без каких-либо предчувствий и были крайне вежливы с ветерина-

ром. Только бультерьер Бобик слегка ёрзал и тревожно поводил ушами. Но безусловно никто не страдал, и после лёгких подёргиваний все быстро погрузились в вечный сон. Когда процедура была завершена, я почувствовала такую слабость, что могла бы легко умереть и сама, и если бы ветеринар предложил – я думаю, что позволила бы надеть маску и на своё лицо. Но кто бы тогда держал меня саму за лапу? О, эти лапы – я так отчётливо чувствую каждую из них в своих ладонях, будто они всё ещё там.

По дороге домой за мной увязался маленький бульдог. Он сопровождал меня до самой двери. Что мне оставалось делать, кроме как впустить его и накормить, – и всё завертелось сызнова!

Среда, 27 сентября (10 октября)

Наконец-то Совещание пришло к решению, и у нас вновь есть Коалиция. Теперь мы не так уж и далеки от созыва Учредительного собрания, и при большом везении новое правительство, даст Бог, сможет до него продержаться!

Октябрь 1917-го

Воскресенье, 1 октября (14 октября)

Прошлой ночью в наш дачный дом залез грабитель, выкрав всю провизию, которую смог найти в кладовой, и "серебро" тоже. Но поскольку мы были достаточно мудры, чтобы не брать с собой из Петрограда никакого настоящего серебра, а лишь мельхиоровый "Фражé"²⁸, то должна признаться, что сей грабёж не слишком-то нас и расстроил. Воришка, очевидно, желал быть принятым, по крайней мере, за анархиста, а потому оставил на обеденном столе лист бумаги с неуклюже выполненным наброском в виде черепа и скрещенных костей, нарисованным чёрным карандашом и сопровождаённым надписью: "Это предупреждение!". Однако мы уже привыкли ко всяким странным происшествиям, поэтому нас не так легко запугать. На даче нет никаких ценных вещей – так какой смысл беспокоиться?

Четверг, 5 октября (18 октября)

Из-за важных заданий, которые мне поручили выполнить в диспансере, я была вынуждена остаться на несколько дней

---

²⁸ Набор столовых приборов из неблагородного металла, на который гальваническим методом нанесён слой серебра. Такие изделия выпускались варшавской семейной фирмой, основанной выходцами из Франции Альфонсом и Иосифом Фраже.

в городе и могла отлучаться к Маззи лишь на пару часов либо днём, либо вечером. Генерал находился вместе с ней вплоть до моего возвращения.

Погода волшебная, и парк в Царском, одетый в изумительно разноцветный наряд, который не под силу изуродовать даже солдатам-вандалам, абсолютно прекрасен. Сегодня я встретила по-настоящему талантливого молодого живописца, увлечённо работавшего у пруда, и купила для Маззи несколько его акварелей, изображающих различные уголки парка, в качестве сувенира на память о нашем необыкновенном лете в Царском.

Суббота, 7 октября (20 октября)

Немецкий флот в Балтийском море вёл себя необычайно активно, вызвав у горожан большое беспокойство. Случись ему войти в Финский залив, что бы в ответ предприняли наши моряки – сражались бы или просто болтали бы в своих многочисленных комитетах, принимая идиотские резолюции до тех пор, пока враг не захватит Петроград?

Понедельник, 9 октября (22 октября)

Ещё один скороспелый грибной нарост под названием "Временный Совет Республики", который, как предполагается, должен стать предтечей Учредительного собрания, внезапно ожил, и Керенский открыл его заседание очередной пламенной речью. Бедняга! Похоже, единственное, чем он

занят, – это создание всё новых и новых форм управления, для чего он пускает в ход всё своё красноречие в отчаянных попытках добиться успеха. Однако по какой-то причине эти убогие образования никогда не могут продвинуться дальше начальных этапов, вскоре проявляя тревожные признаки слабости и недуга, за которыми неизменно следует бесславная кончина. Все эти недолговечные Временные правительства, Совещания, Съезды и Советы напоминают нелепую игрушку под названием "Умирающая тёща", увиденную мной в детстве на деревенской ярмарке, – небольшой резиновый шарик в виде старой карги, который для начала нужно было как можно сильнее надуть, однако делая это так, чтобы он не лопнул, а затем постепенно выпускать из него воздух, заставляя фигурку медленно съёживаться и скрипуче пищать самым жалобным образом, пока от неё не останется ничего, кроме сморщенного куска цветной резины. Эта игрушка пользовалась невероятным успехом, и молодые крестьяне (возможно, сплошь почтительные зятья) покупали её в таких количествах, что пространство вокруг было наполнено резкими звуками "умирающих тещ", сопровождающимися нечестивым смехом бессердечных юношей. "Так тебе, старая ведьма, пищи, пищи!" – ликующе кричали они, вероятно, злобно видя мысленным взором, как эдакая мерзость происходит с их собственными тещами из плоти и крови! Вот так и с Временными правительствами, Совещаниями и прочим подобным – начинается всё с раздувания, а заканчи-

вается ничем, кроме затихающего жалобного писка.

Четверг, 12 октября (25 октября)

Много обсуждений о том, кто будет представлять нашу страну на Конференции союзников в Париже. Естественно, каждая партия спит и видит, чтобы от России туда поехал именно её делегат, а это значит, что предстоит череда ожесточённых споров до тех пор, пока сей вопрос не будет решён. Большевики, судя по всему, с каждым днём набирают силу, и ходят слухи, что настроения в гарнизоне становятся всё более большевистскими. Сейчас в общественных местах всё чаще слышатся реплики о передаче всей власти Советам, тогда как имена Керенского и других министров упоминаются с явной насмешкой и презрением. Как крайне правые, так и крайне левые ненавидят Керенского, и нам стало известно о надежде, зреющей в стане правых, что большевики совершат переворот, разом избавившись и от него, и от его последователей, а затем, когда вся грязная работа будет выполнена, они сами выйдут на сцену, в свою очередь расправившись с большевиками и расчистив путь для монархии, которая будет защищена "железным правительством". Очевидно, что теперешнее состояние Керенского нельзя назвать *синекурой!* Всё, на что он способен, – это отражать идущие со всех сторон атаки, изо всех сил стараясь продержаться до созыва Учредительного собрания. Вероятно, у него не осталось никаких иллюзий, и он будет только рад уйти в отставку,

продолжая играть в политике менее заметную роль и не находясь всё время в центре враждебного внимания всех тех, кто желает ему смерти.

Суббота, 14 октября (27 октября)

Вчера я читала свой дневник Маззи, и та сказала, что если бы он попал в руки людей, не знающих возраста автора, то они решили бы, что его писала пожилая женщина. "Но ты всегда была ментально старше своих лет, – добавила она, – ещё с тех времён, когда являлась смешной старомодной крохой. Я полагаю, причина в том, что ты преимущественно росла в окружении взрослых людей и без сверстников, с которыми можно было бы играть". И я думаю, что она права! Иногда я и правда чувствую себя в душе очень, очень старой, несмотря на то, что моё тело изумительно молодо.

Понедельник, 16 октября (29 октября)

В эти дни обстановка на улицах отвратительна – под этим я подразумеваю, что там снова безошибочно угадывается "атмосфера назревающих проблем", неизменно предшествующая очередному революционному взрыву. Взад-вперёд с весьма важным и взволнованным видом снуют солдаты, опять появились грузовики с горами наваленных друг на друга таинственных ящиков, мимо с невероятным шумом и цоканьем бешеным галопом проносятся отряды военных всадников, а также – в качестве самого верного признака на-

двигающейся катастрофы – персонал нашего госпиталя снова впал в состояние брожения. О том, что большевики начинают действовать, можно с лёгкостью судить по очевидной симпатии населения ко всем их воззваниям. Не так давно, после июльского бунта, они были в глубокой опале, их ненавидели и преследовали, вынуждая скрываться. Но позже, после инцидента с Корниловым, серьёзно дискредитировавшего Временное правительство, большевики постепенно появились снова, медленно, но верно возвращая утраченные позиции, пока 6-го сентября не стали полноправными хозяевами Петросовета. И с тех пор их сила вместе с их популярностью чрезвычайно возросла, что очевидным образом отражается во многих мелочах повседневной жизни.

Воскресенье, 22 октября (4 ноября)

В правительстве снова неприятности – военный министр ушёл в отставку, считая, что Россия должна подписать сепаратный мир. Отличным же военным министром он оказался! А тем временем Троцкий открыто произносит неистовейшие речи, призывая толпы к грабежам и убийствам, тогда как Керенский, стоя в стороне, ничего не предпринимает по этому поводу.

Понедельник, 23 октября (5 ноября)

Австрия предложила России сепаратный мир. Я полагаю, что именно этого и добивался "великий" военный министр

Верховский! Сейчас каждый час приносит свежие проблемы. Правительство опять приказало военным юнкерам нести охрану во всех важных точках города, что явно свидетельствует об ожидании в скором времени новых нападений.

Вторник, 24 октября (6 ноября)

Мы опять столкнулись с ужаснейшим кризисом – в этом больше нет никаких сомнений. Большевики готовы в любую минуту начать новое восстание, и представляется совершенно непонятным, почему правительство не арестовывает их лидеров. Сейчас именно тот момент, когда Временному Совету Республики следовало бы молниеносно реагировать, но мы слышали, что его члены яростно ссорятся и не могут прийти к согласию ни по одному вопросу. Как это ни называй – хоть Советом, хоть Съездом, хоть Совещанием – нет никакого толку, а лишь ссоры и драки, тогда как страна рушится на глазах.

Сегодня я совершила непростительную глупость и в результате чувствую себя совсем нехорошо. В парке мне ужасно захотелось пить, и я, завидев солдата, продающего клюквенную воду, купила у него стаканчик и выпила его залпом. Когда я проглотила данную жидкость, меня сразу поразила её странный вкус. Теперь я испытываю во всём теле неприятные, подчас болезненные ощущения. Быть может, этот монстр радостно продавал яд, приготовленный специально для ненавистных "буржуев" – в любом случае, мой ор-

ганизм определённо невзлюбил его напиток.

Среда, 25 октября (7 ноября)

Меня всю ночь тошнило, и я чувствую отвратительную слабость. Доктор говорит, что, вне всяких сомнений, дело в выпитой мной воде, и мне следует соблюдать постельный режим в компании большого количества выписанных им лекарств. А потому я сижу в кровати, подпёртая со всех сторон подушками, как настоящий инвалид, пытаюсь писать, хотя это стоит немалых усилий. Дабы подбодрить меня, Татьяна поведала все новости, которые ей удалось собрать сегодня утром. Прежде всего, по её словам, "многие магазины не работают, даже закрыв ставни из-за серьёзных беспорядков на улицах". И она не смогла найти, где купить кофе, так что ей пришлось немного позаимствовать у соседей, поскольку врач предписал мне пить его побольше, дополняя также бокалом вина.

Только что домой с кучей потрясающих вестей вернулась Маззи. Она узнала, что Правительство и Совет Республики вступили в открытый конфликт: Совет обвиняет Правительство в реакционности, тогда как Правительство пеняет Совету на слишком мягкое отношение к большевикам. Ну, и времечко же они выбрали для этого! Особенно когда большевистские лидеры засели, здравы и невредимы, в своей новой, похожей на крепость штаб-квартире в Смольном институте и, вероятно, смеются до упаду над ссорой между ними!

Позже в тот же день

Восстание действительно началось, и вот новости на данный момент: большевистские войска захватывают все ключевые объекты Петрограда; несколько кораблей Балтийского флота вошли в Неву, и их моряки открыто присоединились к восстанию; казаки, на которых правительство возлагало такие большие надежды, объявили нейтралитет и не будут сражаться ни за одну из сторон; правительство находится в Зимнем дворце под защитой лишь юнкеров и знаменитого женского батальона смерти (интересно, там ли мои волжские девочки?). Один из министров уже арестован на улице большевиками и доставлен в Смольный. Поговаривают, что среди офицеров из стана правых тоже существует заговор с целью ареста Керенского, свержения Временного правительства и Совета Республики, а затем ведения борьбы с большевиками до победного конца – то есть до тех пор, пока не будет уничтожен последний из них! И подумать только, что именно в такое время меня угораздило заболеть!

Четверг, 26 октября (8 ноября)

Временное правительство свергнуто, Керенский бежал, и всё в руках большевиков – телеграф, телефон, железные дороги и иные важные места, включая даже большую радиостанцию здесь, в Царском. Прошлой ночью Зимний дворец был обстрелян с Невы военными кораблями и в результа-

те капитулировал. Все министры арестованы и доставлены в крепость! Женский батальон, вероятно, находится в руках большевистских солдат, если только ему не посчастливилось быть уничтоженным ночной бомбардировкой²⁹. Царское за-
полнено восставшими, и, вдобавок ко всему, я чувствую себя настолько плохо, что едва могу держать карандаш. Боли, жар, тошнота – доктор утверждает, что я, несомненно, была отравлена.

---

²⁹ **От автора:** На самом деле, все 140 девушек, арестованные в Зимнем дворце, остались живы, даже не были ранены, позже не подвергались никаким насильственным действиям, а после расформирования батальона были отпущены по домам.

Политический центр партии большевиков
по руководству Октябрьским восстанием
(политбюро) избранный на заседании ЦК
большевиков 10 окт. ст. 1917.

Военно-Революционный комитет
Петроградского Совета
(утвержден пленумом Совета
16-го октября 1917).

В. И. УЛЬЯНОВ-ЛЕНИН

В. И. СТАЛИН

Г. Е. ЗИНОВЬЕВ

Л. Б. КАМЕНЕВ

К. И. ПОДВОЙСКИЙ

Н. С. УШАКОВ

А. М. СВЕРДЛОВ

В. Н. КЕРСКИЙ

Л. А. ТРОЦКИЙ

Г. М. СОКОЛЬНИКОВ

А. С. БУЗОВ

М. С. УШАКОВ

Г. И. БОГИН

А. А. ПОКОВ

В. М. МОЛотов
(СЕРЕБРЕНЫЙ)

С. А. ГУСЕВ

А. В. ГАЛИЦКИЙ

К. С. БРЯЖЕВ

Г. ЧУДОВСКИЙ

Ф. Ф. ДЗЕРЖИНСКИЙ

А. А. АНТОНОВ-ОБСЕВЕНКО

Ф. М. ДАВЫДЕНКО

Ф. Ф. РАСКОЛЬНИКОВ

К. А. МЕТКОВСКИЙ

Болезнь и грабёж

Воскресенье, 19 ноября (2 декабря)

Наконец-то я могу опять вести свой дневник. Я скучала по нему, и хотя Маззи внесла туда несколько записей, но вместо того, чтобы фиксировать политические новости, она в основном рассказывала о моей ужасной болезни. О, эти последние недели в Царском – забуду ли я их когда-нибудь? Пребывая в полубессознательном состоянии, мучимая высокой температурой и болью, я, словно в кошмарном сне, слышала взрывы бомб, треск пулемётов, свист пуль, крики на улице и разговоры шёпотом у моей постели. Белые фигуры, склонившиеся надо мной, руки, нежно прикасавшиеся ко мне, горячие слёзы, падавшие на мой лоб, и тихое бормотание молитв – всё это я видела, чувствовала и слышала, хотя и не могла ни произнести хоть словечко, ни пошевелиться. Позже, когда исчезли жар и боль, и я полностью пришла в сознание, я вдруг поняла, чего лишилась, и насколько из-за этого несчастна. Просто ужасно, что в результате болезни я совершенно пропустила такое важное историческое событие, как эта вторая Революция. Из всех невзгод это было худшее, что могло со мной случиться, и я никогда не перестану жалеть об этом, никогда! Битва между войсками Керенского и большевиками, переход Царского то к одной стороне, то к другой, уличные бои и вызванные бомбёжкой большие пожары,

темнота, нехватка продовольствия, поражение и бегство Керенского и, как результат, безоговорочная победа большевиков – я всё это пропустила, абсолютно всё! Но пока я жива, я буду помнить тот странный кошмар, в котором мимо меня, погружённой в крошечную тьму на своём болезненном одре, многозвучно проносилась Революция. Это стало диковинным духовным переживанием, вероятно, ничуть не менее ценным, чем наблюдать за Революцией обычным способом. Во всяком случае, эта мысль утешает меня.

Ещё одним удивительным опытом стало то, что я пережила на станции в Царском, когда мои носилки в ожидании прибытия поезда были опущены санитарями на платформу. Моё лицо частично накрыли, дабы защитить от яркого света и пыли, поэтому я не могла видеть, что происходило сверху, получив, однако, возможность скашивать глаза в сторону, и то, что представлялось моему взору, казалось необычным и странным. Ноги, ноги, несусветное количество ног, больших и маленьких, хорошо или плохо обутых, бегущих, идущих, волочащихся и стоящих – они сменяли друг друга, как в калейдоскопе, как в кошмаре, но уже совсем другого рода. Зачарованная, я внимательно разглядывала их, как вдруг пара огромных тяжёлых мужских сапог приблизилась к моим носилкам, и в следующее мгновение чья-то рука грубо сорвала с моей головы покрывало. Надо мной со свирепым выражением лица и взглядом, полным подозрения, склонился солдат. "Она точно больна? – прорычал он. – А вдруг вы просто

её тайком вывозите?" Маззи тихонько вскрикнула, но её тут же перебил спокойный голос Сестры-хозяйки: "Посмотрите сами, товарищ, – вы же можете отличить больного человека от здорового?" И снова это безжалостное лицо склонилось надо мной – на секунду его нос почти коснулся моего – а затем мужчина выпрямился. "Всё в порядке, – сказал он. – Она больна. Накройте её", – и пока они делали это, я краем глаза наблюдала за его удаляющимися массивными сапогами. Затем с грохотом подъехал поезд, безжалостно сотрясая мои стоящие на платформе носилки, и сопровождавший его воздушный вихрь, слегка приподняв покрывало, вновь открыл мне боковой обзор. "Вот, теперь я вижу ноги *поезда*" – подумала я, глядя на огромные колёса паровоза, казавшиеся даже больше обычного с того места, где я лежала. С этого ракурса всё выглядело необычно, как искажённое отражение в кривом зеркале. Когда же мимо меня медленно поползли колёса вагонов, я вдруг вспомнила Анну Каренину, смотревшую в отчаянии на точно такие же колёса, рассчитывая свой прыжок перед тем, как броситься вперёд. Лёжа там, я смогла настолько ясно представить себе эту сцену, что закружилась голова и меня замутило, поэтому я поспешила закрыть глаза, вздохнув с облегчением лишь тогда, когда поднятые с земли носилки наконец-то поплыли, плавно покачиваясь, ко входу в вагон. В ту ночь у меня снова поднялась температура, и я проболела ещё два дня. Теперь всё позади, и я очень скоро встану на ноги. Приятно вернуться в свою привычную гос-

питальную комнату.

Вторник, 21 ноября (4 декабря)

Этим утром ко мне в комнату зашла Сестра-хозяйка и, будучи крайне взволнованной, настоятельно попросила меня прекратить вести свой дневник, так как это стало слишком опасно из-за постоянных обысков. Оказалось, что солдаты уже неоднократно побывали в госпитале, каждый раз унося с собой все обнаруженные личные письма и бумаги в надежде раскрыть какой-нибудь тайный контрреволюционный заговор. И в нескольких случаях были найдены и отображены дневники, а их владельцам было строго приказано больше этим не заниматься под страхом тюремного заключения или даже смерти. Звучит абсурдно, но тем не менее это правда, хотя, вероятно, солдаты, произносившие подобные угрозы, делали это для красного словца и наверняка получили бы строгий выговор от своего начальства, если бы оно узнало. Так или иначе, я должна прекратить писать и должна спрятать в каком-нибудь надёжном месте всё то, что уже было написано, если только я не хочу рискнуть потерять это – а я, разумеется, не хочу. Однако же я не могу совсем не писать, поэтому иду на компромисс: я спрячу дневник и буду дописывать к нему новые куски лишь время от времени, вместо того чтобы постоянно держать его при себе. Что же касается тайника, то, пожалуй, лучше чердака, где хранятся старые заплесневелые больничные записи, ничего и не приду-

маешь. Я разделю дневник на несколько частей, поместив их между некоторыми особо древними записями – возможно, четвертьвековой давности – то есть бумагами, в которые ни одному проверяющему не придёт в голову сунуться. Затем изредка буду пробираться на чердак, добавляя в коллекцию свеженарисованное. Я даже не скажу Сестре-хозяйке, где находятся мои тетрадки, дабы она не испытала неловкости, если их обнаружат. Никто, кроме меня, не должен знать, где они спрятаны, и тот, кто найдёт их и прочтёт эти строки, должен уяснить, что следующее утверждение абсолютно верно: я единственный человек, кто знает, где спрятан дневник, и, соответственно, вся ответственность лежит на мне. Если кто и должен быть наказан за него, то только я и никто другой. А пока я надеюсь, что никаких обысков до того момента, когда я смогу встать с постели и забраться на чердак, не случится.

Сестра-хозяйка говорит, что скоро к нам в госпиталь назначат комиссара, который будет выступать в качестве посредника между нами и политическими властями. Она считает, что в каком-то смысле будет облегчением иметь такого посредника, разумеется, при условии, что этот человек окажется порядочен и справедлив.

Также нам предстоит переизбрать членов Комитета Сестёр, который, дабы полностью соответствовать новым веяниям, должен отныне именоваться не Комитетом, а Советом. Как водится, изменения в госпитале понемногу копируют Большую Революцию, и потому всё, происходящее в

большом мире, отражается здесь, как в капле воды.

Троцкий сейчас просит о перемирии, чтобы все воюющие державы получили возможность обсудить ситуацию "алями-абль"³⁰, тогда как Ленин обращается к магометанам Востока, призывая их присоединиться к борьбе России против капитализма. Представляю, как это понравится англичанам, учитывая количество подданных-мусульман, имеющих у них в Индии!

Воскресенье, 26 ноября (9 декабря)

Всё, мой дневник надёжно укрыт от чужих глаз. Вчера я залезла на чердак и спрятала рукопись, как собака прячет кость. Выбрав славную кучу особенно затхлых и заплесневелых старых бумаг, я тщательно распихала своё "сокровище" между ними. Теперь я чувствую себя гораздо комфортнее. И сделано всё было весьма вовремя, поскольку прошлой ночью у нас опять случился обыск. Около одиннадцати часов госпиталь окружили солдаты, после чего началась крайне тщательная проверка всего и вся. Сестра-хозяйка водила поисковиков из комнаты в комнату, спокойно дожидаясь, пока те не перероют шкафы, ящики, сундуки и чемоданы – всё, что попадалось им под руку и имело замок и ключ. Они опять изъяли большое количество писем и бумаг, которые по какой-то причине не были уничтожены Сёстрами, забрав даже фотографии, дабы, по их словам, отыскать запечатлён-

---

³⁰ Французское "à l'amiable" – "полюбовно"

ных там людей и выяснить, не являются ли те контрреволюционерами. Мой фотоальбом постигла та же участь, хотя и под деловито выданную мне в том расписку. Интересно, доведётся ли когда-нибудь увидеть снова эти дорогие сердцу снимки, несмотря на то, что мне сказали прийти за ними через три недели, пообещав всё вернуть. В расписке говорится: "От гражданки Ирины К. С. был получен альбом, содержащий двадцать восемь фотографий". Я умоляла их оставить мне карточку моего умершего сыночка, объясняя, что та является единственной в своем роде и что вряд ли изображение ребёнка, который давно мёртв, может им хоть как-то помочь в поиске контрреволюционеров, но они не обратили на мои мольбы никакого внимания, изъяв и её тоже. Затем они задали вопрос о винном погребе и были крайне разочарованы, обнаружив там всего несколько бутылок, предназначавшихся для лечебных целей. Они не могли поверить, что в госпитале отсутствует большое хранилище спирта, потратив кучу времени на лихорадочные поиски. Оказывается, два дня назад огромная толпа солдат ворвалась в Зимний дворец, устроив налёт на подвал, жутко напившись и совершив всевозможные бесчинства. С тех пор они рыщут по всему городу в поисках кладовых со спиртным. Обыск закончился в пять часов утра, и мы все были измотаны, так как никто не мог лечь спать. На этот раз они пощадили палаты с больными, но сказали, что скоро вернуться, дабы тщательно досмотреть и их тоже.

Воскресенье, 3 декабря (16 декабря)

Большевики провели в Брест-Литовске мирные переговоры с германцами. Их позорная делегация под руководством бесславного человека по фамилии Иоффе вчера подписала перемирие, которое продлится до пятнадцатого января – ровно один месяц. Итак, теперь, в качестве кульминации всех наших горестей, новые хозяева России принудили её, несчастную мученицу, явиться предательницей союзников, что, возможно, станет сильнейшим ударом для покрытой славой нации. Похоже, нам не суждено избежать ни позора, ни унижения.

Четверг, 7 декабря (20 декабря)

Появились хулиганы, которые по ночам посреди улицы грабят людей, так что никто нынче не может чувствовать себя в безопасности после наступления темноты. Налётчики раздевают своих жертв, забирая даже рубахи и убивая тех, кто оказывает хоть малейшее сопротивление. Сестра Надежда поведала нам, что вчера напали на её старого дядю, и тот, будучи совершенно голым, еле добрёл до дому, чудом не замёрзнув насмерть из-за собачьего холода. Сегодня у него развилась пневмония, и он находится при смерти.

Утром я получила небольшую записку от моего старого друга, профессора Саратовского университета. Её доставила девушка, проделавшая ради этого долгий путь из Саратова.

Он сообщает, что, хотя Керенский официально дал разрешение на перевоз библиотеки из Троицкого в Саратов, университет по ряду причин не смог им воспользоваться. Поначалу было очень много бюрократической волокиты и нескончаемой переписки с железнодорожными чиновниками, сопровождавшейся всевозможными задержками и осложнениями, потом грянул гром второй революции, теперь же местные власти в Троицком категорически отказываются выпустить библиотеку из усадьбы. Университет даже послал в Троицкое разведчика, дабы разузнать, есть ли хоть какая-то надежда заполучить библиотеку, однако тот на днях вернулся с вестью, что всё усадебное имущество находится в руках сброда, не позволяющего никому даже приблизиться. Кроме того, мне дошло письмо с описанием происходящего в поместье от одного из старых слуг. Он пишет, что в доме живут матросы, правда, не объясняя, как они могли там оказаться. Те украли всё, до чего смогли дотянуться – мебель, картины, фарфор, бельё – всё! Разумеется, первым делом был совершён налёт на винный погреб, и это было сделано наитщательнейшим образом. От дома вот уже несколько дней отъезжают огромные грузовики, гружённые всевозможным скарбом, но куда они держат путь, ему не известно. Благодаря усилиям верных слуг какие-то вещи всё же были спасены и доставлены в Орёл, где отныне и будут храниться, – пастельный портрет Маззи в розовом платье, моя бронзовая статуэтка работы Павла Трубецкого и ещё парочка реликвий, но как

же этого мало! Самое время вспомнить слова: "Не собирайте себе сокровищ на земле ..." – и попытаться поверить, что всё, связанное с этим миром, – всего лишь "суета сует". Но когда я размышляю о Троицком, пытаюсь убедить себя, что моя любовь к трёхсотлетнему родовому гнезду – это такая же "суета", я почему-то никак не могу в это искренне поверить и совершенно не ощущаю, что поступаю неправильно, тоскую по нему и скорбю о его потере. Ибо нет никаких сомнений, что оно потеряно для нас, если только большевики не будут свергнуты и частная собственность не восстановлена. Одним из самых первых декретов, принятых Советами после захвата власти, был "Декрет о земле", объявлявший, что "право частной собственности на землю, леса, реки и озёра отменяется навсегда". В тот день (26-го октября, если мне не изменяет память) вся земля, являвшаяся до этого "помещичьей собственностью", стала принадлежать государству, а бывшие землевладельцы потеряли все права продавать или раздавать свои поместья, а также передавать их по наследству. Таким образом, Троицкое больше нам не принадлежит! Род владел им на протяжении трёх веков – ведь ровно триста лет минуло с тех пор, как оно было даровано в 1617-ом году нашему предку, Борису Михайловичу Скарятину³¹, – и в течение

---

³¹ **От автора:** На основе найденных старинных архивных документов мне удалось с полной уверенностью определить, что Борис Михайлович Скарятин не являлся нашим с Ириной прямым предком и не имел никакого отношения к поместьям в Орловской губернии, включая Троицкое, и что на 1917-ый год усадьбе в Троицком насчитывалось не триста лет, а двести – об этих непреднамеренных

этого времени там рождались, жили и умирали многие поколения Скарятиных, а теперь оно больше не наше!

Пятница, 15 декабря (28 декабря)

Воистину с каждым днём мы становимся всё более и более похожими на Иова! По-видимому, нас лишат всех мирских благ, и ещё повезёт, если нам оставят хотя бы кучку навоза, на которой можно посидеть. Я не знаю, почему в эти дни моё мышление стало столь библейским, но это, без сомнения, так: Екклесиаст, Иов, кто следующий? А если серьёзно, то вчера вслед за землёй Советы национализировали и банки, конфисковав весь размещённый в них частный капитал. Я поспешила в Государственный банк (ныне окрещённый Народным), и нахальный молодой человек, которого я никогда раньше там не видела, уведомил меня, что я больше не буду получать проценты, так как мои вклады конфискованы в пользу народного государства. Какой чудный сюрприз и какой милый способ сообщить потрясающую новость! А теперь давайте разберёмся (или, как говорил мой учитель французского: "*Реканпитулён!*"³²): сначала они забрали землю, леса, реки, озёра, загородные дома со всем, что в них было, фермы, скот, сельское хозяйство и т.д. (что бы это "и т.д." ни означало), теперь же они оттяпали банки и частный ка-

---

заблуждениях Ирины и их причинах очень детально повествуется в романе "*Мирь Эры. Книга Первая. Старая Россия*".

³² Французское "*Récapitulons!*" – "Подведём итоги!"

питал – следовательно, больше никаких доходов ни от земли, ни от капитала, что практически делает нас всех нищими. Пока что неплохо! А что дальше? Ну, я полагаю, следующими будут городские дома (имея в виду частные), затем все личные вещи, а напоследок, когда больше нечего будет национализировать и конфисковывать, будут отняты и наши жизни в качестве окончательной платы за великий и непростительный грех нашего Класса – грех эксплуатации Народа на протяжении более тысячи лет.

Роспуск Собрания

Понедельник, 25 декабря (7 января 1918-го года)

Рождество – такое знакомое и в то же время, подобно все-му остальному в эти дни, такое незнакомое, такое ненасто-ящее. Как и в прошлые годы, у нас во всех палатах есть ёл-ки, подарки и развлечения, но отчего-то всё не так. Нет ист-инного рождественского веселья, и все попытки возродить его тщетны и бессмысленны. Ёлки в безвкусной мишуре и разноцветных стеклянных шарах выглядят мрачно и уныло, подарки, судя по всему, никого не радуют, а развлечения не согревают ни одну душу.

Кажется, что люди любого возраста как бы живут сей-час внутри себя, интроспективно. Под этим я подразумеваю, что, похоже, все они, осознанно или неосознанно, борются в своей голове с проблемами и помыслами, столь сложными и запутанными, что их невозможно выразить словами, и от-того ещё более мучительными для бьющихся над ними моз-гов. Такое отражение процесса интроспекции в глазах боль-шинства людей в наше время, как ни странно, заставляет ме-ня вспомнить про описание взгляда беременной женщины, данное Толстым!

Понедельник, 1 января (14 января) 1918-го года

Новый Год! Ох, что же он нам принесёт? Всего двенадцать

месяцев назад мы всё ещё судачили о смерти Распутина и различных её последствиях, а нынче это кажется ужасно далёким и нереальным.

Пятница, 5 января (18 января)

Наконец! Сегодня под председательством Виктора Чернова и при большинстве эсеров и меньшевиков открылось долгожданное Учредительное собрание. С самого начала оно отказалось признавать верховенство Советов, предложив определить новую форму государственного устройства. Интересно, что скажут на это большевики, готовящиеся сейчас к созыву своего третьего "Всероссийского съезда Советов" с целью окончательного установления диктатуры пролетариата – с их точки зрения, единственного достойного класса? Нынче их лозунг звучит так: "Кто не работает, тот не ест", – и эти слова, напечатанные яркими красками, расклеены по всему городу на огромных плакатах, которые невозможно не заметить. Другим призывом является: "Религия есть опиум народа", – цитата Маркса, которой они, похоже, весьма гордятся, цинично выставляя её напоказ как можно ближе к церквям.

Суббота, 6 января (19 января)

Что ж, оба противника обнажили кинжалы, и это случилось! Произошло мощнейшее столкновение, и в результате Учредительное собрание, наотрез отказавшись подпи-

сать декларацию прав трудящихся, составленную избранным Советами Центральным исполнительным комитетом, было ночью распущено большевиками. Его разогнали силой, доставив пулемёты к Таврическому дворцу, где злополучный несостоявшийся парламент начал свои заседания, целиком рассчитывая добиться великих политических реформ. Два дня существования – какая же у него оказалась коротенькая жизнь, завершившаяся полным разочарованием после всех чаяний, с ним связанных. Пожалуй, на этом всё и заканчивается, убивая последнюю надежду воспрепятствовать планам большевиков!

Среда, 10 января (23 января)

Сегодня на открытии третьего съезда Советов Председатель Центрального исполнительного комитета Свердлов выступил с программной речью, денонсировав Учредительное собрание и призвав рабочих и крестьян взять в свои руки безусловный контроль и верховную власть над страной. Этими словами он, конечно, хотел окончательно растоптать Учредительное собрание, до этого ясно продемонстрировавшее своё полное пренебрежение к Центральному исполнительному комитету. Затем свою яркую речь произнёс Ленин, за которым взял слово Сталин, комиссар по делам национальностей России. Эти три человека – Свердлов, Ленин и Сталин – представляются мне крайне могущественными и правящими своей партией железной рукой.

Продолжение грабежа

Четверг, 11 января (24 января)

Намедни всем тем, кто пользуется банковскими ячейками, было строго приказано в означенный час явиться в банк, имея на руках ключи. В случае неповиновения обещались ужасные кары, поэтому люди, напуганные до смерти, звеня ключами, прибывали туда точно в срок. Процедура была трогательно проста: каждого подвели к его ячейке, кратко приказав открыть её и показать содержимое, после чего сопровождавший спокойно вынимал оттуда все вещи до единой, не сказав ни "с вашего позволения", ни "спасибо". Документы, ценности, украшения – всё было изъято прямо на наших глазах, а когда ящики были должным образом опустошены, нам сказали, что "данное имущество конфисковано и национализировано", а потому мы теперь можем разойтись по домам, поскольку в банке нам больше делать нечего. Думаю, излишне говорить, что ключи от ячеек нам тоже не вернули, и мы покорно покинули сейфовое хранилище, слишком ошеломлённые, чтобы бунтовать, и ещё не до конца понимая, что нас только что аккуратно ограбили среди бела дня. Всё произошло столь быстро, что большинство несчастных жертв, включая и меня, начало осознавать ситуацию, только оказавшись на улице. Когда истинная картина случившегося постепенно прояснилась в моём заторможенном созна-

нии, я тут же в ужасе встала, как вкопанная. Силы небесные! Да ведь моё бриллиантовое кольцо, мою диадему, мои серьги, мой жемчуг – все мои украшения, большие и маленькие, более или менее ценные, – всё это забрали. И купчие, и свидетельства, всё, даже мелочи, не имевшие материальной значимости, но которыми я дорожила по сентиментальным соображениям, например, прядь волос сына, его успокаивающие бусы, мои первые дешёвые часики, подаренные мне на шесть лет.

Когда наконец всех настигло осознание беды, мы стали собираться в возбуждённые группы, говоря одновременно и перебивая друг друга, так как нуждались в выплеске ярости и протеста. "А давайте вернёмся", – предложил кто-то, и все бросились обратно, суется и толкаясь, дабы добраться к входу первыми. "Эй, постойте-ка, подождите минутку, – воскликнул солдат у дверей, уже некоторое время с подозрением наблюдавший за нами. – Куда это вы, товарищи? Туда никак нельзя без разрешения!" – и с этими словами он штыком преградил нам путь. "Мы желаем видеть президента банка. Произошло недоразумение!" – деликатно обратились к нему мы, намеренно употребляя слово "недоразумение" со смутной надеждой, что это поможет нам войти. Но солдат был непреклонен. "Вам запрещено переступать порог", – сказал он, крепко сжимая другой рукой рукоять револьвера. "Однако, – добавил он, – я сейчас узнаю, выйдет ли кто-нибудь поговорить с вами. Стойте, где стоите, и не смейте двигать-

ся!" – после чего открыл одну большую створку и исчез внутри. Через пару минут, показавшихся нам вечностью, он появился вновь в сопровождении ещё нескольких солдат, вооружённых до зубов. Его лицо было мрачнее тучи. Мы безнадежно смотрели на армию, посланную против нас, и ещё до того, как были произнесены какие-либо слова, поняли, что наше дело проиграно. "Ну, всё так, как я вам и сказал! Вы не можете туда войти, и никто не хочет вас видеть", – громко заявил первый солдат и снова, ни на кого не глядя, взялся за револьвер. "А теперь ступайте – прочь, прочь!" – неожиданно заорал он, сделав несколько шагов в нашу сторону, и его армия последовала за ним с громким топотом сапог и бряцанием сабель. Мы плавно отступили и неспешно, очень неспешно двинулись восвояси. Никакой надежды не осталось! Сначала нас ограбили безобидные на вид люди в гражданской одежде, а затем разгромила регулярная армия. Нам ничего не оставалось, как уйти со всем достоинством, на какое мы были способны, оставив им добычу. Не самое приятное ощущение, думала я, тащась за печально согбенными спинами моих товарищей по поражению. Весьма печальными спинами с опущенными головами и ссутулившимися плечами! Несколько женщин плакали, а очень пожилая дама рядом со мной рыдала так сильно, что ей пришлось остановиться и присесть на порог, в то время как симпатичная девушка, вероятно, её внучка, заботливо порхала вокруг неё, делая всё возможное, чтобы успокоить и утешить бед-

ную старушку. "Что толку плакать? – сказала высокая молодая барышня с другой стороны от меня. – Это всего лишь начало – подождите и увидите, что скоро станется со всеми нами! Вот тогда и наплачемся", – мрачно закончила она. Взглянув на её бледное лицо и полные отчаяния глаза, я вдруг почувствовала дрожь, пробежавшую по моей спине. "И правда, что же нас ждёт дальше?" – подумала я, и картины, представшие перед моим мысленным взором, были совсем не обнадеживающими.

Пятница, 12 января (25 января)

Итак, сегодня утром я отправилась за своими фотографиями, изъятыми во время обыска несколько недель назад. После трёхчасового ожидания, проведённого, как водится, в грязной и тусклой комнате вместе с десятками других людей, меня наконец-то допустили к главному в том учреждении Революционеру, которому полагалось предъявить выданную мне ранее расписку. Это был забавный низенький толстячок с сердитыми глазами и свирепо топорщившимися усами "аля Вильгельм". Я молча протянула ему свою бумажку. "Хм, фотографии? – пролаял он отрывистым, визгливым голоском. – Вы хотите двадцать восемь фотографий, не так ли?" – его взгляд, казалось, сверлил меня насквозь. "Да, будьте добры!" – вежливо ответила я, делая вид, что не замечаю его злобного взгляда, хотя он и был отвратительным мелким уродцем, с которым было весьма нелегко вести себя прилич-

но. "Ну да ладно, – проворчал он, – двадцать восемь фотографий ... Дайте-ка подумать, где они. Эй, товарищ Петров, загляни-ка в тот ящик и посмотри, есть ли там пакет с двадцатью восемью идиотскими снимками, взятыми у гражданки К. во время обыска в госпитале А несколько недель назад". "Итак, вам нужны ваши фотографии, – продолжил он, снова обращаясь ко мне тоном, становившимся, похоже, всё злее и злее. – Что ж, вы их получите, хотя не понимаю, почему кому-то вообще охота возиться с фотографиями – абсолютно дурацким барахлом!" "Зависит, с какой точки зрения посмотреть", – начала я, но сразу же была прервана истошным: "Не спорьте со мной и помолчите, коль хотите получить свой пакет!" Итак, проглотив остаток своего предложения, я продолжила стоять у его стола, сохраняя молчание, но уже придя в такую же ярость, какую испытывал он сам. К счастью, товарищ Петров – худой, болезненного вида юноша лет восемнадцати – нашёл конверт с надписью: "Двадцать восемь фотографий, которые должны быть возвращены гражданке К. по предъявлении расписки №739", – и я, подписав бумагу, в которой подтверждалось их получение, вышла из комнаты, радуясь, что тяжкое испытание позади.

Когда же я добралась до дома и вскрыла конверт, из него, о чудо, выпали двадцать восемь фотографий совершенно незнакомых мне и весьма невзрачных на вид людей! Рухнув на стул, я просто покатила со смеху: что за коллекцию они по ошибке вручили мне, и ведь столь нелепая ошибка мо-

жет случиться с кем угодно! Я хохотала буквально до тошноты и не припомню, чтобы я так сильно смеялась за всю свою жизнь – до слёз, до боли в боках, до ощущения, что вот-вот расколется голова! Несколько студенток, слышав мой хохот, пришли, чтобы выяснить, что же настолько забавное произошло, и, когда я поведала им всю историю, тоже зашлись смехом. Так мы и сидели – кучка серьёзных, по общему мнению, медицинских работников, – хохоча, подобно глупым школьницам, и практически уже впадая в истерику.

Немного успокоившись, я впихнула снимки обратно в конверт и, надев шляпку и пальто, побежала обратно в то ужасное место, где провела полдня со столь неожиданными результатами. Мне снова пришлось прождать несколько часов, и я уже пришла в отчаяние, думая, что не смогу попасть к тому уродцу до закрытия. Однако, как раз в тот миг, когда я уже потеряла всякую надежду, меня-таки допустили на аудиенцию. "Послушайте! Вы дали мне не те фотографии, – задыхаясь, закричала я. – Они не мои! Я никогда раньше не видела всех этих людей!" "Ну, и что с того? – насмешливо осведомился гадкий коротышка. – А чего вы ожидали? Вам дали расписку на взятые у вас двадцать восемь фотографий, и вы получили столько же обратно. Чего ещё вы хотите? В вашей расписке ведь не было указано, кто на них, не так ли? Нет! Ну, и на что вы жалуетесь? Двадцать восемь были взяты и двадцать восемь возвращены, так что всё в полном порядке. Как вы только додумались опять побеспокоить меня!

Уходите и не смейте возвращаться!" С минуту я не могла поверить, что этот мерзавец не шутит. Затем, когда поняла, что он более чем серьёзен, развернулась и вышла, кипя от гнева, страстно желая свернуть его скотскую шею и удивляясь, как, чёрт возьми, я могла смеяться всего пару часов назад над его целенаправленным оскорблением. Конечно, тогда я этого не осознавала, принимая случившееся за глупую ошибку, но как же я ненавижу себя сейчас за то, что вообще смеялась.

Как первые христиане

Воскресенье, 21 января (3 февраля)

Какие тревожления в течение всего дня! С самого раннего утра в госпитале царила суматоха. Она началась в семь с внезапным прибытием большого числа военных в полной экипировке, окруживших госпиталь, закрывших все наружные двери и запретивших кому-либо покидать здание или входить в него. Мы были за завтраком и не могли понять, в чём дело, поскольку за указанными действиями более ничего не последовало. Солдаты просто стояли на своих "постах", будто охраняя тюрьму. Сначала мы подумали, что они пришли, чтобы затеять новый обыск, однако не заметив никаких признаков этого, начали любопытствовать. В конце концов, обыск — не повод для волнения, так как мы уже пресытились ими, но тут разворачивалось нечто новое, а потому интригующее. После завтрака Сестра-хозяйка, собрав всех нас, сказала, чтобы мы продолжали, как обычно, выполнять свои обязанности, не обращая внимания на военных снаружи. "Скоро что-то обязательно произойдёт, — заключила она. — Но до тех пор придерживайтесь своего распорядка и не позволяйте ничему вас расстраивать. Помните, что от вас целиком зависят больные люди, и все ваши мысли должны быть посвящены им. Прежде всего, сохраняйте спокойствие и собранность, не допуская волнения и паники. Не забывай-

те, что вы солдаты Красного Креста, исполняющие свой долг до самого конца". Итак, мы разбрелись по своим больничным делам, внешне стараясь быть как можно более спокойными, но ужасно волнуясь внутри. Прошёл час, потом другой, и ничего не случилось. Временами мы выглядывали из-за штор, чтобы посмотреть, нет ли каких-то изменений, но снаружи всё было тихо, поскольку солдаты не шумели, стоя весьма чинно и даже не позволяя себе курить и переговариваться. Их поведение было на удивление практически идеальным, и это беспокоило нас ещё сильнее. "Мне не нравится их настрой, совершенно не нравится! – повторял наш Заведующий снова и снова. – Они слишком тихие, слишком благопристойные. Боюсь, что мы все в большой опасности, и нам следует быть крайне осторожными. Лучше держитесь как можно ближе к пациентам, девочки, это самое умное, что вы можете сделать", – и мы послушались, трепеща от напряжения.

Незадолго до девяти в госпитальной церкви зазвонил колокол к обеду, и через пару минут нам передали сообщение от Сестры-хозяйки, что всем молодым из числа Сестёр, стажёрок и студенток нужно немедленно прийти в церковь, тогда как их места в палатах займут старые седовласые Сёстры, большинство из которых, выйдя на пенсию, живёт на пособие в приюте для престарелых медработниц в одном из корпусов. Дождавшись представительниц "Старой бригады" (как мы их называем), сменивших нас, к большому изум-

лению пациентов, не понимавших, что происходит, мы пошли в храм, где обнаружили Сестру-хозяйку стоящей у дверей и с тревогой наблюдающей за всеми входящими туда девушками. Дважды она посылала за опаздывающими, и только когда мы все были *"угран компле"*³³ и большие стеклянные двери закрылись за последней из нас, она явно почувствовала облегчение, подобно курице, собравшей всех своих цыплят без исключения. "Это святое место, и все вы будете здесь в безопасности", – прошептала она мне, когда я проходила мимо. "Но так ли это? – спросила я Тамару Л., занимая своё привычное место рядом с ней. – Будут ли они, имея скверные замыслы, питать больший пиетет к храму, нежели к любому иному месту? В конце концов, нынешние времена гораздо хуже, чем средние века, когда святилища почитали ... Что ты об этом думаешь?" "Я думаю, что нас всех ждёт смерть", – торжественно ответила та, и, взглянув на её бледное лицо и расширившиеся зрачки, я поняла, что она действительно верит в то, что говорит.

Было интересно наблюдать за девушками вокруг, видя, сколь по-разному они испытывали одно и то же переживание. Лица одних были белыми, словно простыни, а других – розово-красными; у кого-то глаза сияли ярко – возбуждённые, заинтригованные, бесстрашные, – в то время как у большинства были либо широко раскрытыми от ужаса, либо полными слёз, либо окаменевшими и непроницаемыми, будто

---

³³ Французское "au grand complet" – "в полном сборе"

после пережитого шока и наступившего за ним равнодушия к своей судьбе. Мои же щёки горели, руки были липкими, и по спине всё время пробегала дрожь от какого-то странного, болезненного ощущения внутри. Честно сказать, мне было жутко любопытно и невероятно страшно.

Но нервное напряжение внезапно спало, когда началась служба и хор тихо запел знакомые песнопения и молитвы. Девушки опустились на колени, их лбы касались земли, некоторые из них плакали, однако все молились с исключительным усердием. Это было прекрасное зрелище – видеть их в белоснежных накидках низко склонившимися в истовой молитве. Они напоминали мне покачивающиеся на ветру луговые ромашки, а травянисто-зелёный цвет огромного ковра делал иллюзию ещё более полной. Сестра-хозяйка стояла на своём обычном месте – немного впереди всех остальных – прямая, гордая и бесстрашная – поистине величественная фигура женщины, рождённой руководить и командовать.

На середине службы мы услышали ужасный шум внизу в вестибюле, за которым последовал топот —тяжёлая поступь множества ног, поднимавшихся по лестнице. В следующую минуту сквозь стеклянные двери стало видно, как по четверо в ряд прибывают солдаты, собираясь на лестничной площадке и кучкуясь у дверей, но по какой-то причине не открывая их. Там они и остались стоять, уставившись на нас, как на зверей в клетке, подталкивая друг друга локтями и показывая на нас чумазыми пальцами, ухмыляясь и перешёптыва-

ясь, корча рожи и скабрёзно подмигивая. Оцепенев от ужаса, мы стояли, как вкопанные, не смея пошевелиться и пытаюсь по примеру Сестры-хозяйки смотреть только прямо перед собой, даже не скашивая глаз в их сторону. И вновь мы были во власти всепоглощающего нервного напряжения, из-за которого казалось, что внутри вот-вот что-то лопнет. Но в тот миг, когда напряжение стало невыносимым, старый Отец Пафнутий, неожиданно покинув алтарь и подойдя к самому краю верхней ступеньки амвона, встал лицом к пастве. "Во имя Отца и Сына и Святого Духа, – начал он, осенив себя крестным знамением. – По специальному дозволению Митрополита, которому один из членов нашего хора только что телефонировал, вам, дети мои, разрешается на этом богослужении принять Святое Причастие, даже несмотря на то, что все вы сегодня утром что-то ели и не готовились по обычным правилам. Однако непосредственно перед Причастием я сам подготовлю вас, проведя обряд Общего Покаяния, поэтому соберитесь с мыслями, не забыв поблагодарить Господа за это особое проявление милосердия и благодати".

После таких слов нервное напряжение ушло, и девушки вновь пали ниц, распростёршись в страстной молитве. Во всепоглощающей важности данных минут подготовки всё прочее – солдаты, опасность и страх – было забыто, и когда Отец Пафнутий вышел из алтаря, чтобы совершить Общее Покаяние, все лица вокруг меня, пусть бледные и тревожные, носили печать радостного ожидания и покоя, и в их гла-

зах сиял внутренний свет, делая их божественно красивыми. "Так вот как чувствовали себя в катакомбах первые христиане!" – думала я, когда Отец Пафнутий приступил к обряду, сначала прочитав предварявшую его молитву, а затем с потрясающим крещендо назвав различные грехи, в то время как со всех сторон с губ тихо слетали слова признания, наполняя церковь волшебным звуком, похожим на шелест осенних листьев. Это был один из самых чудесных моментов жизни, прожитых мною! Никогда раньше не присутствовавшая на Общем Покаянии, я была потрясена до глубины души. Оно произвело на меня впечатление, которое я не забуду до конца своих дней. Вдохновенное лицо старого Отца Пафнутия, спокойная красота церкви, мощный, граничащий с фанатизмом религиозный пыл девушек и произносимые шёпотом исповедальные признания – поистине сакральная атмосфера по эту сторону стеклянных дверей, и словно бы вырвавшиеся из ада, дьявольские лица – по другую. О, какой же контраст содержала эта картина! Казалось, что подобный эпизод просто немыслим в двадцатом веке, эпизод, напоминающий первые дни христианства, но, определённо, совершенно неуместный в наше время. Всё это было похоже на странный до невозможности сон – восхитительный в одном смысле и омерзительный в другом. Завершив прохождение обряда, отпустившего нам всем коллективно наши грехи, мы подошли к алтарю, дабы принять Святое Причастие. Никогда раньше мне не доводилось видеть настолько радостных

лиц после Причастия, как в той церкви! Это походило на пасхальную ночь – все восторженно обнимали друг друга, все были по-настоящему счастливы тем счастьем, что не от мира сего. Если бы нам тогда сказали, что нам суждено умереть в ту же самую минуту, я убеждена, что мы пошли бы на смерть в радостном экстазе, веря, что она воистину венец жизни. Теперь я могу понять, какая сила двигала мучениками, когда те абсолютно бесстрашно шли через невыразимые пытки к своей гибели. Да, смерть в таком состоянии духа – это нечто чудесное, чего стоит желать всем сердцем и незачем бояться!

Когда служба закончилась, Сестра-хозяйка подошла к стеклянным дверям и распахнула их. "Что вы здесь делаете? Что вам нужно? – спросила она столпившихся перед ней солдат. – Почему вы беспокоите нас, когда мы молимся в церкви?" "Но во время молитвы мы вас и не беспокоили, – ответил тот, который стоял к ней ближе всех. – А вот что нам нужно: мы хотим, чтобы вы прошли с нами – имея в виду всех молодых и хорошеньких", – добавил он с противной ухмылкой. "Но по какому праву вы этого хотите? – спокойно уточнила Сестра-хозяйка. – Для начала покажите мне свой мандат". "Вот он, вот он, моя красавица", – закричал солдат, доставая замусоленную бумагу, которую тут же сунул ей прямо под нос. "Смотри, – продолжил он, постукивая по листочку грязным указательным пальцем, – здесь говорится, что по приказу местного Совета сегодня к полудню Сёстры

госпиталя А должны быть арестованы и доставлены в бараки Б, где они и будут содержаться вплоть до дальнейших распоряжений. Подписано комиссаром Гарфункелем. Теперь ты видишь?" "Да, я вижу, – ответила Сестра-хозяйка. – Что касается мандата, то он в полном порядке. Но позвольте мне всё же сказать вам, что я не удовлетворена. Местный Совет! Вы серьёзно? Как это он посмел арестовать нас без всякой причины? И как прикажете нам покинуть госпиталь, полный целиком зависящих от нас больных людей? Нет, этого не может быть, и я сейчас собираюсь позвонить в Центральный исполнительный комитет Петросвета и узнать, что там скажут по этому поводу". Солдат выглядел озадаченным и смущённым. Он, очевидно, не ожидал такого решительного отпора, да ещё от женщины! "Дайте же мне пройти, – потребовала Сестра-хозяйка. – Я собираюсь сию же минуту телефонировать самому товарищу Урицкому". Судя по всему, фамилия Урицкого подействовала как по волшебству. Солдаты тут же расступилась, и Сестра-хозяйка пошла через образовавшийся проход с гордо поднятой головой, направившись в свой кабинет. Случайно оказавшись рядом, я последовала за ней вместе с Сестрой Верой – заместителем председателя Совета Сестёр – и тем солдатом, который, видимо, руководил всем процессом. Войдя в свой кабинет, Сестра-хозяйка, не теряя ни секунды, подошла к аппарату, сняла трубку и, назвав номер, осталась с весьма решительным и непокорным видом стоять рядом, ожидая соединения. "Это предсе-

датель Совета Сестёр госпиталя А, и мне нужно немедленно поговорить с Товарищем Урицким по сверхважному делу, связанному с опасной контрреволюцией", – отчеканила она, заслышав голос на другом конце провода. "Алло, алло, это сам Товарищ Урицкий? Вас беспокоит товарищ Т., – невозмутимо произнесла она, назвавшись таким образом, дабы с самого начала расположить к себе Великого Большевика. – Послушайте, Товарищ, более сотни солдат пришли сегодня в госпиталь, намереваясь по приказу местного Совета арестовать меня и большое число моих Сестёр, стажёрок и студенток – 'всех молодых и хорошеньких', как они позволили себе выразиться. Не было представлено вообще никаких оснований для ареста! Вы что-нибудь об этом знаете? Это делается по Вашему приказу? Нет? Это не так? Что ж, Товарищ, раз они своевольничают без Вашего ведома, то я считаю, что это чистейшая контрреволюция, и прошу Вас немедленно взять на контроль данный вопрос. Вы разберётесь? Хорошо! Спасибо! Рядом, – подтвердила она, повернувшись к солдату. – С вами желает поговорить Товарищ Урицкий", – и с торжествующим блеском в глазах протянула ему трубку. "Да, Товарищ, – слышали мы почтительные и кроткие ответы солдата. – Да, конечно. Хорошо, очень хорошо. О да, должно быть, вышло недоразумение. Конечно, мы подождём. До свидания, Товарищ. Что ж, – сказал он, с мрачным видом вешая трубку, – ты победила, умная баба! Товарищ Урицкий сказал, что возьмёт это дело в свои руки, а мы должны ждать

здесь, пока он не свяжется с местным Советом и мы не получим от него дальнейших распоряжений". "Отлично! – строго подвела итог разговору Сестра-хозяйка. – А теперь ступайте и подождите в вестибюле и, пожалуйста, держите своих солдат в узде, так как мы больше не потерпим, чтобы нас беспокоили. Не забудьте, что сказал вам Товарищ Урицкий". И бывший наглец покорно удалился в вестибюль, где, как нам было слышно, велел остальным молча ждать, поскольку таков приказ Товарища Урицкого. Вскоре пришло сообщение от местного Совета, согласно которому солдатам надлежало немедленно отбыть назад, что они и сделали весьма поспешно, снова оставив нас в триумфальном обладании госпиталем. Столь негаданный финал такого тревожного эпизода был во всех отношениях похож на чудо. Во-первых, блестящее наитие Сестры-хозяйки, вдохновившее её на звонок Урицкому, во-вторых, удивительная удача, что он именно в этот момент оказался на месте и ей разрешили поговорить с ним лично, и, наконец, её умный способ привлечь его на свою сторону. Чистая решимость и Провидение помогли ей пройти через всё это и одержать безусловную победу.

Комиссар, скорбь и покой

Пятница, 15 февраля

Теперь во главе госпиталя мы имеем Комиссара! Он литовец, большевик и, как мы слышали, довольно важная персона в РСДРП(б). Когда его назначили, у нас чуть не случились припадки, и мы с ужасом ждали его появления, полностью уверенные, что со всеми нами станется нечто страшное в виде травли и арестов. Но когда он наконец приехал, мы были приятно удивлены. Вместо длинноволосого, лохматого, грязного индивида, которого мы ожидали увидеть, вошёл спокойный, хорошо одетый, прекрасно воспитанный мужчина лет тридцати пяти, высокий, стройный, светловолосый, голубоглазый и обладающий самыми приятными манерами. В нём нет ни толики от террориста; напротив, трудно было бы отыскать более деликатного человека, и тот факт, что он большевик, кажется совершенно невероятным. Очевидно, он представитель лучшего их типа, идеалист, для которого коммунизм – это религия, а не просто ступенька для достижения эгоистичных целей. Нет, он определённо не приспособленец, как многие другие, следящие за переменами фортуны: вчера монархисты, сегодня большевики, завтра анархисты, а послезавтра снова монархисты – флюгеры, крутящиеся в зависимости от того, куда дует ветер. От боязни его появления не осталось и следа, и теперь мы очень рады, что

он здесь, так как он, безусловно, защитит нас от вторжения местных Советов, солдатни, проверяющих и тому подобных напастей. Похоже, он находится в тесном контакте с Центральным исполнительным комитетом, судя по всему, обладая достаточной властью, чтобы оградить госпиталь от любой опасности. Сестра-хозяйка от него в восторге, поскольку он обращается с ней крайне почтительно (именно так, как, по её словам, в которых сквозит одобрение, молодому человеку следует обращаться с пожилой дамой), постоянно спрашивая её совета по вопросам, касающимся повседневной жизни госпиталя, и ничего не предпринимая, не выслушав сначала её мнения. Вообще он настоящее сокровище, этот наш Комиссар! Работая действительно усердно, он добивается прекрасных результатов. Например, даже наш рацион, благодаря его вмешательству, стал намного лучше, и мы не встаём из-за стола, оставаясь голодными, к чему уже привыкли за последние два месяца. "Троекратное ура нашему Комиссару!" – мысленно кричу я, сидя на чердаке на куче пыльной макулатуры и чихая при каждом движении, пока пишу это в своём дневнике.

Суббота, 23 февраля

Прошлой ночью одна из пациенток, у постели которой я дежурила, поведала мне душераздирающую историю. Это милая женщина в возрасте, которую недавно прооперировали, и, сильно мучаясь от болей, она нуждается в том, чтобы

кто-то находился с ней рядом всю ночь, поскольку иначе она не может заснуть. Будучи человеком с поистине отважной душой, она вызывает во мне самые тёплые чувства. Я тоже ей нравлюсь, и поэтому она с удовольствием рассказывает мне длинные истории, из которых эта последняя – самая экстраординарная и повествующая о её единственном сыне, которого она обожает, – очень уважаемом профессоре математики средних лет, преданном своей работе и семье, верном гражданине своей страны и одним из добросердечнейших и безобиднейших людей в целом свете.

Итак, пару месяцев назад, когда он стоял на углу улицы, мирно куря и разговаривая со своим другом, он вдруг заметил длиннющую вереницу несчастных "буржуев", судя по всему, арестованных и препровождаемых в тюрьму отрядом красногвардейцев – наихудшего типа головорезов, которые гнали их по проезжей части. И пока он наблюдал за проходящей мимо процессией, с грустью размышляя о том, какая печальная судьба уготована бедным арестантам, вдруг на его собственные плечи легли две тяжёлые руки, и, прежде чем он успел что-то осознать, его швырнули с тротуара прямо в самую гущу конвоируемой толпы, а два солдата, сделавших это и схвативших его с обеих сторон за руки, стали орать ему в уши, угрожая самыми страшными карами, если он посмеет оказать хоть какое-то сопротивление. "Но как же так, за что, почему?" – это было всё, что он смог пробормотать, пока они волочили его, в то время как третий солдат пинал его сзади

и иногда бил каким-то тяжёлым предметом, порой прямо в затылок. Растерянный, оглушённый, контуженный, он спотыкался, дважды падая лицом в грязь, тогда как его продолжали бить всё сильнее, пока он не стал молить о смерти.

Рисунок неизвестного русского художника "Арестованные 'буржуи' по пути в тюрьму" (1918-й год); был в числе вывезенных из России Хершелом Уокером из "Американской администрации по оказанию

помощи" (АРА).

Должно быть, он тогда потерял сознание, потому что следующее, что он помнит, – это тюремные нары, где он лежал, истекая кровью, покрытый синяками и с ломотой по всему телу, в огромной камере, набитой дюжинами таких же бедолаг. И там его держали неделями, немытого, небритого, в рванье, кишасщем вшами, полуголодного, не знающего, за что его посадили в тюрьму, и неспособного связаться с кем-либо на свободе. В итоге он серьёзно заболел и был переведён в тюремный лазарет, где впервые за много недель его отмыли, побрили, уложили в чистую постель и дали приличной пищи. И там же он вскоре разобрался, почему вообще попал в тюрьму, поскольку, как ни странно, один из санитаров лазарета случайно узнал все детали от своего друга, тюремного охранника.

Оказывается, в тот роковой день, когда бедный профессор стоял на тротуаре, наблюдая за идущими мимо узниками, один из них только что сбежал, и красногвардейцы, напуганные мыслью о том, что им удастся доставить тюремным властям всего 199 человек, тогда как им было доверено 200, и зная, что на их головы наверняка обрушатся большие неприятности, тут же решили, что единственное, что им остаётся, – это поймать какого-нибудь случайного прохожего и силой заставить его присоединиться к арестованным. Таким образом, сын моей пожилой пациентки оказался той са-

мой невинной жертвой и ужасно страдал в течение двух месяцев, а его семья никак не могла узнать, где он находится, поскольку в тюремном реестре он значился под фамилией сбежавшего, а не под своей собственной. И это было причиной, по которой ему никто не верил, когда на переключке, будучи объявленным под чужой фамилией, он неизменно протестовал, говоря, что совсем не "Иванов", а профессор N, известный математик и учёный. Члены его семьи много раз приходили в эту тюрьму, спрашивая, там ли он, и всегда получая один и тот же ответ: "Нет, профессор N в списке заключённых не значится", – что делало его ситуацию ещё более трагичной, поскольку никто не мог ни принести ему передачу, ни получить свидания, ни начать какие-то действия по его освобождению. Так он и томился под чужой фамилией, не в состоянии никого убедить, что оказался там по ошибке, и, видимо, потеряв всякую надежду доказать свою личность. Но всё же при помощи врача лазарета дело было улажено, и страдалец вышел на свободу после ужасного опыта, который он, вероятно, не забудет до конца своих дней.

Суббота, 2 марта

Я сильно беспокоюсь за родителей! В наши дни так трудно достать им правильные продукты, а то, что я приношу, вряд ли полезно для их немолодых желудков. Картофель, капуста, свёкла, чёрный хлеб и конина – это всё, что мне обычно удаётся найти, хотя я отчаянно пытаюсь отыскать хотя

бы немного молока и яиц. Вчера я узнала о женщине, тайно продающей молоко по заоблачным ценам, но когда пришла к ней, то увидела столь дрянную жидкость, что её просто не имело смысла брать. Это было похоже на смесь воды и мела, и я побоялась, что её употребление скорее навредит здоровью моих бедных стариков, чем принесёт ему какую-то пользу.

Всего год пролетел с первого дня революции, и какие перемены, какие же невероятные перемены она принесла! Теперь мы уже граждане Советской Республики, у которых отобрали всё имущество, а потому мы бедны, как церковные мыши. Повсюду вокруг я наблюдаю отчаянную нужду и страдания. Единственное, что имеет смысл делать в данных обстоятельствах, – это работать, трудиться как можно усерднее, и я так рада, что мои медицинские курсы и больничные обязанности занимают бóльшую часть времени, приводя меня к концу дня в такую усталость, что нет сил думать ни о чём, кроме постели и сна. Революция стала мне неинтересна. Всё, к чему она привела, – это бардак, голод, грязь и нищета, которые становятся всё труднее переносить.

Когда я хожу по улицам и вижу выражение беспросветной скорби на лицах у всех, кроме солдат и большевиков, мне кажется, что нынче лишь Скорбь правит бал, а Радость ушла навеки. Я дошла до того, что стала ненавидеть выходить на улицу и смотреть в эти страждущие глаза, полные тоски, безысходности и беспредельного отчаяния. У любо-

го, заглянувшего в них, первым делом возникает мысль: "О, как я могу помочь?" – но за ней тут же приходит осознание, что теперь ни одно человеческое существо больше не способно никому оказывать сколь-либо существенную помощь, что этот этап остался позади и, возможно, навсегда.

Воскресенье, 17 марта

Только церкви кажутся неизменными, и когда я вхожу в наш госпитальный храм или в грандиозный собор Александра Невского, который в эти дни посещаю всё чаще и чаще, возникает ощущение, что все мои проблемы оставлены за порогом, а внутри меня встречаются покой и красота, утраченные повсеместно за этими стенами. Многие люди, очевидно, чувствуют то же самое, потому что церкви всегда заполнены до отказа, и прихожане терпеливо выстаивают очень долгие службы, не спеша расходиться по домам по их окончании. Похоже, что чем дольше идёт богослужение, тем сильнее оно им нравится, хотя всенощные порою длятся по двенадцать часов, начинаясь ранним вечером и завершаясь на рассвете Общим Покаянием с последующим Причастием, что снова напоминает мне о временах зарождения христианства. Митрополит, по-видимому, считает, что всем нам нужно быть готовыми к неожиданной смерти, могущей настичь нас в любой момент, и поэтому проводит такие всенощные службы просто великолепно, учитывая и тот факт, что его большой хор по праву считается одним из лучших в

России. Там нет электрического света, и лишь свечи да лампы мягко горят перед святыми образами, а воздух тёпл и насыщен благоуханием. Проповеди Митрополита поистине вдохновенны, но самым главным является дивное, пронизывающее всё пространство собора чувство покоя. Дух старой России, казалось бы, уже умерший повсюду, всё ещё жив в церквях, где он, по-видимому, обрёл свой последний оплот. Трудно передать словами, сколь покойно слышать знакомые с детства молитвы и песнопения, видеть проникающие в душу глаза тех же старых Святых, глядящих на нас сверху из-под серебра и золота их украшенных драгоценными камнями корон, внимать речам великого проповедника, наполненным мистической красотой этих волшебных минут. Мы стоим всю ночь напролёт, почти не садясь, и всё же, возвратившись домой, ощущаем себя несколько не уставшими, а даже, напротив, более подготовленными к трудностям грядущего дня.

Четверг, 28 марта

Мне пришлось пережить кошмарные мгновенья. Я присутствовала при осквернении храма, и воспоминание об этом вызывает у меня дрожь и тошноту. Это произошло во время вчерашнего всенощного богослужения. Сначала собор был окружён, а затем сотни солдат ворвались внутрь, намеренно не снимая фуражек, разговаривая, смеясь, ругаясь, куря и смачно заплёвывая всё вокруг. Они протопали

по проходу к алтарю, где Митрополит с двенадцатью своими помощниками – архиереями и архимандритами – совершал службу, и там, оттеснив их в сторону, стали тыкать штыками в золотое парчовое облачение престола (дабы, как они объяснили, проверить, не спрятано ли в нём огнестрельное оружие), затем стряхнули пепел своих папирос в чашу для Святого Причастия и, напоследок плюнув туда, сбросили её на пол, покидая алтарь и направляясь к выходу. Паства, парализованная ужасом, поначалу не двигалась с места. Однако внезапно весь её гнев вырвался на свободу, и толпа людей, обезумевших от возмущения, начала действовать. Через секунду солдаты были окружены, остановлены, и, вероятно, им грозило быть живьём разорванными на кусочки (несмотря на то, что те были вооружены, а прихожане – нет), если бы Митрополит, выйдя вперёд, не произнёс громовым голосом знаменитые слова Христа: "Простите им, ибо не ведают, что творят!" – затем добавив: "Отпустите их с миром и вернитесь на свои места, так как мы сейчас продолжим". Его, разумеется, послушались, и служба пошла своим чередом как ни в чём не бывало, хотя лично я дрожала с головы до ног и даже сейчас не в силах оправиться от потрясения.

Здесь дневник обрывается по причине того, что, желая перед отбытием из России собрать рукопись для её вывоза за границу, я в спешке пропустила довольно много тетрадей, спрятанных под старыми бумагами на чердаке, – тех, что

содержали записи, охватывающие период примерно с год, с 30-го марта 1918-го по 24-ое января 1919-го. Эти тетради, должно быть, всё ещё там, если только они не были обнаружены и изъяты во время обыска после моего отъезда.

Весенние месяцы 1918-го года были в основном заполнены подготовкой к экзаменам, которые, как ни удивительно, большинству из нас удалось сдать, несмотря на то, что существование становилось всё более и более тяжёлым и учиться в условиях постоянного недоедания и холода было совсем непросто.

Летом же мы не поехали в Царское, а остались в Петрограде: родители дома, а я в госпитале. Лето выдалось унылым и без особых событий, но общая обстановка в стране становилась всё хуже и хуже.

Почти все, кого мы знали, в том году покинули Россию, но мы остались по следующим причинам: мои родители надеялись, что смогут сохранить свою городскую недвижимость и имущество, если будут продолжать спокойно жить дома в Петрограде; я же не хотела бросать их, а также стремилась и дальше развивать свои медицинские навыки, учась и работая в госпитале, да и любопытно было узнать, какие ещё последствия готовит нам Революция.

Холодная зима 1919-го

24 января

Наконец-то появилась надежда раздобыть хоть немного дров для госпиталя, так как наш Комиссар получил разрешение разобрать одну из деревянных построек на 7-ой Рождественской улице, используя её в качестве топлива. Это большой каркасный дом, принадлежавший до сего дня ветхому купцу. Проще говоря, Совет повелел бедному старику за восемьдесят в течение суток покинуть своё жилище, в то же время любезно позволив тому переехать в две крошечные комнатки в здании по соседству.

Когда мы с Сестрой Марией прибежали, ликуя без задней мысли, дабы полюбоваться на "наш" дом, мы обнаружили, что его прежний владелец беспомощно и горько плачет, как могут плакать только очень старые люди, с явным трудом сгибаясь над огромным, почтенным сундуком, в тёмных глубинах которого полностью скрывалась его длинная седая борода, и складывая в него дрожащими руками свои причудливые древние пожитки. Мучимые угрызениями совести из-за своего дерзкого вторжения и в то же время переполненные жалостью мы стояли на пороге его комнаты, не в силах уйти, желая сказать что-нибудь доброе и в то же время совершенно не находя слов утешения. Но он, даже не взглянув на нас, продолжал собирать вещи и бессильно рыдать – само

олицетворение отчаявшейся старости. Время от времени, в промежутках между рыданиями, сотрясавшими его измождённое тело, он бормотал нечто, чего мы не могли до конца разобрать, что-то об извергах, не позволивших ему умереть в доме, где он родился, – во всяком случае, там проскакивали слова на эту тему, и, прежде чем мы осознали, слёзы потекли и по нашим щекам. Лично мне было ужасно стыдно шмыгать при этом носом, поскольку мой платок остался дома.

"Послушай, – сказала мне Сестра Мария, – мы просто обязаны подбодрить старика. Давай сбегает и принесём ему чаю с сахаром! Ах да, и ты могла бы подарить ему тот шарф, что вязала все эти месяцы". Итак, мы помчались в госпиталь, триумфально вернувшись менее чем через полчаса с двумя микроскопическими упаковками чая и сахара, шарфом и другими подарками от Сестёр. С трудом удерживая всё это в руках, мы вновь ворвались в комнату, но на этот раз крича во весь голос: "Смотрите, что у нас для Вас есть, смотрите!" – чем заставили его обернуться и уделить нам внимание. "Чай, сахар, шарф, свитер, тёплые штаны, табак, красивая подушка ..." – перечисляли мы, засовывая ему в руки свёртки до тех пор, пока он не стал похож на Деда Мороза с кучей подарков. "И это ещё не всё, – задыхаясь, проговорила Сестра Мария. – Мы поможем Вам упаковать вещи и переехать, оставив затем Ваши новые комнаты столь чудно, что Вы точно будете в восторге. Туда мы тоже доставим Вам много новых сюрпризов – очень много! Просто подождите и увидите", –

радостно закончила она, и тот внезапно разразился громким восторженным смехом.

Нам пришлось тут же заварить ему чай, так как, по его словам, он не пил его уже несколько недель, и пока мы занимались этим, он довольно качался в кресле, одетый в новый свитер, новый шарф, новые тапочки и шапочку. На его коленях лежали новые ватные штаны, а голова примостилась на вышитой розовой подушечке. Его глаза с обожанием смотрели на щепотку сахара и кусочек хлеба. Было видно, что за всю свою жизнь он привык к хорошим вещам и при нынешнем положении дел оказался столь же растерянным и беспомощным, как малое дитя.

На самом деле мы нашли старика ужасно милым и прекрасно провели время, хлопоча над ним. Завтра рано утром многие из наших студентов придут, дабы помочь ему собрать вещи и переехать. Его дом полон древних предметов, и одному Богу известно, как мы перетащим их в его новое жилище. Конечно, в основном это куча старого хлама, но есть и ценные артефакты, которые следует сохранить.

25 января

Мы перевезли нашего старого господина, столь замечательно обставив его новые комнаты, что это доставило нам огромное удовольствие – не меньшее, чем когда я в детстве обустроивала большой кукольный дом. Всё, что было ветхим и никчёмным, мы любезно раздали соседям (разумеется, с

его разрешения), а лучшие вещи запихнули в его жилище, расположив их красиво и удобно. И как же он был доволен! Уверена, что он уже целую вечность так хорошо не проводил время. А как он возился, бубня что-то себе под нос и посмеиваясь, – так это просто прелесть! Весь госпиталь взял над ним шефство, и отныне он никогда больше не будет одиноким и покинутым, никогда! Я даже раз застала профессора Х. сидящим и болтающим с ним, тогда как доктор Б. набивал ему трубку столь тщательно, будто выполнял какую-то очень деликатную операцию. Теперь мы можем со спокойной совестью снести ту старую халабуду, где он обитал ранее, и наконец привнести немного тепла в наши кельи. Получится примерно по половине вязанки дров на каждую. Будет чудесно снова оказаться в тепле!

До сих пор температура в наших комнатах была, как говорится, "что Бог подал", то есть почти такой же, как на улице. Если снаружи сравнительно тепло, то и внутри терпимо; если снаружи колотун, то и мы внутри жутко мёрзнем. А холод в помещении много хуже, чем на улице, поскольку, выходя наружу, человек, постоянно двигаясь, согревается, а вот сидеть в студёной комнате кошмарно, даже если на тебе шуба, шапка и валенки по колено. В большинстве комнат стены покрыты сырыми разводами, и никто больше не может спать, используя простыни, так как те всегда слишком холодные и влажные – дрожим, трясёмся и кашляем всю ночь напролёт, не в силах сомкнуть глаз. Так что теперь я, как и все осталь-

ные, сплю между двух шерстяных одеял, поскольку это единственный способ согреться. Старая Сестра Р. на ночь даже ставит стул на свою кровать поверх одеяла, чтобы как можно плотнее прижать его. Однако я не поняла, как этот стул ей помогает, поскольку сама пробовала делать так же (в наши дни принято следовать любому совету), обнаружив, что он представляет из себя не что иное, как неудобную помеху, не добавляющую, конечно, ни капли тепла.

Мыться в такой холод тоже почти невыносимо, и я подозреваю, что многие люди просто не делают этого, так как при внимательном рассмотрении их лица выглядят довольно чумазыми. Но в наши дни так трудно достать мыло, ставшее редчайшим предметом роскоши, и требуется натаскать с улицы несколько вёдер снега и льда, чтобы, затем растопив, получить нужное количество тёплой воды, и приходится терпеть невыразимые муки из-за очевидной необходимости снимать с себя все многослойные, фантастические одеяния революционного времени в ледяной, не отапливавшейся больше года комнате – всё это, несомненно, заставляет человека дважды подумать, прежде чем приступить к столь сложному процессу эффективного омовения.

Крошечные *буржуйки* (микроскопические железные печки размером с маленький детский барабан), которыми все теперь пользуются, – это поистине жалкие творения! Моя – не больше обычного котелка для готовки, и каждые несколько минут туда приходится подбрасывать мелкие щепки для

растопки, почти не излучающие тепла при мгновенном сгорании. Мы все, должно быть, выглядим весьма карикатурно, когда обнимаем свои ужасные печурки, надеясь вопреки всему, что когда-нибудь случится чудо, которое заставит их хоть чуточку нагреться.

Кроме того, у нас есть "*Примусы*" – тоже гадкие штуки, хотя их мерзость иного рода, чем у *буржуек*. Пока они работают – всё в порядке, однако, к сожалению, у них есть неприятнейшая особенность – внезапный и беспричинный отказ заводиться, и тогда нам приходится, взяв их под мышку, тащиться по холоду к мастеру, специализирующемуся на их ремонте. Помимо того, что *примусы* столь капризны и ненадёжны, они ещё и жутко воняют, как работая, так и нет. Всегда можно совершенно определённо понять, что где-то поблизости находится *примус*, по неизменно сопровождающему его отвратительному запаху (что делает его похожим на козла). А когда в одной клетушке четыре *примуса*, как у большинства студентов, живущих по четверо, что ж, тогда её обитателям точно не позавидуешь. Промёрзшие помещения, сырость, *буржуйки* и *примусы* – такую жизнь трудно назвать приятной.

Немаловажен и вопрос освещения. Поскольку у нас нынче нет ни электричества, ни спиртовых или керосиновых ламп, ни даже свечей, мы вынуждены довольствоваться небольшими самодельными "лампадами", больше похожими на ночники, чем на что-либо иное, так как каждая состоит из ста-

кана, наполненного маслом, в котором плавает фитиль. Масло страшно дорого, да и найти его не очень-то просто, поэтому мы обычно кучкуемся вокруг таких "ламп" довольно большими группами – во-первых, в целях экономии драгоценной жидкости, а во-вторых, чтобы согреться, тесно прижавшись друг к другу и накрыв общим одеялом или пледом колени двух-трёх девушек и общей шалью – столько же спин. Свет "ламп" столь слаб, что невозможно ни читать, ни писать, ни шить. Единственное, что нам остаётся, – это разговаривать и играть в игры, чем мы в основном и занимаемся, помимо того, что изредка поём и чуть-чуть вяжем. Так мы и сидим в свободное от работы время долгими тёмными зимними днями и вечерами – группы бледнолицых, худющих, дрожащих девушек, одетых в тяжеленные шинели, натянутые на уши меховые шапки и высокие войлочные валенки, по большей части испещрённые дырами. Но как при этом ни накрывайся одеялами и шальями, нам никогда не бывает тепло. Каким-то образом зябкость и сырость нетопленных комнат пробирают, кажется, до самого мозга костей, и никаким потрескивающим *печуркам* или ревушим *примусам* не суждено выдать нам хоть капельку утешительного тепла.

Одна и та же картина, которая предстанет глазам стороннего наблюдателя, куда бы тот не решился заглянуть, безусловно, заслуживает описания. В центре мрачной, сырой клетушки, полной призрачных теней, стоит стол с новомодной "лампадой", отбрасывающей неширокий круг самого что

ни на есть тусклого, дрожащего света. Около стола сидит кучка людей, каждый из которых, повернувшись полубоком, деловито пытается поддерживать огонь в своей личной *печурке*. Время от времени на столе ревет *примус*, а затем по кругу начинают передавать очень жиденький чай или просто горячую воду, которыми принято запивать трапезу, состоящую из маленьких ломтиков "хлеба" (странной смеси мха и иных таинственных ингредиентов) и кусочков сушёной рыбы, называемой *воблой*, – в основном острых, мелких костей, покрытых солью. "Хлеб" и *вобла* породили новую болезнь, вызывающую крошечные язвочки в желудочно-кишечном тракте, – ведь люди проглатывают слишком много тоненьких осколков рыбных костей, а также микроскопических обломков коры, часто встречающихся в "хлебе". Эта новоявленная хворь получила весьма широкое распространение, и её симптомы легко диагностируются. Кроме того, повсюду гуляют цинга и анемия.

Весьма занимательно наблюдать, сколь по-разному влияет на людей голод: одни столь истощены, что представляют собой не что иное, как обтянутые кожей гремящие скелеты, тогда как другие распухают до такой степени, что выглядят жутко толстыми. Я принадлежу к последней категории. Мои щёки невероятно пухлы, но если надавить на них пальцами, появляются мелкие вмятины, схожие с ямочками и сохраняющиеся очень долгое время. А кроме того, когда я наклоняюсь, мне кажется, что щёки тяжело тянет к земле, как будто

они наполнены водой, что, должно быть, недалеко от истины, поскольку после того, как я выпрямляюсь, их обрюзгший вид поражает чрезвычайно. На улице же они приобретают какой-то странный цвет – вокруг розовой области кожа становится пугающе желтушной, – отчего выглядят ещё более неестественно. О, вне всяческих сомнений, мы все прекрасны на вид – просто "гении чистой красоты" из поэтического описания.

Но хуже всего приходится госпитальным пациентам, ведь, помимо того, что они больны, им так же холодно, как и нам, и они вынуждены давиться той же пищей, что и мы, независимо от того, убивает это их или нет. Положительно, им больше нечего есть, кроме вяленой *воблы*, селедки, каши, картошки и столь ужасного "хлеба", а употребление всего этого приводит к фатальным последствиям. Они мрут, как мухи, и с этим ничего нельзя поделать. Неважно, чем они болеют, – "диета" для всех одна, и мы чувствуем себя преступниками, принося им подносы с такой гадостью и заставляя поесть! Операционные холодны, как лёд, и многие из пациентов, побывавших под скальпелем хирурга и подвергшихся воздействию стоящей там арктической температуры, заболевают пневмонией. Кроме того, поскольку у нас отсутствует электричество и какие-либо иные цивилизованные средства освещения, экстренные операции приходится проводить во мраке при свете редких свечей, которые нужно держать прямо над открытыми ранами, дабы хирурги могли видеть, что

они делают, – свечей, которые вспыхивают, мерцают и капаяют! Лекарств крайне мало, инструменты не подлежат замене, поскольку не имеется никакого их резерва, хирургические повязки следует использовать с предельно возможной экономией. В целом это похоже на мир внезапно умершей цивилизации, где немногие оставшиеся в живых вынуждены шаг за шагом возвращаться к первобытному состоянию.

27 января

Многие люди едят конину, если им посчастливилось её раздобыть, но это та пища, к которой я не в состоянии прийтронуться, как бы я ни была голодна. Ужасный сладковатый запах конины сразу же вызывает у меня такую тошноту, что мне приходится покидать обеденную комнату всякий раз, когда там подают эту гадость. Вяленая рыба, картошка и *пишено* – таковы основные блюда моего не слишком разнообразного рациона, и хотя картошка с кашей по-своему питательны, однако проблема с ними в том, что чувство сытости длится совсем недолго. Сначала человек ощущает свой желудок чересчур раздутым, что не даёт ему испытывать приятный комфорт, а уже через час он снова голоден. Ох, голод поистине ужасен! Когда я иду по улицам и вижу этот отвратительный калейдоскоп неестественно обтянутых и неестественно раздутых лиц, я чувствую, что живу в кошмаре, который абсолютно невозможно описать. Многие прохожие столь слабы, что еле-еле бредут вдоль стен домов, дер-

жась за них руками, чтобы не упасть. Однако время от времени падают, оставаясь лежать или сидеть на тротуаре, пока не наберутся достаточно сил, дабы вновь подняться и продолжить своё мучительное продвижение. Им больше никто не помогает, поскольку подобные сцены происходят сплошь и рядом, став частью обыденности. И всё же, какими бы толстокожими мы ни становились, просто невозможно привыкнуть к жалобному плачу стариков и детей. Повсюду слышны их голодные стенания, от которых оторопь берёт. Иногда мне хочется стать слепой и глухой, лишь бы не видеть этих лиц и не слышать этих непередаваемых звуков страдания.

На улицах почти не осталось животных – наверное, всех их съели. Изредка увидишь измождённую лошадь – того сорта, что на знаменитом рисунке Дюрера везёт на себе Смерть, – огромный остов, где еле теплится жизнь, покрытый кожей, сквозь которую с ужасающей чёткостью проступают острые концы костей, часто прорезающие её, образуя страшнейшие раны.

Рисунок Альбрехта Дюрера "Смерть верхом на лошади"

Обычно эта несчастная, страдающая кляча тащит за собой огромную повозку с каким-то невероятно тяжёлым грузом, которую в прежние времена даже две сильных, откормленных, великолепных особи породы "Клайдсдейл" вряд ли смогли бы везти без труда. Пока она, прикладывая сверхъестественные усилия, буквально ползёт вперёд, погонщик,

топая рядом, в девяти случаях из десяти немилосердно бьёт её после каждого сделанного ею шага.

Однажды я увидела, как извозчик, чья колымага застряла в снегу, бил свою лошадь стальным прутом, одновременно щёлкая длинным кнутом по её вытарашенным от дикой боли глазам и ни разу при этом не промахнувшись. Прежде чем я осознала, что делаю, я уже находилась посреди улицы, крича: "Прекратите мучить животное!" – дёргая мужика одной рукой за тулуп и пытаюсь другой изо всех сил колотить его по спине. Но он тут же сбил меня с ног, и прошло много-много времени, прежде чем я смогла подняться. Я лежала в сугробе, глядя в холодное серое небо, слушая кряхтенье изувеченной бедняжки, очевидно, напрягавшей каждый свой мускул, дабы выволить телегу из снега, и вздрагивая от каждого удара стального прута, равномерно лупящего по её спине. Мимо проходили люди, но никто даже не взглянул в мою сторону, думая, вероятно (если кто-то вообще думал), что я либо мертва, либо умираю. Мне казалось, что я пролежала там целую вечность, так как постепенно стемнело, а затем стихли и битъё с проклятьями. Наконец, сев и оглядевшись вокруг, я поняла, что изверг ушёл, а его жертва, лежащая на том же самом месте, где её избивали, издохла! Этот человек причинил вред и мне – были боль в груди и странное ощущение удушья в горле, а на губах и на снегу вокруг остались следы крови. Как раз в тот момент, когда я уже собиралась уходить, к павшей внезапно подползли на четвереньках двое

мужчин и, прежде чем я успела отвести взгляд, выхватили длинные ножи и начали разделявать мясо мёртвого животного. Хотя, возможно, оно ещё не было мертво, поскольку мне почудилось, что я видела, как дёрнулись его задние ноги ... Слабая и дрожащая, я побрела прочь, держась как можно ближе к домам и опираясь руками о стены точно так же, как раньше на моих глазах это делали другие. Когда я наконец добралась до госпиталя, меня так сильно трясло, и я со своим окровавленным лицом и порванной одеждой представляла собой столь жалкое зрелище, что перепуганные Сёстры, буквально подняв меня на руки, отнесли в постель, где я и провела пару дней не в силах побороть ту дрожь, которая и сейчас остаётся в моих ладонях.

29 января

Все последние дни мы сносим отданный нам дом, и дело это непростое. Госпитальные мужчины, как то: профессора, врачи и санитары, забравшись на крышу, большей частью занимаются разрушением, тогда как мы, женщины, сортируем и пилим дрова, складывая их затем в штабеля. В каком-то смысле это очень весело, будто мы все попали на большую загородную прогулку – снег глубок, воздух чист и бодрящ, и потому перемены в деятельности после убогого существования в закрытом помещении желанны и приятны. Единственная беда в том, что в результате подобных упражнений любой становится ужасно голодным, а когда добирается до сто-

ла, то кушать практически нечего.

Ночами мы по очереди сторожим нашу полуразломанную халабуду и готовые поленницы, имея при этом весьма воинственный вид, пока барражируем туда-сюда, вооружившись большими палками. Прошлой ночью я дежурила там с двенадцати до двух с доктором Б., Сестрой Натальей и горничной Павлой. Было так зябко, что нам приходилось всё время двигаться, однако это не испортило захватывающего впечатления от северного сияния, игравшего над головой самым волшебным образом на протяжении всей нашей вахты – на самом деле, я никогда не видела более прекрасного зрелища. Оно напомнило мне про сон, приснившийся мне однажды, когда я была ещё ребёнком. Мне привиделось тогда, что я стою на краю света, наблюдая за северным сиянием, которое внезапно изгибается в форме колоссальных врат с колоннами, аркой и дверями, состоящими из золотого свечения. И пока я стояла там, окаменев от восторга, двери начали медленно открываться, и послышался ясный голос, говорящий: "Смотри, дитя, это врата в небо". К сожалению, в ту же секунду я проснулась, больная от волнения до такой степени, что Нана оставила меня в постели на целый день. Тот сон произвёл на меня столь неизгладимое впечатление, что я запомнила его на всю жизнь. Как ни странно, вчерашние сполохи в какой-то миг также приняли вид огромных врат, столь живо напомнив о далёком сне, что я почти ожидала услышать тот же голос, снова произносящий те же самые слова.

Будучи заморожены сиянием, мы все полностью забыли о своих обязанностях, что привело с самого плачевному результату, так как, вернувшись к ним, мы обнаружили, что достаточно много наших дров было украдено!

31 января

Сегодня дом был окончательно разобран, и почти все штабеля уложены. В одной из последних комнат я наткнулась на висящую в углу икону, очевидно, забытую стариком. С его позволения я забрала реликвию, и теперь она украшает мою келью.

15 февраля

Сегодня началась перевозка дров в госпиталь. Мы впрягаемся в санки и тянем столько поленьев, сколько сможем. Это тяжёлая работа, так как снег довольно глубокий, а наши силы не особо велики. Утром мои санки застряли, я споткнулась и упала в изнеможении. Пока я лежала там, пытаюсь восстановить дыхание, перед глазами встал образ лошади, которую забили до смерти, и от этой мысли вновь стало дурно. "Сейчас-то меня бьёт не мужик, а сама Жизнь", – подумала я, по глупости поддавшись ощущению своей слабости и беспомощности, из-за чего тут же уткнулась лицом в снег и заплакала. "Вот так чудо – комок меха в упряжке и опрокинутые санки, полные дров!" – услышала я чей-то возглас и, подняв глаза, встретила с добрым, сочувствующим

взглядом склонившегося надо мной в тревоге доктора Рудковского. "Послушайте, а давайте-ка я Вас распрягу и некоторое время сам потащу Ваши санки", – предложил он, подняв меня из сугроба и снимая верёвки с моих рук, пока я послушно стояла, как мягкая кукла, радуясь, что надо мной хлопчут. Итак, он впрягся в мои санки, перекинув верёвку через левое плечо и в то же время оставив лямку от своих собственных на правом. Таким образом, он стал тянуть сразу пару тяжело гружённых санок. То был немалый подвиг, так как санки просто не могли гладко скользить бок о бок, а, напротив, съезжали вправо-влево, дико кренясь в разные стороны по ходу движения, затем внезапно выпрямляясь и сталкиваясь друг с другом, запутывая верёвки и ударяя беднягу по йкрам, а затем вновь съезжая, кренясь, и в целом ведя себя самым беспокойным образом, хотя благодаря умелому маневрированию ни разу не опрокинувшись. В конце концов мы добрались до госпиталя, не потеряв ни единой досочки.

Теперь в углу моей клетушки лежит целая куча дров, вид которых волнует меня гораздо больше, чем любые бриллианты или жемчуга. Кому нужны диадемы, ожерелья и тому подобные вещи, когда в помещении есть, чем топить, и как можно сравнить холодный алмаз с красивым поленом, обещающим тепло? Чудные, дивные деревьяшки! Скоро я буду досконально знать внешний вид, размеры и форму каждой из них и уверена, что буду испытывать муку всякий раз, ко-

гда придётся бросать их в огонь!

25 февраля

Чудеса, как и новшества в нашей удивительной Республике никогда не прекращаются. Последний "писк моды" – это появление людей, называемых "попрыгунчиками" или "живыми покойниками". С помощью ходулей с прикрепленными к ним пружинами эти милые индивиды, одетые в белые саваны, делающие их похожими на гигантских призраков, скачут ночами взад-вперёд по пустынным улицам. Фосфоресцирующие приспособления на их лицах, светящиеся самым жутким образом, помогают напугать бедных прохожих до полусмерти. Подпрыгивая благодаря пружинам на каждом шагу, получающемуся огромным, они очень быстро настигают любую замеченную жертву. Происходит это так: мирный гражданин бежит по тёмной улице, как испуганный кролик, стараясь выглядеть как можно меньше и незаметнее. Когда он находится примерно на полпути между более безопасными точками и может с равным успехом добежать до любой из них, появляется громадная фигура, вся в белом, с горящими глазами и зубами, совершающая летящие прыжки в его направлении, и он в ужасе припускает изо всех сил. Один прыжок, два, три – и фигура, настигнув, хватается за него. Прежде чем он осознаёт, что происходит, его раздевают, оставляя голым посреди улицы, в то время как бандит скачет дальше в поисках нового несчастного. Эти "попрыгун-

чики" – преемники хулиганов, раздевавших людей на морозе прошлой зимой, с той лишь разницей, что те гады ещё не забрались на пружинящие ходули и не носили простыней и светящихся масок. Однако принцип тот же. Советы крайне раздражены ими и уничтожают любого попавшегося прыгуну прямо на месте.

Здесь дневник снова обрывается, чтобы больше уже не возобновиться, если только однажды, вернувшись в Россию, я не обнаружу оставленные там тетради спящими, словно семейка маленьких Рип ван Винклей, в разных тайниках, где я их спрятала, и терпеливо ожидающими, чтобы я, разбудив, вернула их к жизни.

Следующие страницы были написаны полностью по памяти во время моего пребывания в Англии в 1923-ем году – вскоре после того, как я выехала из России. Это было нетрудно сделать, так как каждая деталь описанных дней слишком ярко отпечаталась в моём сознании.

Часть Третья. Жертвы Революции

**Фотография Марии Михайловны Скарятиной
(Маззи) в домашнем интерьере в Петрограде (1919-й
год)**

Усадьба и библиотека

Алексей Белов-Скарятин

Первыми жертвами большевистской революции в семье Скарятиных пали их усадьба в Троицком и находившаяся там знаменитая библиотека из более чем 20000 томов, собиравшаяся представителями многих поколений рода. Несмотря на разрешение на вывоз всей коллекции книг в Саратов, выданное Керенским декану Саратовского университета согласно воле Марии Михайловны Скарятиной (о чём в своём "Дневнике Революции" рассказала Ирина), сделать это бережно и вовремя (то есть до событий октября-ноября 1917-го года), к великому сожалению, не удалось. А позже это происходило совсем по-другому, и здесь я позволю себе процитировать несколько наиболее показательных отрывков из статьи кандидата исторических наук, заместителя директора Орловской областной научной библиотеки имени И. А. Бунина по библиотечной работе, Юлии Вячеславовны Жуковой "К истории родовой библиотеки Скарятиных", опубликованной в седьмом выпуске альманаха "Орловский библиофил" в 2000-ом году:

"В результате национализации земли и отмены частной собственности после Октябрьской революции, десятки тысяч усадеб оказались без хозяев. Начавшаяся было музеефикация наиболее значительных из них быстро сошла на нет

под натиском финансового дефицита. Занятие усадебных построек под нужды крестьянских хозяйств вело к разрушению архитектурных и ландшафтных особенностей, уничтожению интерьеров, художественных и книжных коллекций. В этих условиях основным путём 'спасения' усадеб казался вывоз из них всех движимых художественных ценностей в уездные и губернские центры, а чаще всего в Москву и Петроград ...

Во время реквизиций многие книжные коллекции оказались разрозненными. Часть их погибла, другая попала в различные государственные библиотеки. Причём, часто книги из одной усадебной библиотеки передавались не в одну, а сразу в несколько государственных. В результате книги из провинциальных усадеб (в том числе и орловских) оказались рассеянными в культурном пространстве современной России ...

Впервые книжное собрание Скарятиных упоминает А. М. Горький в своём письме А. В. Луначарскому от 17-го февраля 1919-го года³⁴, где отмечает, что в Орловской губернии находятся в состоянии постепенного разрушения и разорения 17 имений и предлагает организовать вывоз книг из библиотек этих имений в Орёл, Москву и Петроград для пополнения государственных книгохранилищ. Под третьим номером в списке Горького значится усадьба Скарятиных, где на-

---

³⁴ Архив А. М. Горького. Т. 14. Неизданная переписка. – М.: Наука, 1976. – С. 82-83.

ходилаась 'огромная библиотека ценнейших изданий XVIII века, масса книжных редкостей, иллюстрированные издания Франции и Голландии XVII-XVIII веков'. В ответе отдела охраны памятников от 15-го марта 1919-го года³⁵ говорится, что предложение Горького несколько запоздало и ещё осенью 1918-го года многие ценности из перечисленных им имений уже были вывезены. А в справке подотдела провинциальной охраны зафиксировано, что библиотека из усадьбы Скарятиных 'в очень плохом виде доставлена в Орёл в губернскую библиотеку. Из 20000 томов доставлено 8000 разрозненных, где остальное неизвестно'³⁶ ...

Злочевский приводит следующую справку: 'Скарятин В.В. с.Троицкое Малоархангельского уезда Орловской губернии. Родовая библиотека (свыше 20000т.) содержала много книжных редкостей, иллюстрированных французских и голландских изданий XVII-XVIII вв., большое количество книг по истории Французской буржуазной революции. Часть этого собрания была расхищена и уничтожена. Только 8000т. вывезли из усадьбы в Орловскую центральную библиотеку, откуда в 1918г. все эти книги передали Саратовскому университету'³⁷ ...

---

³⁵ Архив А. М. Горького. Т. 14. Неизданная переписка. – М.: Наука, 1976. – С. 84.

³⁶ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 30. Д. 52. Л. 44.

³⁷ Злочевский Г. Д. Синодик усадебных библиотек // Библиография. – 1997. №4. – С. 117.

В редком фонде ООПБ им И. А. Бунина была выявлена 71 книга из библиотеки Скарятиных. На форзац каждой из них наклеен экслибрис, некоторые из книг имеют надписи о принадлежности тому или иному представителю рода. Все книги были внесены в инвентарь в 1945-46 годах, когда сотрудники библиотеки занимались регистрацией её основного фонда, сохранившегося в годы оккупации³⁸. Следовательно, книги эти не могли быть вновь переданы в Орёл из Саратова и оставались в фондах библиотеки с 1918-го года. Почему так случилось, сегодня можно только предположить. Решение о передаче 8000 книг из Орла в Саратов могло быть принято только на общероссийском уровне. Однако местные исполнители подошли к его выполнению не вполне ответственно и часть книг просто проглядели. Причём сделано это было случайно, поскольку осталось далеко не самое ценное, и к тому же в разрозненных томах. Подтвердить эту догадку фактами пока не представляется возможным, поскольку вся учётная довоенная документация библиотеки утрачена ..."

Далее в своей статье Юлия Вячеславовна даёт детальное описание экслибрисов и прочих характеристик томов, осевших в редком фонде библиотеки Орла, что позволяет безошибочно определить тех представителей рода Скарятиных, благодаря которым данные книги некогда пополнили

---

³⁸ Отчёты о работе Орловской областной библиотеки им. Н. К. Крупской за 1945 и 1946 года (хранятся в архиве ООПБ им. И. А. Бунина).

богатейшее собрание: Николая Васильевича, приходившегося родным дядей нашему с Ириной общему предку – знаменитому Якову Фёдоровичу, третьего и четвёртого сыновей Якова Фёдоровича – Владимира (деда Ирины) и Александра, а также родного брата Ирины – Михаила (о них и не только я достаточно подробно рассказывал в предыдущем романе *"Миры Эры. Книга Первая. Старая Россия"*).

Bibliotheca
Skarlatiniana

LITH. CARVIN-EMPEREUR. N. 12.

№ 2 Книж. Николая
Саратова Скарлатина

Типовой экслибрис библиотеки Скарятиных и надпись о владельце книги – Николае Васильевиче Скарятине

BIBLIOTHEQUE

DE

Mr M. Skariatine

N° 9

Экслибрис на книгах, добавленных в библиотеку Михаилом (Мики) Скарятиным, братом Ирины

Основываясь на информации из этой статьи и на дневнике Ирины, я обратился с запросом в Зональную научную библиотеку Саратовского университета, получив очень быстрый и весьма обстоятельный ответ от заместителя директора по научной работе Алексея Валериевича Зюзина.

К сожалению, по его словам, никаких сведений о книгах из коллекции Скарятиных ни в инвентаре ЗНБ СГУ, ни во всех опубликованных материалах о поступлениях с 1917-го по 1920-ый годы найдено не было. Ничего не дали и поиски в составленном ранее перечне экслибрисов и штампов, присутствующих на изданиях в библиотечных фондах.

Несмотря на это, Алексей Валериевич высказал следующее предположение: *"Возможно, книги из этой родовой библиотеки и были доставлены в Саратов, но поступили в краевой распределитель. Оттуда они были распределены среди нуждавшихся библиотек города либо отобраны для передачи в пункт для продажи изданий за границу. Архивная часть материалов по истории ВУЗа того времени в Государственном архиве Саратовской области сгорела. Оставшиеся документы ссылок на искомую библиотеку не имеют"*.

Как бы то ни было, я, пусть и крайне расстроившись из-за такого результата, не теряю надежды на то, что с великим

трудом и тщанием накопленные родом Скарятиных старинные фолианты, не сгинув втуне и оставшись в России, всё же хранятся ныне в подходящих условиях в каких-то госучреждениях, продолжая радовать ценителей редкой литературы и исследователей истории, и когда-нибудь всплывут в поле моего зрения, о чём я непременно напишу.

Что же касается судьбы самой усадьбы, то здесь, благодаря сохранившимся в Государственном архиве Орловской области (ГАОО) бесценным бумагам, мне удалось отыскать гораздо больше фактов, поэтому история сия и трагична, и поучительна, и местами даже сатирически смешна (если бы не было так грустно).

Не думаю, что есть смысл повторять те красочные описания дореволюционного устройства этого прекрасного места, которые уже были приведены в первой книге данного цикла (особенно детально – в главах "*Троицкое*" и "*Знакомство*"). Однако стоит отметить, что в дополнение к ним в ГАОО нашлось несколько дел земского добровольного страхования с рисованными планами, детальными описаниями и оценкой строений не только в пределах комплекса самой усадьбы, но и находившихся неподалёку – как в Троицком, так и в соседних селениях – и тоже входивших в недвижимость Генерала, включая дом винокура при Скарятинском спиртзаводе, дом садовника в селе Красном и водяную мельницу с амбарами, лабазами, толчейей и прочим подсобным хозяйством "при селе Красном, на реке Трудах, что на 'Быках' ", кото-

рую у Генерала арендовали Георгий Фёдорович и Ольга Ивановна Головины – мои прапрадед и прапрабабка по линии знаменитого на Орловщине купеческого рода, породнившегося с местными дворянами Скарятинными и Башкатовыми (сын Георгия Фёдоровича и Ольги Ивановны Григорий, мой прадед, женился на дочери Ореста Дмитриевича Башкатова – "дяди Роро", как звала его Ирина, упоминая в своём рассказе *"Именины Генерала"*, вошедшем в предыдущий роман цикла, – и Варвары Дмитриевны Скарятиной, кузины Генерала, Татьяне, моей прабабушке). Оказалось, что "дядя Роро" был не только "дальним родственником семьи Генерала по женитьбе" и его другом, но и по совместительству страховым агентом, который и составил в 1914-ом году найденный мной в закромах ГАОО страховой договор на все здания усадебного комплекса в Троицком. Общая стоимость этих 9-ти строений (три дома, три флигеля, контора, скотный двор и конюшня) оценивалась в 47500 рублей, что по тем временам было весьма большими деньгами, а страховая премия за год, казённая пошлина и гербовый сбор в сумме давали 129 рублей 40 копеек. Из дополнительных односторонних договоров, составленных "по расчёту прошлого года", явствует, что Генерал ежегодно продлял страховку, оплатив её в последний раз на период с 12-го марта 1917-го года по ту же дату 1918-го. Чуть более чем через полгода стало ясно, что страховка уже не покрывает никаких потерь – застрахованное имущество было отнято целиком. А ведь оно было необы-

чайно красивым и могло бы в советские времена стать хотя бы музеем, как иные дворянские усадьбы, которым повезло больше. По словам княжны Кантакузиной-Сперанской: *"Парадные залы ... были поистине прекрасны, очень пропорциональны и обставлены мебелью, доставшейся от Наполеона предку хозяев, генерал-фельдмаршалу Румянцеву-Задунайскому ... Даже конюшни в имении были построены в той же пышной манере, что было не свойственно для России, где подсобные помещения усадеб мало чем отличались от крестьянских домов ..."*

Фотографии дореволюционного внешнего вида и интерьера усадьбы в Троицком:

Страницы договора о земском добровольном страховании усадьбы в Троицком:

№ 150486

АРХИВЪ № 2056 а 80 см. в с 2

АГЕНТСТВО

г. Нарва

кварт. квитанц. № 3518
обновленіе полса № 109755

Взаимное Земское Страхование отъ огня
Орловской Губерніи.

1914 г. Мясяца 12 дня получено отъ Управляющаго
Иванова Николаевича Скородумова
Николая Ивановича Удольскаго

за страхованіе имущества въ суммѣ Руб. 47500 на

годъ _____ мѣсяць _____ дни _____

съ 12 го Мясяца 1914 г.
по _____ о _____ 1915 16-27

Страховой преміи по расчету	105	Руб. 90	Коп.	21-18
Казенной помилки	22	Руб. 25	Коп.	
Гербового сбора	1	Руб. 25	Коп.	
ИТОГО	129	Руб. 40	Коп.	

МѢСТОНАХОЖДЕНІЕ Н.д.

Городъ: _____ часть: _____ кварталъ: _____ улица: 55

а или дворового мѣста _____

Уездъ: Малоярославскій волость: Скородуминская деревня: Морозова

Домовладѣлецъ: Генералъ Леопольдовичъ В. В. Скородумовъ

Расчетъ преміи. Сед. Кв.

ФЕВ. ТИ. С. А. ЗАПИСЕЙ. 2063

Годъ страх. 18

№	Страховая сумма Р.	№ №	Наименованіе застрахованныхъ предметовъ	Родъ постройки.	Крыша.	Годъ страх.		
						Преміи съ 100 р. въ коп.	Расчетъ преміи. Руб. К.	
	5000	1	Домъ	Дерев. Кирпичная	Челюбинская	16-15	25	50
	5000	2	Домъ				8	93
	20000	3	Домъ				35	43
	1500	4	Складъ			21-15	2	68
	2000	5	Складъ двора				5	40
	3000	6	Кемпингъ				8	10

Дѣло № 2084 а 96

АГЕНТСТВО

Керома

Взаимное Земское Страхование Орловской губерніи.

1917 года *Мартъ* 20 дня получено за страхование имущества принадлежащаго (звание, натиі) *Генералъ Михаилъ Владимировъ Владимировъ*

Скаринскій

дварит. квит. № *6896*

обновление квитанц. *5674*

№ _____

охов. новое или возобновленное?

Возобновленное

На 1 годъ мѣс. _____ дней въ суммѣ *47500* руб.

съ *12* го *Мартъ* 1917 г.

по _____ о _____ 1918 г.

Страховой преміи по расчету . . . . . *90* руб. *40* коп.

Казенной пошлины . . . . . *24* руб. *12* коп.

Гербового сбора . . . . . *2* руб. _____ коп.

ИТОГО . . . . . *114* руб. *52* коп.

Мѣстонахождение:

(Гор., приг., сл., сел., отд. ус. внѣ черты, пос. усад. въ чертѣ, пос. посел. 1-го, или 2-го раз., хутор. уч., мелк. пос.)

часть _____ кварталъ _____ улица _____

Машеградскіе волость *Скаринская* деревня *Турбаски*

По та-
рифу.

Движимость въ строенияхъ:

Годъ страх. *16*

Статья сумм.	№ №	Наименованіе застрахованныхъ предметовъ.	Родъ постройки.	Крыша.	Премія за кажды со 100 р въ коп. и над- бавки въ %/100	Расчетъ премии. руб. к.
<i>47500</i>		<i>Страны</i> Возобновлено по расчету прошлаго года.				<i>90 40</i>

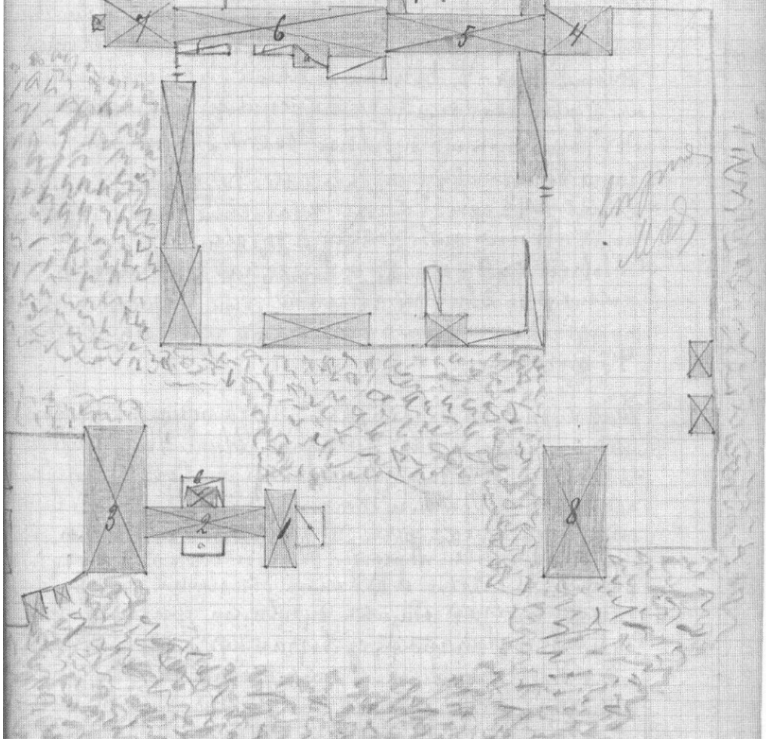

№ 2115

812

ЗЕМСКОЕ ДОБРОВОЛЬНОЕ СТРАХОВАНИЕ.

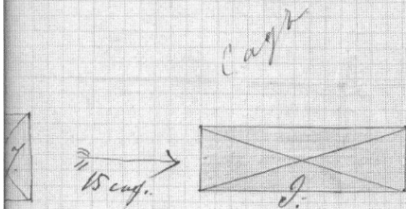
Планъ, описаніе и оцѣнка строеній принадлежащихъ Генералу Лейтенанту Владиміру Владиміровичу Скарятину
Состоящихъ при с. Троицкомъ, Скарятинской волости,
Машовардатовской уѣзда.

ЗЕМСКОЕ ДОБРОВОЛЬНОЕ СТРАХОВАНИЕ. 761

Планъ, описаніе и оцѣнка строеній принадлежащихъ Генералъ-лейтенанту Владиміру Владиміровичу Скаржиниу
Состоящихъ при С. Троицкомъ, Скаржинской вѣсѣи
Маловархатинскимъ урда

М.С.

1. Дом деревянный, на каменном фундаменте, высот
 1 арин, длина 5 арин, ширина 1 арин. Крыша двускатная. Двери 2
 ширины 1 арин, высота 1 арин. Мухомор
 над порогом ступень и одна преддверная на 20 арин
 на садовую сторону отступают 1 арин; потолок от
 ступень, и каменная. Плиты ступень; высота ка
 5 1/2 арин; пол из дубовых паркетов; ступень в 3 комнаты
 из материи, а в 2^ю комнату и коридор из
 9 арин ступень от дубовым паркетом, 1 дверь
 ступень дубовый ступень 4, мухомор 2 ступень
 отступают - 4. Дверная комната, высота ступень а
 на деревянный, отступают ступень ка
 14 x 7 арин, пол из дубовый высота 3 каменного ступень
 7 арин. Дверь и ширина дубовый. Крыша ступень: высота
 каменного 4 1/2 арин; ступень каменная; пол дубовый
 камен. Пол из ступень от дубовым паркетом. Д
 дубовый ступень ступень, ступень 2 и
 пол ступень 6. Дверь пол камен, отступают ступень
 камен одна от кубов, преддверная ступень
 4^ю ступень.

2. Дом кирпичный, одноэтажный, на каменном фундаменте
 высота 1 арин, крыша двускатная. Длина 4 арин, ширина
 высота ступень 6 арин, ширина 1 арин. Дверь преддверная ка
 над ступень на 1 арин, и 3 ступень на 7 арин камен. Ступень
 ступень отступают ступень, потолок ступень отступают
 ступень, пол дубовый паркетом. Дверь ступень отступают
 паркетом 11 и пол ступень ступень, на 2 арин. Дверь
 ступень в ступень отступают дубовым ступень. Д
 дубовый ступень, ступень 5, мухомор 1 ступень
 и одна дверь отступают. Ступень в одной камен, на 14
 отступают материи и в одной, на 7 арин, высота 4 арин
 отступают дубовым паркетом. Дверь пол камен, ка

83
Описание строений.

турецки; поитан ашукатурены. Подъ вышю, дубовая паркетна, вверху крашеная. Стены и восточу 2 арш. обшиты дубовым фрезерованым Дубом под лаканка, каретным. Окна дубовыя, створчатые - 4; двери дубовыя фрезерованыя, створчатые 2, из коих одна створчатая, и во дубовом инкруст. 2 одинаковыя; изущина вышю, инкруст. восточу 2 арш. в) балком на дубовом ашукатуреныяго абакаго, и цементными плитами.

Два дубовыя шкафа, киртовый, на каменистой фундамента, вышю 1 арш, кресты фрезерован, длина 5 1/2 арш, ширина 2 1/2 арш, вышю створки 1 1/2 арш, инкруст. 1 арш. Стены обшито створчатые и турецкие поитан ашукатурены киртовым и в 1 коштам на 13 в. арш. Крашеная малярная краской Моты 1 1/4 коштам и 3 арш. крашеные, в восточу на 13 1/2 арш. цементными, а в вышю створчатые дубовые паркетные киртин створки: Стены в 1 коштам, в восточу 2 арш. обшиты дубовым фрезерованым, равно и окраска в окрас; в восточу коштам на 3 1/2 арш. обшито материей, а в остальней стинны крашеные. Окна створчатые, во дубовым рамками - 2. Двери фрезерованыя створчатые - дубовыя 15, и крашеные - 7, одинаковыя, фрезерованыя дубовыя - 3 и 4 коштам.

В восточу, вышю паркет киртовое, крашеные; дубовый камин дубовый и 1 киртовый. Два дубовыя киртовыя в восточу створки, в восточу створки: Стены крашеные; окна створчатые во дубовым рамками 30; двери фрезерованыя, крашеные створчатые 3, одинаковыя 7 и 4 одинаковыя дубовыя. В восточу каретныя киртовыя 4. Два камин каминныя, и 3 киртовыя, в восточу 2 киртовыя каминныя створки, из коих одна на 3 арш и 4 киртовыя.

8. Фрезерован киртовый в 2 створки, кресты фрезерован. Длина 5 1/2 арш, ширина 2 1/2 арш, вышю створки 1 1/2 арш. Дверь киртовыя, 5 киртовыя, каминныя створки Моты и восточу восточу; 3 1/2 арш; 1 в двери киртовыя; 11 киртовыя киртовыя фрезерованыя в 2 створки, кресты фрезерован. Длина 2 арш, ширина 2 арш, вышю створки 1 арш. Два киртовыя и 2 киртовыя каминныя створки, киртин створки киртовыя, киртин створки. Подъ восточу, в восточу, двери два киртовыя.

9. Стеновая - каминная, восточу фрезерован. Длина 6 1/2 арш, ширина 1 1/2 арш, вышю 5 арш. Киртин 2 створки и 4 киртовыя. Моты в восточу. Два киртовыя киртовыя.

10. Каминныя, каминныя, кресты фрезерован. Длина 8 арш, ширина 1 1/2 арш, вышю 1 арш. Киртин 3 киртовыя и 14 киртовыя. Моты в восточу. Два киртовыя киртовыя.

11. Каминныя, киртовыя, в 2 створки, кресты фрезерован. Длина 2 арш, ширина 2 арш, вышю 1 арш. Два киртовыя и киртовыя каминныя створки.

Описание строений.

9. Флигель каменный, крыша френшланд. Две
 двери, ширина 13 арш. Высота ступеней
 одна поперечная, капитальная стена и ее
 продолжение и две поперечные дворами перед
 стеной, толщина 1 арш. Внутри аштукатур
 Потолок двоякий, аштукатурен обоями
 Пары доплатки, крашеные. Окна сибирские
 с железным рамом 14. Двери френшланд
 сибирские, крашеные 5, доплатки
 и три престола. Четыре колонны, круглые
 и гусиная и черная и кубовая.

Визьнка строений.

№ №	Фундаментъ и камен. стѣны.	Стѣны деревянные.	Крыши.	Внутреннее устройство.	Итого оцѣнка.	Страхов. сумма.
1.	200	2800	800	6200	10000 ✓	5000
2.	2500	—	900	6600	10000 ✓	5000
3.	10000	—	3000	27000	40000 ✓	20000
4.	1500	—	800	200	2500 ✓	1500
5.	1500	—	1200	800	3500 ✓	2000
6.	2200	—	1500	1300	5000 ✓	3000
7.	2000	—	800	1200	4000 ✓	3000
8.	6000	—	2000	2000	10000 ✓	5000
Итого.					85000 ✓	44500

Примѣчанія.

- Состояніе строеній свѣдѣніа и прѣдѣла и содержаній вѣдомств
и прѣдѣла
- Сосѣдство

Об'єкція строєній.

№ №	Фундаментъ и камен. стѣны.	Стѣны деревянныя.	Крыши.	Внутреннее устройство.	Итого оцѣнка.	Строительств.
9.	1200	—	800	1500	3500	300
Итого .					3500	300

Примѣчаніе:

1. Состояніе строєній : *свѣдѣній*

2. Сосѣдство

И были представители новоявленной власти, это осознававшие. Достаточно привести "крик души" узкома (уездного комиссара) Вольнова, который не перестаёт меня поражать (я даю его в том же виде – без знаков препинания, – каким он предстаёт в телеграмме от 13-го ноября 1917-го года): *"Из Скарятинно телеграфируют культура веков гибнет именуе Скарятинно накануне разгрома спасите богатство Родины ради Бога вышлите солдат прошу сегодня же выслать хотя 15 пехотинцев охраны именуя на станцию Русский Брод через Верховье"*.

Однако призыву этого прекрасного человека не вняли, и всё произошло так, как произошло. Из записи в Иренином "Дневнике Революции" от 7-го (20-го) декабря 1917-го года мы знаем, что к тому моменту уже творилось в усадьбе. Напомню лишь краткий отрывок: *"... Мне дошло письмо с описанием происходящего в поместье от одного из старых слуг. Он пишет, что в доме живут матросы, правда, не объясняя, как они могли там оказаться. Те украли всё, до чего смогли дотянуться – мебель, картины, фарфор, бельё – всё! Разумеется, первым делом был совершён налёт на винный погреб, и это было сделано наипощательнейшим образом. От дома вот уже несколько дней отъезжают огромные грузовики, гружённые всевозможным скарбом, но куда они держат путь, ему не известно ..."* Из обнаруженной в ГА-

ОО приличной стопки телеграмм, отправленных друг другу представителями разнообразных ветвей советской власти, стало всё предельно понятно и про то, откуда взялись матросы, и про то, какая там царила вакханалия, сопровождавшаяся конфликтом меж участниками раздела дворянского имущества на всех уровнях, желавшими заполучить как можно больше ценностей *"для использования их в культурно-просветительных целях"* (и никак не иначе). Страсти кипели нешуточные, и дело доходило до арестов одних участников противостояния другими, так что конфликт даже привлёк внимание на самом верху – в лице Председателя ВЦИК Якова Свердлова, повелевшего Орловскому Губисполкому разобраться в ситуации и доложить о результатах. А тот в свою очередь передал запрос в Орловский Губземотдел.

С этого момента на сцене появляются ключевые герои трагикомедии: заведующий Губземотделом Азаров, представитель Губземотдела Пизенков, инструктор Губземотдела Бахвалов со своим помощником матросом Паршиным (и отрядом из ещё 4-х матросов), заведующий Малоархангельским уездным Уземотделом Войтасик, командир вооружённого отряда Уземотдела Сухинин и председатель Скарятинского волостного отдела по народному образованию Захаров. Согласно выявленным позже фактам, всё началось с приезда в Троицкое Бахвалова с Паршиным и прочими матросами, которое ярко описал в своём письме Ирине её старый слуга. Несмотря на то, что Бахвалов действовал якобы

от лица Губземотдела (что на деле оказалось не так, поскольку годом позже, в октябре 1918-го, Азаров в своём рапорте Губисполкому напишет следующее: *"Препровождая при сём выписку из доклада моего Губисполкому от 5-го августа с/г., сообщаю, что в деле Земельного Отдела, как такового, не имеется никаких данных, указывающих на то, что свозка мебели производилась для Отдела. Очевидно, что это было личным распоряжением бывшего Комиссара Дыбенко. Опись названного имущества после принятия мною Отдела составлена и в случае надобности может быть препровождена в Губисполком"*), творимое матросами выходило за все мыслимые рамки, о чём прознали в Малоархангельском Уземотделе, в результате прислав отряд, арестовавший Бахвалова и Паршина (остальные четверо матросов были спешно отправлены в Орёл по приказу из телеграммы Азарова, посланной Бахвалову через Скарятинский волостной земельный комитет). Летит телеграфное послание Азарова и Войтасику, а в нём – требование объяснить причины ареста. Вместо Войтасика ответ приходит от лица самого Бахвалова и содержит такой текст: *"Арестованы. Обвинения не предъявлено, вышлите срочно члена"*. Этим членом становится Пизенков, который по прибытии вот что шлёт Азарову: *"Бахвалов арестован Малоархангельским отрядом по распоряжению Узеполкома, находящимся в Скарятино. Причины ареста не выяснены. Остаётся имущество неприкосновенно. Телеграфируйте, что мне делать. Отряд пока не высылай-*

те". И Азаров отдаёт ему приказ: *"Впредь до выяснения вопроса ареста Бахвалова оставайтесь в Скарятине, охраняя имущество"*. Однако время идёт, Бахвалов с Паршиным сидят, а выяснение причин между Губземотделом и Уземотделом не продвигается ни на вершок. И тогда Пизенков, хорошо зарекомендовавший себя в среде местных волостных коллег и заручившийся их поддержкой, решает взять на себя дальнейший вывоз вещей *"по уполномочию Губземотдела"*, на что Азаров даёт добро, выслав телеграммы в Уземотдел и Волземотдел с просьбой *"оказать содействие и не препятствовать"*.

И тут начинается второй акт пьесы, в котором на подмостки резко выскакивает Захаров, сталкиваясь с Пизенковым в тот миг, когда ничего уже вроде не предвещает беды. Обо всём этом ярко повествует объяснительная записка Пизенкова, позже (уже после вмешательства Свердлова) составленная на имя Азарова (даю её с сохранением всех авторских оборотов и пунктуации):

"Никаких конфликтов и недоразумений между Губземотделом и Скарятинской волостью не было. Дело заключается в следующем:

По приезде в Скарятинскую волость, в качестве представителя от Орловского Губземотдела, там уже находился Малоархангельский отряд т.Сухинина, который по телеграмме Уисполкома, арестовал инструктора Бахвалова и его помощника матроса Паршина. На вопрос: почему аре-

стован Бахвалов, т.Сухинин показал мне телеграмму Уисполкома, в которой сказано: 'немедленно арестовать Бахвалова и других за вывоз вещей из быв. имения Скарятина', в общем, это дело кончилось тем, что Бахвалов и Паришин до сего времени пребывают в заключении, между тем Бахвалов вывозил вещи по распоряжению Губземеотдела. Начатую работу Бахваловым (вывоз вещей), я взялся продолжить, что мною и сделано.

Работу я производил в полнейшем контакте с местным Исполкомом и Земеотделом.

При погрузке для отправки на станцию Русский Брод вещей, ко мне приходит представитель, вернее человек (ибо, насколько я знаю, его никто не уполномочивал) из местного Отдела по Народному Образованию, с прилагаемым при сём заявлением, настоятельно прося об удовлетворении его тем, что значится в заявлении. Как человек во-первых, как представитель от Центральной Губернской Власти во-вторых, я считал преступным для себя не пойти им навстречу. Обсудив с Председателем местного Земеотдела надобность в просимых вещах, мы решили удовлетворить их тем, что действительно им необходимо для нужд, главным образом, чисто просветительных, но отнюдь не для обстановки комнат учителей, что больше всего, как видно, они имели в виду. Посему мною оставлено большое количество просимого в заявлении простой мебели в ущерб мягкой; мягкой же я счёл нужным оставить столько, сколько, по-мое-

му, следует для нужд предполагаемых спектаклей. Когда я высказал ему (фамилия его – Захаров) свои соображения по этому поводу, несомненно он был этим не удовлетворён, с видом угрозы ответил мне: 'В таком случае я беру на себя инициативу немедленно созвать волостной сход и не допустить вывоз вещей из нашего имения'.

Из бесед с Председателем Скарятинского Волисполкома и Председателем Земеотдела выяснилось, что как раз перед этим было созвано собрание Волисполкома, где обсуждали как раз этот вопрос и после прений постановили: предоставить усмотрению тов. ПИЗЕНКОВА. Такое постановление, как видно, не удовлетворило тов. Захарова, и он решил перед этим не останавливаться. Последствия запугивания волостным сходом осталось 'гласом вопиющего в пустыне' он решил обращаться дальше, и результат его дальнейшей работы – телеграмма из центра тов. СВЕРДЛОВА.

Из всего этого я усматриваю исключительный каприз тов. Захарова и старание обставить помещение своё и своих коллег-учителей комфортом снаружи, полагая, что наружная 'прелесть' прикроет их внутреннюю **безсодержательность**, **если таковая есть** (в черновике вместо выделенной сначала была другая фраза: 'пустоту, в наличии коей я не сомневаюсь', – позже тщательным образом зачёркнутая – А.Б.-С.). Возмутительно то, что тов. Захаров, насколько я узнал, всячески и всегда старается подорвать авторитет Советской Власти, развращающе действуя на массы

крестьян".

Так и осталась неизвестной дальнейшая судьба Бахвалова и Паршина, а также притязаний Захарова на мягкую мебель, но факт остаётся фактом: многие десятки столов, стульев, шкафов и зеркал были распределены среди дюжины волостных школ и канцелярий отдела по народному образованию. Позже восемь из девяти капитальных сооружений национализированного имения были разобраны по брёвнышку и кирпичику. Сохранилась только часть главного здания – и то лишь первый этаж с заделанными оконными проёмами и врезанными металлическими воротами – и, согласно кадастровому описанию объекта на сайте Росреестра, она имеет нынче такой вот тип разрешённого использования: *"Для обслуживания и эксплуатации кормоцеха для свиней (хозяйственные постройки)"*. Были целиком разрушены и родовая церковь вместе с семейным склепом в Троицком, и комплекс водяной мельницы при Красном. Когда в 1999-ом году на Орловщину из-за границы приезжала Наталья Грин-Скарятинна, дочь Ирининога брата Михаила, местные власти смогли показать ей лишь ещё в ту пору работавший спиртзавод, некогда возведённый её предками. Но и тот уже давно закрыт и постепенно разрушается.

Телеграммы, запросы, доклады и прочие материалы по поводу вывоза ценностей из усадьбы в Троицком:

Телеграфъ

Телеграмма

Въ

ОРЕЛЪ ГЛАВНОМУ КОПИИ НАЧАЛЬНИКУ
ТАРИНСКОМУ

*До начальника
Туркестанского
Генерал-губернатора
по телеграфу*

*Телеграмма
№ 1111
29*

Изъ

МАЛОАРХАНГЕЛЬСКА

№

212

13 II 7

Принята

М.Х. 94/1725

Отъ

Полунина

Приняла

Разр.	Счета слов.	Подана.
	40 сл.	II II 45 м. получу
	сл.	
	ш.	

Служебная отметка.

Изъ СКАРЯТИНО телеграфируют культура вѣков гибнет имѣние

СКАРЯТИНО накануне разгрома спасите богатство родины ради

Бога вышлите солдат прошу сегодня же выслать хотя 15 пѣхотинцевъ

охраны имѣнія на станцію РУССИИ БРОДЪ через ВЕРХОВВЕ

УЗКОМ ВОЛЬНОВЪ 3986.

Телеграфъ

Телеграмма

СРОЧНАЯ ОРЕЛЪ ГУБИСПОИДОМ

Изъ

ОРЕЛЪ МОСКВЫ

33429

ОР

20

27

14

3Е

№

дата

10 1911 г.

№

43

приняла

Разр.	Счета слов.	Подана.
	т.	
	сл.	
	ш.	

Служебная отметка

№ 10831

Отдѣлено

Копія

Скарятино

Воззеком Бохвалову

Срочно высылайте четырех матросов в Орел

Губземотдѣл Аваров .

Вѣрно: Дѣлопроизводитель

78
76

Копія.

Малоархенгельск

Уземотдѣл Войтасику

Выясните причины ареста инструктора Бохвалова, по
выясненіи телеграфируйте №388. Губземотдѣл

Вѣрно: Дѣлопроизводитель

77
78

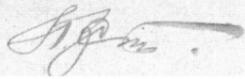
Копія.

Орел Губземотдѣл № 291

Малоархангельск

Арестованы. Обвиненія не предъявлено, вышлите
срочно члена . Бохвалов

Вѣрно: Дѣлопроизводитель

78
79

Копія.

Малоархангельск Уземотдѣл

Срочно примите мѣры к освобожденію Бохвалова и Паршина точка
Вещи ими отправлялись по распоряженію Губземотдѣла точка

82
83

Орел Губзѣмотдѣл Скарятинѣ

75 74

Бохвалов арестован Малоархангельским отрядом по распоряженію Уезполкома, находящимся Скарятинѣ
Причины ареста не выяснены точка Остается имущество неприкосновенно точка Телеграфируйте, что мнѣ дѣлать
Отряд пока не высылайте Пизанков

Вѣрно: Дѣлопроизводитель *[Signature]*

Копія

Скарятинѣ. Пизанкову

76
77

Впредь до выясненія вопроса ареста Бохвалова оставайтесь Скарятинѣ охраняя имущество Азаров

Вѣрно: Дѣлопроизводитель *[Signature]*

Копія

81
82

Губзѣмотдѣл Орел

Орел-Скарятинѣ

Телеграфируйте Малоархангельск и Скарятинѣ не препятствовать вывозу вещей .Пизанков

Вѣрно: Дѣлопроизводитель *[Signature]*

Копія.

78
80

Малоархангельск Уземком

Копія Скарятинѣ Волостной Зѣмотдѣл

Губзѣмотдѣл предлагает оказать содѣйствие и не препятствовать вывозу вещей Тов Пизанковым по

РОССИЙСКАЯ
Федеративная Советская
РЕСПУБЛИКА.

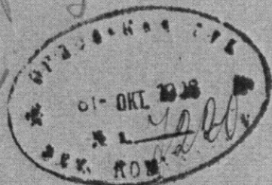
ОРЛОВСКИЙ ГУБЕРНСКИЙ
ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
СОВЕТА Р. С. и К. Д.

В Орловский Губземаком.

5/18 дня 1918 г.

№ 15988

г. Орел.

Препровождаю при сем телеграмму
из Москвы Председателя ВЦИК Свердлова
за № 25030, Президиум Орловского Гу-
бернского Исполнительного Комитета
Совдепа предлагает Вам дать справку
по содержанию таковой.

Председатель

Секретарь

Российская Социалистическая
Федеративная Советская
РЕСПУБЛИКА.

Н. К. З.
ОРЛОВСКИЙ
Губернский Исследовательный Комитет
Совета Р., К. и Кр. Д.

ЗЕМЕЛЬНЫЙ ОТДЕЛ

Часть Земельной политики

Отделение Общее

17 септября дня 1918 г.

№ 8568

г. Орел.

Адрес для телеграмм: „ГУВЗЕМОТДЕЛ“.

ВЪ ГУБИСПОЛКОМЪ.

Препровождаю при семъ выписку изъ доклада
моего Губисполкому отъ 5-го августа с/г., сообщая,
что въ дѣлѣ Земельнаго Отдѣла, какъ такового,
не имѣется никакихъ данныхъ, указывающихъ
на то, что свозка мебели производилась для Отдѣла.
Очевидно, это было личнымъ распоряженіемъ
бывшаго Комиссара Дибенко. Списокъ названнаго иму-
щества, къ моменту принятія мною Отдѣла составленъ,
и въ случаѣ надобности можетъ быть препро-
вождена въ Губисполкомъ.

Завѣдующій Земельнымъ Отдѣломъ
при Орловскомъ Губисполкомѣ
Управляющій Частью Текушей
Земельной Политики

ЗАВѢДЫВАЮЩЕМУ ОРЛОВСКИМЪ ГУБЕРНСКИМЪ ОУДѢЛОМЪ ГУБИ. ПО. КОМ. 1.

86
87

Никакихъ конфликтовъ и недоразумѣній между Губземотдѣломъ и Скарятинской волостью не было. Дѣло заключается въ слѣдующемъ:

По прїѣздѣ въ Скарятинскую волость, въ качествѣ представителя отъ Орловскаго Губземотдѣла, тамъ уже находился Малоархангельскій отрядъ т. Сухинина, который въ телеграммѣ Уисполкома, арестовалъ инструктора Бахвалова и его помощника мажорса Паршина. На вопросъ: почему арестованъ Бахваловъ, т. Сухининъ показалъ мнѣ телеграмму Уисполкома, въ которой сказано: "немедленно арестовать Бахвалова и другихъ за вывозъ вещей изъ быв. имѣнія Скарятина, въ общемъ это дѣло кончилось тѣмъ, что Бахваловъ и Паршинъ до сего времени прибываютъ въ заключеніи, между тѣмъ Бахваловъ вывозилъ вещи по распоряженію Губземотдѣла. Начатую работу Бахваловымъ /вывозъ вещей/, я вѣдлая продолжить, что мною и сдѣлано."

Работу я производилъ въ полнѣйшемъ контактѣ съ мѣстнымъ Исполкомомъ и Земстдѣломъ.

При погрузкѣ для отправки на станцію Русскій Бродъ вещей, ко мнѣ приходитъ представитель, вѣрнѣе человекъ /ибо, насколько я знаю, его никто не уполномочивалъ/ изъ мѣстнаго Оудѣла по Народному Образованію, съ прилагавшимъ при семъ заявленіемъ, настоятельно прося о удовлетвореніи его тѣмъ что значится въ заявленіи. Какъ человекъ во-первыхъ, какъ представитель отъ Центральной Губернской Власти во-вторыхъ, я считалъ преступнымъ для себя не пойти имъ навстрѣчу. Обсудивъ съ Предсѣдателемъ мѣстнаго Земстдѣла необходимость въ просимыхъ вещахъ, мы рѣшили удовлетворить ихъ тѣмъ, что дѣйствительно имъ необходимо для нуждъ, главнымъ образомъ, чисто просвѣтительныхъ, но отнюдь не для обстановки комнатъ учителей, что болше всего, какъ видно они имѣли въ виду. Посему мною оставлено большое количество просимаго въ заявленіи простой мебели въ ущербъ мягкой; мягкой же я счелъ нужнымъ оставить столько, сколько по моему слѣдуетъ для нуждъ предполагаемыхъ спектаклей. Когда я высказалъ ему /самлія его-Захаровъ/ свои соображенія по этому поводу, несомнѣнно онъ былъ этимъ неудовлетворенъ, съ видомъ угрозъ отвѣтилъ мнѣ: "въ такомъ случаѣ я беру на себя инициативу немедленно созвать волостной сходъ и недопустить вывозъ вещей изъ нашего имѣнія."

Изъ сѣзды съ Предсѣдателемъ Скарятинскаго Воисполкома и Предсѣдателемъ Земстдѣла выяснилось, что какъ разъ передъ этимъ было созвано собраніе Воисполкома, гдѣ обсуждали какъ разъ этотъ вопросъ и послѣ преній постановили: предоставить усмотрѣнію тов. ПИЗЕНКОВА. Такое постановленіе какъ видно не удовлетворило тов. Захарова и онъ рѣшилъ передъ этимъ не останавливаться. Послѣдствія заугриванія волостнымъ сходомъ остались "гласомъ вопиющаго въ пустынь" онъ рѣшилъ обратиться далѣе и результатъ его дальнѣйшей работы-телеграмма изъ центра тов. СЕВЕРДОВА.

Изъ всего этого я усматривалъ исключительный капризъ тов. Захарова и стараніе обставить помѣщеніе свое и своихъ коллегъ-учителей комфортабельно снаружи, полагая, что наружная "прелесть" прикроетъ ихъ внутреннюю безосдержательность, если такаякая есть.

Воамутительно то, что тов. Захаровъ настолько и узнали, вслѣдствіи и всегда старается подорвать авторитетъ Совѣтской Власти-развращавше дѣйству на массы крестьянъ. А. Пизенковъ.

Съ подлиннымъ вѣрно:

Дѣлопроизводитель

И. И. И.

90

ОБЛАСТНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА

ОРЛОВСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЗЕМЕЛЬНОГО КОМИССАРИАТА

Т-ДУ НИЗИНКО

24 мая 1938 г.

1938

Представляя вам все смету СКАРЯТИНСКОГО ВОЛОСТНОГО ОТДЕЛА ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ на июль для нужд школ и КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОГО ОТДЕЛА Скарятинского волости, Исполнительный Комитет, возложил свое задание Вам как председателю 3-й пунки областного заседания Скарятинского Волостного Исполкома от 23 сентября С/Г за №.../дело... /гласные: "Вести в деревенской и членом ГУБЗЕМКОМАЧлену отдела СКАРЯТИНСКОГО ВОЛ. ОТД. ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ. Молодой человек изобразил уверенность, что увеличению Губземкомки человек Грешах работы в Орловских стремлении и делом удовлетворит смету Волостного Отдела по Народному образованию". - сообщает, что неудовлетворенно Этим делом в целом подсчет за собой сугубую несправедливость ВЫСШИХ ОРГАНОВ, стремящихся лишить темную деревню того, что ей необходимо для наступления СВЕТЛОЙ СВОБОДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ ЗОНЫ, во избежание чего она не имеет средств.

Здесь же выражая искреннюю уверенность в ВАШЕМ БРАТСКОМ СТРЕМЛЕНИИ - удовлетворить настоятельную смету в целом, Исполнительный Комитет возложил свое задание также выразить ВАМ ИСКРЕННЕЕ С П А С И Б О !.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СКАРЯТИНСКОГО ВОЛОСТНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА

ТОВАРИЩ ЕГО *[Подпись]*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ОТДЕЛА

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЗЕМЕЛЬНОГО ОТДЕЛА

ИМПЕРАТОРСКОЕ
ВЕЛОСТНОЕ
ПРАВИТЕЛЬСТВО
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

19 / 1

Счета

Скарлатинского Визитного Счета
по Народному Образованию при
Скарлатинском Визитном Учете
по изданию, преданные
Киевским Губернским Счетам, Кап
турой и изданы медалью при
неисполнении при Курьенур
на простоту изданных при
Ка, Трайденбургских Курьенур
Киевских Воеводских
Счетов по Народному
Образованию и новых
и существующих изданий
по Скарлатинской воле

Дель Пеметерской Курьенур по изданию	{ <ul style="list-style-type: none"> 8 счетов 8 изданий 8 счетов 1 Зеркало
Мрозской Курьенур	{ <ul style="list-style-type: none"> ? Картина 2 счета
	{ <ul style="list-style-type: none"> 3 счета 2 издания 1 Зеркало ? Картина

Фотография Скарятинского спиргзавода в Троицком (2017-ый год)

ия оставшейся части главного здания усадьбы Скарягиных в Троицком (2017-ый год)

Генерал

Ирина Скарятина – от первого лица

Снова, как и в 1918-ом, весна 1919-го была полностью посвящена моим медицинским экзаменам, которые мне посчастливилось успешно сдать; снова мы провели тоскливое лето в Петрограде, заботясь в основном о добывании пропитания и пытаясь любыми средствами починить свою одежду, которая к тому времени постепенно приходила в негодность, буквально рассыпаясь на лоскутки. Чтобы сберечь последнюю пару туфель и три пары чулок, хоть и сильно поношенных, однако всё ещё пригодных для появления на людях по особым случаям, я всё лето проходила босиком. Как ни странно, несмотря на то, что мои босые ноги частенько бывали грязными и мокрыми, я тогда ни разу не заболела.

Каждый день я забегала к родителям, чтобы провести с ними пару часов, всякий раз встревоженно замечая происходящие в них перемены – немного сильнее худоба, чуть больше седины, слегка более выраженная слабость. А их трогательное волнение по поводу любого чудом добытого и принесённого мной лишнего кусочка съестного просто разрывало мне сердце.

"Что ты для нас сегодня приберегла, Дорогая?" – спрашивали они, притворяясь равнодушными, стоило мне появиться на пороге. Однако их выдавали сияющие глаза и дрожа-

щие от предвкушения милые старые руки, особенно если я ухитрялась достать крошечный ломтик настоящего хлеба, или бутылку молока, или несколько яиц. Однажды кто-то передал им со мной заварного крема, и пока они с благоговением рассматривали подношение, будто огромную корзину, полную самых изысканных лакомств, слёзы так и струились по их измождённым щекам.

"Наша Малышка всегда радуется нас чем-то вкусеньким, что ей удаётся отыскать Бог знает где", – как-то услышала я очень гордо делившуюся с кем-то Маззи, и резкая боль от этой жалкой похвалы словно острой иглой пронзила мне сердце. Видеть их постоянно голодными, неуклонно чахнувшими и слабеющими на глазах стало той мукой, которую не выразить никакими словами. И всё же, несмотря на все свои страдания, родители оставались храбрыми, терпеливыми и жизнерадостными. И хотя с каждым днём голос Генерала становился всё слабее, он по-прежнему выражал своё мнение так громко, как только мог.

Однажды вечером к ним в дом пришла с обыском большая группа солдат. Я тоже ещё находилась там, а Генерал, к счастью, уже крепко спал, не проснувшись даже тогда, когда один из красногвардейцев, порывшись у него под подушкой, извлёк револьвер и, явно демонстрируя революционное негодование, конфисковал его. Тот обыск длился долго, и было изъято много ценностей, однако Генерал, к нашему несказанному облегчению, всё это время мирно похрапывал.

Одному Богу известно, что бы он сказал или сделал, если бы проснулся. И наверняка был бы либо арестован и препровождён в тюрьму, либо расстрелян на месте. На следующее утро, когда Маззи рассказала ему о случившемся, он очень разозлился на нас за то, что мы его не разбудили, и долго потом ругался и ворчал.

Затем однажды, во время дневного визита в дом моих дяди и тёти Куракиных, они с Маззи вместе со всеми остальными были задержаны на два часа. Внезапно, когда все собравшиеся мирно сидели и беседовали, в помещение ворвалось несколько солдат, тут же велевших им оставаться на своих местах до окончания проверки. Довольно удивительно, что Генерал, по словам Маззи, воспринял происходившее как весёлое развлечение и прекрасно провёл время, подшучивая над солдатами, обмениваясь с ними колкостями и радостно улыбаясь, когда они хохотали в ответ на его высказывания. Те оказались необычайно добродушными людьми, поскольку потакали Генералу, ни разу не рассердившись. Когда их с Маззи наконец отпустили, один из красногвардейцев даже дал ему яблоко и несколько кусочков карамели, тронув тем до глубины души. Генерал приберёт один леденец и для меня, достав его из кармана в полурастаявшем виде и торжественно провозгласив: "Посмотри-ка, что я припрятал для своей маленькой дочурки".

Время от времени я встречала его идущим по улице в поисках мест, где, как ему говорили, он мог бы купить чуточ-

ку овощей, и вновь меня пронзало болью при виде старой, сгорбленной и потрёпанной фигуры, тяжело дышащей и ковыляющей с явным трудом. Он не мог видеть меня, пока я не подходила совсем близко, ведь зрение уже подводило его (той осенью один глаз полностью ослеп), однако тут же разражался громким, восторженным смехом, лишь только происходило узнавание.

"Ба, *Губернаторша*³⁹, – орал он, – как поживаешь? Если ты так же здорова, как твой старый отец, то ты, должно быть, в прекрасной форме. Ведь, слава Богу, со мной всё в полном порядке. Вот только если бы эти подлые большевики ..." – и здесь он произносил длинную и зычную тираду, в то время как я со страхом оглядывалась по сторонам, чтобы убедиться, что никто не слышит.

Он постоянно надеялся, что некто извне придёт и спасёт нас – либо Белая армия, либо англичане, либо объединённые силы всех европейских стран, – твёрдо веря, что скоро, очень-очень скоро они придут, свергнут большевиков и восстановят старый режим. "Когда Государь вновь сядет на трон ...", или "Когда нам вернут наше состояние ...", или "Когда мы опять поедem в Троицкое ..." – говорил он в глубочайшем убеждении, что все эти вещи произойдут столь же верно, как его вера в Господа. И каждое утро он с нетерпением ожидал появления тех войск, которые вскоре долж-

---

³⁹ **Комментарий Ирины:** "Губернаторша" означает "жена губернатора" – такое прозвище он дал мне, когда я была ещё совсем маленькой девочкой.

ны были освободить нас, и каждый вечер говорил: "Ну, они не добрались сюда сегодня, но завтра, да, завтра, мы непременно услышим об их приближении". Часто при встрече он приветствовал меня криком: "Сегодня прекрасные новости, *Губернаторша*, прекрасные новости", – а затем воодушевлённо рассказывал, что, "вне всяческих сомнений и наверняка", спасение нынче близко, как никогда. Он становился всё немощней и слабее, но его вера была негибаема. Иногда мне даже казалось, что чем тщедушнее он выглядел, тем сильнее разгоралась эта вера.

Однажды, подходя к дому, я увидела, как он, стоя на коленях в снегу, пытается перевязать лоб лежащего на панели красногвардейца своим носовым платком. Оказалось, что тот поскользнулся, упал и сильно расшибся как раз в тот момент, когда наш Генерал проходил мимо со своей корзиной свёклы и картофеля. Бросив корзину и рассыпав повсюду её содержимое в своём стремлении оказать первую помощь, полуслепой, крайне слабый и трясущийся Генерал опустился на колени, изо всех сил пытаясь перевязать кровоточащую рану своими замёрзшими, распухшими пальцами. Всё, что у него было, – это носовой платок, и его руки тряслись столь сильно, что он просто не мог приложить его к нужному месту, беспомощно шаря и ощупывая, как делают слепые, под вырывавшиеся из его груди короткие хриплые вздохи.

"*Зайка, Зайка*⁴⁰", – закричала я, упав на колени рядом с

---

⁴⁰ **Комментарий Ирины:** Его ласковое прозвище, с которым я обращалась к

ним и приблизив своё лицо. Только тогда он узнал меня.

"Ох, *Губернаторша*, – выдохнул он. – Погляди, что случилось. Ты можешь помочь?" Разумеется, я могла и помогла, поскольку всегда носила с собой аптечку, но больше всего меня интересовал не этот человек и его рана, а мой Генерал, мой бедный доблестный старый Генерал, стоявший на коленях в снегу, пытаясь помочь поверженному "врагу". С помощью прохожего я подняла его, тяжело дышащего и измученного, на ноги, прислонив к стене дома и стряхнув снег с его пальто. Пришлось помочь встать и красногвардейцу, передав его затем проходившему мимо патрулю. Когда я наконец вернулась к Генералу, слёзы ручьём текли по его щекам и сильные рыдания сотрясали всё его тело.

"Овощи, овощи, – судорожно всхлипывал он. – Я потерял все свои овощи, и сегодня у нас не будет ужина". Итак, я стала ползать на четвереньках, выискивая картофель и свёклу – противные клубни раскатились во все стороны, пока наконец не уложила их все обратно в корзину. Как же он был рад снова их увидеть! Можно было подумать, что я несу ему полное лукошко пирогов и пирожных! Мы медленно поплелись домой. Генерал тяжело опирался на моё плечо и часто останавливался отдышаться.

Когда мы добрались до его комнаты, он попросил помочь ему лечь в постель. Почти неделю он лежал там, такой бледный и неподвижный, что мы ужасно испугались и решили

проконсультироваться со всеми лучшими врачами, которых я смогла найти. Те в один голос сказали, что нет ничего критического в его организме, однако он столь ослаблен, что любое потрясение может оказаться смертельным. И такое потрясение не заставило себя ждать.

15-го ноября он вышел из дому, когда Маззи не углядела за ним (я могу живо представить себе его озорной смешок в тот момент, ведь после долгого недомогания ему не дозволялось выходить одному), и отправился на небольшую прогулку, прихватив с собой рыночную корзинку. Возможно, у него было намерение встретиться со мной на улице, так как в это время я обычно возвращалась домой. Именно тогда с ним случилось нечто ужасное, хотя деталей мы так и не узнали! В тот миг, когда я поворачивала за угол нашего здания, двое запыхавшихся мужчин остановили меня, сбивчиво выпалив: "Сестричка" (я, разумеется, была в сестринском наряде), "тебе лучше поторопиться – там в сугробе лежит старик и умирает, если уже не мёртв. Говорят, ему сильно досталось от каких-то вояк, с кем он повздорил. Те орали, что он контрреволюционер, генерал!" При слове "генерал" я побежала, уже слишком хорошо понимая, о ком шла речь. Вдалеке я разглядела кучку людей, нёсших кого-то в наш подъезд, и рванула изо всех сил. Никогда мне не забыть это ужасное ощущение, как в кошмарном сне, когда ноги будто наливаются свинцом и острая боль от бьющего в задыхающийся рот ледяного ветра раздирает лёгкие. Конечно же, именно

нашего Генерала протиснули через узкую заднюю дверь (парадная была давно и, видимо, навсегда закрыта комитетом дома), подняв затем по грязной "чёрной лестнице"⁴¹.

"Он мёртв?" – воскликнула я, проталкиваясь к нему.

"Нет, нет, – ответил кто-то из них. – Только ранен, без сознания, при смерти ..."

Они занесли его в его комнату и положили на кровать. Похоже, его били чем-то твёрдым, потому что он имел по всему телу множество ссадин и ушибов, а рассечения на голове и левой ноге были самыми тяжёлыми. Всю ночь он пробыл без сознания, метался и стонал, но ближе к утру пришёл в себя, хотя и не настолько, чтобы разговаривать. Лишь вечером он почувствовал себя существенно лучше и даже попросил чаю. Доктор из близлежащей больницы "Христа Спасителя" ушёл за полночь, заверив нас, что теперь Генералу ничего не угрожает. Около двух часов ночи он вдруг поднял глаза на Маззи и улыбнулся – такой хитрой и озорной улыбочкой, какие бывают у маленьких шалопаев, застигнутых в разгар какой-то грандиозной проделки.

"Ну что ж, Дорогая, я сбежал от тебя, не так ли? Я был слишком быстр для тебя – ты не смогла меня ухватить. Зато" (тут его улыбка внезапно исчезла, а глаза наполнились слезами) "они поймали меня – они свалили меня с ног, они причинили мне боль, ох, как же они меня били!"

"Кто бил тебя, кто, скажи?" – умоляла Маззи.

---

⁴¹ Заднюю лестницу в России обычно называют "чёрной".

Но он закрыл глаза, бормоча снова и снова: "Ох, как же они били меня, как же они били", – пока эти слова не превратились в глухой стон боли, который не прекращался до утра. Около полудня он внезапно вновь пришёл в сознание и до такой степени, что попросил позвать священника, прошептал краткую исповедь и принял Святое Причастие, сидя прямо в постели, обложенный подушками и похожий на странную пушистую птицу, поскольку был одет в розовый шёлковый ночной халат Маззи, отделанный лентами, лебединым пухом и кружевами. Она нарядила его в это одеяние, потому что в комнате было очень холодно, а также потому, что хотела, чтобы он выглядел как можно праздничнее для Причастия. Мы думали, что он будет протестовать, но этого не произошло – наоборот, он, слегка похлопывая по оторочке, довольным голосом произнёс: "Это весьма мило!" – и после уже не снимал пеньюара до самого конца.

Через пару дней, около восьми часов вечера, когда мы думали, что он задремал, Генерал внезапно сел в кровати, широко раскрыв глаза и имея крайне встревоженный вид.

"Завтра же у нашей Малышки день рождения, – воскликнул он. – Вы что, забыли? Беги в соседнюю комнату, *Губернаторша*, и позволь мне обсудить этот вопрос с твоей матерью".

Когда наконец меня позвали обратно, он выглядел очень загадочно, и лукавый огонёк горел в его здоровом глазу.

"Ох, как жаль, что завтра нам нечего будет тебе пода-

ритель!" – сказал он, качая головой и используя знакомую старую фразу, повторявшуюся накануне каждого из моих дней рождения, сколько я себя помню, в то время как я, следуя нашему маленькому ритуалу, грустно ответила: "О, не переживайте, всё в порядке", – напустив на себя разочарованный и расстроенный вид, к его большому удовольствию.

Ближе к ночи, когда я на пару минут осталась с ним наедине, Генерал вдруг прошептал: "*Душенька*, пообещай мне, что я буду похоронен в своей парадной форме со всеми наградами. Пообещай!"

Конечно же, я пообещала, пряча лицо в жалком розовом пеньюаре, чтобы он не увидел моих глаз, но он-то прекрасно знал, что я чувствую, поскольку, мягко рассмеявшись, пробурчал: "Не плачь, *Губернаторша*, не плачь", – и погладил меня по волосам, назвав всеми ласковыми прозвищами, что давал мне с тех пор, когда я была совсем крохой.

Затем наступила ночь, и Маззи попросила меня уйти в соседнюю комнату, так как хотела побыть с ним вдвоём. Когда я наклонилась, чтобы поцеловать его на ночь, он притянул меня к себе, прошептав: "Прощай, *Душенька*, прощай, с днём рождения, и да благословит тебя Господь во веки веков!" А когда я попятилась из комнаты, он стал совершать в мою сторону множество мелких крестных знамений. И сейчас я вижу эту картину столь же ясно, как и той ночью: комната погружена во мрак, за исключением ночника у кровати, где полусидит он, страшно худой и измождённый, с беле-

ющими над нелепыми оборками розового шёлкового халата седыми волосами, и его приподнятая правая рука делает эти быстрые движения, мелко-мелко крестя удаляющуюся меня.

Всю ночь я пробыла в соседней комнате, ожидая, что меня позовут, но всё было тихо, и только в шесть утра, заслышав шум голосов, открыла дверь, однако Маззи жестом велела мне уходить. "Оставь нас одних, Дорогая, оставь нас одних, – прошептала она. – Беги скорее к заутрене, а то опоздаешь!"

Итак, натянув шапку и пальто, я побежала в храм, вернувшись около восьми. В дверях меня встретила Маззи, одетая в одно из своих самых красивых, ещё не конфискованных платьев и имеющая чуждый, но, о, такой болезненный вид!

"С днём рождения! – воскликнула она, обнимая меня. – Смотри, как я принарядилась в твою честь. Пойдём поглядим, что мы с Папой приготовили для тебя".

"Может, я сначала зайду к нему?" – спросила я.

"Нет, нет! – быстро ответила она. – Он спит, и я не хочу его беспокоить! Я хочу, чтобы ты сначала празднично позавтракала", – и она повела меня в соседнюю комнату, где для нашего пиршества уже был накрыт маленький столик.

"Посмотри, что тут есть, – мягко сказала она. – Папа продумал всё давным-давно, а прошлой ночью напомнил мне о каждой детали, чтобы от души тебя порадовать!"

Я зачарованно уставилась на убранство столика, поскольку уже очень давно не видела ничего подобного – наши скудные послереволюционные трапезы обычно совершались на

кухне самым случайным образом. Но на это чудо было приятно посмотреть! Оно заставило меня вспомнить о пирах моей куклы, которые я устраивала в детской, когда часть блюд и сервировки была "выдуманной", а всё остальное – настоящим, а также о картинке из одной сказочной книги, которую я, будучи крохой, особенно любила, изображавшей золотой стол для завтрака королевы фей. И хотя столик, который я нынче разглядывала, не был золотым, и на нём не наблюдалось странных деликатесов королевы, он всё равно казался мне не менее чудесным. Прежде всего, на него постелили белоснежную камчатную скатерть – роскошь, давным-давно исчезнувшую из нашей жизни. Затем в центре поставили хрустальную вазу с букетом изысканно сделанных, хотя и полинялых, искусственных роз, в которые когда-то были вплетены золотые и серебряные нити. Около цветов стоял миниатюрный праздничный пирог из настоящей белой муки, покрытый сверху розовой глазурью, а рядом с ним примостились два маленьких свёртка из папиросной бумаги.

"Это от Папы", – сказала Маззи, разворачивая квадратный свёрточек первым. В нём оказалась серебряная иконка в форме медальона с очень старой живописной картинкой внутри, изображавшей трёх незнакомцев, пришедших к Аврааму, – реликвия, которую Генерал всю свою жизнь носил на серебряной цепочке, надетой на шею. "Его подарок тебе, Дорогая, – промолвила Маззи. – Его мать надела на него этот

оберег, когда он был совсем малышом, и Папа никогда не снимал его до прошлой ночи – до наступления твоего дня рождения".

Как же хорошо я знала этот медальон, неизменно оттопыривавший рубашку на груди Генерала, что было особенно заметно летом, когда он облачался в совсем лёгкие льняные одежды!

"А это от меня", – продолжила она, вскрывая продолговатый свёрток и показывая мне хрустальный с позолотой флакон из-под духов, о который я в ранние годы любила почесать режущиеся зубки и с которым позже часами играла в гостиной Маззи на медвежьей шкуре в своём личном особом уголке. Поскольку та хрустальная бутылочка была покрыта тончайшей золотой сеткой, я привыкла думать, что она является клеткой с живущей внутри крошечной птичкой, и всегда называла её "Птичьей склянкой". И отцовская иконка, и "Птичья склянка" с тех пор всегда со мной, сопровождая в любой поездке, куда бы я ни направилась ...

После волнения, вызванного во мне подарками, Татьяна принесла нам *настоящего* кофе с молоком. Что это был за праздник, и одному Богу известно, какое удовольствие я испытала, так как уже много лет не пробовала ничего подобного! Моя мама приберегла белую муку и кофе задолго и специально для моего дня рождения, устроив столь изысканное застолье, какого вовек не забыть. Меня беспокоило лишь то, что она сама не съела ни кусочка, хотя и пригубила глоток

волшебного напитка.

Когда всё закончилось, она встала и, нежно обняв меня, произнесла: "Теперь я должна сказать тебе, Дорогая, кое-что важное, поэтому я и хотела, чтобы сначала мы устроили торжество в честь дня твоего рождения – торжество, о котором Папа говорил с таким энтузиазмом прошлым вечером! Он был бы сильно огорчён, если бы ты лишилась праздника. А теперь послушай – он ушёл, Дорогая. Он ушёл от нас рано утром, пока ты была в храме, просто тихо заснул. Я стояла на коленях у его постели, когда внезапно он поднял правую руку, очевидно, пытаясь перекреститься, поскольку его пальцы были сложены нужным образом, но ладонь так и не достигла его лба – она остановилась на полпути и теперь лежит на груди, куда и упала. Пойдём, я покажу".

Тесно прижавшись друг к другу, мы вошли в его комнату. Он ровно лежал в кровати, всё ещё одетый в весёленький пеньюар, и его правая ладонь с тремя пальцами, сложенными в щепоть для крестного знамения, покоилась на груди, а лицо было спокойным и умиротворённым. Они забили его до смерти, они убили его тело, но не смогли повредить его душе!

Весь тот день мы провели у его постели, но когда спустилась ночь, Маззи опять попросила оставить её с ним наедине. "Мне нужно очень многое сказать ему, прежде чем он покинет нас навсегда, – объяснила она. – Так что иди, Малышка, иди". И я, снова выйдя в соседнюю комнату, слушала голос

Маззи, тихо журчавший всю ночь напролёт. Несколько раз у украдкой заглядывала внутрь и неизменно видела её стоявшей на коленях у кровати, положив голову ему на плечо.

Прошло много времени, прежде чем мы смогли его похоронить – собственно, целых восемь дней, ведь поскольку он был генералом и, следовательно, "контрреволюционером", то пришлось преодолеть обилие бумажной волокиты. Разрешения на его погребение приходилось получать то тут, то там всеми мыслимыми способами: просить, умолять, убеждать да к тому же не раз давать взятки. В первом случае мы нуждались в подписи молодой чиновницы.

"Генерал? Фу ты, ну ты! Кому какая разница, похоронят его или нет!" – воскликнула она. "Однако, – тут же последовало продолжение, – что вы мне дадите, чтобы мои усилия по подписанию нужной вам бумажки стоили того?"

"Мне особо нечего дать, – мягко сказала Маззи, – кроме, может быть, пары старых белых перчаток и флакона духов. Он не совсем полон, но это хороший аромат, 'Вера Виолетта', Вы должны знать".

Вероятно, девушка никогда прежде не слышала такого названия, но, серьёзно подумав с минуту над предложением Маззи в целом, надменно бросила: "Хорошо, принесите мне всё это, и я подпишу вашу дурацкую бумажку".

Затем был мужчина, потребовавший за свою подпись что-нибудь из одежды Генерала, а потом ещё один, заинтересовавшийся его запонками, и так мы переходили от одного

мздоимца к другому, пока наконец не добрались до самого главного начальника.

"Что всё это значит? – спросил он. – Почему покойник до сих пор не похоронен? Он ведь мёртв уже неделю, не так ли? Ну, и где вас носило?"

Услышав о причинах задержки, он страшно возмутился и настоял на том, чтобы мы сообщили ему имена всех предыдущих должностных лиц. "Это просто недопустимо в нашей молодой Республике, – сердито вещал он, – где коммунистические идеалы должны быть поняты, уважаемы и воплощаемы в жизнь должным образом. Люди такого рода только рушат всё, что мы пытаемся построить. Они так же плохи, как взяточники вашего прогнившего старого режима", – после чего сразу же поставил окончательную подпись, напоследок ещё раз выразив своё негодование поведением других.

Мы одели Генерала в его парадную форму, но в последний год своей жизни он так исхудал, окончательно иссохнув после смерти, что она выглядела взятой напрокат, особенно на его шее и запястьях. Мундиром, который в прежние времена был отцу тесен, теперь можно было бы легко обернуть его тело дважды, и нам пришлось набить грудную часть ватой, дабы награды не проваливались.

Но как только процесс облачения был завершён и Генерал при всём параде лежал на умывальном столике с мраморной столешницей (единственном оставшемся столе, достаточно длинном для такой цели), вошёл наш старый дворник, слы-

шавший о приготовлениях, и, бросив единственный взгляд на покойного, тяжело покачал головой.

"Вам не стоит хоронить Его Превосходительство в этой форме, – сказал он. – Если какой-нибудь большевик увидит её, то немедля сорвёт, не говоря уж о том, что арестует Вас за контрреволюцию".

Другие присутствовавшие поддержали мнение *дворника*, поэтому, дабы сдержать обещание, данное нашему Генералу, и в то же время защитить его тело от возможного осквернения, поверх мундира была надета старая охотничья куртка, а низ накрыт ковриком, полностью скрывшим форменные синие брюки с характерными красными лампасами. Над застёжками охотничьей куртки Маззи прикрепила большую искусственную алую розу – ещё один из цветков с её прежнего бального платья, – и тогда всё было готово.

Как я уже говорила, он стал так худ – кожа да кости, как у мумии, – что мы могли бы хранить его в ледяном холоде наших комнат до бесконечности. И как же нам не хотелось класть его в этот мерзкий гроб, сбитый из обычных кривых досок со щелями между ними, – гроб, которым в прежние времена не удостоили бы и нищего! С огромным трудом нам удалось найти крестьянку, согласившуюся по заоблачной цене предоставить свою лошадь и сани, дабы отвезти Генерала в Александро-Невскую Лавру, где нам дозволили купить место под могилу. Женщина божилась объявиться не позже десяти утра, однако минуло и десять, и одиннадцать, и две-

надцать, и час, а её всё не было. Целых четыре часа мы просидели рядом с гробом полностью одетые для выхода, и по мере того как текло время, Маззи становилась всё слабее и слабее, наводя меня на мысль, что она вот-вот упадёт в обморок, и только сила воли помогла ей выстоять, бледной как полотно и дрожащей с ног до головы, но способной терпеть во что бы то ни стало.

Наконец в два часа дня крестьянка прибыла, и с помощью Татьяны, *дворника* и ещё пары человек мы отнесли гроб вниз, поставив на сани. То были обычные бедные деревенские розвальни, запряжённые лохматой и недокормленной каурой лошадкой, чья незатейливая упряжь состояла только из веревок. Для полноты скорбной картины баба была одета в старый и драный тулуп, а её лицо, искажённое и распухшее с одной стороны от зубной боли, было перевязано грязной серой тряпкой. Когда мы были готовы тронуться, она забралась на сани, села боком к гробу и, дёргая за верёвки, проорала хриплым голосом: *"Ну, вперёд – пошла!"*

Каурая лошадка потрусилась, и мы последовали за ней, стараясь не отставать. До Лавры было довольно далеко, а потому Маззи страшно устала, однако не переставала, не останавливаясь ни на миг, семенить за санями. Вскоре она споткнулась и упала ничком не в силах подняться от изнеможения, тогда как сани, несмотря на мои крики, призванные привлечь внимание возницы, скользили всё дальше и дальше.

Когда я подняла Маззи, её лицо было в синяках, расщеплённые губы кровоточили, и сильно порвалось котиковое пальто. Пока она стояла там, держась за меня, дрожа, беспомощно рыдая и отчаянно умоляя: "Остановите сани, ох, пожалуйста, остановите!" – таким слабым голосом, что я едва могла расслышать, к нам подбежали *дворник* и ещё один мужчина.

"Мы понесём Её Сиятельство", – сказали они и, подхватив её с двух сторон под руки и под ноги, поспешили в ту сторону, куда уехали сани. Тех уже и след простыл, и мы вновь смогли увидеть их, лишь добравшись до монастырских врат.

Там нас встретил священник и отвёл в церковь, где по всем правилам было совершено отпевание. Это стало единственной частью того дня, хоть как-то напоминавшей былые времена. В тусклом свете свечей гроб, наполовину покрытый серебряным погребальным покрывалом, что предоставили нам в храме по такому случаю, выглядел как настоящий, а не как грубо сколоченный ящик; и искусственная роза на груди отца пылала, как настоящий цветок; и вновь, как и во всех предыдущих случаях, знакомые молитвы и псалмы оказались гипнотически успокаивающими, хотя в этот раз были посвящены смерти нашего любимого Генерала.

Когда отзвучали последние слова, и отпевание завершилось, и мы в последний раз поцеловали Генерала, и крышка закрылась навсегда, мы ещё раз подняли гроб и вынесли его из храма на кладбище. Мы шли всё дальше и дальше по

скользким узким дорожкам, ведущим между бесконечными рядами надгробий, пока не пришли к вырытой по нашему заказу могиле. Вернее, мы думали, что та должна была быть уже вырыта, но когда мы добрались туда, то обнаружили, что могильщики устроили забастовку, отказавшись заканчивать свою работу, если им не заплатят вперёд и не дадут в придачу немного хлеба. Итак, гроб был поставлен на землю рядом с недокопанной могилой, и Татьяна бросилась на поиски хлеба, что в те дни было непростой задачей. И пока мы ждали, и ждали, и ждали, Маззи сидела на краю гроба, потому что никакого другого места для неё не нашлось.

"Он бы не возражал. Он бы предпочёл, чтобы я сидела здесь, а не на снегу", – прошептала она. К этому времени её глаза и губы совсем распухли, а бедное лицо превратилось в сплошной синяк.

В конце концов Татьяна пришла назад с хлебом (к счастью, мы дали ей с собой достаточно денег), и ужасные могильщики опять взялись за свою работу, смеясь, свистя, курая, крича, ругаясь и плюясь.

"Ох, скажите им прекратить этот невыносимый шум!" – умоляла Маззи, затыкая уши пальцами и в отчаянии раскачиваясь взад и вперёд на своём импровизированном сидении.

"Вы что, не можете помолчать, изверги? – возмущённо спросила Татьяна. – Даже в дань уважения к усопшему?"

"Какое нам до него дело?" – ответили те и стали хохотать

и ругаться ещё громче. Казалось, что они не закончат копать никогда, но всё-таки это произошло. А после случилось нечто поистине чудесное – нечто, уравнившее нестерпимый ужас, вызванный бесконечным ожиданием и их поведением. Как раз в тот миг, когда гроб опускали в могилу, мы отчётливо слышали звуки прекрасно исполненного где-то неподалёку похоронного марша, того самого, который звучал бы, если бы Генерал умер до Революции и был погребён с воинскими почестями, подобающими его званию. Затем, когда первые комья земли ударились о крышку гроба, прозвучал салют, и вновь как будто это было сделано специально для нашего Генерала. Всё это казалось слишком нереальным, чтобы быть правдой, но позже мы узнали, что в то же самое время хоронили большевистского комиссара, воздавая ему, как ни странно, те же воинские почести, которые были присущи прежним временам.

Маззи

Пару месяцев спустя Маззи была арестована и посажена в тюрьму. И вот как это случилось.

Человек, назвавшийся бароном В. и выдававший себя за бывшего сотрудника фирмы нашего великого придворного ювелира Фаберже, пришёл к ней с визитом по поводу её бриллиантов и прочих драгоценностей.

"Естественно, Вы их спрятали, – сказал он. – А поскольку я знаю, как они прекрасны, так как мне не раз приходилось их чистить и ремонтировать, я хочу помочь Вам с их сохранением".

"Но у меня не осталось никаких драгоценностей, их давно забрали", – ответила Маззи. Однако тот не поверил и продолжал пытаться убедить её, пока в конце концов не разозлился и, отбросив учтивые манеры и услужливое, дружелюбное притворство, стал вести себя абсолютно безобразно, угрожая ей всевозможными ужасными карами.

"Что ж, – сказал он, собираясь уходить, – если ты не отдашь свои цацки по собственной воле, то мы *заставим* тебя это сделать!" И с тем гневно вышел, хлопнув за собой дверью.

Тем же вечером он вернулся в сопровождении группы солдат, сразу ставших тщательнейшим образом обыскивать помещение, вспарывая матрасы и обивку мягкой мебели,

срывая шторы и разбрасывая по всему полу вытащенную из шкафов и комодов одежду. Татьяна, прежде спрятавшая какую-то часть своих личных денег внутри сиденья одного из кресел, тут же упала в него, притворившись, что ей сделалось слишком дурно, чтобы иметь силы стоять, и не поднималась с кресла, пока налётчики не ушли. Разумеется, они не нашли никаких драгоценностей, поскольку в доме их и вправду не было, зато унесли множество других вещей, включая ковры, картины, гобелены и все серебряные изделия, на которые смогли наткнуться. Они даже прихватили все ножи, вилки и ложки, а когда Маззи спросила их: "Чем же нам теперь есть?" – они расхохотались и ответили: "Пальцами, *Старушка*. Ты теперь станешь есть своими пальцами, коли мы по доброте душевной не отрубим их перед уходом!"

Так называемый "барон", поняв, что не получается отыскать желаемого, пришёл в ярость и сквозь зубы процедил обещание вернуться снова. "На этот раз за твоей жизнью", – услужливо пояснил он. И на следующее же утро в самую рань действительно вломился в дом во главе отряда из шести солдат и с ордером на арест Маззи.

"Ну, что же, а вот и я! – задорно прогорланил он, входя в комнату, намеренно не снимая шапки и попыхивая толстой сигарой. – Пойдём-ка! Может быть, в тюрьме ты соизволишь указать нам, где припрятаны твои сокровища".

Однако Маззи, не удостоив его ответом, стала не спеша одеваться, тогда как Татьяна быстро собрала для неё всё нуж-

ное в свой маленький чемоданчик, протянув его затем одному из солдат.

"На кой ты мне это суёшь? – грубо крикнул он. – Нешто я похож на дурня, что потащит чемодан проклятой буржуйки? Ты, чай, совсем рехнулась!"

После чего все остальные, загоготав, стали измываться: "Не она ли допрежь была княжною? Коли так, то пусть и прёт сама свою поклажу! Хоть какой-то с неё прок!"

Но Татьяна, не желая, чтобы они задирали или пугали Маззи, гневно отрезала: "Ладно, коль от вас, хамов, никакого толку, то я сама понесу чемодан и провожу её, куда бы не пришлось топать". Что она и сделала, следуя за Маззи до самого узилища.

Они заставили Маззи преодолеть всю дорогу от дома до темницы без единой остановки, ни разу не дав ей передохнуть. Вынуждаемая солдатами идти слишком быстро, хотя на это у неё было очень мало сил, непрерывно ими подгоняемая, подталкиваемая и оскорбляемая, она, тем не менее, держала голову высоко поднятой и, хотя была бледна и дрожала, всё время находясь на грани обморока, однако с честью прошла это испытание. А оно выдалось на редкость тяжёлым, ведь "барон" ни на минуту не переставал унижать её, а солдаты – сквернословить и сыпать проклятьями, и снег был столь глубоким, что Маззи могла едва переставлять ноги. В итоге, добравшись до тюрьмы и будучи брошенной в до отказа набитую женщинами камеру, она всё же потеряла

сознание и находилась без чувств пугающе долго.

Лишь удивительная доброта её сокамерницы, английской медсестры по фамилии Винтер, арестованной большевиками по подозрению в шпионаже, спасла Маззи жизнь. Ведь мисс Винтер сделала всё возможное, чтобы, несмотря на запредельную слабость Маззи, вырвать ту из лап смерти.

Она раздела Маззи, уложила на свою койку и не спала всю ночь, сидя рядом и скармливая той через равные промежутки времени по ложечке сгущённого молока, посланного ей кем-то с утренней передачей. В течение почти двух недель она продолжала уступать Маззи своё собственное спальное место, хотя самой и приходилось коротать ночи на полу, а также всячески заботилась о ней и выхаживала, как могла, отдавая больше половины личных небогатых припасов. Только когда Маззи понемногу окрепла, мисс Винтер перестала спать на полу, став делить с ней койку, и так продолжалось до конца заключения Маззи. К несчастью, я не знаю, жива ли сейчас мисс Винтер – была ли расстреляна большевиками или отпущена на свободу, но ей, живой или мёртвой, я обязана отдать дань уважения; воистину, в ней пребывал дух Христа!

Маззи держали в тюрьме довольно долго, постоянно допрашивая с пристрастием о её спрятанных драгоценностях. В конце концов, убедившись, что тайника, полного сокровищ, не существует, и, вероятно, осознав бессмысленность дальнейших издевательств над немощной старушкой, они

отпустили её на свободу, выставив однажды утром на улицу и сказав идти домой пешком. Как ей в её до крайности измученном состоянии удалось добраться, навсегда останется загадкой, однако после нескольких часов ходьбы или, вернее, переползания (по её словам, ей приходилось много раз останавливаться и садиться на снег) она зашла в дом, выглядя как шатающаяся привиденьице, столь непохожее на себя прежнюю, что Татьяна, увидев её, закричала от ужаса.

Всю ту зиму Маззи была ужасно слаба и истощена, а когда её снова арестовали, мы думали, что ей уже не выжить. Но во второй раз её продержали недолго и после десяти дней заключения отправили домой в грузовике, поняв, что она не может ходить.

Вопрос о том, чем её кормить, встал со всей серьёзностью. Конечно же, у неё были карточки для получения пропитания на коммунистической кухне, но от них было мало толку, так как там нечем было поживиться, кроме неизменного тошнотворного ассортимента: грязной горячей воды с жирными пятнами наверху, величаемой бульоном, ломтика жутко опасного так называемого "хлеба", полного щепок, и высохшего скелета рыбы, в котором частенько копошились черви. Я лихорадочно искала какую-либо дополнительную еду для неё где только можно, но всё, что мне удавалось раздобыть, – это крупу под названием *пшено*, картофель и муку. Молока стало ужасно мало, а яйца исчезли совсем. Однажды мне повезло обменять свой золотой набор для туалетного

столика, который повезло давно и удачно припрятать у госпиталя, на мешок картошки, мешок муки и ведро молока, сильно разбавленного водой.

Всё это, разумеется, являлось контрабандой, которая чудом и с большим риском попала мне в руки, так как все мы должны были питаться лишь тем, что выдавали коммунистические кухни, и строжайшим образом запрещалось покупать что-либо ещё на стороне. Но город кишел нелегальными торговцами, которых называли "мешочниками", потому что они всегда носили свой контрабандный товар в больших холщовых мешках за спиной. Тот "мешочник", что выменял картофель, муку и молоко на мой золотой набор, остался особенно доволен крупным золотым тазом и кувшином, хотя я знаю, что в наборе было по меньшей мере пятьдесят различных предметов: флаконы для духов, стаканчики, зеркала, шкапулки, кисточки разных форм и размеров (не говоря уж о мелких вещах, таких как карандаши, пилочки для ногтей, печатки, напёрстки и прочее подобное – всё сделано из золота и усыпано аметистами), – в общем, обычных принадлежностей для туалетного столика, хотя данный набор являлся исключительно полным, так как принадлежал моей бабушке, княгине Анастасии Лобановой, и, следовательно, был сделан в те времена, когда подобным гарнитурам уделялось самое тщательное внимание.

"Думаю, моей старушке понравится в нём мыться!" – воскликнул он, с восторгом глядя на таз, и был так доволен

своей сделкой, что наградил меня дополнительной бутылкой молока.

Через два месяца после её второго освобождения Маззи снова арестовали, на этот раз забрав вместе с Татьяной и продержав обеих в тюрьме с неделю. Почему они были арестованы и почему позже отпущены, так и осталось неизвестным, ведь тогда никто уже не давал никаких объяснений и подобные действия совершались с предельной простотой.

"Вы арестованы и отправляетесь в тюрьму!" – вот и всё, что говорилось в начале такой процедуры, и: "Вы свободны!" – всё, что можно было услышать по её окончании, и жертвам произвола приходилось делать свои собственные выводы, ломая голову над тем, что же всё это значило.

Четвёртый и последний арест Маззи произошёл в декабре 1920-го года. Выйдя подышать свежим воздухом, она сидела на скамейке ночного сторожа перед домом, как вдруг к ней подкралась женщина, выхватила из её рук муфту и, выбежав на середину улицы, окунула ту в лужу, полную склизкой грязи. После чего, прежде чем Маззи успела пошевелиться, женщина бросилась назад и, швырнув намокшую муфту прямо ей в лицо, принялась визжать и выть от хохота, тогда как Маззи, ослеплённая попавшей в глаза грязью, беспомощно шарила руками, пытаясь её убрать.

"Поделом тебе, старая аристократка! Почему это ты сидишь, наслаждаясь жизнью, когда все должны работать?" – выкрикнула женщина, ударив Маззи в грудь, лишь та попы-

талась встать, и тем повалив её на спину. И пока Маззи абсолютно беспомощно лежала там, женщина пинала её, и плевала в неё, и била, но стоило вдаль показаться паре мужчин, как она тут же сбежала. Те подняли Маззи и помогли ей зайти в дом, где мы, несказанно испугавшись, быстро раздели её, вымыли и уложили в постель. Она пролежала весь день, жалко дрожа с головы до ног и плача, плача, плача ... Из всех ужасов, которые мне пришлось пережить, этот был одним из наихудших! На следующее же утро Маззи забрали, и в группе солдат, пришедших, чтобы отвести её в тюрьму, она увидела ту же самую женщину, скалившуюся в злобном ликовании. Позже я узнала, что эта тварь была женой одного из самых безжалостных комиссаров в нашем районе, жившей на нашей улице и проводившей всё своё время, преследуя "буржуев и аристократов" с такой злобой и дьявольской жестокостью, что в конце концов её мозг повредился, и она умерла буйнопомешанной.

Поскольку Маззи увезли в грузовике, я не могла последовать за ними и увидеть, куда её доставили, а потому в течение нескольких дней бегала из одной тюрьмы в другую, пытаюсь выяснить, где она. В каждом месте, которое я посетила, чтобы найти её, мне отвечали: "Такой здесь нет!" – и я мчалась дальше, приходя во всё большее отчаяние, поскольку знала, что на той пище, которую там давали, она долго не протянет, и что единственным способом поддерживать её силы являлась передача провизии, которую приходилось каждый день

таскать с собой. В одной из тюрем нас – более шестидесяти обезумевших от страха человек, отчаянно пытавшихся получить известия о местонахождении потерянных родных, – томили в ожидании в течение многих часов. Затем внезапно в приёмную зашла куча красногвардейцев и, ничего никому не объяснив, выгнала всех прочь прикладами винтовок. В конце концов после долгих поисков я нашла Маззи в "Шпалерке", где ту содержали с самого первого дня её заключения, хотя по неведомой причине мне при предыдущем визите солгали, сказав, что её там не было. А в этот раз мне весьма любезно разъяснили, что она не приговорена к расстрелу, "пока", и что, когда она будет приговорена, мне сообщат, разрешив коротенько увидеться с ней за день до казни!

Следуя советам сведущих в подобных вопросах людей, я пыталась добиться её освобождения всеми возможными способами, которые только могла вообразить. Прежде всего я отправилась в дом Важного Человека, о ком говорили, что он имеет большое влияние на власти и что одного его слова, сказанного в защиту Маззи, достаточно, чтобы её отпустили. Меня заставили прождать пару часов на его кухне, где его шеф-повар, одетый, к моему великому изумлению, в белый накрахмаленный фартук и высокий белый колпак, готовил его обед – нормальную для дореволюционных времён трапезу. "Что ж, если *это* не контрреволюция, тогда что?" – поймала я себя на мысли, удивлённо наблюдая за шеф-поваром, а потом задалась вопросом, не становлюсь ли я тоже больше-

вичкой! Густой наваристый суп, великолепное жаркое, овощи, десерт, кофе и вино, не говоря уже о таких мелочах, как закуски, белые булочки и конфеты – намечалось полноценное пиршество, а я, сидя в углу, где мне было велено ожидать, и жадно следя за каждым движением шеф-повара, отчаянно надеялась, что, возможно, и мне дадут немного поесть. Но не дали! Лишь когда обед был приготовлен, подан и съеден, я наконец была допущена к "Телу", и то, потягивая свой послеобеденный кофе, довольно приветливо пообещало, что оно попытается что-нибудь сделать для Маззи. Но этого не произошло, и все мои мучения на той кухне были напрасны.

Следующим местом, куда я пошла, был "Смольный", тогдашний великий оплот большевиков, где после долгих часов ожидания меня пропустили к "Великому Телу", действительно очень крупному! Там меня попросили сесть и выслушали мой рассказ, ни разу не прервав и не прокомментировав. Когда я закончила, меня спросили: "Ну, и что, по-твоему, можно с этим сделать?"

"Я думаю, – ответила я, приободрившись и теща себя надеждой, – что, наверное, Вы легко могли бы совершить обмен: освободить *её*, посадив *меня*. Вы, несомненно, способны это сделать! В конце концов, я, будучи *её* дочерью, являюсь таким же представителем старого режима, как и она, а поскольку я молода и сильна, то могу быть гораздо более опасной для Вашего дела, чем она, старая и немощная".

Он засмеялся, а затем, иронично прищутив глаз, изрёк: "О, я вижу, ты одна из тех так называемых христианок, что напоказ ведут себя героически – жертвуют своей жизнью ради другого и всё такое прочее. Но позволь сказать тебе, что в этой стране такое не пройдёт. Теперь каждый отвечает сам за себя. Если твоя мать в тюрьме, это значит, что на то есть веская причина, даже несмотря на то, что, как ты выразилась, она старая и немощная. Если *ты* всё ещё на свободе, то есть веская причина тоже. Так что с этим ничего нельзя поделать и точка. Ступай!"

"Но ..." – безнадёжно попыталась возразить я.

"Я сказал *точка*, не так ли? – взревел он, стукнув кулаком по столу. – А если я говорю *точка*, то именно это и имею в виду. Убирайся отсюда! Вон!" И в следующий миг один из его помощников вытолкнул меня из комнаты в коридор. После этого больше не к кому было обратиться, и единственное, что оставалось, – это надеяться, и молиться, и позволить событиям идти своим чередом.

Но произошло чудо – после нескольких недель ужасных страданий Маззи выпустили из тюрьмы, однако на этот раз, чтобы умирать. Когда грузовик привёз её домой, такую слабую, что её пришлось на руках отнести в постель, всю опухшую, с пугающе жёлтой кожей, веками, покрытыми гноем, и невероятно изменившимися, прежде столь прекрасными чертами лица, самое первое, что я сделала, – немедленно проконсультировалась с врачами.

"Если она останется здесь, у неё не будет вообще никаких шансов, – заключили те. – С другой стороны, если Вы сможете вывезти её из страны и ей будет предоставлен надлежащий уход в нормальных условиях, тогда сохраняется надежда на спасение". Затем они поговорили с ней самой, убеждая, что ей абсолютно необходимо как можно быстрее уехать из России, прежде чем её снова посадят в тюрьму.

Поначалу она протестовала, но когда я дала слово, что последую за ней, как только смогу, она слабо прошептала: "Хорошо, Вишенка, если ты тоже приедешь, то я согласна".

После этого мне осталась самая сложная часть – организовать её отъезд. По существовавшим тогда законам советского правительства никому не позволялось покидать страну, даже старым и больным, то есть положительно никому, кроме иностранцев. Но я узнала про новомодную махинацию, при помощи которой предприимчивые иностранцы (в основном эстонцы и литовцы), женившись за немалые деньги на русских женщинах, давали тем возможность пересечь границу в качестве своих законных супругов. После этого брак тут же аннулировался, к полному удовлетворению обеих сторон, ведь одна серьёзно поправляла своё финансовое положение, а другая получала свободу как от Советской России, так и от ненужного муженька. Что касается юных девушек, то подобные браки иногда заканчивались катастрофой, так как "законные мужья" отказывались давать развод после того, как граница была благополучно пересечена, принуждая

своих "жён", не желавших того, оставаться в их власти. Но с пожилыми дамами такого обычно не происходило, и довольно многие бежали из России упомянутым образом.

Лихорадочно взвесив все "за" и "против" разных способов бегства (в том числе и через Финляндию, нелегально, о чём, однако, в случае Маззи не могло быть и речи, поскольку она ни за что бы не вынесла физических тягот такого путешествия), мы пришли к выводу, что временное "супружество" было единственным выходом, позволявшим ей благополучно и с минимальным дискомфортом покинуть страну. Итак, следующим шагом было найти ей подходящего кандидата. После долгих и бешеных поисков мы наконец встретили такого – жемчужину, а не человека, во всех отношениях идеально соответствовавшую своему предназначению. Это был эстонский садовник за шестьдесят по фамилии Грассэ, очень тихий и респектабельный, казавшийся столь надёжным и порядочным, что Маззи сразу решила: "Он подойдёт". Как только она смогла достаточно окрепнуть, официальный брак был заключён комиссаром (звавшимся в те дни "мировым судьёй" или кем-то вроде того), и Маззи поставила подпись в реестре как "Мария Грассэ, урождённая княжна Лобанова-Ростовская". Наткнувшись на слово "княжна", комиссар слегка скривился, однако ничего не сказал, и опасный момент остался позади. Когда мы все пришли домой (Грассэ следовал за нами на почтительном расстоянии, вежливо неся наши зонтики и плащи, понадобившиеся тем утром из-за

сильного дождя), Маззи заставила Татьяну налить ему чаю, который он выпил с явным благоговением, сидя в сильном смущении на краешке кухонного стула. Но самое смешное было в том, что Маззи постоянно забывала его фамилию, всё время переспрашивая с тревогой: "Как-как его зовут?" А получив напоминание, снова и снова бормотала себе под нос: "Грассэ, Грассэ", – пытаюсь запомнить и опять забывая! То, что он оказался столь добропорядочным стариком, стало для нас большим облегчением, и мы начали всерьёз готовиться к отъезду Маззи.

Необходимая сумма денег была предоставлена богатым ростовщиком, ссужавшим моих родителей с 1918-го года. С тех пор он, по их убеждению, по чуть-чуть перевёл в Европу на их имя все ценные бумаги и вещи, которые удалось спасти от конфискации. Часто в те дни приходя в их дом, он всегда что-то уносил: драгоценности, кружева, картины и даже небольшие предметы мебели. Он был неприятным сальным типом, которого я невзлюбила с первого же взгляда, но, к сожалению, и Генерал, и Маззи доверяли ему, отдавая всё, что могли. А он неоднократно рассказывал им, сколько денег уже скопилось на их европейском банковском счёте, и бедные старики, счастливо улыбаясь, выражали ему свою безграничную признательность.

"Разумеется, – бахвалился он, – Вы понимаете, какую опасность представляет для меня провоз контрабандой через границу Ваших ценностей. Да ведь если бы большевики

как-нибудь поймали меня за эдаким занятием, я был бы убит на месте. И только *ради Вас* я готов рисковать", – и так далее в том же духе. Со слезами на глазах они вновь и вновь благодарили его, позже с восторгом рассказывая мне, какие большие суммы денег он уже перевёл и как комфортно мы все сможем зажить, когда наконец осядем где-нибудь в Европе. Мечтой моей матери была Италия, и она многократно делилась со мной тем, какую прекрасную виллу она купила бы в Риме, где мы жили бы крайне скромно всей семьёй, "с отдельными апартаментами для каждого из детей и только приличным поваром, шофёром, садовником и парой горничных!" Таково было её представление о бедности, и теперь я часто думаю, насколько лучше было для неё умереть, веря в возможность такого будущего, чем столкнуться с горьким разочарованием, которое её ожидало. Ох, что бы это было за разочарование! Ведь позже, выехав из России, я обнаружила, что добросердечнейший ростовщик не внёс ни цента от имени моих родителей вообще ни в один банк, хотя сам лично, внезапно и загадочно несказанно разбогатев, жил в роскоши в одной из европейских столиц.

После ещё почти двух месяцев бумажной волокиты с получением разрешений и паспортов день отъезда был окончательно назначен на 1-ое мая (по новому стилю) 1921-го года. В то утро мы возносили обычные молитвы "о путешествующих", и, будучи истинно русской, а значит, сильно веря в приметы, я была ужасно расстроена тем, что тогда про-

изошло. Согласно канону, православным людям полагается стоять с зажжёнными свечами, только когда они молятся об умерших. Каково же было моё смятение, когда внезапно, как раз в тот миг, когда священник стал читать молитву про ангела-хранителя, "мирно же и благополучно и здраво препровождая", я заметила, как Маззи зажгла свечу и встала с ней так, как это делают во время отпевания. Татьяне, очевидно, пришла в голову та же мысль, поскольку она, бросившись вперёд, погасила свечу и, рыдая, упала на колени. Маззи при этом даже не шелохнулась, а её отсутствующий взгляд привёл меня в страшный шок. В ту минуту я отчётливо осознала, что после расставания никогда больше её не увижу!

Так как она почти уже не ходила, а до вокзала было очень далеко, нам удалось нанять необычную гужевую повозку – полупролётку, полуфаэтон, – в которую мы и отнесли её, предварительно целиком завернув в одеяла и простыни. В этой повозке её ужасно мотало, так как рессоры, похоже, были сломаны, однако она всё выдержала и даже смеялась, когда та тряслась и гроыхала. Прибыв же к вокзалу, она обнаружила, что забыла ридикюль. Оставив её на попечение Татьяны, я сходила пешком домой и обратно, а когда спустя три часа вернулась и стала искать её, то долго не могла найти, пока внезапно не поняла, что на самом деле смотрю прямо на неё, не узнавая. Усталость от поездки на вокзал и нервное напряжение из-за предстоящего путешествия так невообразимо изменили её за эти несколько часов, что я,

стоя как вкопанная, вглядывалась в неё, не в силах поверить собственным глазам. Даже черты её лица изменились. Лёжа на стационарной лавке, она затуманенным и тусклым взором вперилась в одну точку, и глаза её в неестественно глубоких впадинах казались едва живыми. Только когда я подошла и она улыбнулась мне такой знакомой, милой и терпеливой улыбкой, она, по крайней мере, стала похожа на призрака себя прежней.

Объятая ужасом, я отвела в сторону двух врачей, которые подъехали, чтобы побыть с Маззи до отхода поезда, тогда как Татьяна осталась стоять рядом с ней, и её расстроенное лицо корчило в отчаянной попытке сдержать слёзы.

"Вы думаете, мы можем её отпустить?" – безнадежно спросила я.

"Это её единственный шанс, – угрюмо ответил доктор П. – Хотя я признаю, что даже он ничтожно мал".

"Однако, – добавил доктор Б., – если вернуть её в те же условия существования и она вновь окажется в тюрьме, то у неё не будет даже этого малого шанса!"

Оставалось только одно – воспользоваться этим единственным шансом, пусть и ничтожно малым, но всё же *шансом* спасти её жизнь! Итак, мы отнесли её к поезду, который стоял на боковом пути в дальнем конце вокзала, и положили в углу грязного товарного вагона, в котором ей суждено было ехать. По счастью, у нас с собой был хороший толстый мягкий матрас, на котором мы и устроили её, обложив

множеством подушек и укрыв тёплыми одеялами. Там же в пределах её вытянутой руки я разместила всю еду, которую нам удалось собрать: несколько бутылок молока, яйца вкрутую, хлеб, картошку и рыбу, – а также её лекарства и различные предметы, которые могли пригодиться в поездке. На этом наши возможности по обеспечению её комфорта закончились, – если слово "комфорт" вообще употребимо в ситуации с передвижением в ужасном товарном вагоне! Единственное, что меня слегка приободрило, так это тот факт, что там же ехал весьма видный доктор медицины вместе со своей женой, а также две медсестры из Красного Креста, и они в один голос пообещали сделать всё возможное для Маззи, пока будут находиться рядом. Но, к сожалению, они выходили, не доезжая до границы. Её "муж" Грассэ, естественно, тоже был там, и я чувствовала, что на него можно положиться, так как он действительно оказался порядочным и добрым человеком.

Поезд, хотя и должен был отправляться в 17.00, задержался на вокзале до полуночи, поэтому, когда вечером все остальные из нашей небольшой компании провожающих попрощались с Маззи, я осталась с ней наедине. Забравшись к ней под одеяло, я пробыла там до самого отхода поезда. Те часы, проведённые вместе на одном матрасе в полной темноте товарного вагона и в окружении большого числа незнакомых людей, сделали нас ещё ближе друг к другу, хотя казалось, что после всего, что мы пережили, ближе уже невоз-

можно. В каком-то смысле это выглядело, будто мы обе осознанно пишем последнюю главу нашей совместной жизни, и заключительные фразы образуют идеальнейший финал, к которому нельзя больше добавить ни единого лишнего слова.

Наш товарный вагон был заполнен до отказа. Я думаю, что в нём, возможно, скопилось по меньшей мере человек двести, и не только на полу, но и на каждом ярусе сколоченных деревянных нар, где все ютились, как могли. Маззи занимала в своём углу одно из лучших мест, и эти добрые люди – Грассэ, доктор с женой и две медсестры Красного Креста – расположились вокруг неё таким образом, чтобы защитить от любого вторжения со стороны прочих попутчиков. Когда пришёл момент отправления, я вышла и стояла на платформе, провожая взглядом красные огни заднего вагона, становившиеся всё слабее и слабее, пока они наконец не исчезли совсем. После чего медленно побрела по необычайно пустынным улицам, лишь изредка встречая по пути патрули, не арестовавшие меня, потому что на мне была сестринская форма, хотя и четырежды проверившие документы, которые я, разумеется, всегда носила с собой. Поскольку мне хотелось в ту ночь побыть одной, я не вернулась в госпиталь, а вместо этого направилась домой – я имею в виду комнату Маззи, остававшуюся единственным моим "домом". Вскоре эту комнату изъяли под другие цели, и тогда я окончательно лишилась родного угла!

Несколько дней спустя я получила от Маззи записку, в которой говорилось, что она благополучно пересекла границу и теперь, прежде чем отбыть в Ревель, отдыхает на карантине в Нарве. Хотя текст был написан весьма дрожащим почерком, я нашла его вполне жизнерадостным, и впервые за последние недели во мне забрезжил лучик надежды.

Однако 17-го мая произошло странное событие. Я, сидя за пианино в комнате старинной подруги и играя все мелодии, которые Маззи любила больше всего, вдруг остановилась и, повернувшись к хозяйке, резко произнесла: "Моя мама умирает". Почему я тогда сказала эти слова, мне не суждено понять! Это было так, будто кто-то внезапно *заставил* меня озвучить то, чего не было в моих мыслях, точно так же, как если бы мой голос использовали в качестве инструмента для произнесения слов, которые вовсе не были моими. Всё случилось как гром среди ясного неба, и я не могу описать впечатление, которое это произвело. Я сидела, охваченная ужасом, не в силах больше вымолвить ни слова, в то время как все остальные в комнате (присутствовало ещё пять человек) изумлённо уставились на меня. Первой, пришедшей в себя, была Сестра Вера.

"Что ты имеешь в виду? – спросила она. – До тебя дошли какие-то новости?"

"Нет, – тупо ответила я. – Вообще никаких".

"Но тогда, моя дорогая, почему ты так сказала?" – упорствовала та.

"Я не знаю, – ответила я, готовая разрыдаться. – Что-то меня заставило".

"Пойдём со мной, – мягко молвила она. – Пора домой, ты слишком много пережила за эти недели, ты слишком устала. Пойдём, дорогая", – повторила она, подавая мне моё пальто и шаль. Я машинально попрощалась с хозяйкой и в сопровождении Сестры Веры и Сестры Натальи вернулась в госпиталь.

"Глянь, тебе телеграмма!" – стало первыми словами, которые я услышала, когда мы втроём вошли в мою комнату. Так же машинально, будто во сне, я разорвала конверт.

"Ваша мама опасно больна – пневмония. Буду держать Вас в курсе", – говорилось в телеграмме, подписанной кем-то, кого я не знала. Я молча передала листок Сёстрам, и те так же молча прочли его. То был один из тех моментов в жизни, когда единственное, что нужно предпринять, – это мысленно успокоиться и собрать все оставшиеся силы, чтобы быть готовым ко всему, что произойдёт дальше.

Долго ждать не пришлось – на следующий же вечер, 18-го мая, в День святой Ирины, то бишь на мои именины, пришла вторая телеграмма, из текста которой следовало, что Маззи только что скончалась. Таким образом, мой отец умер в день моего рождения, а мать – в день моих именин.

Пару дней спустя пришло ещё одно коротенькое письмо от Маззи, написанное ею за несколько часов до смерти. Потрясение, которое я испытала, увидев её почерк на обычном

конверте, доставленном уже после её кончины, я не в состоянии описать. Такое способен понять лишь тот, кто сам прошёл через подобное.

А вскоре до меня добралось очередное послание, содержащее все подробности её смерти. Оно было написано господином и госпожой Хвольсон из Ревеля, с которыми я не была знакома лично, но знала, кто они такие. Эти замечательные люди, услышав о приезде Маззи и о том, в каком ужасном состоянии та находилась, отправились на вокзал и привезли её к себе домой. Позже, осознав, насколько сильно она больна (поскольку подхватила пневмонию в поезде между Нарвой в Ревелем), они перевезли её в больницу, обеспечив наилучший уход. Эти добрые люди сделали всё, что только возможно, но было слишком поздно. Её единственный шанс на выживание был отнят у неё пневмонией, когда казалось, что все испытания уже остались позади. Она умерла в Диакониссен-Аншталт⁴² в Ревеле в присутствии у её постели четы Хвольсонов, а также старинного друга нашей семьи графа Игнатьева (женатого на княжне Урусовой), который, оказывается, возглавлял местное отделение Красного Креста. Тем утром Маззи причастилась, после чего ей стало намного лучше и она даже написала то самое письмо, что дошло до меня после её смерти, а позже попросила Алексея Игнатьева почитать ей вслух Евангелие. Но днём к ней вернулась слабость, а ближе к вечеру (как Алексей поведал мне

---

⁴² Обитель Сестёр Милосердия.

при нашей встрече в Ревеле год спустя), как раз когда солнце садилось и золотой луч упал на её кровать, стоявшую у открытого окна, в котором виднелся усыпанный цветами куст сирени, она вдруг жестом попросила его прерваться.

"Мне пора, – тихонько прошептала она, когда тот склонился, пытаюсь расслышать её угасающую речь. – Прочтите 'Отче Наш' ". И пока он, упав на колени и держа её за руку, громко читал молитву, а где-то вдалеке Сёстры Милосердия завели свою вечернюю песню, Маззи мирно отошла.

Скитания

Смерть Маззи, видимо, отняла у меня последние силы, поэтому работа в госпитале стала невыносимо тяжёлой. Как бы мне ни было неприятно лишаться общества Сестёр – даже на короткое время, ведь я жила в госпитале почти непрерывно с 1914-го года, – однако, следуя совету врачей, я решила провести пару недель за городом – в монастыре, основанном прекрасной молодой женщиной из хорошей семьи, принявшей постриг и являвшейся в то время его настоятельницей. Разумеется, поскольку я сама не была монахиней, мне не дозволялось проживать в монастырской келье, однако мне выделили номер на постоялом дворе, специально построенном для приёма паломников. То был длинный одноэтажный бревенчатый сруб, вмещавший около двадцати комнат, выходивших в общий коридор. Пристанищем управляла одна из монахинь, и правила были строго монашескими. Моя комната (там их тоже называли кельями) была столь крошечной, что всё, что в ней помещалось, – это узкая железная койка, миниатюрный умывальный столик и стул. Стены кельи были сложены из грубых брёвен, неокрашенных и не оклеенных обоями, и от них сладко пахло хвоей. В окне я могла видеть цветущий луг, а дальше – лес из высоченных тёмных елей.

Мне безумно нравилось это место! После ужасов про-

шлых лет казалось, что именно тут стало явью одно из прекраснейших стихотворений Вальтера фон дер Фогельвейде, и я часто вспоминала слова оттуда: "*На опушке среди ветвей – тандарадей — пел свидетель – соловей*". Вернее, я думала о них столь часто, что вскоре и само место стала называть "Тандарадей", и таковым оно навсегда останется в моей памяти.

Добраться туда оказалось нелегко. Когда я сошла с поезда, привезшего меня из Петрограда, – поезда, полного дикого вида солдат, которые, однако, вели себя со мной вполне прилично и даже помогли на нужной станции выбросить из окна мой чемодан, – я обнаружила, что придётся прошагать до монастыря целых тридцать вёрст, так как там случилась путаница по поводу времени моего приезда, и в то утро единственная пролётка уже покинула станцию, не дождав-шись меня. Итак, оставив свой чемодан на *подворье* (в маленькой пристанционной гостинице, принадлежавшей монастырю), я двинулась к своей неблизкой цели пешком, хотя в те дни меня ещё довольно сильно пошатывало. Удивительно, но мне удалось, частенько останавливаясь по дороге, дабы слегка отдохнуть, проделать весь путь примерно за десять часов, и я доковыляла до обители, когда уже смеркалось. Там меня встретили необычайно тепло, накормили и быстро отправили в постель.

Мне не дано забыть то чудесное чувство, с коим я вытяну-лась на жёсткой койке после нелёгкой прогулки, с наслажде-

нием предвкушая полноценный ночной отдых, неожиданно сменившееся ужасом от открытия, что моё постельное бельё полно клопов! Какое же сильное меня постигло разочарование, и какую жуткую ночь я провела! Стоило мне зажечь свечу, как жучки поспешно разбежались со столь непостижимой скоростью, что я едва могла схватить одного или двух, но как только я гасила её, все они стремительно возвращались обратно. В конце концов я в отчаянии вскочила с постели, забралась на стул, поджав под себя ноги, дабы кровососы не могли использовать их в качестве лестниц, и всю ночь напролёт просидела там со свечой в руке, ожидая появления мелких тварей. Следующим утром, когда я поведала нашей хозяйке о своём печальном опыте, та была очень расстроена и сказала, что келья эта оставалась незанятой уже несколько недель, с тех пор как в ней обитал прежний паломник, который, возможно, и занёс клопов в своих вещах. Она сразу же переселила меня в другую комнату, на этот раз прелестную, чистую и вкусно пахнущую, в которой я и прожила всё отпущенное до отъезда время.

Когда я пришла в себя и окрепла, мне разрешили помогать послушницам в различных их занятиях. Я работала вместе с ними, сгребая на лугу сено, собирая в поле урожай и ходя в лес по грибы и ягоды. Я просилась и в монастырскую лечебницу, но настоятельница не позволила, убедив, что мне полезнее трудиться на свежем воздухе. И поистине это была здоровая жизнь! Вставая с рассветом, когда церковный ко-

локол начинал звонить к заутрене, а позже позавтракав молоком и настоящим ржаным хлебом, я сопровождала монахинь, куда бы они ни пошли, изучая их обычаи, а также песни, поскольку они всё время пели, чтобы, как я полагаю, избежать любой греховной болтовни! Было интересно наблюдать за их типажам и различиями в поведении и узнавать, почему каждая решила уйти в монастырь. Молодые, зрелые и уже старые, образованные и неграмотные, преимущественно из крестьянского сословия, но во всех – нечто особенное, примечательное, и хотя их было довольно много, я не встретила среди них ни одной, которая бы мне не понравилась. Даже большевики были очарованы этим монастырём, оставив его нетронутым и откровенно признав, что ни при каких обстоятельствах нельзя разрушать столь идеальное "сообщество трудящихся". Разумеется, они сожалели о наличии религиозной стороны у этого сообщества, а потому приставили присматривать за ним комиссаршу, однако та оказалась очень милым человеком и, вскорости попав под чары этого места, стала тоже работать вместе с монахинями, которых искренне обожала, хотя при этом ни разу не зашла с ними в церковь.

Я так сильно полюбила свой временный приют, что стала всерьёз подумывать о том, чтобы провести там зиму, однако новая напасть в который раз разрушила мои планы. Однажды ночью – должно быть, около часа пополудни – меня резко вырвало из сна ужасное ощущение удушья, а следу-

ющим, что я осознала, был странноватый потрескивающий звук. Вскочив с постели, я увидела, что внешняя стена моей кельи буквально охвачена пламенем, так что его языки вместе с дымом уже проникают внутрь сквозь приоткрытое окно. Поняв, что у меня нет времени ни на одевание, ни на спасение каких-либо своих вещей, я выскочила в полный дыма коридор и, забегаая в комнаты, где спали паломники, стала их будить. Первая келья, в которую я вломилась, была занята ветхим пилигримом, которого мне пришлось сильно встряхнуть, чтобы он проснулся. Тот был так потрясён видом юной девы в ночной рубашке, что гневно закричал: "Изыди, блудница! Совсем что ли стыд потеряла?!" Тем не менее, через миг осознав, что я не являюсь свалившимся на него искушением, он весьма проворно для своих лет выскочил в окно! Во второй обитали две девушки, и одна из них так растерялась, что вместо того, чтобы рвануть к окну, села на пол и принялась тщательно зашнуровывать свои высокие ботиночки, доходившие ей почти до колен. Только присутствие духа в её подруге спасло ей жизнь – та, сорвав ботиночки с её ног и швырнув их в окно, истошно заорала: "Прыгай!" – и они обе благополучно выбрались наружу. Домчавшись до третьей кельи, я поняла, что остальные постояльцы уже пробудились сами и сыпят из окон, как горох, поэтому прыгнула и я, неудачно приземлившись в своей тонкой ночной рубашке прямёхонько в заросли чертополоха. Каким же болезненным был этот прыжок! К тому времени, как все мы покинули го-

рящий сруб, в монастыре поняли, что происходит, и монахини хлынули вниз с холма, таща бадьи с водой, а церковный колокол наполнял всю округу мрачным призывом о помощи. Довольно скоро из всех окрестных деревень прибыли пожарные бригады, но было уже слишком поздно. Из-за того, что здание было построено из сосны и уже долгое время не было дождя, оно крайне быстро выгорело дотла. Единственное, что оставалось делать монахиням, — это окружить заботой нас, дрожащих лишь в жалких ночных одеяниях. Они накрыли нас одеялами, напоили горячим чаем и разместили на ночлег в двух приёмных залах монастыря: женщин – в одном, а мужчин – в другом. Рано утром следующего дня настоятельница послала за мной и сказала, что их комиссарша советует, чтобы я как можно скорее покинула её обитель, поскольку для расследования причин пожара скоро придут советские власти и наверняка будут глубоко потрясены, обнаружив в "сообществе трудящихся" "графиню".

"Так как они потребуют от всех предъявить свои документы, то будет абсолютно невозможно скрыть Вашу личность, – объяснила она. – И поэтому Вам слишком опасно оставаться, являясь единственной здесь титулованной особой. Как только они узнают, кто Вы такая, они, без сомнения, обвинят и посадят Вас в тюрьму, так что Вам нужно немедленно ехать!"

Конечно же, я послушалась и, наспех простившись со своими любимыми, плакавшими навзрыд монахинями и забравшись в телегу, уже ожидавшую меня снаружи, была увезена

на станцию в тридцати верстах, едва не столкнувшись с прибывавшими с проверкой большевиками!

Покинув стены монастыря, я провела осень в Л., у своих дорогих старых друзей и бывших учителей Варвары и Александры Шнейдер (знаменитых профессоров некогда Санкт-Петербургской академии художеств), ночуя на диване в их столовой и платя определённую сумму в неделю за своё пропитание. Добывать еду становилось всё труднее, и мы часто бывали крайне голодны. Должна признаться, что однажды я впала в такое отчаяние, что, к своему великому стыду, стащила немного корма с тарелки их маленькой собачонки, пока та, сидя рядом, смотрела на меня большими укоризненными глазами ... В другой же раз мне посчастливилось купить целую буханку чёрного хлеба, ещё горячего – только из печи, и я съела его тут же, целиком, даже не запивая водой, чтобы легче было глотать. Почему я не умерла тогда от несварения желудка – так и осталось неразрешимой загадкой, но в действительности, умяв в один присест тот горячий мякиш, я почувствовала себя несравненно лучше.

По возвращении в Петроград, в госпиталь, меня ждал очередной неприятнейший сюрприз. Нашего дружелюбного комиссара сменили, назначив на его место совершенно нетерпимого человека, который категорически запретил мне жить в общине, так как я являлась "графиней". Это был поистине ужасный удар, поскольку госпиталь на протяжении многих лет служил для меня вторым домом, и я всей душой люби-

ла его. Сестра-хозяйка с тревогой сказала, что оставаться там даже на одну ночь небезопасно, поэтому в тот же день я пустилась бродить по улицам в поисках угла для ночлега. Несколько ближайших подруг из числа Сестёр сопровождали меня, и я думаю, что в противном случае я бы, в отчаянии сев на снег, окончательно отказалась от этой затеи.

Ближе к вечеру после череды разочарований мы нашли вариант, показавшийся всем наиболее подходящим (лично я к той минуте уже дошла до того, что моя судьба стала мне совершенно безразлична). В ту ночь я заснула в своём новом "доме" вместе с присоединившейся ко мне после нашей длительной разлуки верной старой Татьяной, устроившейся на диванчике у изножья моей кровати. Комната была огромной, с двумя большими окнами и лишь одной маленькой голландской печкой в углу. Она не протапливалась целую вечность, и сырость была столь ужасной, что мы спали полностью одетыми, в пальто и шالях. Татьяна даже не сняла калош и маленькой мягкой шляпки с задорным пером, торчавшим из-под шали, укутывавшей её с головы до ног. Она выглядела так забавно, что, несмотря на мои страдания, я расхохоталась.

"Смейтесь, Ваше Сиятельство, золотой мой зайчик, смейтесь, – счастливо пробормотала она. – Это принесёт Вам побольше пользы, чем что-либо иное, да пребудет с Вами Господь!" Так как жуткий холод долго не давал нам уснуть, она в течение многих часов тихо рассказывала все пришедшие на

ум истории, делая это тем "сонным" голосом, которым нянечки усыпляют детей. "А потом ... – успокаивающе бубнила она, – а потом ..." – до тех пор, пока я наконец не провалилась в небытие.

На следующее утро, когда я проснулась, в печке уже весело потрескивал огонь, и Татьяна, всё ещё полностью одетая в пальто, шляпку и калоши, хотя и без шали, грела воду на ревущем примусе. Каким же обветшалым выглядело всё вокруг: необъятная унылая комната с потрескавшимися от сырости стенами, некрашеной железной кроватью и подломанным диванчиком, повсюду пыль и копоть, и мы обе подстать – столь же обшарпанные и грязные.

"Можно мне помыться?" – спросила я, гадая, хватит ли у меня смелости раздеться в этой ледяной комнате, и надеясь, что Татьяна скажет "нет", что она и сделала самым категорическим образом.

"Умойте лишь лицо и руки", – решительно заявила она, и я с облегчением вздохнула, чувствуя себя ребёнком, которому в кои-то веки разрешили не мыться как следует!

Тем утром, сидя на краешке моей кровати, мы позавтракали хлебом и чаем, а затем сразу решили навести порядок и попытаться раздобыть дров для печки. После пары дней напряжённой работы нам удалось придать жилищу вполне сносный вид, хотя чудесная мебель Маззи, которую мы стул за стулом перетаскали туда на санках, казалась в таком антураже совсем неуместной, не говоря уж о дивных семей-

ных портретах, вывешенных на грязно-серых стенах. Там я и прожила всю зиму, распродав свои немногочисленные пожитки, чтобы прокормиться и иметь возможность протапливать помещение.

Цены были просто фантастическими, и ничто не стоило меньше миллиона рублей. Если бы кто-то не из России послушал, как мы разговариваем друг с другом, то мог бы подумать, что все мы мультимиллионеры. "Можете разменять десять миллионов?" – небрежно спрашивали мы, самым беззаботным образом доставая нужную сумму из недр вместительной сумки, в которой эти "миллионы" носили. Поездка на трамвае могла стоить от одного до пяти миллионов, бутылка молока – миллион и так далее. В какой-то момент я продала всю мебель из своей комнаты за сто миллионов.

Я помню, как с приходом НЭПа⁴³, когда частному предпринимательству было вновь разрешено выходить на рынок, вдруг появилось множество выставлявших на своих витринах вкуснейшие лакомства пекарен и кондитерских, и как мы были этому рады. Однажды, успешно продав старое шёлковое платье (я предлагала свои вещи, стоя всегда на одном и том же углу улицы и ожидая, пока какой-нибудь проходящий солдат или "мешочник" купит мой товар), я решила, отдавшись безрассудству, побаловать себя белой булочкой. Робко вступив в пекарню и стыдясь своего внешнего вида, я тихо попросила желаемое! Продавщица, пристально оглядев

---

⁴³ Так называемая "новая экономическая политика".

меня с ног до головы и не скрывая подозрения, буркнула: "Сначала заплати – она стоит миллион". Я заплатила, и мне дали самую вкусную булочку в моей жизни. Едва не задохнувшись от волнения и поспешно проглотив её, я попросила ещё, снова заплатив вперёд, а затем ещё и ещё. Когда же я почувствовала, что больше не смогу съесть ни кусочка, ко мне пришло осознание, что я умудрилась спустить на булочки целых одиннадцать миллионов! ...

Той же зимой я поступила в Богословский институт – первое высшее духовное учебное заведение, открывшее свои двери после Революции. Так как в основе обучения лежала религия, советское правительство, хотя и открыто не преследовало, всё же смотрело на институт с подозрением, терпя его до поры до времени. Поскольку мне приходилось посещать там множество лекций и усердно учиться, то не оставалось времени оплакивать своё изгнание из любимого госпиталя. Моя опустевшая и мрачная комната почти не видела меня, кроме как ночью, когда я возвращалась в это унылое место и как можно быстрее ложилась в постель, не особо оглядываясь по сторонам. По мере того как мебель и прочие вещи убывали, комната становилась всё уродливее и неприглядней, пока в итоге не стала выглядеть, как пустой сарай. Наш очень хороший друг Михаил Глазунов, брат знаменитого композитора Глазунова, любезно помог мне избавиться от многих вещей, что спасло меня от необходимости продавать их на углу моей улицы. Это стало большим облегчением, за

которое я всегда буду ему глубоко благодарна.

В январе 1922-го года я отправилась на недельку в Москву – навестить своих друзей Джунковских. Генерал Владимир Фёдорович, бывший губернатор Москвы, и его сестра Евдокия, председательница общины Святой Евгении, жили там со своими родственниками в крошечной квартирке, состоявшей из трёх комнат, таких узких, что они едва могли в них развернуться. И тем не менее все были счастливы, поскольку генерала только что выпустили из тюрьмы. Те дни, проведённые с ними, стали долгожданной передышкой, самым светлым и радостным временем за всю зиму. Было очень весело ночевать в этих маленьких комнатах, и мы много смеялись, а ведь я почти забыла, как это бывает, обитая в своём тоскливом жилище в Петрограде.

Во время своего пребывания я получила аудиенцию у Патриарха Тихона, и тот был довольно любезен и даже спрашивал о моей учёбе в Богословском институте. Москва той зимой была не столь депрессивной, как Петроград. Я имею в виду, что улицы, казалось, содержались в лучшем виде, а население выглядело более многочисленным и здоровым, пребывая в состоянии активности, которое было более естественным. Петроград же походил на вымерший город (правда это или нет, но мне говорили, что численность проживавших там сократилась тогда до 400000 человек). Городское хозяйство находилось в состоянии полного развала: улицы и проспекты не ремонтировались и были так сильно засыпаны

снегом, что приходилось использовать большие палки, чтобы ходить по сугробам, образованным снежными заносами; балконы и карнизы падали на головы прохожих, и по этой причине все теперь благоразумно передвигались по проезжей части вместо тротуаров; здания обрушивались из-за того, что подвалы были затоплены подземными водами, которые не откачивались в течение ряда лет и, следовательно, застаивались, создавая невыносимое зловоние.

Однажды мне случилось оказаться поблизости от такого здания. Обрушение вызвало столь ужасный грохот, что моей первой мыслью было: не землетрясение ли это! Когда я бросилась вместе со всеми в направлении шума, перед моими глазами предстало удивительнейшее зрелище – дом, фасадная стена которого будто испарилась, оставив три этажа открытыми всему миру, совсем как декорация в театральной пьесе. Люди, жившие в "отворившихся" комнатах, были настолько ошеломлены, что просто замерли там, где находились в момент катастрофы, и только когда прибыли пожарные с лестницами, чтобы снять их оттуда, они начали двигаться. Было немного неловко наблюдать за бедными обитателями дома-неудачника, застигнутыми врасплох. "Всё равно, что подглядывать в замочную скважину", – пробормотала женщина, стоявшая рядом со мной.

В марте меня неожиданно навестил незнакомый мне ранее доктор Фрэнк Голдер из Стэнфордского университета в Калифорнии, прибывший в Петроград ещё в январе и со-

биравший по просьбе мистера Гувера ценные книги, написанные в России во время войны. Когда он по пути в Россию проезжал через Лондон, моя сестра Ольга, жившая в Англии, попросила его отыскать меня в Петрограде и, если возможно, попытаться вывезти из страны. Итак, тут же по приезде он начал искать меня, но вследствие того, что я уже не жила в госпитале и что мой адрес держался в строжайшем секрете, он не мог почти три месяца напасть на мой след. Но в марте это ему всё-таки удалось, и он был глубоко потрясён, увидев меня в полуголодном и ослабленном состоянии в жуткой обстановке моей комнаты, а потому сразу, посадив в свой автомобиль, отвёз в головной офис "Американской администрации по оказанию помощи", широко известной тогда как АРА⁴⁴. Хотя я знала о её существовании с сентября 1921-го года и о её великолепной деятельности (если бы она появилась на шесть месяцев раньше, Маззи не пришлось бы умирать от голода, и, вероятно, она была бы жива и по сей день), однако не вступала в контакт ни с кем из её членов до того мартовского дня, когда доктор Голдер, приведя меня в офис петроградского отделения, представил его директору, доктору Хершелу Уокеру, и нескольким другим сотрудникам.

Самое первое, что сделали эти милые люди, — накормили меня отменной едой. Хорошо зная, *что* поможет изголодавшемуся организму, они дали мне густого наваристого супа и

---

⁴⁴ По-английски, АРА – American Relief Administration.

вдоволь хлеба с маслом. Но когда дело дошло до десерта, я не смогла проглотить ни кусочка, поскольку от всего сладкого меня тошнило. Я чувствовала себя странно в этой цивилизованной комнате, сидя за должным образом сервированным столом – с белоснежной скатертью, салфетками, хрусталём и серебром. Доктор Голдер, доктор Уокер и другие мужчины выглядели очень чистыми, ухоженными и хорошо одетыми, тогда как я в старом чёрном покрытом пятнами платье, поношенной оренбургской шали и дырявых ботиночках резко контрастировала с ними. И помню, как они удивились, когда на вежливый вопрос, есть ли что-нибудь, что мне хотелось бы получить, я бездумно воскликнула: "Чулки – пару чулок!" – абсолютно забыв, что вообще-то во время званого ужина говорить о чулках не принято. Эти добрые души, хотя и были слегка обескуражены, конечно же, оказались на высоте, невозмутимо сообщив, что уже завтра пришлют мне несколько пар.

"А что бы Вы *ещё* хотели получить?" – заботливо спросили они.

"Какое-нибудь средство для моих рук и ног – они так болят!" – робко ответила я, понимая, что рискую опять шокировать своих новых друзей, но всё-таки решившись на это, так как мои конечности были в ужасном состоянии – потрескавшиеся, кровоточившие и покрытые волдырями обморожения.

Однако на этот раз они восприняли мою просьбу спокой-

но, тут же пообещав снабдить меня медовой мазью, после чего доктор Голдер тактично сменил тему, промолвив: "Сразу после ужина мы составим список того, в чём Вы нуждаетесь в первую очередь, а теперь давайте поговорим о чём-нибудь весёлом". И вскоре я уже с удовольствием внимала забавным историям о различных происшествиях, приключившихся с ними в России, от души смеясь и на время позабыв об унылости своей собственной жизни. Это был счастливый вечер, и я навсегда запомнила доброту и чуткость тех галантных, всеми силами пытавшихся подбодрить меня мужчин.

После этого я ещё несколько раз перед своими тюремными заключениями встречалась с доктором Голдером и доктором Уокером, хотя всегда коротко, поскольку было абсолютно нежелательно, чтобы их видели с представительницей старого режима. Они также больше не имели возможности позвать меня к себе на обед или ужин, так как в русской прислуге наверняка были шпионы, которые бы донесли об их дружбе с "контрреволюционеркой". Тем не менее они выдали мне один из знаменитых продуктовых наборов АРА, распространявшихся тогда в областях, наиболее пострадавших от голода. Эти наборы, содержавшие внутри провизию, которой хватало, чтобы прокормить человека в течение шести недель, были чрезвычайно рациональными. В них имелись приличного размера куль белой муки, пакет сахара, десять банок сгущённого молока, небольшая бадья свиного жира и объёмная упаковка риса. Как же хорошо я помню восторг,

который испытала, открыв тот ящик! Мне пришлось самой пойти и забрать его в распределительном пункте АРА, а затем волочить всю дорогу до дома на санках – сделать это было ой как нелегко, поскольку снег подтаял и улицы наполнились слякотью, – но когда я наконец благополучно затащила его в свою комнату и отодрала крышку, то едва могла поверить своим глазам. Содержимое выглядело слишком хорошо, чтобы быть правдой, и пир, устроенный нами с Татьяной в тот вечер, – рис со сгущёнкой – казался пищей богов! Мы не могли остановиться, пичкая себя до тех пор, пока уже не лезло. Позже я страшно устала от этой смеси – до такой степени, что меня до сих пор мутит при виде и риса, и сгущёнки, – но весной 1922-го года в мире не было ничего вкуснее.

Рисунок неизвестного русского художника "Очередь в ожидании открытия кухни АРА" (1921-й год); был в числе вывезенных из России Хершелом Уокером из "Американской администрации по оказанию помощи" (АРА).

Первый арест

В те дни мы, глядя друг на друга, часто говорили: "Ну, ладно, мы привыкли почти ко всему, но что бы подумали люди из внешнего мира, если бы увидели творящееся здесь? Да они бы решили, что это сон!"

И действительно происходило много не поддающихся пониманию событий, но самым невероятным из них лично для меня стало рождение так называемой "Живой (или Обновленческой) Церкви", при котором мне довелось присутствовать в доме молодого протоиерея по имени Александр Введенский. Странного восточного типа, долговязый, худой, сутулый, с необычайно узким лицом, бледной кожей, волосами цвета воронова крыла, подстриженными, вопреки православной традиции, весьма коротко, длинным крючковатым носом и большими чёрными сверкающими и гипнотизирующими глазами, отец Введенский был ранее никому не известным юным полковым священником, последовавшим за своим полком на войну. Во время Революции он внезапно прославился своими красноречивыми проповедями и проведением вдохновляющих Общих Покаяний. Митрополит Вениамин, сильно заинтересовавшись им, около двух лет брал его с собой в разные церкви, где сам совершал богослужения почти ежедневно, а порой и дважды в день, позволяя молодому клирику читать бóльшую часть проповедей, что Вве-

денский делал абсолютно блестяще. Митрополит любил его, как собственного сына, и все были уверены, что тот отвечает ему взаимностью. В качестве особого благоволения митрополит согласился быть крёстным отцом его новорождённого младенца, в то время как меня попросили стать крёстной матерью. Итак, мы вместе окрестили малыша, и впоследствии я время от времени навещала своего крестника. Именно во время одного из таких визитов я стала свидетелем дискуссии между отцом Введенским и его другом отцом Боярским об отделении от Матери-Церкви и основании новой "Живой Церкви" на ультрасовременных началах.

"Что Вы об этом думаете?" – затем последовал их вопрос, обращённый ко мне, молча сидевшей и внимавшей, не в силах поверить своим ушам.

"Я думаю, что это самая ужасная идея из всех, что я когда-либо слышала!" – откровенно ответила я, вызвав тем самым жаркий спор, длившийся потом более часа. Под конец нашей словесной баталии я уже ясно видела, что решение Введенского о расколе в Церкви непоколебимо.

"А митрополит знает?" – поинтересовалась я, собираясь уходить.

"Нет, ещё нет", – ответил он.

"Что ж, – объявила я, – тогда предупреждаю Вас, что я сей же час собираюсь рассказать ему об этом", – и с тем покинула комнату, направившись напрямиком в митрополичий корпус, находившийся в Александро-Невской Лавре. К сча-

стью, митрополит был на месте, и вскоре я была допущена в приёмную залу, где и поведала ему об услышанном.

После того, как я закончила, он некоторое время хранил молчание, а затем мягко промолвил: "Это большой удар для меня, ведь я всей душой доверял отцу Введенскому. Но, может быть, ещё не поздно убедить его отказаться от этой затеи. Я немедленно пошлю за ним и постараюсь удержать его в лоне нашей Церкви, ибо он очень дорог моему сердцу". И ни слова гнева или упрёка – поистине великая христианская душа была у митрополита Вениамина.

В тот вечер он несколько часов провёл наедине с отцом Введенским. Что там было сказано – никто никогда не узнает, но на следующий день Александр Введенский открыто провозгласил обновленческий раскол, а митрополит, хотя и был, как всегда, тих и невозмутим, выглядел сильно постаревшим! Вскоре после этого он был арестован большевиками за то, что открыто осудил осквернение ими серебряной раки с мощами святого Александра Невского, покровителя Петрограда, их гонения на верующих и нескончаемые грабежи церковных ценностей. Его бросили в тюрьму вместе с рядом архиереев, священников и прихожан, многие из которых являлись профессорами Богословского института, и начался ужаснейший судебный процесс.

Заключённых ежедневно привозили на грузовике в большую залу бывшего Дворянского собрания, допрашивая в течение многих часов. Главным обвинением против них вы-

двигали контрреволюцию, и лишь за то, что они противостояли преследованию Церкви и, не таясь, порицали тех, кто принимал в нём участие. Я каждый день ходила на суд с группой студентов-богословов и со многими нашими госпитальными Сёстрами. И день за днём митрополит подолгу стоял перед допрашивавшими его судьями (в основном молодыми коммунистами, одетыми в красноармейскую форму), и никто из них ни разу не предложил ему присесть, хотя ноги его сильно распухли, причиняя мучительную боль. Но он стоял там лицом к лицу со своими обвинителями, кроткий и безмятежный, отвечая на их яростные нападки с таким спокойным достоинством, что я часто думала о суде синедриона над Христом. Поскольку арестантам не хватало еды и они были слабы от голода, студенты-богословы и Сёстры решили взять на себя заботу о них, доставляя каждый день хоть немного съестного. Мы приносили небольшие корзинки, по большей части с варёным картофелем, и во время перерыва передавали их подсудимым. К счастью, большевики этого не запрещали, и нам было очень приятно думать, что мы в силах оказать безвинно страдающим хоть какую-то помощь.

Однажды, незадолго до окончания позорного судилища, двери той залы, где оно проходило, были перекрыты солдатами, и многих присутствовавших задержали, в том числе и меня. После долгой сортировки, напомнившей мне библейскую притчу об овцах и козлищах, был наконец произведён отбор новых арестантов, и нас вывели перед зданием, где бы-

ло приказано, построившись в колонну, организованно маршировать в тюрьму. Нашу процессию возглавляли и замыкали кавалеристы, тогда как пешие охранники образовали с обеих сторон плотный кордон между нами и остальным миром. К счастью, я оказалась в самом хвосте одного из рядов и как раз в тот момент, когда мы собирались тронуться в путь, вдруг заметила одну свою знакомую, которая, стоя на панели, в ужасе смотрела в мою сторону.

"Пожалуйста, скажите моим друзьям, что я арестована", – пропела я так громко, как только могла, не глядя на женщину, чтобы не навлечь на ту неприятности, но с радостью отметив, что была ею услышана. Проследовав за колонной до самой тюрьмы и таким образом точно выяснив, где нас будут содержать, добрая душа помчалась затем в госпиталь и поведала о моём местонахождении Сёстрам. Этим она спасла меня от участи, постигшей многих других, – быть навсегда потерянной для мира.

Услышав свирепую команду "марш!" и деловитое строевое "ать-два, ать-два!", когда мы двинулись по направлению к темнице, я не смогла удержаться от смеха и хохотала так сильно, что сбилась с шага, получив за это строгий окрик и тычок в рёбра прикладом винтовки.

"Не смейтесь, ради всего святого, не смейтесь", – тихо пробормотал кто-то слева от меня, и, бросив взгляд в ту сторону, я узнала миниатюрную жену секретаря митрополита Вениамина, которого тоже судили и, как все считали, долж-

ны были приговорить к смертной казни. Милая, очень милая молодая женщина с огромными тёмными глазами и прелестнейшей в мире улыбкой, из-за своих размеров походившая на сказочную фею, в этот миг находилась на грани срыва, поскольку вдобавок к тому, что её муж был под судом и ему почти ничего не давали есть, кроме того небольшого, что она сама приносила ему изо дня в день, дома у неё совершенно один остался маленький ребёнок, который был заперт в их единственной комнате, а ключ от двери лежал в её кармане.

"Ох, что же будет с моим малышом? – стонала она снова и снова. – Кто будет присматривать за ним, кто будет его кормить?"

"Мир полон добрых людей, – твёрдо ответила я, пытаюсь её утешить. – Они обязательно догадаются взломать замок и позаботятся о Вашем сынишке, я уверена!" Так и произошло на самом деле, как мы узнали, когда наконец вышли на свободу.

По прибытии в острог нас загнали в небольшой внутренний дворик, где стали тщательно проверять наши документы, вновь запустив процесс сортировки. "Такой-то может быть свободен", – объявлял ответственный за отбор после просмотра удостоверения, которое, очевидно, его удовлетворяло, или: "Такой-то останется в заключении!" – довольно радостно, как мне казалось, выкрикивал он, когда написанное в очередной бумаге ему не нравилось. Мне пришлось долго ждать своей очереди, и, заметив кучу брёвен в углу

дворика, я присела и стала наблюдать за этой удивительной сценой. Посреди дворика стоял человек, вершивший наши судьбы, в окружении нескольких других мужчин, с которыми он советовался по поводу каждого документа, хотя ни у кого не вызывало сомнений, что последнее слово всегда оставалось за ним. Справа кучковались те, кому вскоре предстояло выйти отсюда, слева – будущие сидельцы. "Совсем как овцы и козлища", – вновь пришло мне в голову, а следом тут же возник вопрос, кем же буду я.

После тёплого дня стало сильно холодать, как это обычно бывает в мае в Петрограде, и вскоре я начала зябнуть в своём тонком платье, отчаянно жалея, что не захватила с собой какую-нибудь накидку. К тому времени, как назвали моё имя, я уже чихала и дрожала в первом приступе озноба. Изучив моё удостоверение, мужчина бросил на меня один из тех радостных взглядов, который красноречивее любых слов предсказал, к какой группе мне суждено присоединиться, так что я ни капли не удивилась, когда услышала: "Ирина К. С. останется в заключении!" И послушно потрусила налево, чтобы занять своё место среди "козлиц". Там уже находились и Ольга (миниатюрная жена секретаря митрополита), и госпожа Ковшарова, жена профессора Богословского института (которого тоже судили вместе с митрополитом), и многие другие, кого я не знала. Когда проверка наших бумаг закончилась, завершив тем самым и процесс отбора, нам, "обречённым", было брошено "в тюрьму!", в то время

как счастливики получили краткую команду ступить по домам. Нас отконвоировали в подвал тюрьмы, где разделили на несколько групп; моя состояла из трёх неизвестных женщин, маленькой Ольги и меня. Я уверена, что они любезно решили не разлучать нас с Ольгой, так как заметили, что она была на грани срыва и что я, как могла, поддерживала её в сложившихся обстоятельствах. Из подвала нас погнали наверх, в комнату, где за квадратным столом сидело несколько мужчин, деловито просматривавших наши документы. Там мы, одна за одной подходя к столу, отвечали на все вполголоса задаваемые вопросы, тоже делая это как можно тише, поскольку нас предупредили, что никто, кроме людей за столом, не должен слышать.

"Как вас зовут?" – было первым вопросом, который я услышала, а затем, когда я на него ответила, последовал раздражённый окрик: "Мы знаем!"

"Сколько вам лет? Когда вы родились? Кем были ваши родители? Живы они или умерли? Есть братья или сёстры? Где они? Где вы жили до Революции? После? Чем вы сейчас занимаетесь?" – быстро выстреливали они, сердито выкрикивая: "Мы знаем!" – после каждого моего ответа.

"Ну, если вам известно обо мне всё, тогда зачем вы задаёте все эти вопросы?" – невольно вскипая, парировала я.

"Замолчите, гражданка, и говорите только тогда, когда к вам обращаются!" – прорычал главный из них, гневно глядя на меня, после чего и остальные, скривив лицо, заорали:

"Молчать!"

Так что, разумеется, далее мне пришлось вести себя смиренно, хотя, чтобы унять свои взъерошенные чувства, я немного поворчала про себя, как обычно делал наш старый слуга, когда был расстроен. Раньше я часто задавалась вопросом, зачем он так делал, но в ту ночь поняла. Это помогает! После окончания допроса нас всех пятерых отвели в тесную камеру, сказав, что скоро принесут кофе. Такая весть нас существенно приободрила, и хотя было неприятно слышать, как надзирательница закрывает дверь, с жутким клацаньем запирая её, однако мысль о чашке горячего кофе помогла нам пережить это испытание и даже повеселеть.

"Настоящий кофе! Горячий кофе! Только представьте!" – твердили мы друг другу, с волнением ожидая звука шагов, которые возвестили бы о приближении долгожданного, не пробованного годами напитка!

"Эдакое лакомство в темнице! Кто бы мог этого ожидать!" – восхищённо воскликнула Елена Петровна, стильная участница нашей группы, одетая в белый льняной костюм (по моде 1914-го года) со всевозможными элегантными аксессуарами.

"А что, может быть, нам дадут к нему и молока, и настоящего хлеба", – предположила Анна Степановна, добрая старушка в очках, с седыми волосами, полная и по-матерински заботливая. И хотя нам не верилось в такую удачу, мы всё равно продолжали говорить об этом и надеяться, надеяться.

Даже маленькая Ольга, впервые улыбнувшись, пробормотала: "Возможно, они и сахар в кофе положат, как вы думаете?" – на что Мария Никитична, худая, скорбная старая дева, глубоко вздохнув, произнесла: "Подойдёт любой кофе. Главное, чтобы он был настоящим – и ничего больше не нужно".

Но прошёл час, потом другой, а кофе так и не появился. Всё длиннее и длиннее вытягивались наши лица, всё печальнее и печальнее становился взгляд наших глаз. Внезапно мы услышали долгожданные шаги, сопровождаемые безошибочно узнаваемым дребезжанием кружек на подносе.

"Несут, несут!" – закричали мы, возбуждённо подпрыгивая, а Елена Петровна бросилась к двери. Шаги замерли, в замочной скважине заскрежетал ключ ("Скорее, о, скорее, мы умираем от жажды!" – отчаянно взмолились мы хором), в следующее мгновение замок щёлкнул, затем дверь медленно отворилась, и вошла женщина с большим подносом, уставленным грязными оловянными кружками.

"Это кофе?" – закричали мы, толкая друг друга, чтобы рассмотреть, что налито внутри.

"Кофе? О, да, так и есть, это тюремный кофе", – мрачно ответила женщина, грохнув пять жестянок на наш маленький железный столик, в то время как другая, стоявшая позади неё с корзинкой, бросила нам пять малюсеньких кусочков, в которых мы тут же распознали обычный "занозистый хлеб" нашей жалкой повседневной жизни. В следующую минуту дверь захлопнулась, клацнул засов, и мы снова остались

одни, ошеломлённо уставившись на наши пять оловянных кружек, наполненных горячей и явно не слишком чистой водой, поскольку поверх неё плавали характерные мелкие кружочки жира! Столь горькое разочарование, постигшее нас вдобавок ко всему, что пришлось уже пережить, оказалось непосильным, и мы расплакались все разом, но каждая по-своему: Елена Петровна рыдала громко, трагически заламывая свои хорошенькие ручки; у Анны Степановны, продолжавшей выглядеть уютно и по-матерински, слёзы тихо скатывались по её некогда миловидным щекам; Мария Никитична спрятала своё похожее на топор лицо в тонких и жилистых ладонях; маленькая Ольга безудержно всхлипывала, растянувшись на единственном в каземате "ложе", тогда как я, внезапно сбросив годы, ревела так же отчаянно, как в те далёкие времена, когда была совсем малышкой. И так мы плакали и плакали, пока больше не осталось слёз, после чего обессиленно уселись в ряд на нашей единственной койке, словно стайка мокрых воробьёв на телеграфном проводе.

Около полудня нам выдали ещё немного горячей воды (на этот раз назвав её супом), сушёную рыбу и пять крохотных ломтиков всё того же "хлеба". А час спустя вновь заявила надзирательница и с крайне серьёзным видом сообщила, что маленькую Ольгу и меня надлежит немедленно перевести в другую камеру. Посему мы были вынуждены распрощаться с тремя нашими спутницами, которые, по-видимому, весьма расстроились, а Мария Никитична даже не премину-

ла мрачно сказать, что боится по отношению к нам "самого худшего". И мы двинулись рука об руку навстречу нашей неведомой судьбе, топоча вслед за надзирательницей вниз по железной винтовой лестнице. Прошагав через бесконечную цепь коридоров и зал, мы наконец-то прибыли в ту часть здания, которая показалась нам необычайно старой, грязной и тусклой, и здесь наша надзирательница передала нас мужчине, имевшему крайне неприятную наружность.

"Прощайте и удачи!" – любезно сказала она, а новый надзиратель, слегка подтолкнув нас, рыкнул: "Вперёд, пошевеливайтесь!"

Я не знаю почему, но эта сцена освежила в моей памяти дурацкий анекдот о попугае, произнёсшем: "Что ж, коль мне пора идти – я пойду", – в тот миг, когда его из клетки за хвост тащил кот.

"Что ж, коль и мне *пора*, то и я пойду", – пробормотала я себе под нос, слегка усмехнувшись.

"Чему, чёрт подери, ты улыбаешься?" – сердито спросил тюремщик.

"Да так, просто вспомнила анекдот", – ответила я, после чего тот гаркнул: "Анекдот? Тебя скоро ожидает куча анекдотов, если чудом не выберешься отсюда", – а Ольга умоляюще прошептала: "Пожалуйста, о, пожалуйста, не сердите его!"

В самом конце тёмного коридора нас втолкнули в огромную камеру, битком набитую женщинами. В тусклом свете

мне показалось, что их там было по меньшей мере сто, однако позже при внимательном рассмотрении я насчитала всего шестьдесят. Как только за нами захлопнулась дверная решётка, камера тут же наполнилась насмешливыми воплями.

"Эй, вы, буржуи, откуда, чёрт возьми, вас замело? Да мы, не желаете ли принять душистую ванну? Уже подавать ужин? Шампанское? Белые перчатки? Не угодно ли прокатиться в автомобиле? Ваше сиятельство, разрешите представиться! Ваше превосходительство, позвольте облобызать ручку!" – и прочее подобное, поскольку со всех сторон нас окружили самые мерзкие особы женского пола, каких только можно вообразить.

"*Межёр дёля революсьён*⁴⁵ – пронеслось в моём мозгу. – Отродье подпольного преступного мира, вынесенное на свет Божий стихией революции". Но почему теперь *они* здесь, в тюрьме? Однако *этого* я так и не узнала. Сущие ведьмы, бóльшая часть из которых была уродлива, грязна, злобна и зловонна, визжала, вопила и выла, демонстрируя дичайшие жесты. Воздух был насыщен смрадом и сквернословием, а эти твари, подобно бабкам-ёжкам на мётлах, кружили вокруг нас в неистовой вакханалии.

"Эй, вы, – прорычал тюремщик из-за решётки. – Оставьте их в покое, уяснили? А не то я отхожу вас кнутом". И те с видимой неохотой подчинились, разойдясь на время по своим нарам.

---

⁴⁵ Французское "Mégères de la révolution" – "Мегеры революции"

"А вы, новенькие, – позвал он, наблюдая за нами сквозь прутья решётки, – не стойте, как две дуры. Ступайте на своё место и оставайтесь там!"

"Но где наше место?" – поинтересовалась я.

"Позови Марту, и та укажет", – прорычал он, загремев решёткой, что, как мы вскоре обнаружили, было его самой неприятной привычкой. Заслышав своё имя, к нам подошла высокая худая женщина и молча указала на лежанку рядом с дверью.

"Нам что, вдвоём на ней спать?" – возмутилась я. Она кивнула, и несколько мегер расхохотались.

"'Княгинюшки' желают отдельные постельки, не так ли?" – проорали они, зайдясь от смеха и, по-видимому, думая, что выдали отличную шутку.

Чрезвычайно узкая лежанка была покрыта чем-то похожим на грязно-серое покрывало, усеянное мелкими коричневыми пятнышками, расположенными неравномерно. Подойдя ближе, мы, к своему ужасу, увидели, что пятна двигаются, а при ближайшем рассмотрении обнаружили, что на самом деле то были постельные клопы, такие толстые и вялые, что едва могли ползать.

"Что же нам делать?" – простонала я, в то время как твари, наблюдавшие за нами, мерзко хихикали, в восторге толкая друг друга в бок локтями.

"Мне всё равно, – еле слышно пробормотала Ольга. – Мне так плохо, что с клопами или без, но я собираюсь лечь, так

как больше не могу стоять ни минуты", – после чего упала на топчан и закрыла глаза.

Измученная, в полубессознательном состоянии, она даже не пошевелилась, когда кровососы начали по ней ползать, я же занялась тем, что стала деловито снимать их с неё, бросая затем на пол. Однако две ведьмы на соседних нарах, дабы свести на нет мои труды, мгновенно придумали очаровательную игру – перебрасывать своих собственных клопов на наше ложе, посылая их щелчком указательного пальца с таким совершенством, что ни разу не промахнулись мимо цели. А позже мерзкие насекомые начали падать на нас с потолка и заползать с пола по моим ногам, и это продолжалось до тех пор, пока я, обезумев, больше не могла терпеть такой пытки.

"Тюремщик, тюремщик! – заорала я, гремя решёткой так же, как делал он. – Тюремщик, сюда!" Ворча и ругаясь, он зашаркал ко мне.

"Что с тобой такое? – гневно рыкнул он. – Как ты посмела меня тревожить?"

"Тут клопы!" – отчаянно воскликнула я.

"Клопы? Нету тут никаких клопов!" – отрезал он, сотрясая, как обычно, прутья решётки.

"Нет, есть!" – сердито возразила я, тоже снова дёрнув решётку, к его явному удивлению и досаде.

"Прекрати шуметь и иди спать", – взревел он, но из-за гадких жучков я пришла в такое отчаяние, что всё остальное, казалось, не имело значения.

"Я буду греметь всю ночь, пока Вы не сделаете хоть что-нибудь с этой гадостью", – завопила я в ответ и, видимо, с такой решимостью, что внезапно он, перестав ругаться и расплывшись в добродушной улыбке, стал успокаивающе шептать: "Тише, тише! Я ничего не могу с ними сделать, ведь здесь их пруд пруди, и единственное, что тебе остаётся, – научиться полегче это переносить. Меня тоже кусают, но что я могу поделывать? Ничего, абсолютно ничего! Камера была довольно чистой, пока сюда не пригнали этих стерв, и теперь тут ад".

Поражённая тем, что людоед неожиданно стал добрым и человечным, я тоже невольно улыбнулась ему и вернулась к нашему топчану, чувствуя себя уже не такой сердитой на весь мир и отчего-то готовой к проявлению большей терпеливости. Но это состояние длилось недолго, так как вскоре мегеры устроили другую забаву, которая была столь же несносной, как и предыдущая, и при том бесконечно более опасной. В чём была суть, я не знала, но они бросали кости, после чего выигравшая громко объявляла, что она заберёт такой-то предмет одежды, принадлежащий "княгиням", имея в виду, конечно же, Ольгу и меня. Очевидно, мы являлись вынужденными дарителями призов, поскольку наши вещи были тщательно оценены, а затем последовали комментарии следующего рода: "Слышь, Саша, коль я выиграю, то заберу её ботинки" или "Матрона, коль твоя возьмёт, тады сымай её чулки", – и так далее, и так далее. Сначала всё

это было на словах, но когда они попытались всерьёз снять с Ольги обувь – я, вновь бросившись к решётке и загрохотав старыми прутьями, заорала: "Эй, тюремщик, быстрее сюда!"

"Что на этот раз? – зарычал он, снова приходя в ярость. – Неужто ты никогда не утомнишься и не дашь мне поспать – уже за полночь!"

"Мне всё равно! – кричала я. – Эти женщины играют в мерзкую игру, и победительница получает нашу одежду. Взгляните!" – и я указала на топчан, где несколько ведьм деловито стаскивали с Ольги чулки.

"А ну отвалите от неё, чёртовы кошки, прекратите сейчас же! – взревел тюремщик, отперев дверь, бросившись на мегер и расшвыривая их в разные стороны. – Разве я не запрещал вам кости? Что ж, попробуйте сыграть снова и увидите, что с вами будет. Клянусь, я не дам спуску, как в прошлый раз".

Его угрозы, судя по всему, произвели на тварей желаемый эффект, и те, забросив опасную забаву, оставили нас в покое. Всю ту ночь Ольга пролежала в состоянии полудрёмы-полуоцепенения, а я простояла рядом, готовая упасть от усталости, но ни разу не осмелившаяся присесть на отвратительную лежанку. Рядом с решёткой, похоже, было меньше клопов, и именно туда я время от времени подходила, цепляясь за прутья, чтобы передохнуть.

"Ты выглядишь прям как караульный, – сказала одна из женщин, подойдя поговорить со мной. – Я не могу уснуть

без снотворного, а здесь мне его не дают", – простонала она.

"Но как вообще возможно спать со всеми этими клопами?" – спросила я.

"О, они больше меня не беспокоят, – ответила та. – Я уже привыкла, да и они всегда нападают на новичков, оставляя нас, старожилов, сравнительно непокусанными". И я задумалась: если это правда, то кровососы, безусловно, должны обладать недюжинным умом, чтобы понять, что новоприбывшие, как говорится, более вкусная новинка в их меню.

Рано утром нас с Ольгой опять повели на допрос, но на этот раз к другим мужчинам, а после этого без каких-либо объяснений, но к нашему безмерному облегчению, перевели обратно в новую часть тюрьмы, поместив в маленький каземат, где были лишь мы без каких-либо других сововарищей. Наше новоявленное пристанище оказалось чистым помещением размером с крошечную ванную комнату с бетонным полом, одним маленьким окошком высоко под потолком, чтобы сидельцы не могли выглянуть наружу, одной узенькой койкой, прикреплённой к стене двумя цепями, чтобы иметь возможность либо поднять её, прижав вплотную к стене, либо опустить для сна, железным столом и парой железных сидений, которые, аналогично койке, крепились цепями к противоположной стене, а также туалетом в углу, завершавшим интерьер. Выцветшие стены, некогда выкрашенные в бледно-зелёный цвет, были теперь буквально покрыты дневниковыми записями политзаключённых, начиная с

1905-го года и вплоть до последних дней, и в этом заключалась интереснейшая особенность нашей камеры. Было весьма познавательно читать эти ежедневные отчёты о тюремной жизни, и к тому времени, когда я вышла на свободу, я знала их все наизусть. Имелось также несколько стихотворений, и одно особенно красивое было начертано представительницей рода Сувориных (владельцев одной из наших крупнейших газет "*Новое время*"), юной девушкой, которая, как нам поведали, скончалась в этой камере незадолго до нашего прибытия. Я выучила эти строки, а потом, когда меня освободили, записала и отправила одному из членов её семьи, но мне не известно, нашло ли то письмо до адресата.

Каземат был настолько чистым, что мы, к своему огорчению, обнаружили, что являлись в нём единственными источниками грязи – мы принесли в своей одежде несколько этих мерзких постельных клопов из отвратительной "адской камеры". Итак, после серьёзного обсуждения мы начали планомерную совместную охоту, не останавливаясь до тех пор, пока последнее насекомое не было поймано и благополучно изничтожено.

Среди записей на стене мы нашли небольшую инструкцию для кодового перестукивания и сразу же начали экспериментировать с ним, моментально получив ответные сигналы из камер справа, слева и снизу, что доставило нам огромное удовольствие. Затем, по очереди забравшись друг другу на плечи, мы выглянули в окно, увидев, что находились над

небольшим квадратным двориком, в самом центре которого росло одинокое дерево. Вокруг него ходил охранник с винтовкой, постоянно бросая взгляд на окна, вероятно, чтобы убедиться, что никто из арестантов не выглядывает наружу. Однажды мы стали свидетелями того, как он, вскинув винтовку, прицелился в одно из окон, хотя за тем никого не было видно. Позже мы стали абсолютными экспертами в том, как взбираться на узенький уступ под окном и общаться с другими сидельцами с помощью знаков, пока охранник стоял к нам спиной.

Однажды надзирательница, застукав нас за этим, пригрозила посещением "пробковой комнаты" – помещения размером не больше телефонной будки и, как нам сказали, со всеми четырьмя стенами, потолком и полом, полностью сделанными из пробки, без каких-либо окон или отверстий, да и вообще любой иной формы вентиляции. Сначала пребывание там воздействовало на поры жертвы, через очень короткое время начинавшей потеть, а затем из-за недостатка воздуха и задыхаться, что в конце концов могло привести к смерти от асфиксии, если жертву не выпускали слишком долго. Существовало ли подобное место в действительности или нет, мы так и не узнали, поскольку, к счастью, умудрились туда не попасть, но его жуткое описание произвело на нас столь глубокое впечатление, что всякий раз, когда нас предупреждали о возможности визита в "пробковую комнату", мы тут же прекращали совершать проступки, принимаясь соблюдать пра-

вила до мельчайших деталей.

В первый же день нашего пребывания в новой камере госпитальные Сёстры (знавшие, где я нахожусь, благодаря женщине, которая проводила меня до ворот тюрьмы) прислали корзину с едой, так что я смогла разделить с Ольгой всё тот же хлеб из мха и коры, сушёную рыбу и варёную картошку, которыми мы довольствовались в повседневной жизни. Нам приходилось отказываться от трети содержимого любой передачи, доставляемой нам дважды в неделю из внешнего мира, хотя в чью пользу, так и осталось для нас загадкой.

Спать вдвоём на одной узкой койке было большим испытанием, так как места едва хватало, и одна или другая из нас неизменно падала ночью на пол, просыпаясь с болезненной дрожью от тесного и внезапного соприкосновения с твёрдым, холодным бетоном. Наконец мы обнаружили, что лучший способ – укладываться на ночь "валетом", то есть когда ноги одной находятся рядом с головой другой, хотя это тоже было не особо приятно, так как мы часто во сне ударяли друг друга по лицу.

Поскольку в нашей камере имелся водопроводный кран, мытьё было простым и непринуждённым, и хотя было всё ещё очень холодно, мы ежедневно совершали под этим краном водные процедуры, в то же время позволяя воде свободно стекать по полу, таким образом основательно очищая и его тоже. Два раза в неделю мы получали с теми же передачами из госпиталя свежее нижнее бельё, в промежутках

устройства лёгкие постирушки в холодной воде под приветливым краном, что позволяло нам сохранять относительную чистоту. Еду приносили три раза в день, хотя то, что нам давали, было съедобным лишь отчасти. Всегда одна и та же горячая вода с жиром, солёные рыбные кости, "занозистый хлеб" и иногда довольно противная каша.

По ночам мы часто слышали звяканье ключей, а затем приглушённый окрик: "Заключённый номер такой-то, соберите свои вещи, вас отпускают на свободу", – либо же: "Заключённый номер такой-то, оставьте свои вещи в камере и выходите". Когда до нас долетал этот второй зловещий возглас, мы все понимали, что арестант, которого сейчас объявили, обречён сегодня на расстрел, и принимались тихо петь отходную молитву. Затем мы слышали *"повороты ключей и скрипенье замков"*⁴⁶, лязганье дверей, топот ног и рокот заводящегося мотора грузовика, готовящегося отвезти приговорённых к месту казни. Причина, по которой до нас так отчётливо доносились эти звуки, заключалась в том, что тюрьма была построена как колодец; все ярусы камер выходили на узкие железные балконы, висевшие над пустым пространством и соединявшиеся с первого этажа до самого верха винтовой железной лестницей. Таким образом малейший шум отдавался в этом колодце гулким, многократно усиленным грохотом, который был особенно пугающим в ночное

---

⁴⁶ Из стихотворения английского политика и поэта Уинтропа Прайда "Красный рыбак".

время. А заключённых всегда либо освобождали, либо выводили на расстрел ближе к рассвету.

Однажды, когда мы, сидя на своей койке, рассказывали друг другу различные истории – это было единственным, что мы могли делать, поскольку нам не разрешалось читать, писать, шить или во что-то играть, – мы услышали в "колодце" неясный шум, за которым последовали громкие голоса и топот ног, поднимавшихся по железной лестнице. Вскоре шаги приблизились, затем остановились перед нашей дверью, и мы, схватившись за руки, стали дрожать от страха. В следующее мгновение дверь открылась, и в камеру вошла надсмотрщица в сопровождении незнакомого мужчины.

"Вы обе, приготовьтесь идти в баню", – сказала она беззлобно, тогда как мужчина, стоя на пороге, сердито нас оглядывал.

"Их бы стоило расстрелять, а не парить", – пробормотал он, плюя на наш чистый пол и чертыхаясь.

"Но нам не нужно в баню, – с тревогой сказали мы. – Мы довольно чистоплотны и каждое утро моемся под этим крапом. Пожалуйста, не заставляйте нас идти".

"Мне жаль, – ответила надсмотрщица, – но у меня есть приказ, и вы должны пойти, хочется вам этого или нет". "Давайте же! – крикнул мужчина. – Да и вообще, к чему весь этот сыр-бор! А ну-ка, за мной!" – и, схватив нас обеих за руки, стащил с койки и вытянул на балкон. "А теперь живо марш вперёд!" – проорал он, встав позади нас, повернув ли-

цом к лестнице, а потом начав пинать и толкать нас кулаками, громко ругаясь на ходу.

При шуме, который он производил, вся тюрьма погрузилась в глубокое молчание, а затем внезапно знакомые голоса невидимых и доселе неизвестных нам товарищей по несчастью слились воедино в чудесной отходной молитве. Очевидно, все решили, что нас выводят на казнь, и в соответствии с неписанным тюремным законом прощались с нами. Мы задыхались от слёз, однако, не желая показаться ему слабыми и испуганными, проглотили их и твёрдо, с высоко поднятыми головами, взявшись за руки, пошли вперёд. Пройдя по бесконечным переходам и коридорам, мы в конце концов добрались до бани, где он последними пинками и толчками загнал нас в две отдельные кабинки, а там обнаружилось много горячей воды в больших деревянных кадках, а ещё сладко пахнущие берёзовые веники, которыми принято хлестать себя в русской бане, чтобы улучшить циркуляцию крови.

Как раз в тот миг, когда я собиралась раздеться, мне под дверь подсунули клочок бумаги, и, подняв его, я прочла следующие слова: "Не бойтесь, друзья работают над Вашим освобождением, и оно может наступить уже очень скоро. Митрополит Вениамин шлёт Вам своё благословение. В случае же, если Вы будете приговорены к смертной казни, Вам будет дано Святое Причастие. По прочтении уничтожьте эту записку и никому не говорите о ней. Ваш друг". Сбитая с

толку, испуганная и дрожащая, я тотчас же разорвала бумагу на мелкие кусочки, которые затем засунула в щель между стеной и полом и принялась разбрызгивать вокруг неё воду, надеясь тщательно пропитать обрывки. Поглощённая этим занятием, я вдруг услышала за дверью грубый голос банщика, объявивший: "Всё, ваше время вышло, одевайтесь и готовьтесь вернуться в свою камеру". Трясущимися пальцами я с трудом натянула свою одежду, гадая, получила ли и Ольга подобное сообщение, и пытаюсь сообразить, кто мог подсунуть его под мою дверь. Кто мог знать, что я была в той кабинке, кто ещё, кроме ругавшегося, пинавшего и толкавшего нас банщика? Неужели это сделал он? Была ли его грубость лишь напускной, чтобы скрыть истинные чувства? Выйдя из кабинки, я пристально взглянула в лицо мужчины, но оно было таким же холодным и мрачным, как раньше, не имея никаких признаков того, что он вообще был способен сделать что-либо любезное по отношению ко мне.

Когда я вышла, он уже матерился и не преминул нанести мне ощутимый тычок в спину. "Быстрее, пошевеливайся, – орал он. – Ты решила остаться тут на весь день? Почему они не перестреляют всех вас, проклятых аристократов? Этого я никак не могу понять! И почему тебя нужно мыть, я тоже не могу понять. Если только они не собрались расстрелять тебя сегодня ночью. Ты же знаешь, что смертников всегда моют перед казнью?" – услужливо добавил он.

А тут и Ольга показалась из своей кабинки, и хотя муж-

чина тоже ругал и толкал её, я смогла понять по сияющему выражению её глаз, что и она получила записку. Вновь взявшись за руки, мы вернулись по бесконечным коридорам в нашу часть тюрьмы, где были встречены надсмотрщицей. Мужчина передал нас ей и, даже не взглянув в нашу сторону, пошагал назад. Мы больше никогда его не видели и ничего о нём не слышали, однако, пока я жива, я всегда буду твёрдо верить, что именно тот свирепейший на вид банщик подсунул записки под наши двери.

На грани

Но все тюремные переживания были ничтожны по сравнению с одиночным заключением. Это действительно было тяжёлым испытанием, поскольку не дозволялось никаких развлечений: ни чтения, ни письма, ни шитья, ни рисования, ни лепки из глины – ничего, совершенно ничего, кроме нахождения в обществе самой себя в течение двадцати четырёх часов дня и ночи. Именно тогда я поняла, как много значило для меня общение с маленькой Ольгой во время нашего совместного пребывания в каземате при первом аресте. Ведь после короткого периода свободы – нас с Ольгой отпустили одновременно, и она вернулась к своему ребёнку, о котором всё это время заботились добрые соседи, – я была арестована снова. Это произошло вслед за осквернением Казанского собора, против которого я вместе с другими студентами-богословами яростно выступала.

"Вы, гражданка, здесь одна из зачинщиц и поэтому будете сурово наказаны", – авторитетно заявил находившийся в стане "врагов" высокий бородатый молодой человек. И, очевидно, исполнил свою угрозу без особого промедления, так как на следующий же день, когда я шла по улице недалеко от собора, меня забрали двое солдат и некий тип в штатском, доставив затем в ту же тюрьму. Место было мне уже хорошо знакомым, и я даже обрадовалась, увидев вновь свою надзи-

рательницу.

"*Теперь-то* ты что учудила? – поинтересовалась та строго, хотя и с огоньком в глазах. – Я думала, у тебя хватит ума вести себя прилично и держаться подальше отсюда. По крайней мере, хоть какое-то время", – добавила она, стараясь не улыбнуться и покачивая головой под тихое цоканье языком, чем явно выказывала мне своё неодобрение. "Вдобавок, – продолжила она, ведя меня к камере, – теперь ты будешь совсем одна, и посмотрим, как тебе это понравится!" Должна признаться, что мне это *ничуть* не понравилось, просто абсолютно, и когда она оставила меня, заперев замок со своеобразным, поющим "звоном", который я никогда не забуду, моим первым ощущением было удушье. Мне показалось, что внезапно в крошечной камере больше не осталось воздуха и я вот-вот задохнусь. Это напомнило мне часто снившийся в детстве кошмар: будто я совсем одна в большой просторной комнате и вдруг вижу, что та начинает уменьшаться, поскольку все четыре стены медленно приближаются ко мне, пока наконец не сдавливают, душа, – и в тот миг я с визгом просыпалась. А в этот раз я, громко закричав и спрыгнув с койки, бросилась к двери и стала колотить по ней обоими кулаками.

"Что стряслось? – приоткрыв в двери маленькое окошко с решёткой, строго бросила надсмотрщица. – Нельзя так шуметь, как тебе не стыдно! Ты же в тюрьме не новичок и должна знать правила!"

"Я задыхаюсь, мне дурно, здесь совершенно нет воздуха!" – запричитала я с таким отчаянием, что она поверила и открыла дверь.

"Нет воздуха? Что за чушь! – воскликнула она, внимательно всматриваясь в меня, затем добавила. – Подожди-ка минутку, я сейчас приоткрою окно и дам тебе стакан свежей холодной воды. Вот так, теперь ложись, – грубовато продолжила она, суетясь по камере. – Попей, закрой глаза и больше меня не беспокой – и без тебя дел по горло!"

"Побудьте чуть-чуть, – прошептала я, хватая её за юбку, когда она проходила мимо, и притягивая к себе. – Это 'звон' замка напугал меня. Он звучал так жестоко! Я думаю, что именно от него мне стало плохо".

Мгновение она испытующе смотрела на меня, а затем, пожав плечами, легонько пошлёпала по лицу. "*Дурочка*", – промолвила она с тенью улыбки, но, выходя, хлопнула дверь с таким оглушительным грохотом, что в нём уже нельзя было различить никакого "звона".

Оставшись одна, я стала размышлять, чем же мне заняться в часы бодрствования! "Что можно делать в таком тесном месте, как это, да ещё в компании лишь самой себя?" – тревожно думала я, оглядывая каземат в поисках вдохновения. И тут оно пришло! Как гром среди ясного неба, откуда-то из самой глубины моего сознания блеснуло озарение: "Вспомни индуистское учение о концентрации на мыслях и воспоминаниях!" Вновь сиганув с койки, но на этот раз восторжен-

но выкрикивая: "Эврика, эврика!" – я затанцевала по камере и остановилась, лишь когда у меня закружилась голова. "Давай-ка теперь придумаем, – пробормотала я самой себе, когда смогла отдышаться, – как это лучше организовать. Из-за отсутствия карандаша и бумаги, чтобы набросать распорядок дня, всё не так-то просто, но, с другой стороны, не так уж и сложно, поскольку у меня есть часы и, следовательно, я смогу засекаать время своих размышлений по ним". Итак, я тут же приступила к составлению графика тюремных дней, решив, что после пробуждения и мытья – одновременно и себя, и бетонного пола – да и завтрак тоже (если эту жирную горячую воду и кусочек фальшивого хлеба можно назвать "завтраком") я стану посвящать каждый час раздумьям на какую-нибудь определённую тему. Например: час на путешествия, час на книги и так далее. Дабы не слишком уставать, я разделила мысли на трудные и лёгкие, добавив для отвлечения от них часы для гимнастики, танцев и пения. Таким образом, моя программа вышла следующей:

7:00-8:00 подъём, мытьё, одевание, завтрак

8:00-8:30 гимнастика

8:30-9:00 пение

9:00-10:00 история

10:00-11:00 математика

11:00-12:00 танцы

12:00-14:00 обед и отдых

14:00-15:00 медицина

15:00-16:00 география

16:00-17:00 путешествия

17:00-18:00 ужин и отдых

18:00-19:00 расхаживание взад-вперёд по камере

19:00-20:00 теология

20:00-21:00 книги

21:00-22:00 и позже, досуг для любых мыслей

Размышляя об истории, я брала какой-то определённый период, например, из английской хроники, двигаясь понемногу с самого начала до наших дней и пытаюсь вспомнить всё, что я знала о периоде, на котором концентрировалась. Географию я тоже делила на части, обдумывая, скажем, Францию, потом Германию, потом Россию и так далее. Математика была чрезвычайно запутанной и трудной, так как я всегда являлась и, похоже, останусь отвратительно плохим математиком, и мне при отсутствии карандаша весьма несложно потерять нить рассуждений, а затем и терпение, в конце концов расплакавшись от досады. Медицинские вопросы, которые из-за недавней учёбы были ещё довольно свежи в моей памяти, вызывали неизменный интерес, как и мои раздумья, связанные с теологией. Но больше всего мне нравились путешествия и книги. Закрыв глаза и вспоминая, к примеру, Неаполь, я постепенно в своём воображении начинала видеть давно забытые улицы, и магазины, выставившие товары, которые я тогда едва заметила, хотя, очевидно, они оставили некое впечатление в моём мозгу, и вывески, и

лица, и маленькие уличные сценки – другими словами, город внезапно оживал и вместо того, чтобы быть застывшим, как на фотографии, наполнялся цветом, звуком и движением! Поистине замечательные переживания, которыми я наслаждалась так сильно, что вряд ли смогу найти слова, чтобы их передать. Что касается книг, то я размышляла только о тех, которые хорошо знала, таких, скажем, как *"Война и мир"* Толстого, читанных и перечитанных не один раз. И когда я концентрировалась на какой-нибудь любимой главе, у меня довольно быстро возникало впечатление, что я как бы снова *вижу* слова, читаю их и даже переворачиваю страницы. Чем больше я сосредотачивалась, тем чётче вспоминались и путешествия, и книги, пока наконец эти часы не стали полны такого удовольствия, что ни поездки, позже случившиеся в моей жизни, ни какие-либо книги, прочитанные впоследствии, никогда не могли сравниться с ними! Полагаю, это было сродни полёту духа по всему миру, полёту беспрепятственному и свободному, когда ничто не сковывает движений и не задерживает его скорость. И я должна признать, что та ежедневная программа размышлений, вероятно, спасла мой разум, который вместо того, чтобы слабеть в одиночном заключении, делался с каждым днём сильнее и свободнее, усваивая великий урок веры в себя и силы жить внутри самой себя!

Но однажды ночью наступил кульминационный момент моей тюремной жизни. Как я уже говорила ранее, рассвет

был временем, когда заключённых обычно или освобождали, или увозили на расстрел, и именно тогда нас будили разносившиеся эхом по тюремному колодцу зловещие звуки, а затем голоса, негромко выкрикивавшие счастливые или несчастливые номера арестантов. Я часто в ужасе сидела у двери на корточках, прислушиваясь к этим жутким звукам, дрожа с головы до ног, с холодными, липкими руками и неопишимо тошнотворным чувством замирания внутри. Когда звуки стихали и всё снова успокаивалось, я забиралась обратно на свою койку и лежала там, уставившись в потолок, пока не наступало время подъёма. И в эту ночь я была разбужена теми же страшными звуками, которые на этот раз постепенно приблизились к моей двери. Спрыгнув с койки, как обычно напуганная и дрожащая, я вдруг отчётливо услышала сквозь дверную решётку голос: "Номер 34" (это был мой тюремный номер), "приготовьтесь выйти *без своих вещей!*" За этими словами последовала леденящая тишина, а спустя несколько секунд тюрьму наполнило знакомое пение отходной молитвы. Шатаясь и задыхаясь, я проковыляла пару шагов и упала на свою койку, стуча зубами, впиваясь ногтями в ладони и колотясь всем телом в приступе отчаяния. Но затем произошла необъяснимая вещь: пока я, содрогаясь, лежала там, какая-то часть моего естества стала понемногу отделяться от охваченного паникой тела, и наконец мне показалось, что я уже стою в стороне, спокойно наблюдая за каждым его движением. Сначала эта отдельная часть

выглядела наваждением, хрупким и нереальным, но с каждым мигом становилась всё крепче и отчётливей, пока я не почувствовала, что это действительно настоящая "Я", тогда как моё измученное тело – лишь малая и слабая толика меня. Я не знаю, как объяснить тот странный опыт, поскольку никогда не могла найти для этого нужных слов, но всякий раз, когда я думаю о нём, я вижу и понимаю происшедшее. И когда отделившаяся часть окончательно налилась силой, тело перестало трястись, и в него вошло ощущение великого покоя, подействовавшее словно наркотик, принятый во время приступа острой боли. Было ли это следствием веры всей моей жизни, или причиной тому стало недавнее обучение индуистскому мышлению? Я, вероятно, никогда не узнаю, но ясно, что тогда перед лицом смерти я испытала ни с чем не сравнимое переживание. Должно быть, всё произошло очень быстро, возможно, в течение всего пары минут, поскольку ко времени второго оклика я уже стояла у двери совершенно безмятежно или, лучше сказать, в довольно возвышенном состоянии духа и готовая умереть в любой момент "достойным образом". "Сейчас начнётся", – подумала я, услышав, как шаги, вновь приблизившись, стихли перед моей дверью. И тут сквозь решётку чётко донеслись слова: "Номер 34, случилась *ошибка*, оставайтесь в камере". А потом был звук удаляющихся шагов, за которым последовала тишина. В тот же миг я, дрожа и рыдая, рухнула на пол – окончательно и бесповоротно, так как сил добраться до кой-

ки не осталось. И пролежала там до утра – вплоть до того момента, когда надсмотрщица принесла завтрак, – и, судя по всему, проведя столько часов на холодном бетоне, застудилась, поскольку ближе к полудню у меня уже был сильный жар. Поспешно вызванный тюремный доктор объявил, что у меня пневмония и меня следует немедленно перевести в тюремный лазарет.

Именно там, в палате, где мой организм день за днём истово боролся за свою жизнь, до меня дошло известие, что доктор Голдер всё это время изо всех сил добивался разрешения на моё освобождение, в итоге получив его, а заодно договорившись, чтобы меня направили для последующего лечения в мой собственный госпиталь. Даже не успев ничего осознать, я, словно во сне, опять оказалась в знакомой обстановке, окружённая милыми лицами, которые и не надеялась увидеть снова. Вне всяких сомнений, это спасло мне жизнь, и вскоре я уже была на пути к выздоровлению. Доктор Голдер посещал меня, но нечасто, хотя и редкие визиты не считал разумным поступком, заботясь как о моей, так и о собственной безопасности из-за шпионов, постоянно следивших за его перемещениями и встречами, а наше с ним общение в глазах властей могло расцениваться по отношению к ним как бестактное. Благодаря своей мудрости и большому такту он был в отличных отношениях с представителями советской власти на разных уровнях, и те, относясь к нему учтиво, были, казалось, даже рады оказать ему

кое-какие мелкие услуги, однако он редко просил об этом, тщательно избегая какой-либо связи с политическими делами и уделяя всё своё внимание конкретной работе на благо своего университета. Но сила его личности, полная величайшей доброты и милосердия ко всем людям, независимо от их политических убеждений, помогла ему преодолеть любые трудности и нести свет повсюду, куда бы он ни шёл. Очень тихо, ибо был немногословен, он осуществлял свою благотворительность, помогая направо и налево, никогда не хвастаясь, никогда даже не упоминая своего имени, но неуклонно делая что-то хорошее для других! И хотя его никак нельзя было назвать богатым человеком, он легко раздавал содержимое своих карманов, ни разу не отказав в чье-то просьбе, но частенько отказывая самому себе, чтобы иметь возможность помочь нуждающимся. У него была поистине великая и светлая душа, и мир потерял замечательного человека, когда его не стало.

Другой мой друг, доктор Хершел Уокер, тоже был удивительным человеком (точнее сказать, *является*, так как, слава Богу, он жив и здоров⁴⁷). Будучи намного моложе доктора Голдера, однако благодаря своим недюжинным способностям, он стоял во главе отделения АРА в Петрограде, неустанно работая, чтобы сделать свою организацию совершенным механизмом, каковым она и стала. Обладая настоящим организаторским талантом, быстрым и энергичным

---

⁴⁷ На момент написания Ириной этих строк в 1931-ом году.

умом, всегда начеку, всегда в поиске чего-то нового и стоящего, что можно было бы привнести в свою сферу деятельности, он не имел ни дня передышки за всё время пребывания в России. Я знаю об этом, поскольку доктор Голдер часто отзывался о докторе Уокере с большим восхищением и неподдельным уважением. "Этот юноша делает отменную работу", – повторял он снова и снова, всякий раз приводя в пример какой-нибудь маленький эпизод, который доказывал, что это так.

Вскоре после того, как я во второй раз покинула тюрьму и выздоравливала в одной из палат госпиталя, доктор Голдер, придя проведать меня, сообщил, что у него есть хорошие новости. Он рассказал обо мне своим друзьям: профессору Соколову, мистеру Аснису и нескольким другим, – и те согласились помочь мне выехать из страны, будучи только рады наконец оказать ему услугу. Помимо того факта, что я всё ещё была больна (остро страдая тем летом от астмы) и к тому же крайне ослаблена, они прекрасно знали, что я в течение пяти (а вернее, уже почти шести) послереволюционных лет не участвовала ни в какой контрреволюционной деятельности (и даже напротив, ограничила свою деятельность только работой в госпитале, ухаживая за всеми пациентами, независимо от того, были ли они монархистами или большевиками), и абсолютно не видели причин, по которым мне следовало бы запретить выезд, тем более что этого желал доктор Голдер, даже несмотря на то, что его просьба была

весьма необычной. Но они настояли на том, чтобы мои лёгкие обследовал врач-большевик, который своим вердиктом решил бы мою судьбу (и тот любезно сделал это, сказав, что у меня ужасное состояние здоровья, которое скоро всё равно приведёт к смерти). Я считаю, что это его заявление помогло мне больше, чем что-либо иное. Поначалу, когда доктор Голдер рассказал мне всё о планах по моему отъезду, я даже слышать о них не хотела и горько плакала, если он настаивал. День за днём, невзирая на шпионов, он приходил, пытаюсь убедить меня, пока наконец я не сдалась, промолвив решительное: "Хорошо, я поеду". Но до этого часа, пережив все ужасы последних лет, выстрадав и, как я думала, став неотъемлемой частью Новой России, я ненавидела самую мысль о расставании с ней. Уезжать теперь, когда самая страшная буря миновала и на тлеющих руинах Старой России вот-вот должна начаться Эра Созидания, казалось преступлением.

"Если я уже прошла через всё это, – кричала я, – почему мне нужно уезжать? Я не хочу уезжать! Если, как Вы говорите, я слишком слаба, чтобы выжить, и умираю, то позвольте мне умереть здесь, в своей собственной стране. Эта мысль абсолютно не пугает меня, а вот изгнание пугает – о, да, пугает! Видите ли, за все эти годы я очень многому *научилась* и одновременно слишком многое *забыла!* *Научилась* страдать и понимать, что важнее всего в этом мире *люди ... Забыла* все суетные мелочи жизни, которые так много значат везде там и так мало здесь, где мы каждый день видели смерть ли-

цом к лицу и жизнь такой, какая она есть на самом деле – совершенно неприкрытой, ужасной, но *реальной*. Я больше нигде не смогу существовать! Куда бы я ни поехала, я буду нести с собой это знание о жизни и смерти, а всё остальное будет казаться мелким и ничтожным. Так что прошу Вас, пожалуйста, не уговаривайте меня!"

"Однако, – спокойно отвечал доктор Голдер, – не забывайте, что жизнь и смерть есть и на той стороне, и пусть ужасы не столь неприкрыты, как тут, но всё же за всеми 'суетными мелочами жизни', как Вы их называете, они также присутствуют в полной мере. Поэтому возвращайтесь в мир, моя дорогая, и используйте знания, данные Вам через страдания, чтобы и *там* помогать людям".

И когда он пришёл на следующий день, я дала согласие, после чего сразу же начались серьёзные приготовления к моему отъезду. Требовалось получить кучу официальных разрешений, но лично мне особо никак не пришлось готовиться, поскольку не дозволялось брать с собой за границу никакого багажа, то есть фактически ничего, кроме предметов первой необходимости, сведённых к жалкому минимуму, легко помещавшемуся в крошечную сумку. Кроме того, мне позволили взять 50 долларов и ни центом больше. Эта сумма представляла собой весь мой капитал для вступления в новую жизнь.

Ввиду невозможности остаться в госпитале в качестве пациентки, я сняла комнату на Невском проспекте у очарова-

тельной женщины, которую знала, Иды Александровны С., пробыв там до самого отъезда. Когда все мои бумаги были наконец готовы (к тому времени настал октябрь), я на два дня поехала в Москву, надеясь, что мне дадут свидание с Патриархом, заключённым в Донском монастыре. Но не дали. Тогда я отправила ему маленькую корзинку с едой, сопроводив её запиской, в которой сообщала, что отправляюсь в путь, дабы навестить свою сестру, и просила его на то благословения. Я написала так потому, что он знал о нахождении Ольги в Англии и догадался бы, что я уезжаю из России и, возможно, навсегда. И охранник, внимательно прочтя это, сказал: "Да, всё хорошо, ему можно это передать!" – и даже показал мне его оконце, под которым я могла встать, ожидая запрошенного. "Окно высоко, и тебе не узреть его лица, – объяснил он, – но коли он подымет руки, как иногда делает, то ты их хорошо увидишь". Мне не пришлось долго ждать! Стоя там и уставившись в окно, я вдруг разглядела две руки, поднятые вверх в благословении. Они казались мне непривычно длинными, тонкими и бледными; "измождённые, аскетичные", – мелькнула мысль, и я упала на колени, простёршись ниц в направлении этих рук. Когда я подняла голову, они уже исчезли, но я так и осталась стоять на коленях, горько рыдая, окружённая изумлёнными прохожими, которые через минуту помогли мне встать. Вскоре Патриарх умер, но мне не дано до конца своих дней забыть тех бледных рук, благословивших мой отъезд!

Отъезд и злоключения

Тяжёлый поезд дёрнулся, покачнулся и медленно тронулся от Балтийского вокзала. Высунувшись из окна купе, в котором мне суждено было ехать, я лихорадочно махала небольшой кучке друзей, пришедших проводить меня, и когда их оставшиеся на платформе фигуры начали удаляться всё дальше и дальше. слёзы ручьём потекли по моему лицу.

"До свидания, до свидания! Я когда-нибудь вернусь! Обязательно!" – кричала я, высовываясь всё сильнее, размахивая обеими руками, посылая воздушные поцелуи и громко всхлипывая. Я знала, что они меня уже не слышат, но в тот момент, покидая Россию и, вполне вероятно, навеки, чувствовала потребность выкрикивать изо всех сил, что однажды я непременно приеду назад! Ни голод, ни преследования, ни тюремное заключение – ничто не могло сравниться с терзаниями от сознательного отъезда из своей собственной страны, осмысленного самоизгнания.

"Эй, ты!" – раздался позади меня мужской голос, и, обернувшись, я увидела, что на меня сердито смотрит проводник поезда. "Что с тобой такое? – продолжил он, и мерзкая ухмылка исказила его черты. – Ты считаешь, что можешь так себя вести в моём поезде? Запомни, времена изменились, и тут теперь нет места вашей буржуазной сентиментальности".

"Я навсегда покидаю Родину!", – воскликнула я, но тот

перебил меня, проорав: "И это же прекрасно – чем быстрее мы избавимся от вас, буржуев, тем лучше, но я, хоть убей, не могу понять, почему тебе позволили сбежать. Тюрьма – вот самое подходящее место для всех вас!" И тут я расшвырнула.

"Да как вы вообще смеее критиковать действия вышестоящих должностных лиц? – парировала я. – Если они позволили мне покинуть Россию – на это нашлась веская причина, и вы не имеете права высказывать какое бы то ни было мнение. И более того, – добавила я, так как в моей голове возникла блестящая мысль, – я думаю, что вы контрреволюционер, и на первой же станции отправлю в ЦИК телеграмму с жалобой на ваше поведение, сообщив, что вы оскорбили пассажира, покидающего страну легально, с разрешения советского правительства."

Это неожиданное заявление заставило мужчину замолчать, и он несколько секунд пристально глядел на меня, очевидно, пытаясь понять, говорю ли я всерьёз или нет, в то время как я, не мигая, смотрела на него в ответ. "Ладно, ладно!" – наконец бросил он, попятившись и бормоча что-то себе под нос.

Дрожа с головы до ног, я откинулась на спинку сиденья, совершенно измученная всем тем, через что мне пришлось пройти за последние месяцы. Я всё ещё была чрезвычайно слаба после своей долгой болезни, и малейшее напряжение абсолютно меня изматывало. Чувствуя головокружение и тошноту, я прикрыла глаза, и тогда сцены из прошлого ста-

ли смутно всплывать в моём сознании. Смерть моих отца и матери – настоящих жертв Революции, неопределённость жизни, когда в течение пяти лет я ни дня не была уверена, наступит ли "завтра", постоянный голод, отвратительная нищета, нескончаемое чувство истощения и полного отсутствия сил, а напоследок тюремное заключение и страшные минуты абсолютной уверенности, что нынче же меня ожидает расстрел. А затем, к счастью, недуг, спасший мне жизнь, поскольку, заболев пневмонией, я попала из тюремной камеры в лазарет, где доктор Голдер из АРА нашёл меня и упрощил большевикам дать мне свободу и от тюрьмы, и от страны, сказав, что в любом случае я, вероятно, очень скоро умру в эмиграции.

И вот она я, всё ещё расшатанная после тюрьмы и хвори, сижу в поезде, увозящем меня в изгнание, и у меня во всём свете не осталось ничего, кроме старой поношенной одежды, которая на мне надета, маленького узелка с едой, всего одной смены нижнего белья, советского паспорта на выезд из страны и пятидесяти долларов, выданных мне АРА. Как же ужасно было уезжать! Ведь я бесспорно предпочла бы эмиграции невообразимую жизнь и даже смерть в России, если бы не непрерывные настоятельные уговоры доктора Голдера, пытавшегося заполучить моё согласие на отъезд. Он думал, что действует из лучших побуждений, но был ли он прав? Теперь я сильно сомневалась в этом. Что ждало меня в будущем на чужбине, немощную и без гроша в кармане, ведь

пятидесяти долларов надолго не хватит. Найду ли я работу за границей, и сможет ли моя сестра в Англии поддерживать меня, пока этого не случится? Вот какие мысли пронеслись в моей голове, пока я сидела в углу купе, тогда как поезд разгонялся всё быстрее и быстрее, а колёса стучали всё громче и громче: "Ты уезжаешь навсегда, ты уезжаешь навсегда, ты уезжаешь навсегда!"

Внезапно кто-то мягко коснулся меня, и, открыв глаза, я увидела лицо склонившейся надо мной молодой женщины – доброе лицо с большими тёмными глазами, полными жалости.

"Вам снились плохие сны, – тихо сказала та. – Вы стонали во сне, и я подумала, что лучше Вас разбудить. Не хотите ли горячего чаю? – предложила она, вкладывая кружку в мою ладонь и бормоча, – попейте, *Голубушка*, это пойдёт Вам на пользу".

Участие этого совершенно незнакомого человека и тепло чая тут же заставили меня почувствовать себя лучше и, развеяв мои болезненные сны наяву, вернули к реальной жизни.

Нас было восемь попутчиц в купе, рассчитанном на четырёх пассажиров, и мне повезло, что я сидела в углу, где только с одной стороны меня сдавливала соседка, вместо того чтобы оказаться зажатой между двумя. Ласковая молодая женщина сидела напротив меня и, очевидно, была добрым гением вечеринки, поддерживая лёгкое течение успокаивающей беседы и в то же время продолжая передавать жестяные

кружки, наполненные жидким чаем, который она заварила в выдавшем виды эмалированном чайнике, сильно потрескавшемся и помятом. Поскольку разговор не шёл ни о чём конкретном и мои попутчицы были довольно неинтересны, я вскоре провалилась в глубокий сон. Неожиданно сильный тычок в рёбра вырвал меня оттуда, и, резко сев, я увидела, что мой старый враг, кондуктор, вновь пристально смотрит на меня.

"Ты ошиблась купе, гражданочка, – прорычал он. – Быстро убирайся отсюда, или я вышвырну тебя вон ..."

"И я тотчас же отправлю эту телеграмму о вас – хотите проверить?" – вскричала я в ответ. Но на этот раз мои слова не произвели должного эффекта.

"И какую же телеграмму ты можешь послать, ты, графиня?" – издевательски процедил он.

Однако я стояла на своём, хотя и была несколько озадачена тем, что он узнал о моём титуле, и сделала это по возможности максимально убедительно: "Я пошлю сразу три – одно Зиновьеву, одно Соколову и одно Аснису!"

И снова он, огорошенный моими словами, заколебался, а через пару мгновений, смачно сплюнув и пробормотав на мой счёт нелестные вещи, вылетел из купе, хлопнув за собой дверь. Я торжествующе огляделась, в то время как мои спутницы уставились на меня в изумлении.

"О, так Вы большевичка?" – укоризненно пробормотала добрая молодая женщина, тогда как другая, до этого упорно

державшаяся отстранённо по отношению ко всем нам, вдруг одобрительно мне улыбнулась. "Ага, значит, вы большевичка?" – тоже спросила она, хотя совершенно другим тоном, как бы говоря: "Добро пожаловать, товарищ, добро пожаловать!"

"Ничего подобного, – возмущённо ответила я обеим. – Но у меня есть разрешение на выезд из страны, а потому я, конечно же, не позволю кондуктору оскорблять меня".

Едва эти слова слетели с моих губ, как мой враг вернулся в сопровождении другого мужчины и, указав на меня грязным пальцем, прорычал: "А ну-ка, пойдём!"

"Куда это?" – спросила я со всем достоинством, на которое была способна. Но прежде чем я успела добавить ещё хоть слово, он схватил меня за плечо и, рывком подняв с моего места и вытащив в коридор, втолкнул в другое купе.

"А теперь оставайся здесь, ты, 'телеграфиня', и чтобы я больше от тебя ни одного писка не слышал", – радостно провозгласил он, опять хлопнув дверью при выходе. И я оказалась в помещении, в котором находилось даже не восемь человек, а десять. В ту минуту, когда я появилась, раздался ропот протеста.

"Нас здесь и так уже десять, куда нам ещё одну?" – воскликнули они хором.

"Но этот человек меня сюда втолкнул; я тоже не хочу быть с вами", – парировала я, раздражённая тем, сколь недружелюбно они меня приняли.

"Послушайте, – сказала решительная женщина немалых размеров, – нам всё равно, кто вас сюда привёл, но вам, дамочка, придётся уйти", – после чего, также схватив меня за плечи, вытолкнула в коридор.

"Зачем ты вышла оттуда? – взревел проводник, угрожающе надвигаясь на меня. – Разве я не велел тебе ехать в том купе?"

"Но они не желают, чтобы я там оставалась", – запротестовала я, крайне расстроившись из-за того, что никто, похоже, не хотел путешествовать со мной в одной компании.

"Не желают *тебя*? Что ж, меня это не удивляет, – позлорадствовал он, видимо, весьма довольный моей непопулярностью. – Тем не менее ты сейчас же туда возвращаешься". Я дёрнула за ручку двери – та была заперта. "Ну, – прогремел он, – в чём дело? Поторопись!"

"Я не могу, – яростно закричала я. – Они меня не пускают". Этот аргумент оказался действенным, поскольку он, мгновенно перестав злиться на меня и направив свой гнев в иное русло, начал материть десятерых пассажиров купе, пиная дверь, которую они явно удерживали изо всех своих десятикратных сил, колотя в неё кулаками и выкрикивая самые страшные оскорбления. Но они не сдавались!

"Именем советской власти я приказываю вам открыть эту чёртову дверь!" – наконец прорычал он, в то время как я, стоя позади него и затаив дыхание, наблюдала за исходом битвы. Его последние слова подействовали как по манове-

нию волшебной палочки. Дверь немедленно открылась, и в ту же секунду меня снова спешно втолкнули в злосчастное купе, где моё присутствие было столь нежелательным.

"Вот ты и тут и тут ты останешься, – решительно заявил мой мучитель, вытирая лоб и тяжело дыша. – Вы все уже причинили достаточно неприятностей, и чем меньше вас будет видно и слышно, тем лучше", – угрожающе добавил он, зыркнув в сторону остальных и поворачиваясь, чтобы уйти.

"И теперь, когда вы здесь, где вы, скажите на милость, собираетесь сидеть? – спросил с неприкрытым сарказмом очень худой мужчина. – Конечно, мы рады, что вы есть у нас, но я очень боюсь, что вам придётся стоять".

"Ладно, я постою", – устало вздохнула я, прислоняясь к двери и закрывая глаза. Я вновь почувствовала слабость и головокружение, и мне стало безразлично, что произойдёт дальше.

"Так она же больна!" – услышала я чьё-то восклицание.

"Точно", – подтвердил другой голос.

"Ох, бедняжка!" – посочувствовал третий.

Внезапно отношение ко мне этих десятерых кардинально изменилось. Кто-то осторожно взял меня на руки и уложил на сиденье, кто-то положил мне на лоб мокрый носовой платок, кто-то растёр мои руки. Надо мной пронёсся торопливый тихий шепоток.

"Накройте её".

"Дайте ей воды".

"Нет, лучше какой-нибудь еды – она голодна".

"Не говорите глупостей! Как она будет есть, она же умирает".

"Врача, позовите врача! Есть он в этом поезде?"

Я смутно помню и другие перешёптывания – настоящий яростный маленький консилиум с кучей советов и аргументов прямо у меня над головой.

"Она умрёт".

"Нет, не умрёт".

"Да, умрёт".

"Нет, не должна".

"Тише, она может вас слышать".

"Положите ей под голову подушку".

"Нет, уберите подушку".

"Пусть она лежит на спине".

"Нет, сейчас же поверните её набок!"

Затем внезапно бесцельное трепыхание прекратилось, и новый компетентный голос и две компетентные руки взяли ситуацию под свой контроль.

"Пожалуйста, отойдите, – авторитетно заявил этот голос. – Через пять минут с ней всё будет в порядке. Это обычная слабость после долгого недуга. Ведь очевидно, что она была сильно больна".

После этого – пустота, а затем – приятное ощущение тепла и уюта, за которым следует осознание, что я лежу, вытянувшись во весь рост, с роскошью мягкой подушки под го-

ловой и толстого шерстяного одеяла, укутавшего меня.

"Я опять вижу сон", – решила я, но, открыв глаза, уткнулась взглядом в склонившуюся надо мной добрую молодую женщину из первого купе. "Зачем Вы здесь? Без Вас нас и так одиннадцать человек", – с тревогой прошептала я, боясь, что её вот-вот тоже прогонят. Однако та, покачав головой и улыбнувшись, прошептала в ответ: "Нет, всё хорошо – Вы снова с нами в первом купе, и мы рады этому, *Голубушка*. Спице, спице". Как же чудно вытянуться, находиться в тепле, осознавать, что кто-то заботится о тебе, – все эти мысли быстро пронеслись в моей голове, и я вновь крепко заснула.

"Ба, да она опять здесь, где ей не место! Как она сюда попала?" – прорвался сквозь мои сладкие сны знакомый голос проводника, тогда как его знакомая рука привычно встряхнула, схватив меня за плечо.

"Я не имею понятия, как я сюда попала. Должно быть, кто-то меня принёс", – извиняющимся тоном ответила я. Однако тот мне не поверил.

"Ты лжёшь, 'телеграфиня', и я прослежу, чтобы тебя за это наказали должным образом", – крикнул он, дёргая меня, чтобы заставить встать, и разбудив произведённым шумом остальных моих спутниц.

"Послушай, товарищ, – заговорила вдруг дама-большевичка. – Я начинаю уставать от всей этой чепухи. Разве ты не видишь, что она больна? Ну, так и оставь её в покое, а сам ступай отсюда, слышишь? Меня зовут товарищ Т., и если те-

бе нужно о чём-то поспорить, то мы с тобой поспорим утром, а сейчас дай нам поспать! Спокойной ночи!" – и энергично хлопнув его по спине, она и вправду избавилась от зануды, принеся долгожданный покой в наше купе.

Наш тяжёлый состав, собранный из товарных вагонов, за исключением лишь одного пассажирского, в котором мы и ехали, продвигался очень медленно, постоянно останавливаясь на всех станциях, так что нам потребовалось бесконечно долгое время, чтобы добраться до границы. И здесь наш единственный пассажирский вагон отцепили от поезда, отогнали на боковой путь и заперли на несколько часов, пока, по-видимому, выполнялись какие-то формальности. Лишь пассажирам-большевикам разрешили выйти до того, как замкнулись двери, а мы, "ссылные" – в общей сложности 19 человек – вынуждены были терпеливо сидеть, словно под арестом, и ждать, пока нас не выпустят.

В конце концов нас среди ночи разбудил наш проводник, которого, похоже, оставили караулить, и приказал спешно одеться и выметаться. Дрожа от холода и усталости, мы подчинились и, спустившись по ступенькам вагона, оказались на небольшой, продуваемой всеми ветрами платформе, где наш главнокомандующий в сопровождении десяти солдат, внушительно вооружённых с головы до пят, выкрикивал наши имена и заставлял вставать в шеренгу, когда мы отвечали. Довольный тем, что все были на месте, он заорал: "Вперёд! Марш!" – и мы пошли через грязное поле в направ-

лении длинного и низкого бревенчатого сруба, оказавшегося таможней. Не имея никакого багажа, кроме моего скромного узелка со сменой белья и едой, и ничего припрятанного под одеждой, я двигалась довольно бодро, бросая сочувствующие взгляды на своих товарищей по изгнанию, тащивших объёмные сумки и увесистые свёртки, и гадая, какой будет судьба их имущества.

По прибытии на таможню нас, женщин, отделив от мужчин, привели в тесную комнату, где служительницы, раздев нас и не оставив ни единого лоскутка на теле, тщательно обыскивали каждый предмет одежды, вспарывая подкладки и делая прорезы в подошвах обуви, дабы убедиться, что мы не спрятали там ничего нелегального. По той же причине они разломали весь хлеб, картофель и даже куски мыла, которые мы привезли с собой.

После часа этой непрерывной разрушительной работы комната, в которой мы находились, была в самом идеальном беспорядке, который я когда-либо видела в своей жизни, – будто дюжину игривых щенков выпустили на волю и те отлично провели время! Чтобы довершить наш дискомфорт, в этой комнате было ужасно сыро и холодно. И в какой-то момент чихнула я, потом – кто-то позади меня, а после – девушка рядом со мной, и вскоре мы все уже чихали хором. Тогда главная раздевальщица, неодобрительно зыркнув на нас, пробурчала своим помощницам: "Разве мы не утончённые дамы, коль чихаем в такой милой тёплой комнате, как эта?"

Но мы продолжили чихать, и она, вдруг потеряв всякое терпение, топнула ногой и пронзительно закричала: "Прекратите!" – а затем, поскольку мы не подчинились, двинулась к нам, уперев в бока руки.

"Я действительно не могу перестать, – жалобно сказала девушка рядом со мной. – Кроме того, у меня нет носового платка, ведь он в кармане моего пальто".

"Вы и мой забрали", "и мой", "и мой", – жалобно поддакивали все мы, продолжая чихать и шмыгать носом.

"Вы когда-нибудь видели столь глупых созданий? – огорчённым голосом обратилась начальница к своим подчинённым. – Неудивительно, что власти высылают их из страны – никакого толку от этой кучки дур, согласны?"

К этому времени наша одежда была скрупулёзно обыскана и испорчена, и нам разрешили её забрать. Разрезанные подошвы моих ботинок, которые и так были не слишком прочными до этой таможенной операции, печально защёлкали, как только я стала покидать комнату, подкладка моей шляпки свисала на одно ухо, а кайма юбки шлёпала по щиколоткам.

"Вы смотрите ужас как забавно", – хихикнула единственная, совсем юная девушка в нашей узкой компании, следуя за мной в другое помещение, где досматривали наш багаж.

"А как насчёт Вас? – раздражённо бросила я. – Посмотрите на свои туфли, и на пальто, и на муфту! Что ж, если кто

и представляет из себя потешное зрелище, так это Вы!"

"Дамы, дамы, – вставила элегантная участница нашего приключения которой пока ещё удавалось выглядеть изящно, несмотря на то, что её одеяния подверглись тому же издевательству. – Не ссорьтесь, умоляю!"

Внезапно я увидела, что страусовое перо на её шляпке полностью распустилось, а подошва левого ботинка решительно отделилась от основной части. По какой-то причине эта картина значительно меня приободрила, и я довольно мило улыбнулась даме, хотя, возможно, и с лёгким оттенком превосходства – ибо разве я не видела что-то, чего она, бедняжка, ещё не успела заметить?

В коридоре мы встретили мужчин, выглядевших столь же потрёпанными, как и наша женская группа, но гораздо более разъярёнными. Очевидно, они не разглядели юмористической стороны эпизода и восприняли всё излишне серьёзно и трагично.

"Разве это не забавно?" – обратилась я шёпотом к господину X., скрипачу, случайно оказавшемуся рядом со мной.

"Забавно? – возмущённо перебил он меня. – Я не вижу в этом абсолютно ничего забавного. Да если бы Вы только видели, что они умудрились сотворить с моими брюками, Вы бы тоже не нашли в происшедшем ни толики забавного!"

К сожалению, его слова о брюках произвольно вызвали у меня приступы хохота, к большому неудовольствию выдающегося музыканта. И тут внезапно я услышала, как ме-

ня окликнули по имени, и в то же время несколько услужливых рук подтолкнули сзади к длинному столу, где детально осматривался наш багаж. Между двумя огромными чемоданами я узрела свой собственный крошечный узелок, уже полностью развёрнутый и с разбросанным вокруг него содержимым: парой сваренных вкрутую яиц, парой картофелин и куском мыла – всё это было раздавлено в кашу. Моё нижнее бельё лежало небольшой кучкой рядом с уничтоженной провизией, а чуть дальше – миниатюрный красный бархатный мешочек, в котором я везла горсть русской земли, выкопанной перед отъездом и призванной напоминать мне на чужбине о покинутой Родине. Подойдя к столу, я заметила, что один из проверявших деловито просеивал эту землю через сито.

"Зачем вы это делаете? – с тревогой спросила я, опасаясь, что он рассыплет часть драгоценного для моего сердца грунта. – Будьте осторожны".

"Я пытаюсь выяснить, что вы припрятали в этой земле, – ответил он. – Вы наверняка что-то с ней перемешали – возможно, золото или алмазы, так как никто, будучи в здравом уме, не стал бы глупо таскать с собой сухие комки заурядной почвы".

"Но *я и правда* достаточно глупа, чтобы делать это, – воскликнула я. – Всё именно так, как вы изволили сказать, – это заурядная русская земля, которую я везу с собой за границу. Если я там и умру, то её положат со мной в могилу".

"По-моему, это звучит как несусветная чушь, – подозрительно сказал мужчина. – Однако я не смог найти там ничего предосудительного, так что, полагаю, не будет проблемой, если вы оставите землю себе, хотя, возможно, мне стоило бы её выбросить".

"Ох, нет, нет – не делайте этого, – взмолилась я. – В ней ничего не спрятано, и она действительно очень много для меня значит".

"Ну, хорошо, хорошо, – вполне добродушно согласился он, – забирайте вашу 'землю', гражданка, но пообещайте, что построите на ней прекрасный большой дом". И, очень довольный своей шуткой, он широко ухмыльнулся, весьма аккуратно ссыпав землю обратно в маленький бархатный мешочек.

"Хм, а это что такое?" – спросил вдруг мужчина рядом с ним, показывая мне только что переданный ему раздевавшей нас ранее служительницей листок бумаги, по-видимому, найденный в моём кармане. Там было несколько стихотворных строк, написанных одним из студентов-медиков моего госпиталя, которые я, судя по всему, давно носила при себе, даже не помня об их существовании.

"Это поэзия", – глупо ответила я, чем сильно его разозлила.

"Я узнаю поэзию, когда её вижу, так что спасибо вам за разъяснение очевидного, гражданка. Но что я хочу знать, так это есть ли в ней скрытый смысл или нет. Это может быть

закодированное послание, и тогда нам придётся его расшифровать. Товарищ Семён, – обратился он к одному из вооружённых солдат, – арестуйте эту женщину, покамест я не скажу её отпустить".

Как громом поражённая, я в ужасе чуть не упала на пол, когда солдат подошёл ко мне с винтовкой в руке. Подумать только, что я оказалась такой дурой, чтобы, уезжая из страны, оставить в кармане листок бессмысленных стихов и быть арестованной за это! Как я вообще смогу доказать, что это не зашифрованное сообщение? В моём сознании промелькнули видения того, как меня отправят обратно в Россию, арестуют и снова посадят в тюрьму. И что бы сказал доктор Голдер, узнав об этом после всех сложностей, связанных с оформлением моего выезда? Мои попутчики ошеломлённо уставились на меня, когда группа проверявших, склонившись над листочком, принялась всерьёз его "расшифровывать". Я была так зла на себя, что не понимала, смеяться мне или плакать. Из-за меня всё задерживалось, и потому в мою сторону бросались гневные взгляды и сердитый шёпот достигал моих ушей. А на заднем плане маячило торжествующее лицо проводника поезда, явно радовавшегося моему затруднительному положению.

"Я с самого начала знал, что с ней будут одни проблемы, – слышала я его голос. – С того момента, как мы выехали, и до этой самой минуты она была не чем иным, как помехой, абсолютной помехой".

В конце концов после некоторой паузы, показавшейся мне вечностью, проверившие, перестав корпеть над моей бумагой, выпрямились.

"Мы пока не можем определить, значит это что-нибудь или нет, – степенно заявил один из них. – Если бы значило, то гражданку пришлось бы отправить обратно и посадить в тюрьму, но поскольку мы не нашли ничего, доказывающего её вину, и у нас есть справка доктора, в которой говорится, что она действительно больна, мы дадим ей презумпцию невиновности, позволив продолжить путешествие. Однако мы оставим бумагу здесь, так как считаем, что ни в коем случае нельзя отдавать её обратно".

Я едва не закричала от радости! Пусть оставят себе хоть всю поэзию в мире, лишь бы не отправили меня обратно в застенки.

Ещё через несколько минут нас всех отпустили, разрешив проследовать дальше, и мы в окружении солдат и с проводником поезда, возглавлявшим процессию, направились к пограничному переходу. А там нас встретил иностранный патруль и отвёл уже на свою таможеню. Наш российский военный эскорт отбыл, и остался только кондуктор, настороженно поглядывавший на всех и особенно на меня – свою главную антипатию. Пока таможенники проверяли документы, нам предложили угоститься чаем и приличной едой в большой, тёплой и чистой столовой. Так как неприятное путешествие осталось позади и после хорошего перекуса пришло

отрадное чувство насыщения, мы все существенно приободрились и, сидя за длинным столом, потягивали чай и мило беседовали. В атмосфере всеобщей расслабленности от того, что граница благополучно пройдена, меня, похоже, простили за задержку, вызванную подозрительным стихотворением, и даже слегка поддразнивали в доброжелательной и любезной манере, будто желая выразить своё сожаление о том, что тогда сердились на меня, а также показать, что позорный эпизод уже почти забыт.

Вскоре появился иностранный офицер, а за ним следовал наш кондуктор, который, когда его взгляд остановился на мне, почему-то зловеще улыбнулся.

"Ну, теперь-то я вне его досягаемости, и он уже не сможет устроить мне какую-то пакость", – успокаивая себя, подумала я, хотя выражение его лица несколько меня встревожило.

"Тихо!" – прокричал офицер. Мы подчинились.

"Девятнадцать российских граждан сегодня достигли границы, и, изучив их паспорта, я пришёл сообщить, что те в полном порядке и, следовательно, всем разрешён въезд в нашу страну". Здесь он сделал минутную паузу, пока мы поздравительно улыбались друг другу. "Всем, кроме *одного!* – продолжил он угрожающе. – Поскольку паспорт этого пассажира *не* в порядке и его придётся отправить обратно в Россию. Таким образом, из девятнадцати российских граждан восемнадцать смогут продолжить своё путешествие, в то время как один должен будет вернуться".

"Но почему? Кто это?" – воскликнули мы растерянно и испуганно.

"Почему? Потому что виза в его паспорте просрочена ровно на один день и, следовательно, больше не действует. Пассажир должен был пересечь границу вчера".

"Но кто это, кто?" – отчаянно настаивали мы.

Но тот лишь раздражающе нарочито улыбнулся и прошептал несколько слов кондуктору, который прямо-таки сиял. После, казалось, вечного зловещего молчания офицер вновь повернулся к нам и, указав на меня пальцем, выразительно заявил: "Вот она, беспечная гражданка Келлер-Скарятинна, которой, к сожалению, придётся немедленно вернуться в Россию".

"Я приду за тобой через несколько минут", – весело добавил проводник поезда, явно пребывая в наилучшем расположении духа. Затем они оба вышли из комнаты, оставив меня в оцепенении.

Через пару секунд мои спутники окружили меня, громко выражая своё сочувствие, которое было действительно вполне искренним теперь, когда им самим больше не грозили никакие связанные со мной неприятности.

"Ах Вы, бедняжка!" – воскликнула элегантная дама, деликатно обнимая меня.

"О, как же ужасно!" – вскричала юная девушка.

"Ничего, я уверена, что они не посадят Вас в тюрьму", – утешительно сказала добрая темноглазая молодая женщина

из первого купе.

Мужчины молчали, но по выражению их лиц я могла понять, что все они тоже по-настоящему за меня переживали.

"Не могли бы мы поговорить с Вами наедине?" – вдруг услышала я обращённый ко мне вопрос скрипача. Тот совещался со своей женой в углу столовой и сделал мне знак присоединиться.

"Сколько у вас денег?" – спросили они, когда я подошла.

"Пятьдесят долларов, выданных мне АРА".

"Американскими банкнотами?"

"Да".

"Это замечательно! – воскликнул скрипач. – Просто великолепно! Теперь послушайте меня и делайте, как я скажу. Вы идёте и разговариваете с этим офицером наедине в его кабинете, умоляя его позволить Вам продолжить путешествие. Когда он откажет, просто положите доллар на его стол самым непринужденным образом, а затем покиньте комнату. Держу пари на что угодно, что после этого он Вас пропустит."

"Ох, но это же взятка! – с сомнением сказала я. – Она только может его ещё больше разозлить и усугубить мою ситуацию".

"Просто поверьте! – парировал мой новый друг, тогда как его жена кивала головой в подтверждение его слов. – Этот человек и кондуктор, очевидно, действуют заодно, участвуя в какой-то мошеннической схеме и, судя по всему, задерживая по одному пассажиру из каждой проезжающей здесь

группы. Кондуктор, должно быть, знал, что у вас есть с собой немного американских денег, и поделился этим с офицером. А доллар тут нынче означает тысячи, и я абсолютно убеждён, что Вас пропустят. В любом случае Вам нечего терять, так как они в ближайшее время намерены отправить Вас обратно в Россию. И поэтому делайте, как я говорю, и потом, когда мы свидимся снова, непременно скажете мне спасибо".

"Пожалуйста, пожалуйста, сделайте так, как Вам говорит мой муж, – умоляла его жена. – Он действительно очень мудрый человек, и я всегда доверяю его суждениям в серьёзных вопросах".

Я всё ещё колебалась. Ведь было и так довольно плохо, что меня отправляли обратно после всех тех невзгод, с которыми мне пришлось столкнуться, но, как мне казалось, стало бы ещё хуже, если бы меня арестовали за взяточничество. Однако скрипач с женой подталкивали меня к выходу из столовой, и, очутившись в коридоре, я неожиданно обрела смелость, решив, что стоит рискнуть. А чтобы не успеть передумать, я буквально помчалась к двери с надписью "Офис" и постучалась.

"Войдите", – ответил мужской голос, и в следующий же миг я оказалась наедине с тем офицером. "Чего вы хотите?" – хрипло спросил он.

"Пожалуйста, о, пожалуйста, не могли бы Вы позволить мне продолжить поездку? – взмолилась я, почти обезумев

от волнения. – Мне пришлось получить тридцать девять различных разрешений на выезд из России, и все они в полном порядке, все, кроме визы, которая, как Вы говорите, просрочена на один день. Я действительно этого не заметила, и мне очень жаль, что такое произошло. Но ради всех остальных тридцати восьми бумаг, с которыми всё в порядке, не могли бы Вы разрешить мне поехать дальше? О, пожалуйста, пожалуйста! – заклинала я. – Видите ли, – продолжила я, поскольку он сидел, молча уставившись на меня, – если я уеду назад, то к тому времени, как я исправлю дату в визе, остальные тридцать восемь разрешений уже точно будут просрочены, и тогда мне потребуются месяцы, дабы получить новые. Я очень долго болела и пока ещё крайне слаба".

"Какое мне дело до ваших болезней и разрешений? – сердито воскликнул он. – Всё, что я знаю, – когда вы пересекаете мою границу, ваши бумаги должны быть в полном порядке, и я не могу вас пропустить, если хотя бы один недействителен. Убирайтесь вон и будьте готовы через пятнадцать минут следовать обратно за своим проводником".

Уничтоженная и жалкая, я покинула его кабинет. Однако там, в коридоре, стояли мои друзья, с нетерпением ожидая результатов моих переговоров.

"Ну, что? – спросили они в один голос. – Вы сделали это?"

"Нет, я не смогла, он был так зол. Он бы не стал меня слушать", – всхлипывала я.

"Да ведь именно в тот момент Вы должны были поло-

жить на стол свой доллар! Эх, Вы, глупышка! Возвращайтесь немедленно и сразу сделайте это, иначе через десять минут Вы уже будете на пути в Россию и, возможно, в тюрьму".

"Итак, – сказала жена скрипача, протягивая мне свой туалетный набор. – Не плачьте, припудрите носик, возьмите с собой один из своих долларов и, не мешкая, заходите туда снова. Остальные деньги оставьте нам, чтобы у вас не возникло соблазна дать ему больше, чем нужно, и сразу же уходите – ради всего святого, уходите!"

Будучи слишком подавленной, чтобы протестовать, я подчинилась и, вручив им сорок девять долларов, снова направилась в офис, по пути вытирая слёзы, припудривая носик и в одной руке сжимая долларовую купюру. Встав у двери, я опять робко постучалась.

"Войдите", – произнёс тот же голос. И я, дрожа, вступила внутрь пред лицо ненавистного офицера. "Теперь-то в чём дело, разве я не говорил вам готовиться к отъезду через пятнадцать минут? Десять минут истекли, и вам придется уйти через пять!"

"Я ... я просто зашла попрощаться", – совершенно по-идиотски пробормотала я, а затем, испытывая чувство зевря, попавшего в ловушку, бросила доллар на стол мужчины и выбежала из кабинета.

Трясаясь всем телом и задыхаясь, я присоединилась к скрипачу и его жене, а те, услышав, что я последовала их совету, похлопали меня по плечу и утешительно пообещали,

что всё будет хорошо. Мы вернулись в столовую, где все, разумеется, горячо обсуждали моё несчастье. Как только мы вошли, все тут же замолчали, посмотрев на меня с сочувствием и жалостью.

"Ну же, выпейте хоть ещё чашечку чая", – убедительно сказал скрипач, в то время как его жена наполняла мою тарелку новой порцией еды. Но я не смогла проглотить ни кусочка. Задыхаясь от волнения, я сидела на краешке стула, каждый миг ожидая увидеть, как появляется кондуктор, и услышать, как он приказывает мне возвращаться в Россию.

В таком напряжении прошло десять минут, затем дверь открылась, на пороге появился офицер и, не глядя ни на меня, ни на кого-либо другого в отдельности, громко объявил: "Поскольку мне стало жаль гражданку, чья виза оказалась просрочена, и я хотел помочь ей выбраться из беды, я позволил в главные органы власти, попросив их в данном конкретном случае проявить снисхождение и позволить ей продолжить своё путешествие. Те были весьма добры и великодушны и, принимая во внимание тот факт, что виза просрочена всего на один день, сделали необычное исключение, выдав гражданке разрешение ехать дальше вместе с другими пассажирами".

Я едва могла поверить своим ушам и не осмеливалась глядеть на остальных, боясь слишком явно показать своё облегчение. Но тут надо мной склонился скрипач, шепча поздравления, а его жена обняла меня и поцеловала.

"Вот Ваши сорок девять долларов, – произнесла она в ту минуту, когда офицер вышел. – Ну, разве Вы не рады, что послушались? Видите ли, причина, по которой мы знали, что делать, заключалась в том, что перед отъездом из Петрограда один наш друг предупредил нас, что такое может произойти, и мы были полностью к этому готовы. Только потому, что Ваша виза была просрочена, жертвой на этот раз оказались именно Вы. И я не верю, что этот человек вообще звонил как-ким-то властям. Но кого это волнует? Теперь Вы в безопасности, и это главное!"

Не знаю, в полной ли мере я выразила скрипачу и его жене свою благодарность, однако я определённо задолжала им, как говорят французы, *"унь фьер шандэль"*⁴⁸, возможно, за мою жизнь и, несомненно, за мою свободу.

---

⁴⁸ Французское "une fière chandelle" – в дословном переводе "гордая свеча". Выражение "задолжать кому-то гордую свечу" означает "быть перед кем-то в огромном (неоплатном) долгу".

На той стороне

Из таможни нас отвезли в карантинный корпус, так как все граничившие с Россией страны очень боялись заразных болезней, которые российские эмигранты могли к ним занести, и настаивали на том, чтобы каждый прибывающий перед въездом в их страну был помещён на две недели в карантин. И неудивительно, ведь в то время дизентерия, тиф, холера и даже чума, не говоря уж о всех прочих, менее ужасных инфекциях, быстро распространялись по России из-за голода и жутких условий жизни.

Карантинный корпус представлял собой крупную деревянную постройку, чрезвычайно чистую и сияющую, и напоминал ухоженный санаторий для пациентов с ограниченными возможностями. Там не было одноместных комнат – по крайней мере, я таких не видела, – и в каждом просторном помещении приличных размеров с достойными кроватями и чистым бельём размещали по шесть или восемь человек.

Как только мы прибыли, нас опять разделили на две группы, а затем отвели в помывочные, где снова, как и на российской тамошне, попросили снять всю одежду, которую затем унесли для дезинфекции. Нам было сказано принять душ, оттерев себя как можно тщательнее. Чтобы продезинфицировать одежду, потребовалось порядочное количество времени, и потому мы, помывшись, уселись на маленьких дере-

вянных скамейках, ожидая, когда принесут назад наши вещи. К счастью, помывочная, хотя и была очень просторной (в ней легко могли бы разместиться пятьдесят человек), на удивление хорошо сохраняла тепло, и мы не дрожали и не чихали, как в том унылом месте, где нас раздели и обыскали на российской границе. Когда же наша одежда наконец появилась и мы начали облачаться, помещение внезапно наполнили растерянные возгласы, потому что, к нашему ужасу, почти все вещи безнадёжно съёжились. Моё чёрное трикотажное платье представляло собой уморительное зрелище – рукава до локтей и юбка чуть ли не выше колен. Моя шляпка, отказавшись налезать на голову, потешно сидела на самой макушке, а мои ботинки, которые и без того были в плачевном состоянии, нынче покрылись широкими трещинами, и их носки загнулись кверху, как бы на китайский манер. Мы безнадёжно уставились друг на друга. Но протестовать или сетовать было бесполезно, потому что ущерб был нанесён основательный, без какой-либо возможности что-то исправить, и единственное, что оставалось, – это, смирившись с судьбой, выглядеть как худшие пугала, которых когда-либо видел свет.

Потом мы все расхохотались и смеялись до тех пор, пока у нас не заболели бока и слёзы не потекли по щекам. Улыбался даже обслуживающий персонал, хотя нас любезно заверили, что в конце концов мы выглядели не *настолько* плохо, как некоторые из бывших жертв дезинфекции. Это едва ли ка-

залось возможным, но мы изо всех сил старались показать, что поверили, и гуськом вышли из помоечной, обмякшие и ослабевшие от смеха.

Увидев нас, мужчины ахнули, и мы сделали то же самое при виде мужчин! Это походило на встречу двух групп оживших карикатур, и всё, чего нам не хватало, чтобы завершить картину, – это чуточки музыки и движений вроде танца апа-чей.

Нас всех вместе отвели к врачу для прохождения полного медицинского осмотра, после чего, вновь разделив на кучки, расселили по соответствующим комнатам. Измученная, я тут же упала на свою кровать и заснула ... Должно быть, я проспала довольно долго, поскольку, когда я пробудилась, было почти темно. Сначала я подумала, что совсем одна, но потом заметила сидевшую у окна женщину.

"Который сейчас час? И где все?" – спросила я, вскакивая и пытаюсь узнать фигуру у окна.

"Они все ужинают в столовой, – тихо ответил незнакомый голос. – Но доктор решил, что для Вас было бы лучше как можно больше отдыхать, поэтому я принесу Ваш ужин сюда".

Когда говорившая подошла ко мне, я разглядела, что та была из числа карантинной прислуги, приятная женщина средних лет, одетая как квалифицированная медсестра. Внезапно ужасающая мысль промелькнула в моей голове.

"Ох, у меня же не обнаружили никаких тревожных симп-

томов, не так ли? – отчаянно закричала я. – Холеры, или чумы, или ещё чего-то в этом роде?" Но она, ободряюще улыбнувшись, похлопала меня по руке.

"Нет, нет, с Вами всё хорошо, – успокоила она. – Не волнуйтесь! Я сейчас принесу Вам вкусный ужин, и тогда Вы почувствуете себя ещё лучше".

"Но мне не хочется есть, – ответила я, всё ещё испытывая лёгкое недоверие и беспокойство. – Вы не могли бы остаться со мной и немного поболтать?"

"Это как раз то, что я хотела сделать в течение нескольких часов, – серьёзно промолвила та. – С тех пор, как увидела Вашу фамилию. Скажите мне, кто-то из Ваших родственников проезжал здесь в прошлом году?"

"Моя мама была здесь, – взволнованно ответила я, – в этом самом карантине ровно полтора года назад. Дайте-ка подумать. Сейчас октябрь 1922-го, а она пробыла здесь две недели в апреле 1921-го. Почему Вы спрашиваете? Вы её знали?"

"Да, – мягко подтвердила она, – я знала её достаточно хорошо. Её разместили в этой же комнате на этой же самой кровати. Увидев Вашу фамилию, я подумала, что Вы, вероятно, её дочь – знаете ли, есть сильное сходство, – и намеренно предоставила Вам её кровать. Она была столь милой и нежной душой – очень больной, но в то же время такой терпеливой и храброй – я никогда её не забуду. Знаете ли Вы, что, когда она приехала, нам пришлось отнести её в постель,

поскольку она была слишком слаба, чтобы идти самой? Сначала мы боялись, что она скончается, так и не добравшись до 'Земли обетованной', как она постоянно называла Англию, но через некоторое время она окрепла и настояла на том, что может отправиться в Ревель, хотя мы все пытались убедить её ещё чуть-чуть побыть с нами. Она много говорила мне о Вас и поделилась тем, что Вы присоединитесь к ней в Англии, как только сможете сбежать из России. Она даже написала Вам письмо – я это очень хорошо помню, так как мне пришлось помочь ей с этим, ведь она была крайне слаба. Вы его получили? А перед самым отъездом она подарила мне это – я теперь всегда её ношу".

Она указала на маленькую сапфировую булавку, которую я сразу узнала. Это была булавка, вколотаая мамой в своё платье в тот день, когда она покинула Петроград, и каким-то чудом не отобранная на границе! Вид знакомой старой булавки, которую я знала с тех пор, как себя помню, совершенно выбил меня из колеи, и, уткнувшись лицом в подушку, я горько заплакала.

"Значит, она так и не добралась до своей 'Земли обетованной'?" – тихо прошептала женщина, глядя меня по волосам.

"Нет, – судорожно всхлипывала я, – нет, она умерла в Ревеле через неделю после того, как от Вас уехала ... Вот почему я еду туда – увидеть её могилу и, возможно, тоже там умереть – я надеюсь на это".

Внезапно я почувствовала, как меня обняли две руки, а

потом над моей головой прокатилась напевная волна эстонской речи. Я не могла понять ни единого сказанного слова, но для меня давно ничто не звучало более убедительно и успокаивающе. Это вызвало воспоминание об очень старой женщине, жившей с нами в Троицком в течение многих лет и там же скончавшейся. Её звали Минни – все в доме величали её Минни Петровной, – и она была няней моей тёти в её детстве. Я никогда точно не знала, какой она была национальности – шведской, норвежской или финской, – но речь женщины из карантина мгновенно напомнила мне о ней, и на несколько минут я вернулась в прошлое ... и снова стала очень маленькой девочкой, слушающей, как Минни Петровна напевает надо мной на странном языке, которого я не могла понять. "Рина Ладимой", – так она всегда называла меня, безжалостно коверкая моё имя (Ирина Владимировна), и, как ни странно, в том, что сейчас говорила эстонка, тоже проскакивало это "Рина Ладимой". Каждый день в один и тот же час, вплоть до самого дня своей кончины (мне, помоему, тогда было около семи лет), старая Минни приходила в мою детскую навестить меня, и пока она брела по длинному коридору, её палка гулко стучала, позвякивали золотые браслеты, а тяжёлое шёлковое платье громко шуршало при каждом сделанном ею шаге.

"А вот и Минни", – говорила тогда моя английская няня Нана, поглядывая на дверь. А после замечала: "Она сегодня вовремя", или "Сегодня на пару минут пораньше", или "Что-

то она припозднилась".

Всё ближе и ближе раздавались глухие удары, звяканье и шуршание, и вот уже Минни стояла на пороге, улыбаясь и приветствуя нас на своём ломаном русском.

"А как сегодня поживает маленькая Рина Ладимой?" – неизменно вопрошала та, и Нана вежливо благодарила её на своём столь же ужасном русском, а потом рассказывала ей все новости нашего дня.

Иногда Минни появлялась, когда я всё ещё рыдала из-за ложки касторки или сломанной куклы, и тогда она, обняв меня, напевала на своём странном языке какие-то слова, которые оказывались волшебным успокаивающими. Так произошло и в этот раз, пока я лежала на маленькой карантинной кровати, – старая магия сработала, притупив боль.

В карантине меня продержали недолго и даже выпустили первой, при этом задержав выписку всех остальных моих попутчиков. По какой причине они сделали это исключение в мою пользу – я не знаю. Возможно, поскольку я была так слаба, они боялись, что я умру, пребывая там, и желали избавиться от меня до того, как это произойдёт. Однако это звучит не очень правдоподобно, поскольку в конце концов именно карантин – это вполне подходящее место для смерти! А значит, должна была быть какая-то другая причина.

Путешествие из карантина в Ревель прошло без происшествий, и первая запись в моём новом дневнике, который я

несколько высокопарно озаглавила "Дневник изгнанницы", гласила: "Кажется столь странным путешествовать спокойно, без какой-либо опасности ареста и тюремного заключения. Никто не толкает, никто не кричит, никто не угрожает ... Поначалу я смотрела на кондуктора с ужасом, ожидая, что он в любую минуту начнёт орать на меня, но тот был столь вежлив и воспитан, что я с трудом поверила своим глазам и ушам. Кроме того, мне очень уютно ехать одной в маленьком купе, и я больше не голодна. В целом всё это слишком хорошо, чтобы быть правдой!"

По прибытии в Ревель я поселилась в скромном маленьком отеле, где тут же узнала адрес господина и госпожи Хвольсон и, как только приняла ванну и по возможности привела в порядок свою диковато смотревшуюся одежду, отправилась их навестить. Мне не терпелось без промедления встретиться с ними, удивительно добрыми людьми, которые, хотя и не были лично знакомы с моей матерью, узнав о её приезде и встретив на вокзале, сразу проявили заботу и отвезли к себе домой, а позже, поняв, как отчаянно она была больна, немедленно перевели её в одну из лучших больниц Ревеля, "Диакониссен-Анштальт", где она оставалась целую неделю до дня своей кончины. И вместе с другом моей семьи, графом Алексеем Игнатьевым, они тогда взяли на себя все расходы по организации её похорон.

Когда я пишу это, передо мной на столе лежат все официальные документы, касающиеся её болезни и смерти: ме-

дицинская карта, заключение доктора, счёт из похоронного бюро и вырезки из газеты "*Ревелер Ботэ*". И когда я смотрю на эти бумаги (датированные маем 1921-го года, то есть ровно 10 лет назад⁴⁹), показывающие красноречивее любых слов её бедность на тот момент, я никак не могу осознать, что в них говорится о моей собственной матери и что она действительно умерла там – уже на пороге своей "Земли обетованной" – одна среди добрых незнакомцев, проявивших к ней милосердие, и при этом без кого-либо из ближайших родственников рядом с ней.

"Пути Господни не наши пути, и мне не суждено вновь отправиться в путь", – написала она мне за несколько часов до своего ухода. Очевидно, она прекрасно понимала, что её конец близок, но то, как всё случилось, до сих пор кажется мне ужасно нелепым и нереальным!

Исключительно красивая, добрая и деликатная, она являлась одним из прекраснейших Божьих творений, и её старость должна была пройти в окружении красоты, которую она так любила и которая стала бы наиболее подходящим фоном для неё самой. Нашей чуждой загородной усадьбе в Троицком с её великолепным парком, и террасами, и цветниками следовало бы стать декорацией для заключительной сцены её земного существования, и именно там, посреди роз, которые окружали её более сорока пяти лет её супружеской жизни, в один из тех абсолютно идеальных летних дней, ко-

---

⁴⁹ На момент написания Ириной этих строк в 1931-ом году.

которые случаются лишь в России, она должна была покинуть этот мир.

Вот о чём я думала, идя по улицам Ревеля по пути к Хвольсонам, и была так сильно поглощена своими мыслями, что совершенно забыла, сколь странно я выгляжу в своей необычной одежде, и только случайно пойманные взгляды прохожих неожиданно напомнили мне о моём плачевном положении.

К тому времени, как я добралась до двери дома Хвольсонов, я уже так стеснялась своей внешности, что стала колебаться, стоит ли мне вообще звонить в их колокольчик. Затем, как раз в тот миг, когда я набралась храбрости, чтобы сделать это, дверь внезапно открылась, и на пороге появился приятный пожилой мужчина, очевидно, намеревавшийся выйти на улицу.

"Извините меня, пожалуйста, – дрожащим голосом обратилась я, – но не могли бы Вы сказать мне, дома ли господин или госпожа Хвольсон?"

"Я и есть господин Хвольсон, – любезно ответил тот. – Могу я поинтересоваться, кто? ..."

"Я дочь Марии Михайловны Скарятиной", – только и смогла выдавить я. А потом, поскольку всё ещё была очень слаба и не могла должным образом контролировать свои эмоции, разрыдалась.

"Дочь Марии Михайловны, – воскликнул господин Хвольсон, – вот как! Господи, помилуй!" И он взволнованно

повторял: "Господи, помилуй!" – всё то время, пока сопровождал меня внутрь дома.

В следующую минуту я сидела в удобном кресле, а вокруг меня суетились добрые люди, укрывая мои плечи тёплой шалью, поднося бокал вина, заваривая горячий чай и говоря все утешительные слова, которые только могли отыскать.

Позже в тот же день, после того как я немного отдохнула, меня пришёл навестить граф Игнатьев, поведавший во всех подробностях о течении недуга и последних часах жизни Маззи.

"Завтра я отведу Вас на её могилу, – сказал господин Хвольсон, – но сейчас Вам стоило бы провести в покое ещё пару часов, а затем, если Вы позволите мне высказать своё мнение, – продолжил он с добрым блеском в глазах, – я бы посоветовал Вам купить несколько новых предметов одежды".

Зардевшись от стыда при напоминании о моей шокирующей внешности, я охотно с ним согласилась. И после обеда я впервые за пять лет делала покупки! Незатейливое чёрное шерстяное платье, немного нижнего белья, пара крепких ботиночек, шляпка, перчатки и небольшой чемодан – таковы были мои первые покупки за границей. Поскольку всё, чем я располагала на тот момент, составляло сумму в 44 доллара из 50-ти, предоставленных мне АРА, я ходила по магазинам настолько осторожно, насколько это было возможно, покупая лишь самые дешёвые вещи, которые могла найти.

Тем не менее мои денежные средства таяли на глазах, и я в страхе тайком пересчитывала их снова и снова, задаваясь вопросом, возможно ли вообще добраться до дома Ольги в Лондоне со столь ничтожными запасами. Как будто угадав эти мысли, мои новые друзья в тот же вечер поинтересовались моим финансовым состоянием, придя в ужас, когда я наконец его описала.

"О, Вы просто обязаны разрешить одолжить Вам двадцать пять фунтов, – воскликнули Хвольсоны. – Мы не можем позволить Вам путешествовать с тем мизером, что у Вас есть".

"Но, – запротестовала я, – как я смогу вернуть вам столько денег? Это невозможно – я не в праве брать такую сумму. Моя сестра слишком бедна, чтобы помочь мне с отдачей долга, и одному Богу известно, когда я найду работу в Англии".

Однако они не сдавались, и мы проспорили некоторое время, наконец сойдясь на десяти фунтах. Я стыдилась брать у них даже это, понимая, что имею дело отнюдь не с богачами, но согласиться принять так настойчиво предлагаемую поддержку, в которой я действительно нуждалась, показалось мне единственным разумным решением.

На следующее утро мы с господином Хвольсоном поехали на кладбище, где отыскивали могилу Маззи, красиво расположенную на вершине продуваемого всеми ветрами холма с прекрасным видом на море. Место, где она покоилась, отмечал простой белый деревянный крест с именем, начертан-

ным чёрными буквами, и, несмотря на то, что стояла поздняя осень, на её могиле в изобилии росли цветы. Таким образом, я в очередной раз убедилась во вдумчивом отношении Хвольсонов к предпринимаемым действиям, ведь им удалось обустроить последнее пристанище Маззи настолько привлекательно, насколько это было вообще возможно в таких непростых обстоятельствах.

Вскоре после того, как мы добрались до могилы, господин Хвольсон по моей просьбе оставил меня там на весь день одну, пообещав вернуться за мной на закате. Однако в полдень он тихо появился, принеся пару бутербродов и бутылку молока, которые, не сказав ни слова, оставил рядом со мной, а затем снова исчез. И весь тот день я просидела на траве у креста, мечтательно размышляя о жизни Маззи, и о своей собственной, целиком связанной с ней, и о её невыразимых страданиях во время Революции, и о её последнем трагическом путешествии, которое закончилось здесь, на этом эстонском кладбище, и о своём паломничестве к месту её упокоения.

Если бы она умерла при обычном течении дел в дореволюционной России, её похоронили бы в Троицком, в родовом склепе Генерала под маленькой кладбищенской церковью из красного кирпича, а может быть, в склепах Лобановых или Паскевичей, принадлежавших её семье: первый – со стороны отца, второй – со стороны матери. И в любом из этих мест захоронения у неё было бы изысканное мраморное или гра-

нитное надгробие с золотыми иконами над ним, мягко мерцающими в красноватом отсвете украшенных драгоценными камнями лампад.

Но пока я сидела там и мечтала, меня охватило странное ощущение, будто Маззи беззвучно пытается донести до меня, что на самом деле она пред-почитает лежать именно там, на открытом воздухе, под Божьим небом, чтобы лишь трава и цветы колыхались над её вечной постелью. Что для неё всё это бесконечно дороже, чем тёмные, сырые крипты, с их тяжёлыми мраморными памятниками и тусклым, мерцающим рукотворным освещением, которое не может сравниться со славой солнца, луны и звёзд.

"И потом, – казалось, продолжала она, – не забывай, что ещё есть ветер, который дует над моей могилой; иногда он просто шелестит, иногда бушует и ревёт, и мне это тоже по нраву, о, намного больше, чем лёгкие дрожащие сквознячки, что изредка веют во всех этих склепах. И есть дождь, проникающий сквозь сладко пахнущую почву и рождающий вокруг меня движение жизни ... Так что тебе вовсе не стоит сожалеть, что я не лежу в саркофаге под величественным памятником с выбитым на нём золотыми буквами моим именем, – это место намного лучше, и я рада быть здесь! Очень рада!"

Когда эти умиротворяющие мысли пришли мне в голову, чувство покоя овладело мной, и я заснула прямо на могиле и всё ещё спала, когда господин Хвольсон вернулся. Солнце

уже садилось и вечерний ветерок мягко шевелил мои волосы и травинки вокруг. Перед тем, как уйти, я положила на могилу часть той земли, что привезла с собой из России, а потом, поскольку больше не нашлось, что ещё оставить, – ни венков, ни цветов, ни чего-либо другого, подобающего такому случаю, – я вырвала несколько своих волосков и, выкопав в могильном холмике мелкую ямку, похоронила их там. И напоследок я карандашом написала на кресте следующие слова: *"Придите ко Мне, все труждающиеся и обременённые, и Я успокою вас"*⁵⁰, – после чего была окончательно готова уходить, и мы в молчании покинули кладбище. С тех пор минуло десять лет, и пока ещё я не смогла побывать там снова.

На следующий же день я, простившись со столь замечательной четой Хвольсонов, отбыла в Англию через Германию и Бельгию.

Королёв – Челюскинский, апрель – ноябрь 2022.

Продолжение – в романе "Миры Эры. Книга Третья. Трудный Хлеб".

---

⁵⁰ Евангелие от Матфея, глава 11, стих 28.

Благодарности

Хотелось бы выразить глубочайшую признательность всем тем людям, которые так или иначе помогли мне сделать подготовку, написание и последующую публикацию этого романа возможными:

- Андрею Марковичу Успенскому, Екатерине Викторовне Черных, Валентине Александровне Агаповой и Инне Евгеньевне Трубиной – за весомый финансовый вклад в осуществление проекта;

- известному орловскому историку и краеведу Александру Михайловичу Полинкину – за бесценную помощь в моих генеалогических изысканиях;

- шестиродной сестре Карин Бернинк, потомку Скарятиных и Врангелей – за замечательное общение и постоянный обмен сведениями о родословных находках, включая полученную от неё наводку на архив её прадеда, барона Николая Александровича Врангеля;

- специалистам Центральной городской библиотеки городского округа Королёв Московской области и лично Татьяне Петровне Тишкиной и Ксении Антоновне Трофимовой – за обеспечение удалённого доступа к электронным ресурсам Президентской библиотеки им. Б. Н. Ельцина, где в оцифрованном виде присутствует архив барона Врангеля;

- работникам отдела обслуживания пользователей Президи-

дентской библиотеки им. Б. Н. Ельцина – за разрешение использовать в качестве иллюстраций в данной книге сканов избранных страниц из писем в архиве барона Врангеля (оригиналы хранятся в РГИА, электронные копии получены через ЭЧЗ ПБ в режиме доступа для авторизированных пользователей);

- преподавателю иностранных языков Зареме Гучалиевне Хатхе – за визуальное распознавание французских текстов в рукописных посланиях членов семейств Врангелей и Скарятиных из архива барона Врангеля;

- специалистам Государственного архива Орловской области – за оперативное содействие в поисках, получении и сканировании ценнейших материалов по усадьбе Скарятиных в Троицком Орловской губернии;

- работникам Орловского краеведческого музея и лично Валентине Кузьминичне Филимоновой – за предоставление в цифровом виде уникальнейших фотографий из семейных альбомов рода Скарятиных, использованных в данной книге в качестве иллюстраций;

- специалистам Орловской областной библиотеки им. И. А. Бунина и лично Юлии Вячеславовне Жуковой – за предоставление информации о послереволюционной судьбе знаменитой усадебной библиотеки Скарятиных в Троицком Орловской губернии, а также изображений в цифровом виде экслибрисов и надписей о владельцах сохранившихся в редком фонде Орловской библиотеки томов – эти изображения

тоже использовались в данной книге в качестве иллюстраций;

- работникам Зональной научной библиотеки им. В. А. Артисевич Саратовского государственного университета и лично Алексею Валериевичу Зюзину – за дополнительные сведения о Скарятинской библиотеке;

- всем преданным читателям глав этой книги в процессе их написания и лично Эльвире Фёдоровне и Владе Юрьевне Назаровым и Марине Николаевне Семёновой – за непрерывную моральную поддержку и ценнейшие отзывы в ходе работы над романом;

- а также всем равнодушным читателям предыдущего романа, предзаказавшим печатное издание этого, – за сильное материальное участие.